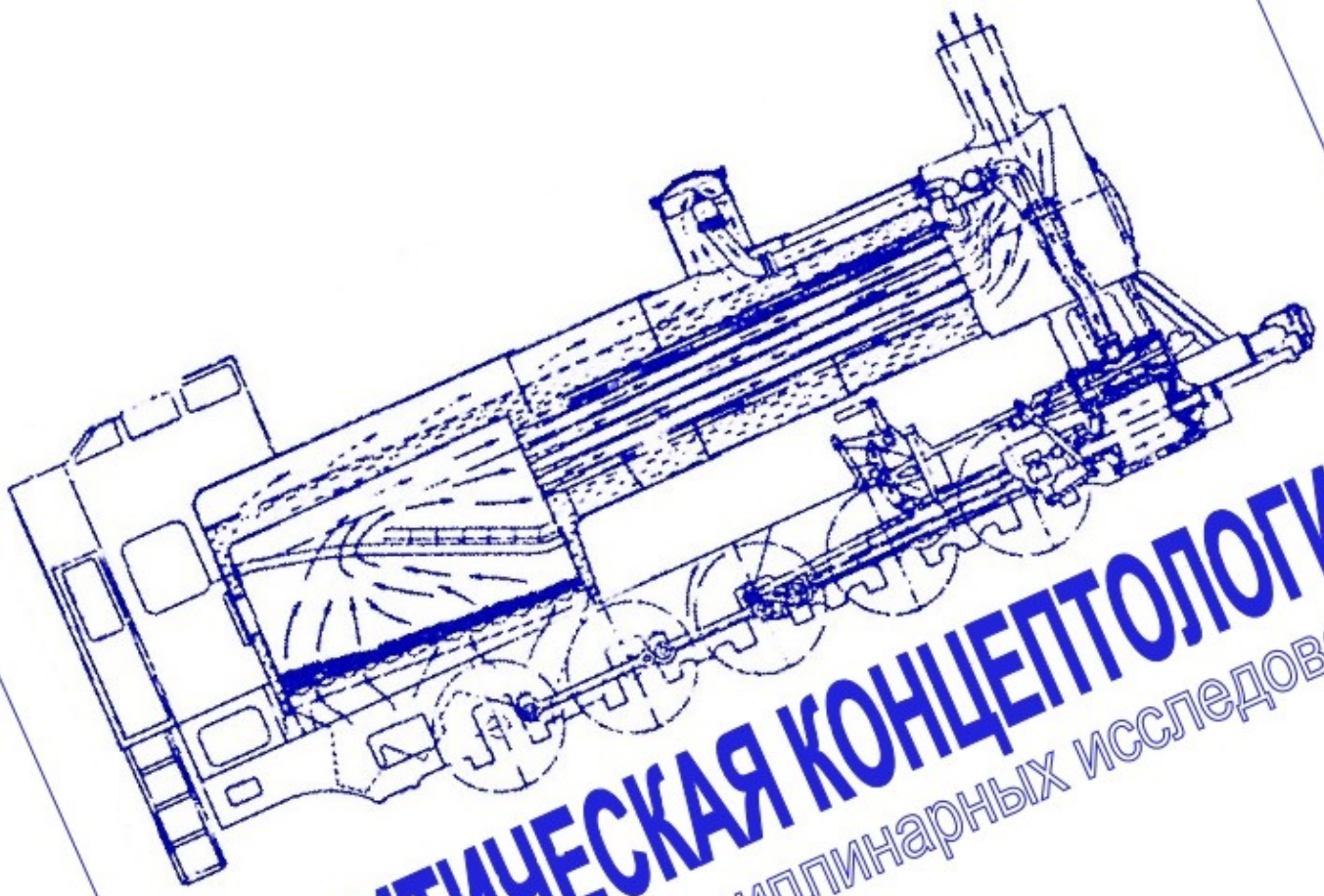
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

2012 г. № 3



ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2012. № 3

(июль-сентябрь)

Научный журнал
Издается с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Ответственный секретарь: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор *А.В. Лубский* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (Волгоград)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, профессор *И.И. Глебова* (Москва)

Профессор ординарный, доктор габилитованы *Анджей Захариаш* (Жешов, Польша)

Доктор политических наук, профессор *В.С. Малахов* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *О.Ю. Мамедов* (Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (Москва)

Доктор политических наук, профессор, действительный член РАН *Ю.С. Пивоваров* (Москва)

Доктор философских наук, профессор *Н.С. Розов* (Новосибирск)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Ткаченко* (Киев, Украина)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, кандидат психологических наук *В.А. Шкуратов* (Ростов-на-Дону)

Электронная версия журнала: **http://politconcept.sfedu.ru**

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Пушкинская, 160, к. 112
тел. (863) 264-02-64
факс: (863) 264-52-55
e-mail: politconcept@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Политика ностальгии и фон личного опыта..... 6

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Шкаратан О.И.
Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов..... 14

Гаман-Голутвина О.В.
Метафизические измерения трансформации российских элит..... 38

РУССКАЯ ВЛАСТЬ: ОПИСАНИЯ И РЕФЛЕКСИИ

Материалы российско-украинской конференции «Русская власть и бюрократическое государство»
Стенограмма конференции..... 54

Приложения к стенограмме:

Олейник А.Н.
Массовые протесты в контексте русской власти..... 118

Рац М.В., Котельников С.И.
Государство, власть и общество после 4 марта..... 126

Бермус А.Г.
Инновационная политика в образовании как либерально-бюрократический миф..... 132

НАВСТРЕЧУ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.К. ПЕТРОВА

Тищенко Ю.Р.
Уникальность творчества М.К. Петрова..... 138

Петрова Г.Д.
Письмо в редакцию..... 143

Петров М.К.
Экзамен не состоялся..... 145

ОЙКУМЕНА

Дерлугьян Г.М.
Абхазия: резюме этнического конфликта (перевод Поцелуева С.П.)..... 182

Берлявский Л.Г.
Политические процессы в регионе Ближнего и Среднего Востока: современный этап..... 197

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

Поцелуев С.П., Константинов М.С.
Моральные фреймы политических идеологий: базовые понятия и методология исследования..... 206

Макаренко В.П.
Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода..... 212
.

Константинов М.С.
Этика заботы в феминистской политической философии..... 228

Николаев И.В.
Моральные источники критики государства в анархизме..... 244

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Брюнз Дж.Л.
Анархичная темпоральность. Письмо, дружба и онтология произведения искусства в поэтике Мориса Бланшо (перевод Короткова И.С.)..... 257

Наши авторы..... 273

Summaries and keywords..... 275

Contents..... 279

К сведению авторов..... 281

Слово редактора

ПОЛИТИКА НОСТАЛЬГИИ И ФОН ЛИЧНОГО ОПЫТА

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Автор на материале собственной биографии размышляет о формах и практиках актуальной пропаганды в современной России. По мнению автора, эта пропаганда воспроизводит основные положения советского этатизма: представление о безусловной правоте государственной власти и приоритет государственных интересов перед интересами человека и общества. В то время как социально-биографический опыт позволяет сформулировать принципы: советское государство не было справедливым, оно было основано на лжи и лицемерии. Как полагает автор, некоторые факты новейшей истории России позволяют говорить о трансформации советского прошлого в российское настоящее.*

Ключевые слова: *биография, пропаганда, советское прошлое, ностальгия по СССР, неосоветизм, этатизм.*

Журнал «Новое литературное обозрение» посвятил сдвоенный номер (2007, № 1/83-84) проблеме ближней истории. Затем издал этот номер в виде двух томов, каждый размером в Библию. В этом издании детально рассмотрены многообразные аспекты воспроизводства советского прошлого в современной России. Во вступительной статье «Недавнее прошлое как вызов историку» Ирина Прохорова пишет: уже более десяти лет культивируется общая социальная амнезия; это облегчило возможность манипуляции общественным сознанием, спровоцировало ностальгию и идеализацию советской эпохи; сегодня научная мысль вместо создания альтернативной истории России воспроизводит систему координат «Краткого курса истории ВКП(б), скрывая это под модной терминологией[1].

Для квалификации советского прошлого С.С. Неретина ввела метафору «советской грязи»[2], а нынешнюю Россию квалифицирует как неосоветизм на усеченном неороссийском пространстве[3]. Такой подход к оценке ситуации совпадает с одной из множества мудрых констатаций Эрнста Юнгера: «Правительства сменяют друг друга, как членики ленточного

[1] Прохорова И. Недавнее прошлое как вызов историку (на правах вступительной заметки) // 1990-й: опыт изучения недавней истории. Сборник статей и материалов. Т. 1. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — С. 9—16.

[2] Неретина С.С. Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356—1358 гг. — М.: Голос, 2012. — С. 373.

[3] Неретина С.С. Были ли революционеры контрреволюционерами? // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. — 2012. — № 2. — http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/10.pdf

червя; но их голова, их умопостигаемый характер остается прежним. Каждое новое пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления все более сводится к умению при всем при том создавать иллюзию свободы, а следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда»[4].

Составной частью нынешней российской пропаганды является не только идеализация Сталина, но и утверждение заведомой правоты государственной власти: «Она выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые священнее интересов человека и общества, морали и права. Правота всегда на стороне государства… Эта мысль пронизывает новые учебные пособия (по истории, — В.М.) от начала и до конца»[5].

Попробую впасть в ностальгию — вспомню давние и недавние фрагменты моего советского жизненного и научного опыта.

Предыстория

С 8 класса я учился в школе-интернате для детей малоимущих железнодорожников. В начале 10 класса мы с друзьями выработали жизненную программу — совместное овладение знаниями в сфере истории, литературы, философии. Мы знали, что учиться сразу на всех гуманитарных факультетах невозможно. Поэтому собирались поступать на разные факультеты, а знания передавать другу другу в процессе общения. Мы знали, что советское государство не является справедливым, хотя с детства нам в школе вбивали в голову противоположную мысль. На основе небольшого жизненного опыта мы сообща пришли к истине: советское государство стоит на лжи. Ложь мы видели постоянно, по русской традиции смешивая ее с несправедливостью.

Приведу пару примеров, подтолкнувших к такому выводу. Родители нас научили: берешь что-то в долг — надо честно и быстро его отдать. Поэтому в наш детский ум не помещался факт советской истории: с каждой получки наши отцы и матери были обязаны приобретать облигации государственного займа. Сколько я ни спрашивал родителей, когда же им отдадут долг, — ничего вразумительного в ответ не получил. Отец и мать умерли, облигации истлели на чердаке. Убежден, что тот же опыт приобрело большинство моих ровесников. Отсюда мы еще в ранней юности сделали вывод: норма человеческого поведения — честно отдать долг; государство эту норму не соблюдает; значит, оно грабит население; все, кому «за державу обидно», лгут вслед за державой.

Я рос на железнодорожной станции. Постоянно видел грузчиков, разгружавших громадные вагоны с углем, цементом, негашеной известью (кто не знает что это такое, пусть попробует разгрузить 60 тонн извести в жару). Смотрел на путевых рабочих (мужчин и женщин), независимо от погоды ковыряющих железнодорожный путь. Все получали за свою работу копейки. Были разновидностью советских «бурлаков на Волге». Отец начал писать в газету «Правда» о неправильных расценках за труд. В итоге его выкинули из КПСС. После смерти отца я убедился, что он был прав: в начале сталинских пятилеток советская власть установила такую зарплату за все виды труда, что советское государство оказалось большим эксплуататором, чем капиталистическое.

---

[4] Эрнст Ю. Годы оккупации (апрель 1945-декабрь 1948). — СПб.: «Владимир Даль», 2007. — С. 202.

[5] Рогинский А. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2008 г. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. — С. 27.

Но уже более десяти лет спрашиваю коллег-экономистов: кто серьезно занимается разработкой и применением теории эксплуатации к объяснению социальных процессов в СССР и нынешней России? Ничего вразумительного пока не услышал.

Эти примеры можно продолжать. Из их небольшой суммы мы — школьники — вывели следствие: гуманитарное знание нужно для противодействия лжи. Поэтому приобретение знания мы рассматривали как главную жизненную задачу. Постфактум можно сказать: в отличие от постмодернистов мы были стихийными просветителями. Напомню о клиническом и циническом способе использования знания, о которых писал Пьер Бурдье.

Жизнь внесла коррективы. По житейским обстоятельствам я был вынужден бросить десятый класс, пойти работать грузчиком (чтобы сразу зарабатывать копейку, у родителей ее не было), учиться в вечерней школе. Чтоб жизнь не заела, надо было воспитывать стойкость характера как элемент сопротивления обстоятельствам ради реализации идеи. Эту идею я старался внедрить друзьям-москвичам. Но они отнеслись к ней прохладно. Назвали меня «диктатором». Давление московского мещанства на поведение друзей я начал ощущать с 18 лет (до армии полгода жил и работал в окрестностях столицы, а потом в общей сложности провел в Москве лет 5—6). Однако никто из них не кончил вуз. К сорока годам все поспивались. Эта угроза стояла и передо мной, но все же я ее победил.

В армии я служил в штабах ракетных частей. Получал заманчивые намеки от особистов на возможность учебы в высших учебных заведениях КГБ. Однако ни шпионская профессия за кордоном, ни перспектива стать дипломированным «соглядатаем» у себя дома меня никогда не прельщала. Отец и мать одинаково брезгливо относились к «сэкам» (советским сексотам и немецким полицаям) и милиционерам. Родители оказались правы: в милицию из нашего класса пошел самый бездарный двоечник, который всегда у меня списывал. Своим умом я пришел к выводу: эта публика является привилегированными холуями государства. Сегодня о том же самом можно прочесть у А. Бовина.

Служба у меня была такова, что я имел возможность много читать. Не на шутку увлекся философией. Даже та куцая библиотека, которую успел прочесть в армии (в сопоставлении с небольшим жизненным опытом), привела меня к выводу: существующее общество и государство являются только одними из многих и потому не могут считаться лучшими.

После армии я сформулировал главную жизненную проблему: как не стать холуем и не превратиться в лакея? И решил: философия дает наибольшую степень интеллектуальной свободы.

Однако за время учебы на философском факультете, в аспирантуре Ростовского университета, затем работы в университете у меня сформировалось твердое убеждение: все советское обществоведение (за незначительными исключениями, но речь не о них) является системой холуйства, а культивирующие его люди — идейными холуями или циничными лакеями. Это убеждение базировалось на житейских наблюдениях и выводах.

В том числе и на том, что я поступал на факультет уже после армии сложившимся книжником. Мир книг для меня всегда значил больше, чем так называемый «реальный мир». Мой интерес к философии — продукт интереса к книгам. Книга более или менее противостоит действительности. Одновременно она дает множество взглядов на действительность. Ни один из них не является окончательным. Поэтому чтение книг — школа противостояния действительности. И в то же время — отбор таких углов зрения, которые ближе к твоему собственному жизненному опыту. Когда мне было лет 8—9, мама говорила: «В книгах всего пять процентов правды». Так она реагировала на мое книжное пристрастие. А в 16 с горечью констатировала: «У тебя голова забита черти чем». Ее сентенции привели только к тому, что я начал искать книги с преобладанием правды над ложью. Постепенно научился селекционировать книги. Примерно к 20-ти годам у меня выработалась первые критерии отбора книг:

серьезные книги, требующие постоянной работы ума и воображения, стимулирующие собственную мысль; те, которые можно читать за обедом (за эту привычку меня тоже лупила мать); сортирная литература, которую по прочтению надо использовать по назначению…

Вплоть до настоящего времени я пользуюсь этими критериями. Время от времени сталкиваюсь с аналогичными суждениями из когорты моих ровесников. Например, Гидон Кремер пишет, что его мать часами готовилась к политсеминарам, исписывала целые тетради о политической линии очередного партсъезда. Однако о содержании всего этого никогда не было заинтересованных разговоров с отцом. А когда с обязаловкой было покончено, радости так и не возникло. «Поколению моих родителей не было оставлено в обществе пространства, не подлежавшего государственному контролю, в котором было бы место духовной полемике… Молчание было неотъемлемой частью советской жизни. Каждое слово могли использовать против тебя… Мое поколение было легкомысленнее предыдущего, для многих из нас чтение значило не только обретение знаний, оно способствовало формированию понятия справедливости»[6].

Иначе говоря, сознательная часть моего поколения так или иначе была вынуждена задумываться о собственной мере дистанцирования от окружающей советской действительности. Этот эмпирический материал еще не собран, не классифицирован и толком не отрефлексирован. Я не считаю, что конфликт обязательно должен происходить между отцами и детьми. Конфликты идут внутри поколения, но остаются пока безмолвными.

Я поступал на вечернее отделение философского факультета после службы в армии, одновременно работая на заводе. И убедился: среди большинства так называемой «рабочей молодежи» (по крайней мере, в тех группах, к которым я принадлежал) не была популярной идея о том, что гуманитарное знание нужно для противодействия лжи (я безуспешно пытался им это объяснить). Главным мотивом учебы моих коллег-сокурсников не был интерес к науке, а желание приспособиться — распределиться в жизни, получить диплом, сделать карьеру. Стремление заниматься интеллектуальным творчеством как главным источником наслаждения и смыслом жизни редко встречается, даже среди профессуры. Большинство не знает радости, связанной с гносеологическим чувством. Для многих оно остается непонятным. Большинство бросает «работать над собой» после кандидатской или докторской диссертации.

Из опыта родителей, чтения книг и житейского опыта я вынес твердое убеждение: интеллектуальное творчество есть самоцель, но оно редко способствует материальному преуспеянию. Отсюда я сделал для себя вывод: надо научиться жить на одних сухарях, одновременно культивируя интенсивный интеллектуальный труд; быть равнодушным к деньгам. Такая схема поведения граничит с аскетизмом, хотя мы культивировали ее в интернате. Однако опыт жизни с первой женой научил меня, что отдельные дамы бросаются в драку, когда их начинаешь воспитывать в таком духе. Правда, историки Ростова-на-Дону считают, что только ростовчанки отличаются «…неприлично откровенным меркантилизмом, когда буквально все в мире измеряется деньгами»[7]. Однако такой способ поведения мой бывший студент называет «хватательно-глотательным рефлексом» и считает его универсальным, а не специфической принадлежностью ростовских дам. Есть повод поспорить, с опорой на специалистов по гендерным проблемам…

У большинства коллег вместо презрения к деньгам господствовали иные взгляды. Вспоминаю ситуацию, когда пришел к однокурснику за книгой, а его друзья сыронизировали «Не лучше ли за сберкнижкой?». Жадность вообще была одним из распространенных мотивов поведения. В этом смысле они не соответствовали требованию мамы: прежде всего надо

[6] Кремер Г. Инародный артист. М.: НЛО, 2006. — С. 53, 84, 332.

[7] Вареник В. Ростов и ростовцы после 1917 г. Ростов-на-Дону: NB, 2010. — С. 320.

не скупо поделиться с человеком всем, что у тебя есть. Вместо критического отношения к советской власти и официальной идеологии господствовала ее стихийная или осознанная апологетика или цинизм. Вместо действительного атеизма или безрелигиозности существовало тихое согласие с религией. Тем более что органы КПСС с 1960-х гг. начали насаждать идеологему «русской партии», проповедуя «возврат к истокам в виде крестов да куполов».

Из учебы на философском факультете я вывел правило: хотя связь приспособления и холуйства является неписанным правилом, надо ей противодействовать.

Но свою долю дерьма мне тоже пришлось съесть. Я заканчивал университет досрочно. Для поступления в аспирантуру нужно было состоять в членах КПСС. Об этом мне сказал руководитель дипломной работы. Для интеллигенции существовали ограничения в приеме. Я работал грузчиком на элеваторе. Был, так сказать, пролетарием с босяцкой подкладкой. Хорошо помню, как во время приема в партию на открытом собрании рабочих мой бригадир сказал: «Парень при силе, при здоровье, такого надо принять в партию». Гордиться этим или печалиться? Во время сидения на факультетских и университетских партсобраниях я уяснил, что громадный интеллектуальный багаж истории мысли (который делал сомнительной любую спущенную сверху «политическую мудрость») совершенно не использовался.

Из всего этого уже после 1991 года я сделал общий мировоззренческий вывод: большинство нынешних жителей России, стран СНГ и всего бывшего «советского блока» привыкли находиться в дерьме; нынешние споры об отношении к советскому прошлому идут между тремя социальными классами и типами людей: теми, кто был в дерьме по шею, по уши и по макушку; политика ностальгии по советскому прошлому, пропагандируемая нынешним руководством России, свидетельствует, что нормой пока остается «по макушку»; об этом свидетельствуют также «научные прогнозы», согласно которым еще одно-два поколения будет жить на обломках советского прошлого.

Фон местной памяти

В период перестройки я публиковал книги, научные и публицистические статьи, в которых излагал концепцию бюрократии, соображения о политической оппозиции, высказывал предложения о пересмотре официальной идеологии и системы социальных наук. Это вызывало разную реакцию коллег. Приведу примеры.

В журнале «Дон» я опубликовал отрывок из книги «Революция и власть», посвященной критике теории и практики строительства социализма в СССР, а также советской историографии Октябрьской революции. В предисловии к публикации зав.отделом очерка и публицистики журнала Н.С. Оганесов отмечал: статья вызовет споры, неприятие, возмущение; редакция со мною несогласна, но публикует ее по соображениям гласности, поскольку «…за холодным, жестким, местами излишне «занаученным» текстом видна горячая, неравнодушная, подверженная сомнениям, но свободная от догмы личность»[8].

В послесловии ответственный секретарь журнала И.М. Бондаренко упрекал меня в том, что я аналитическим скальпелем (который он сравнил с кинжалом для харакири) разрезал организм, но не удалил из него лишнее и не зашил. По мнению И.М. Бондаренко, к социализму надо относиться чувственно, а не логически; выдающиеся умы не могли ошибаться; цель человечества и цель социализма одна и та же — торжество Духа над Материей; поэтому перестроечный лозунг «больше демократии — больше социализма» поможет создать новое общество[9].

[8] Дон. — 1990. — № 1. — С. 116.

[9] Там же, с. 133.

В статье «Идеи и машина» (глава из книги «Марксизм: идея и власть») я критиковал ленинскую концепцию партии. Эту статью поместили параллельно со статьей кандидатов исторических наук В.И. Бузова и В.В. Гаташева. Они упрекали меня в следующих грехах: я занимаюсь модным занятием «срывания масок»; ленинская концепция партии как внесения сознания в рабочее движение вытекает из взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса; во всем виноват Сталин, сколачивая советское государство не ленинскими гвоздями; надо сохранить веру в партию; СССР никогда не жил «по Марксу»; истоком перестройки является ленинизм; сталинизм и политика последующего руководства СССР связаны; перестройка возникла не на пустом месте, а мучительно пробивала себе дорогу через целую серию проб и ошибок[10].

Затем журнал публиковал отклики на статьи. Ветеран КПСС А. Овечкин обвинял меня в «клевете на партию, на Ленина», а редакцию журнала — в «полной безответственности».

Доктора философских наук Е. и В. Золотухины упрекали меня в том, что я «затронул святое»; что надо помнить библейский призыв «Не судите, да не судимы будете»; что идея революции как способа решения социальных проблем выдумана злодеями-французами, а не Лениным; что люди всегда опираются на истины своего времени; поэтому нельзя обвинять Ленина в насилии (поскольку им пользовались все) и приписывать Ленину утилитарные мотивы «власти ради власти»; только сейчас начали прибегать к «этике ненасилия»; надо ориентироваться на экономическую и политическую практику стран Запада и одновременно анализировать «духовные парадигмы и политические нормы» наших дедов и прадедов, а не только факты и результаты; всякое осуждение прошлого есть «экстремизм наоборот»; надо учиться терпимости и толерантности, видеть в истории стремление к «святой цели», поскольку «…история страны в чем-то подобна истории людей».

Кандидат философских наук А. Субботин усмотрел в статьях конъюнктурность и обоснование лозунга «Демплатформы»: «Даешь свободный рынок!», хотя ни в советское, ни в постсоветское время я за рынок не выступал. Правда, грешен: был одним из руководителей Ростовского отделения «демократической платформы в КПСС». Но небольшой опыт практической политики привел меня к сильнейшему подозрению: вся так называемая многопартийность — советская разновидность российского полицейского социализма. А поскольку я сказал это открыто сразу после путча 19—21 августа 1991 г. — из «демплатформы» меня выкинули. Так что теперь я полностью антипартийная личность. Хотя в подозрении меня никто пока не разубедил, скорее наоборот[11].

Кандидат философских наук С. Липовой в принципе согласился со мной, хотя упрекнул в противоречивости; по его мнению, наука сама по себе является «злокозненной», а большинство политиков — злодеями; марксизм должен быть развит духовным способом и соболезновать любому человеку.

Зато кандидат технических наук И. Ковалев назвал мой анализ социализма и ленинской доктрины партии «блестящим». Общество зашло в тупик во всем — таков самый конструктивный вывод в процессе его оздоровления.

В. Чудинов одобрял мое «идеологическое бесстрашие».

М. Нестеров отметил, что в рамках существующей государственной системы невозможно улучшить жизнь людей. Нездоровая социальная система не может содержать в своих структурах здоровые элементы. Она стремится от них избавиться любыми средствами. Поэтому в СССР совестливые, деловые, талантливые люди не могут найти применения

[10] Дон. — 1990. — № 4. — С. 135—140.

[11] Г. Дерлугьян пишет о тайных подрывных спецоперациях периода перестройки. В развитие такого подхода можно описать публичные спецоперации советских/российских спецслужб, в том числе по созданию и манипуляции псевдопартиями и псевдодвижениями. См.: Дерлугьян Г. Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: «Территория будущего», 2010. — С. 356—465.

своим силам. На руководящих должностях процветают бездари. Как исправить эту систему? — на этот вопрос общественные науки ответа не дают[12].

Возникает попутный вопрос: как расценивать все приведенные суждения — как адаптацию моих коллег к ситуации или как выражение их искренних убеждений? Напомню, что идея о человеке как разновидности амебы, приспосабливающейся к изменениям среды, входит в состав консерватизма и вытекающей из него социобиологии. М.К. Петров называл человека социализированной мухой или тараканом. С проблемой искренности убеждений дело сложнее. В среде обществоведов тип циника в советское время был господствующим (как показал Л. Столович). Но и сегодняшние студенты мне говорят: «Виктор Павлович, у меня нет никаких убеждений». В чем же дело?..

Московский сюжет 1992—1993 гг.

В весеннем семестре 1992 г. я был в Институте переподготовки и повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ на повышении квалификации. Тогда практиковалось приглашение на занятия разных активистов, всплывших во время перестройки. Там я впервые увидел С. Кургиняна. Правда, до этого я уже читал его тексты. Поэтому резко выступил не только против него, но и против самой идеи приглашения невежественных демагогов к ученым. Потом в ИППК при МГУ поместили фотомонтаж об этой встрече. Фотограф дал мне фото, благодарил за выступление. Слушатели ИППК тоже потом пару недель при частных встречах жали руку. Но никто из них не осмелился публично выступить против. Когда же они были искренни — когда безмолвно-публично внимали бреду или когда приватно жали мне руку и благодарили за выступление[13]?

В июне 1992 г. я предложил провести круглый стол журнала «Вопросы философии» по проблеме бюрократии. Акция состоялась, ее материалы опубликованы[14]. В октябре 1992 г. меня пригласили преподавать в Российскую академию управления (так тогда называлась Российская академия государственной службы). Там читал курс «Теория бюрократии» и еще что-то. Чуть позже пригласили почитать лекции по той же тематике в Высшую школу профдвижения. После этого начались непонятные звонки с приглашением встретиться. Я тогда жил в гостинице Российской академии управления возле станции метро «Юго-Западная». Приходил на условленное место встречи, но никого не было.

24 декабря 1992 г. я выступал как неофициальный оппонент на заседании диссертационного совета в РАУ на защите Г.Н. Сердюкова. После защиты пошли на банкет. Вдруг коллеги-москвичи начинают меня поздравлять за смелое выступление в газете «Советская Россия». У кого-то оказалась газета. Я прочел статью «Топор за доллары», подписанную моим именем, которую я не писал[15]. В этой статье (даже с сохранением моего стиля) подвергался критике Джордж Сорос, а вместе с ним еще ряд лиц из России, причастных к реализации грантов Фонда Сороса в России.

После этого всю ночь пил горькую. Потом поехал на Курский вокзал, купил билет, первым попавшимся поездом уехал в Ростов. Прежде всего позвонил ректору РГУ А.В. Белоконю, рассказал ему ситуацию. Он ответил, что надо хорошо дать по зубам. 30 декабря 1992 г.

---

[12] Дон. — 1990. — № 8. — С. 128—139.

[13] С. Кургинян уже 20 лет держится на политической сцене. Теперь участвует в «Суде истории», собирает толпы на митинги. Академик РАН Ю.С. Пивоваров вынужден с ним вести полемику…

[14] См.: Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. — 1993. — № 2.

[15] См.: Топор за доллары // Советская Россия. — 1992. — 24 декабря.

я выступил на Ростовском телевидении с рассказом о том, что под моим именем опубликована статья, которую я не писал. Обзвонил всех знакомых ростовских коллег-философов. Не буду называть фамилий, но большинство начало меня поздравлять за смелое выступление. Они думали, что я на самом деле сторонник «Советской России». Так я убедился, что мои коллеги социальных и политических преобразований не поддерживали.

Потом написал письмо-опровержение, поехал в Москву, пошел в редакцию «Советской России», рассказал там ситуацию, договорился о встрече с главным редактором В.В. Чикиным. Но вместо него меня принял заместитель. Я требовал, чтобы мне показали оригинал «моей» статьи и опубликовали мое письмо-опровержение. Но ничего не добился, письмо-опровержение не опубликовали, лишь 18 января 1993 г. на последней полосе опубликовали несколько строк самым мелким шрифтом.

В Институте философии РАН начались скандалы. Дело в том, что уже было подписано заявление о приеме меня на работу в Институт философии. Но в статье упоминался тогдашний директор института. После выхода статьи большинство коллег из Института философии заподозрило меня в ренегатстве. Только один из них твердо сказал: «Макаренко так поступить не мог». За это я ему навсегда благодарен.

Посоветовавшись с коллегами, подал в Свердловский суд Москвы иск на редакцию газеты «Советская Россия» о защите чести и достоинства. И уехал в Ростов. Спустя некоторое время на адрес ИППК при РГУ пришел денежный перевод — гонорар за статью. Видимо, эта публика надеялась, что даже перед их вшивой копейкой я не устою. Потом еще — читаю лекцию в Ростовском ИППК. Слышу стук в дверь. Выхожу — оказывается, приехал зам главного редактора «Советской России». После лекции он начал просить меня забрать иск. Я отказался.

Потом дважды по повесткам ездил в Москву на заседание суда. Оба раза заседания откладывались из-за неявки людей из «Советской России». По совету коллег из Института философии РАН обратился к О. Лацису из редакции «Известий». Встретился с ним, он взял у меня письмо-опровержение. Фрагменты из письма были опубликованы в статье Н. Боднарука в газете «Известия»[16]. После этого все стали поздравлять меня, что добился правды.

Зачем я это все вспоминаю? В прошлом году местные молодежные организации устроили сходку[17], а в газете «Мой город Ростов» были почти дословно воспроизведены фразеология из статьи в «Советской России» двадцатилетней давности[18]. Опять потребовалось вмешательство газеты «Ведомости»[19].

Таков лишь один из множества конкретных механизмов ностальгии по СССР. Каждый читатель может поразмыслить над этой мелкой историей периода трансформации советского прошлого в российское настоящее. А я продолжу ностальгировать…

[16] См.: Боднарук Н. Топорная работа: на примере статьи «Топор за доллары» («Советская Россия») // Известия. — 1993. — 18 мая.

[17] См.: http://www.rostov.aif.ru/society/news/38224

[18] См.: Миронова А. Западную бюрократию разгромили // Мой город Ростов. — 2011. — 1-7 июля

[19] См.: Олейник А. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/264498/v_poiskah_tretej_sily

Национальный и региональный контекст

ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДИНАМИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ И ПОЛОЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ НИЗОВ[1]

О.И. Шкаратан
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики

Аннотация: *В журнале «Политическая концептология» публикуется глава 8 капитального исследования О.И. Шкаратана «Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России». Целью данной главы является анализ неравенства по благосостоянию как важного аспекта социальной стратификации. В результате делаются следующие выводы: в современной России усилилось социальное расслоение, уменьшилась социальная мобильность и сформировалась ориентация на извлечение ренты из достигнутого положения.*

Ключевые слова: *неравенство, благосостояние, социальная стратификация, социальное расслоение, социальная мобильность.*

Вводные замечания

Целью данной главы является не только и не столько описание уровня жизни населения, и даже не дифференциация его по уровню жизни как таковая, а анализ неравенства по благосостоянию как важного аспекта существующей в обществе социальной стратификации.

Изучая проблемы социально-экономического неравенства в современной России, необходимо, по-видимому, учитывать как общемировые тенденции, так и специфические особенности страны, связанные с ее принадлежностью к трансформирующимся обществам, переживающим переход от советской социетальной системы к новому состоянию, пока еще не во всем определившемуся по своей направленности.

[1] В прошлом году журнал опубликовал главу 5 из капитального исследования О.И. Шкаратана (см.: Шкаратан О.И. и колл. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009). Теперь помещаем главу 8.

Данные представительных опросов экономически активного населения России позволили не ограничиться среднеарифметическими показателями, что особенно важно в условиях резкой социальной дифференциации в показателях уровня жизни. По наши опросам пенсионеры, инвалиды, студенты, как одиночки, так и образующие самостоятельные семьи, в состав респондентов не входят. Это само по себе означает, что полученные нами характеристики уровня жизни общества скорее несколько завышены, чем занижены.

В постсоветской России вектор действий политиков, контролировавших принятие решений в социальной сфере в 1990-е — начале 2000-х гг., в решающей степени складывался под влиянием неоконсервативной волны, шедшей в те годы, прежде всего, из США и Великобритании. Следует иметь в виду, что концепция реформ изначально исходила из необходимости повышения эффективности хозяйственной системы. При этом социальная сфера рассматривалась как элемент общей экономической стратегии. Критерий эффективности лежал на стороне экономических факторов, а состояние и динамика социальной сферы относились к числу ограничений. Несмотря на многочисленные декларации о «социально ориентированной экономике», «социальном государстве», развитие социальной сферы даже не называлось в качестве явной цели реформ. Достаточно сказать, что и к началу реформ, и многие годы позднее, в отличие от других постсоциалистических стран в России даже не ставился вопрос о создании программы по борьбе с бедностью. Фактически учитывался лишь один аспект — возможность упреждения острых социальных кризисов.

Совершенно не принималось во внимание то обстоятельство, что в отличие от многих из реформирующихся национальных экономик, в России большинство домохозяйств не располагало материальными и финансовыми ресурсами на период адаптации к новой социально-экономической ситуации. Более того, одним из элементов «шоковой терапии» была конфискация всех сбережений населения и предприятий в первые месяцы 1992 г. в результате отпуска цен без всякой компенсации по вкладам в банках и сберкассах.

Социальная политика начального периода постсоветской России представляла собой комбинацию постепенно слабевшей демократической тенденции и нараставшей неолиберальной (а точнее — неоконсервативной) тенденции. К демократическим, в интересах подавляющего большинства населения мерам в области социально-экономической политики можно отнести бесплатную приватизацию жилья, предоставление в собственность участков земли для семейного пользования и ряд других менее значимых решений.

К 1995—1996 гг. устоялся характер социальной политики и с того времени не менялся. Ключевыми звеньями социально-экономической политики с этого времени являются:

1. снятие контроля государства за сохранностью государственной собственности и концентрация в руках коррумпированных чиновников и созданных самою властью крупнейших собственников государственных доходов от налогов, рентных платежей и особенно — от приватизированной (точнее — раздаваемой «ближним») государственной собственности;

2. притворный характер самой приватизации (особенно — на этапе залоговых аукционов);

3. снятие контроля над вывозом капитала;

4. снятие контроля над использованием рабочей силы.

На этом фоне все с большей полнотой стала формулироваться и реализовываться социальная политика в той ее части, которая была адресована основной массе населения и выполняла функции социальной защиты слабых социальных групп. С середины 1990-х гг. правящая элита неизменно борется за осуществление следующих приоритетных направлений социальных реформ:

1. замена субсидий социальной направленности, адресованных производителям благ и услуг, адресными компенсационными выплатами нуждающимся семьям;

2. принятие в области здравоохранения мер, направленных на усиление конкуренции медицинских учреждений в рамках системы обязательного медицинского страхования; это же касается и сферы образования при доминировании платности образовательных и медицинских услуг;

3. отказ при проведении политики занятости от предоставления субсидий предприятиям на сохранение и создание рабочих мест;

4. прекращение в сфере социального страхования субсидирования санаторно-курортных и иных мероприятий;

5. переход к накопительной пенсионной системе.

В печати и в общественных обсуждениях резко контрастируют позиции апологетов реформ и их оппонентов. Первые приводят данные о масштабах продажи автомашин и других предметов длительного пользования, об отдыхе многочисленных групп россиян на зарубежных курортах, о конкурсах на платные места в престижные университеты. В свою очередь, их оппоненты сообщают сведения о невиданно низкой доле оплаты за труд в ВВП (порядка 30 % против 60—70 % в развитых индустриальных и постиндустриальных странах); о высоком уровне заболеваемости и смертности; многолетне низкой продолжительности жизни (59 лет у мужчин против 74—77 лет в развитых странах на протяжении многолетнего периода). Особое внимание оппоненты обращают на невиданную степень неравенства между низшими и высшими социальными слоями.

Однако проблема состоит в том, что материалы государственной статистики недостаточно детальны, в опубликованных и доступных для анализа данных многое вызывает сомнения, а на базе представительных опросов любого масштаба невозможно построить корректную модель или графически изобразить реальное материальное неравенство в российском обществе от высших социальных единиц до социального дна. Поэтому мы видим свою задачу в том, чтобы, опираясь как на материалы государственной статистики, так и на данные из проведенных нами и другими исследовательскими группами представительных опросов, получить сбалансированную картину реального состояния в сфере социально-экономической дифференциации населения по тем его группам, представители которых попали в число наших респондентов.

В своих суждениях о бедности и малообеспеченности социальных низов мы опираемся на данные по абсолютной бедности, определение которой основано на сопоставлении доходов, требуемых для удовлетворения некоторого набора минимальных потребностей человека с доходами, которыми он обладает. Для современной России это означает неспособность семьи удовлетворить основные потребности в пище, одежде, жилище на текущие денежные доходы. Начиная с 70-х годов XX века, исследователи все чаще переходят к оценке бедности на основе концепции относительной бедности. Это означает отнесение к бедным тех, чьи средства не позволяют вести образ жизни, принятый в данном обществе. При таком исчислении доля бедных в России существенно возрастает. Однако надежных данных по относительной бедности найти не удалось. Кроме того, получил развитие метод измерения бедности через относительные лишения. Попытки применить этот метод в условиях России впервые были предприняты группой российских авторов под патронажем Московского Центра Карнеги[2]. Мы отдали предпочтение данным по абсолютной бедности, которые опираются на устойчивые и проверенные поколениями методы измерения.

[2]Бедность: взгляд ученых на проблему / Серия «Демография и социология». Вып. 10. — М.: ИСЭПН, 1994; Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. — М.: Московский Центр Карнеги, 1998.

Динамика уровня жизни

Складывающееся (пожалуй, уже сложившееся) общество характеризуется невиданным в мире индустриальных стран разрывом между бедностью и богатством. В 1990-е годы резко усилилось имущественное расслоение населения, появились значительные слои так называемых «новых бедных», работающих бедных[3]. Реальная среднемесячная заработная плата работника (в ценах 1991 г.) за период 1991—1998 гг. снизилась с 548 руб. до 193 руб., т. е. почти в 3 раза. При этом отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму соответственно упало с 3,16 до 1,7, т. е. без малого в 2 раза. Такие данные суммированы академиком Д. Львовым[4]. После финансового кризиса 1998 г. вновь снизилась заработная плата. По расчетам Российско-Европейского центра экономической политики, в первом квартале 1999 г. реальная начисленная заработная плата (оцененная с использованием дефлятора потребительских расходов) достигла своего самого низкого уровня за все 1990-е годы: она составила около 50 % уровня 1990 г. и оказалась на 30 % ниже уровня 1997 г.[5]

По крайней мере, трижды обесценивались личные сбережения на рублевых счетах в банках (1991—1992, 1994, 1998 гг.). Из-за резкого уменьшения бюджетного финансирования медицинские услуги в значительной мере реально стали платными, началась коммерциона-лиза- ция высшего образования. Среди важнейших последствий грандиозного кризиса экономики аналитики обычно отмечают резкое повышение смертности среди мужчин трудоспособного возраста, одно из самых высоких в мире число самоубийств и насильственных смертей, снижение средней продолжительности жизни. В частности, демографические эффекты провальных экономических реформ прошлого десятилетия были подробно проанализированы в работе[6]. Авторы исследования на надежном эмпирическом материале продемонстрировали, что рост смертности в России и ряде посткоммунистических стран во многом был обусловлен радикальностью проведенной приватизации, трагическим последствием которой стало резкое обнищание основной массы населения[7].

Но главное — не цифры, а характер основной и весьма тревожной тенденции — **привыкании значительной части наших соотечественников к бедности, включение их в культуру бедности.** Все серьезные отечественные и зарубежные ученые подтверждают эту опасную тенденцию. Такого тренда не отмечено ни в нашей истории прежних десятилетий, ни у наших западных соседей, избавляющихся весьма непросто от «коммунистического» прошлого. Чувство безнадежности, апатии, суженное воспроизводство потребностей — типичные качества социального дна. Проблема не в ухудшении условий жизни. Такие спады в благосостоянии не раз имели место в истории и нашей страны, и других стран. Широко распространившиеся явления социальной эксклюзии оказывают крайне негативное воздействие на сплоченность общества и социальный порядок. Сама возможность развития общества со значительным слоем социально исключенных весьма сомнительна. Масса экономически неактивных людей, зависящих от социальной помощи, делает общество социально разобщенным.

[3]Радаев В.В. Работающие бедные: велик ли запас прочности // Социологические исследования. — 2000. — № 8.

[4]Известия, 2 мая 2000 года.

[5]Обзор экономики России. Основные тенденции развития. РЦЭР при Правительстве Российской федерации; Российско-Европейский Центр экономической политики. 1999. Вып. IV. — М., 1999. — С. 123.

[6]Кинг Л., Стаклер Д. Массовая приватизация и рост смертности в посткоммунистических странах // Мир России. — 2007. — № 3.

[7]Там же, с. 127—129.

Первой обратила внимание на эти опасные процессы Н.В. Чернина. Она в начале самых тяжелых пореформенных лет пыталась ответить на вопрос о том, начинают ли бедные выделяться из общей массы в социальный слой с особыми поведенческими и культурными чертами. Н.В. Чернина обнаружила, что определенные черты поведения отличают бедных от остального населения, но эти черты имеют скорее количественную, нежели качественную природу (так 58 % бедных экономили на еде, тогда как только 32 % семей со средним достатком и лишь 5 % преуспевающих делали это). В то же время она не подтвердила гипотезу, что среди бедных формируется качественно отличный стандарт жизни или, тем более, особая культура. Н.В. Чернина сделала вывод, что культура бедности, возможно, начинает формироваться, явно проявляя себя через, «во-первых, тенденцию бедных ограничивать потребление спектром товаров, продуктов и услуг низкого качества, во-вторых, их экономию на всех расходах, начиная с еды, в-третьих, через то, что они отказывают себе в определенных типах потребительского поведения (поддержании здоровья, повышении образования, туризме и т. д.), в-четвертых, … их маргинализацию через одиночество или потерю индивидуальных социальных связей»[8].

Однако с тех пор прошло немало лет. Выдержали ли эти годы, не впав в культуру бедности, наши социальные низы и часть представителей срединных слоев? Объединив численность и долю принадлежащих к официальным бедным слоям с теми, кто относится к промежуточным слоям, находящимся ниже средних, профессор Е. Гонтмахер определил долю тех, кто не смог приспособиться к новым обстоятельствам примерно в 20 %, получив итоговый показатель 60 % населения, находившихся в условиях выживания в 1990-е годы. Жизнь этой группы он описывает как борьбу за выживание: резкие ограничения потребления таких важных продуктов питания, как мясо, рыба, фрукты; невозможность регулярно обновлять даже самые элементарные предметы длительного пользования, такие как холодильник, стиральная машина и т. д.; высокий уровень неплатежей за жилье и коммунальные услуги; фактическая недоступность квалифицированной медицинской помощи; детская безнадзорность и преступность; значительная роль в потреблении питания личного подсобного хозяйства, обеспечивающего семью картофелем.

Длительное пребывание в таком положении при невозможности получить устойчивую работу в соответствии со своим профессиональным профилем привели к распространенности в низших слоях маргинализации семейной и личной жизни, массовому алкоголизму, наркомании. По оценке того же автора, с которым мы полностью согласны, если в конце 1980-х — начале 1990-х годов открылись новые возможности вертикальной мобильности, например, уход из низших ступеней научных сотрудников в кооператоры и во владельцы частных предприятий или государственные муниципальные чиновники, то к концу 1990-х годов эти возможности были исчерпаны, а новые не появились. Экономический подъем, начавшийся в 1999 г., сосредоточился лишь в узких экспорто-ориентированных отраслях и их обслуживании, а остальная часть экономики осталась в состоянии стагнации. Потеря стимулов к продвижению, постоянное состояние бедности не оставляли низам шансов на благоприятную динамику[9].

С 1999 г. начался рост заработной платы. Но еще в 2004 г., после 5-ти лет экономического подъема, реальная заработная плата лишь приблизилась к 89 % от жалкого уровня 1990 г., вызывавшего в свое время справедливое возмущение будущих реформаторов. Только к

[8]Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. — 1994. — № 3. — С. 60; Чернина Н.В. Социальные проблемы безработных (Новосибирская область) // Социологические исследования. 1996. № 11.

[9]Гонтмахер Е. Социальные угрозы инерционного развития // Pro et Contra. — 2007. — № 4—5. — С. 147—148.

концу 2005 г. реальная заработная плата достигла уровня дореформенного 1990 г. — 100,3 %[10]. По данным МЭРТ РФ, в 2006 г. заработная плата выросла на 13,4 %, а в 2007 г. — еще на 16,2 %. Тем самым дореформенный уровень был ощутимо превышен на уровне средних показателей. Но следует принять во внимание отсутствие данных о возросшей дифференциации заработной платы, в частности, такого показателя как медиана месячной заработной платы.

Между тем, ускоренные темпы роста заработной платы наблюдаются даже не столько в нефтяной промышленности, дающей стране огромную часть прироста ВВП и свердоходов от природных ресурсов, а в финансовой сфере, сфере услуг и операциях с недвижимостью. За 1991—2005 гг. рост дифференциации заработной платы наблюдался практически во всех отраслях экономики. В 2006 г. наибольшие значения коэффициента фондов характерны для оптовой и розничной торговли (33 раза), финансовой деятельности (32 раза). Для сравнения, в отраслях с относительно низким уровнем неравенства в 2006 г. коэффициент фондов составлял: 11,5 раза — в распределении электроэнергии, газа и воды, 14,5 раза — в транспорте, 15 раз — в здравоохранении и 16 раз — в образовании[11].

Дифференциация в оплате связана с различиями в количестве и качестве труда и условиях работы только у занятых на предприятиях, относящихся к одному сектору экономики. Т. е. различия в уровне заработной платы обусловлены в первую очередь структурной составляющей экономики. Уровень человеческого капитала играет второстепенную роль. В развитых странах, в среднем, чем больше человеческий капитал, тем больше получает его носитель. В российских же условиях равный по величине человеческий капитал может совмещаться как с высоким, так и с низким доходом, то есть связь между доходом и уровнем человеческого капитала неоднозначна. Уборщица в банке, как и в 1990-е годы, получает заработную плату больше профессорской. Нищенская оплата труда, несмотря на определенный рост в 1999—2008 гг., сохраняется у школьного учителя, врача, инженера, научного работника. Если принять среднюю заработную плату за 100, то в 2007 г. она составляла в образовании 65 (против 56 в 2000 г.); у работников в сфере финансов — 257; у работников в сельском хозяйстве — 45; у занятых добычей полезных ископаемых — 209; у работников обрабатывающих производств — 97[12].

Следует также учесть данные о многократно увеличившихся затратах нижних и средних слоев на оплату услуг ЖКХ, учреждений здравоохранения и образования.

Суммарный объем заработной платы по-прежнему составляет около 30 % ВВП, тогда как в развитых капиталистических странах он достигает не менее 60 % ВВП[13]. На один доллар заработной платы российский работник производит 4,6 доллара продукции, а американский — 1,7 доллара[14].

Академик Р.И. Нигматулин, пожалуй, может быть оценен как независимый эксперт в обсуждаемом вопросе. Доктор физико-математических наук, не социолог и не экономист, но гражданski мыслящий интеллектуал, делает выводы, практически совпадающие с суждениями компетентных профессионалов. Он подчеркивает, что власть и ее идеологи никак не поймут важную теорему рыночной экономики: «Главный инвестор рыночной экономики — сам народ, получающий сбалансированную долю ВВП в виде оплаты труда». Экономия на опла-

[10]Подсчитано по: Российский статистический ежегодник 2006. — М.: Росстат, 2006. — С. 171.

[11]Иванов В.П., Суворов А.В. Неравенство и бедность населения: опыт решения проблем в России и за рубежом // Проблемы прогнозирования. — 2006. — № 3. — С. 136.

[12]Григорьев Л.., Плаксин С., Салихов М. Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. — 2008. — № 4. — С. 31.

[13]Львов Д., Овсиенко Ю. Российская пенсионная реформа и пути ее реформирования // Вопросы экономики. — 2000. — № 8. — С. 111.

[14]Львов Д.С. Нравственная экономика // Свободная мысль. — 2004. — № 9. — С. 29—31.

те труда, в отличие от современного Китая и СССР 1930—1950-х гг., используется в современной России не для инвестиций, а «проматывается на роскошь и вывозится за границу». Автор призывает: «Пора понять экономическую необходимость цивилизованного „передела“ доходов (не собственности, а доходов) в пользу основной части населения с целью сбалансированности экономики, чтобы избыточные траты на роскошь обратить на развитие производства через покупательский спрос». С этой целью он предлагает резко повысить минимальную заработную плату до уровня стоимости 3()()—40() кг. хлеба и перейти к прогрессивному налогообложению доходов[15].

Основным показателем оценки благосостояния населения является уровень реальных средних душевых доходов. К марту 1992 г. по отношению к декабрю 1991 г. они составили 28 %. К ноябрю 1994 г. реальные душевые доходы выросли на 58 % и достигли 44 % к уровню декабря 1991 г. Удивительна последующая динамика. За экономически благополучные последующие три года к ноябрю 1997 г. этот показатель спустился еще ниже: уровень доходов упал по сравнению с ноябрем 1994 г. на 10,8 % и составил всего лишь 40 % от уровня 1991 г. В ноябре 1998 г. уровень реальных доходов опустился до 81,5 % к уровню ноября 1997 г., а в июле 1999 г. — 72,7 % к предыдущему году. В 2000 г. доходы выросли на 9,1 %, что не вернуло их даже к уровню 1997 г. и не довело даже до половины доходов 1991 г. (47,8 %)[16].

В 2001—2007 гг. доходы непрерывно росли. В 2002 г. благоприятная динамика дала возможность достигнуть 60,6 % от уровня 1991 г. За 2003 г. реальные располагаемые доходы населения выросли еще на 15 % и составили почти 70 % от уровня 1991 г.[17] В 2004 г. реальные доходы населения достигли 137,2 % от уровня 1997 г. и всего лишь 83,3 % от уровня 1990 г.[18] Уровень доходов за 2005 г. вырос еще на 12,6 %[19] и составил 93,4 % от уровня 1990 г. На сентябрь 2007 г. до 20 % россиян имели доходы ниже прожиточного минимума. В то же время в топливной промышленности у 50 % работников уровень доходов превысил прожиточный минимум в 20 раз, а в банковской сфере у 30 % работников — в 26 раз. Коэффициент дифференциации доходов в 2006 г. даже по официальным данным достиг 15,3 раза (в 2005 г. — 14,8 раза). Это один из самых высоких показателей в мире. Отметим, что и распределение прироста доходов носит несправедливый характер. В частности, более 1/3 прибавок к зарплате в 2006 г. досталось 10 % наиболее оплачиваемых работников и только 1,5 % — 10 % низкооплачиваемых[20].

Можно заметить, что рассматриваемая динамика доходов складывалась благоприятно для населения в период борьбы парламента с исполнительной властью (1992—1994 гг.) и приобрела позитивный характер после стабилизации авторитарного президентского режима при Путине.

---

[15]Нигматулин Р.И. Главный инвестор рыночной экономики — сам народ // Известия. — 2005. — 14 февраля.

[16]Обзор экономики России. Основные тенденции развития. РЦЭР при Правительстве Российской федерации; Российско-Европейский Центр экономической политики. 2000. Вып. Ill, IV. — М. 2000; Экономический журнал ВШЭ. — 2001. — С. 149—151; Суриков А.Е. Уровень жизни населения России: 1992—2002 гг. (по материалам официальных статистических наблюдений). — М.: ИИЦ «Статистика России», 2003; Кастельс М., Киселева Э. Россия в информационную эпоху // Мир России. — 2001. — № 1.

[17]Подсчитано по: Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сборник. — М.: Росстат. 2003. — С. 108; Россия в цифрах. 2004. Краткий статистический справочник. — М: Росстат, 2004. — С. 98.

[18]Делягин М. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? — М.: Вече, 2005. — С. 49.

[19]Уровень жизни. Информация о социально-экономическом положении России — 2005 (www.gks.ru); Российский статистический ежегодник 2006. — М.: Росстат, 2006. — С. 170.

[20]Экономический доклад Общероссийской организации «Деловая Россия» // Вопросы экономики. — 2007. — № 9. — С. 27.

По данным независимых исследований, соотношение доходов 10 % самых благополучных сограждан к доходам 10 % самых бедных членов общества составляет 1:25, а в Москве (по данным Мосгорстата) и того выше: 1:40, 1:50. Даже по заниженным данным Росстата, эта разница в доходах в 2007 г. составила 16,8 раза против 13—14 раз в предыдущие годы. Счетная палата провела свой собственный расчет соотношения доходов 10 % самых обеспеченных россиян и 10 % самых неблагополучных сограждан и получила следующие данные: по России в целом разрыв в доходах составил в 2007 г. 30 раз и по Москве — 41 раз[21]. В Европейских странах этот показатель колеблется между 1:4 и 1:8, даже в США —1:10[22].

Итог таков: согласно данным Росстата РФ, за чертой бедности (т. е. с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума), находились: в 1992 г. — 49,7 млн чел. (то есть 33,5 % от общей численности россиян); в 1998 г. — 34,0 млн чел. (23,3 %); в 1999 г., как следствие дефолта, в этом положении оказались 41,2 млн чел. (28,3 %); затем наступило ежегодное снижение и численности, и доли тех, кто находился за чертой бедности. В 2003 г. их осталось 29,0 млн, то есть 20,4 % от общего числа жителей страны[23]. В 2007 г. доля бедных (по официальным данным, с доходом ниже 3,7 тыс. рублей) сократилась до 16,3 %[24].

Однако степень сопоставимости и надежности приведенных выше официальных данных заслуживает обсуждения. Согласно методике Госкомстата, черта бедности устанавливается на основе величины прожиточного минимума, который измеряется на основе стоимости так называемой минимальной потребительской корзины. Но за исследуемый период (1991—2007 гг.) она неоднократно менялась.

Установленный в 1990 г. еще союзным правительством размер корзины прожиточного минимума, как и в других цивилизованных странах, давал семьям возможность не только выживать, но и включал расходы на культурные нужды. При таком расчете прожиточного минимума в том же 1990 г. за чертой бедности оказалось 28 % населения. После либерализации цен в 1992 г. ниже черты бедности (при сохранении предреформен- ной минимальной потребительской корзины) оказались 75 % граждан. Появилась идея из этой огромной массы бедных выделить самых обездоленных и на них направить социальную помощь. Правительство Ельцина в ноябре 1992 г. «сжало» эту корзину в 2 раза. На какое-то время бедных стало (по статистике) намного меньше. Но с ростом бедности в ходе шоковых реформ процент живущих ниже порога немыслимого по жалкому размеру прожиточного минимума был значительно превышен.

Второй раз изменения были произведены в апреле 2000 г., когда в новом прожиточном минимуме несколько увеличились расходы на непродовольственные товары и услуги. В результате величина прожиточного минимума по сравнению со стоимостью потребительской корзины 1992 г. возросла на 15—20 % в ценах 2000 г.[25] Тем не менее, и в этом исчислении величина официально установленного прожиточного минимума была явно занижена. Так, в 2003 г. прожиточный минимум для трудоспособного населения составлял 2304 руб., для пенсионеров — 2605 руб., для детей — 2090 руб. Естественно, что выраженный в рублях прожиточный минимум, так же как и показатели доходов и расходов населения, различался по

[21]Московский комсомолец. — 2008. — 28 марта.

[22]Кричевский Н. Обманные пункты расчетов. Почему наша жизнь не укладывается в статистику? // Московский комсомолец. — 2008. — 26 марта; Гонтмахер Е. Коэффициент ненависти // Московский комсомолец. — 2008. — 25 января; Коммерсантъ. — 2007. — 20 апреля.

[23]Россия в цифрах. 2004. Краткий статистический справочник. — М: Росстат, 2004. — С. 99.

[24]Коммерсантъ. — 2007. — 20 апреля.

[25]Овчарова Л., Попова Д. Приоритеты политики содействия сокращению бедности в России. РЦЭР при Правительстве Российской Федерации; Российско-Европейский Центр экономической политики. — 2001. — Вып. 1. — С. 16—20.

регионам[26]. Его размер в натуральном исчислении выглядит следующим образом. Минимальная потребительская корзина, действовавшая вплоть до конца 2005 г., включала в среднем на одного человека в год (по трудоспособному населению): хлебных продуктов — 152,0 кг, картофеля — 123,6 кг, овощей — 89,4 кг, фруктов — 16,4 кг, сахара — 20,3 кг, мяса и мясопродуктов — 31,5 кг, рыбных продуктов — 13,7 кг, молока и молокопродуктов — 210,7 кг, яиц — 166 шт., масла растительного и других жиров — 12,0 кг. Нормативы по пенсионерам выглядели гораздо скромнее: мяса — 22,2 кг, яиц — 90 шт. и т. д. Обескураживающе смотрелись минимальные наборы одежды и обуви, постельного белья, товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения и т. д.

В 2005 г. Министерство здравоохранения и социального развития РФ произвело коррекции в сторону увеличения содержания потребительской корзины как в целом по Российской Федерации, так и по отдельным регионам. Особое внимание при подготовке Федерального закона «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» было уделено повышению качества питания. Так потребление мясопродуктов трудоспособным гражданам было увеличено на 22 % (т. е. 38,5 кг на год); а пенсионерам — на 39 % (т. е. 31,5 кг); потребления рыбы — на 15 %, молока — на 10 %; свежих фруктов — на 31 %. Впрочем, и эти нормативы примерно в 2 раза ниже биологической нормы потребления. Состав же непродовольственных товаров остался неизменным. Да и быть иначе не могло, так как прожиточный минимум был повышен всего лишь на 84 рубля. Этот законодательный акт был подписан президентом В.В. Путиным 1 апреля 2006 г.[27] В октябре 2007 г. перечень и объемы потребления продуктов, включенных в минимальный набор, остались на том же уровне[28].

По мнению руководителя Центра социальной политики Института экономики РАН Е. Гонтмахера, если вернуться к оценке уровня бедности по дореформенному прожиточному уровню, то доля бедных подскочит до 30 %. «Примерно столько россиян ограничивает себя в элементарных продуктах питания и буквально считает каждый рубль…. Причем почти половина из них работает! Врачи, учителя (далеко не везде им щедро доплачивают губернаторы), и в сельском хозяйстве иногда получают копейки, и на предприятиях малорентабельных — средняя зарплата в текстильной промышленности, например, чуть выше 5 тысяч рублей…»[29].

Профессор Н. Кричевский напоминает, что в Европе бедным считается тот, кто получает меньше 60 % среднегодового дохода в своей стране. Если же измерять бедность в России таким же образом, то в 2007 г., после 8 лет довольно быстрого роста средних заработных плат и доходов, число бедных в стране составило 39,7 % всего населения, или более 56 млн человек. И это вполне естественно. Ведь за эти же годы 60 % общего прироста доходов пришлось на 20 % самых достаточных россиян и лишь только 3 % — на 10 % самых бедных[30].

В ходе представительных опросов Левада-Центра, были получены весьма показательные самооценки населением своего уровня жизни, во многом корректирующие картину бедности значительной части общества при сопоставлении с официальными данными. Ограничимся данными по последним, более благополучным годам. На вопрос «К какой из следующих групп населения Вы могли бы отнести себя, скорее всего?» вариант ответа «Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты» выбрали: в ноябре 2001 г. — 22 % респондентов, в ноябре 2004 г. — 18 %; в ноябре 2007 г. — 14 %.

---

[26]Российский статистический ежегодник 2006. — М.: Росстат, 2006.

[27]Известия. — 2006. — 3 апреля.

[28]Мир новостей. — 2007. — 23 октября.

[29]Гонтмахер Е. Коэффициент ненависти // Московский комсомолец. — 2008. — 25 января.

[30]Кричевский Н. Обманные пункты расчетов. Почему наша жизнь не укладывается в статистику? // Московский комсомолец. — 2008. — 26 марта.

Вариант ответа «На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения» выбрали: в ноябре 2001 г. — 44 % опрошенных, в ноябре 2004 г. — 41 %, в ноябре 2007 г. — 33 %. Ответы более благополучных опрошенных распределились так: вариант ответа «Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования для нас затруднительна» выбрали: в ноябре 2001 г. — 27 %, в ноябре 2004 г. — 31 %, в ноябре 2007 г. — 37 %; вариант ответа «Мы можем приобретать вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи» выбрали: в ноябре 2001 г. — 7 %, в ноябре 2004 г. — 10 %, в ноябре 2007 г. — 15 %. В представительном опросе, охватившем в разные годы от 2107 до 2421 чел., отнесли себя к тем, кто «может позволить себе достаточно дорогие покупки — квартиру, дачу и многое другое», от 0 до 1 % опрошенных.

Эти данные подтверждаются и ответами на вопрос о прямой оценке респондентами своего материального положения. В марте 2005 г. сочли его плохим и очень плохим — 38 %, средним — 50 %, хорошим и очень хорошим — 9 %. В ноябре 2007 г. как очень плохое и плохое оценили свое материальное положение — 29 % респондентов, как среднее — 58 %, как хорошее — 10 %, как очень хорошее — 1 %.Те же опрошенные в марте 2005 г. на вопрос о том, какой доход на одного члена семьи обеспечивает в настоящее время прожиточный минимум, назвали (в среднем) — 4019 руб..; в ноябре 2007 г. — 5689,6 руб.; размер дохода на члена семьи, позволяющий «жить нормально» был оценен в марте 2005 г. в 10116 руб.; в ноябре 2007 г. — в 15694,1 руб.[31]

На протяжении вот уже более 10 лет сохраняется устойчивое соотношение между субъективными представлениями населения относительно прожиточного минимума и реально рассчитываемым государственной службой статистики показателем — первый показатель превышает второй практически в два раза (так, в сентябре 2007 г. население определяло прожиточный минимум в 5690 руб., а служба госстатистики — в 3,5 тыс. руб.). Кроме того, прожиточный минимум, рассчитываемый на основе методологии, применяемой в ФСГС, соответствует оценкам уровня бедности, которые дает само население (на сентябрь 2007 г. — 3980 руб. против официально исчисляемых 3,5 тыс. руб.)[32].

Субъективные оценки масштабов бедности демонстрируют вполне объяснимую динамику. Пик бедности на протяжении последних 10 лет, согласно представлениям российского населения, приходится на 1998—2000 гг., когда финансовый кризис в стране заметно подкосил материальную устойчивость основных социальных групп. В целом же, несмотря на некоторое улучшение после 2000 г., существенной положительной динамики в оценках бедности в нашей стране пока еще не наблюдается. Можно сказать, что лишь к 2005—2007 гг. эти оценки вернулись к додефолтному уровню.

Оценки населения в огромной степени складываются под влиянием чрезмерной поляризации общества по уровню и качеству жизни. Эта поляризация — следствие неолиберальной социально-экономической политики, сознательно проводившейся на протяжении 1990-х годов президентом страны Б.Н. Ельциным и назначаемыми им правительствами. За 1990-е годы в России произошел раскол между сравнительно благополучной частью населения и подавляющим обедневшим большинством (около 85 % россиян). В руках первых аккумулировано примерно 85 % всех сбережений в банковской системе, 57 % денежных доходов, 92 % доходов от собственности и 96 % расходов на покупку валюты[33].

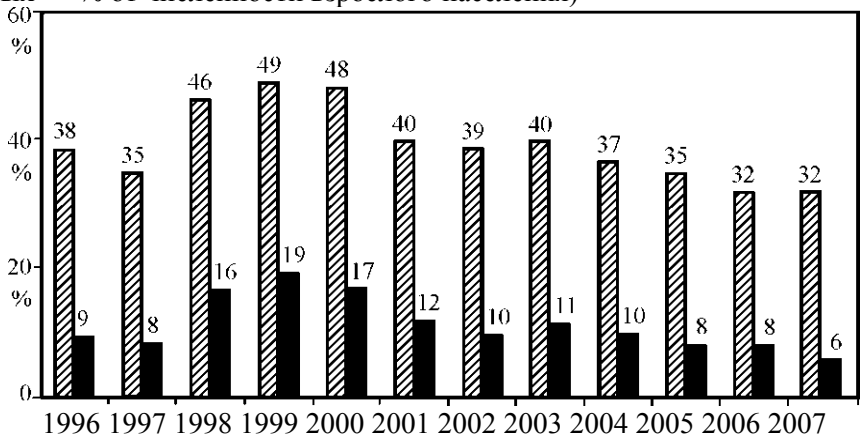
---

[31]Вестник общественного мнения. — 2004. — № 6(74). — С. 77; Вестник общественного мнения. — 2005. — № 6(80). — С. 78, 82, 94; Вестник общественного мнения. — 2007. — № 6(92). — С. 61, 64, 65, 78, 82, 94; Общественное мнение — 2007. Ежегодник. — М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2007. — С. 37.

[32]Общественное мнение — 2007. Ежегодник. — М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2007. — С. 38.

[33]Новая газета. — 2003. — 10—12 февраля. — С. 17; Львов Д.С. Нравственная экономика // Свободная мысль. — 2004. — № 9. — С. 29.

График 8.2.1 Субъективные оценки масштабов бедности[34]
(доля бедных — % от численности взрослого населения)



□ бедные
■ самые бедные
N=2100

Как говорится, со стороны виднее. И вот суждение такого благожелательного наблюдателя как выдающийся британский историк, член Королевской академии Эрик Хобсбаум: «В отношении краткосрочной перспективы нам не от чего быть пессимистами… Люди стали жить дольше. Они более здоровы и лучше развиты физически. Они богаче. Их жизненные перспективы более разнообразны. **Конечно, есть страны и регионы, к которым это не относится, — например,** Африка или, **к моему сожалению, Россия.** На мой взгляд, лишь одна из трагедий, пережитых вашей страной, получила должную оценку в мире; **масштаб же посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России»** (выделено мною — *О. Ш.*)[35].

Что показали представительные опросы

Мы располагаем данными представительных опросов экономически активного населения России января 1994 г., ноября-декабря 2002 и 2006 гг., позволяющими не ограничиться среднеарифметическими показателями, что особенно важно в условиях резкой социальной дифференциации в показателях уровня жизни. Наши опросы охватили представителей экономически активной части населения, включенной в рынок труда. Следовательно, пенсионеры, инвалиды, студенты, как одиночки, так и образующие самостоятельные семьи, в состав респондентов не входят. Это само по себе означает, что *полученные нами характеристики уровня жизни общества скорее несколько завышены, чем занижены.* Кроме того, в состав респондентов, как, впрочем, и в других представительных опросах, не вошли как аутсайдеры, оказавшиеся на социальном дне, так и наиболее продвинутые члены общества. Но для

[34] Взято из: Общественное мнение - 2007. Ежегодник. — М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2007. — С. 39.

[35] Хобсбаум Э. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России // Свободная мысль. — 2004. — № 9. — С. 13.

целей данного исследования это не представляется критическим, поскольку задача состоит в выявлении социально-экономической дистанции между основными слоями нашего общества.

Кроме того, необходимо учесть и трудности, связанные со следующими обстоятельствами. Как известно, анализ благосостояния населения в значительной степени строится на таком важнейшем показателе как уровень и дифференциация доходов. В обществах с преобладанием легитимной экономики и относительно малой долей неформальной экономической деятельности, хорошо поставленным учетом доходов населения и четко работающей налоговой системой, несомненно, фиксируемые показатели доходов служат важнейшим источником сведений для оценивания ситуации в сфере социального неравенства. Однако в России с начала 1990-х годов и поныне значительная часть населения страны либо частично, либо полностью формирует свои доходы нелегитимно и, естественно, не афиширует ни их размеры, ни их источники.

Следующее наше замечание касается примененного метода получения адекватной картины дифференциации населения по уровню благосостояния. Здесь возможны два приема. Первый связан с выявлением предельно полной системы частных показателей, касающихся, скажем, характеристики жилища индивида или семьи с учетом местоположения, степени износа, комфортности по экологическим параметрам и т. д. Не говоря уже о дороговизне таких «уточнизмов», следует подчеркнуть, что во всех случаях информация будет в чем-то неточной, несопоставимой. Но есть и другая возможность получить информацию о характере дифференциации населения по уровню жизни. Этот второй способ сводится к свертыванию имеющихся не столь уж многочисленных показателей в индексы («синдромы»). Эти индексы наподобие системы синдромов, применяемых, скажем, в медицине, приобретают высокую степень адекватности реальному группированию населения по уровню жизни за счет взаимодополнительности используемых первичных показателей. Этот метод (подход) представляется более надежным в силу простоты и доступности для расчетов. Так, например, ни количество комнат в квартире, ни метраж приходящегося на одного человека жилья сами по себе не отражают достаточно убедительно распределение населения по группам, отличающимся уровнем жизни. Но в комбинации с показателями обустроенности жилища и его наполненности предметами долгосрочного пользования, их разнообразия, картина нам представляется близкой к реальности.

Таблица 8.3.1

	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	2002	2006	2002	2006	2002	2006
Месячный заработок	x= 5159 Me = 3000	x = 11787 Me = 9000	x = 3272 Me = 2300	x = 7932 Me = 6000	x = 4152 Me = 2800	x = 9873 Me = 7000
Фактический денежный доход на члена семьи в месяц	x = 2633 Me = 2000	x = 7046 Me = 5000	x = 2572 Me = 2000	x = 6083 Me = 5000	x = 2600 Me = 2000	x = 6552 Me = 5000
Кв. метры жилой площади на 1 чел.	x= 13,9 Me = 12,0	x = 23,8 Me= 18	x = 13,1 Me = 10,5	x = 21,8 Me = 18	x = 13,5 Me = 11,0	x = 22,8 Me = 18

[среднее арифметическое (x), медиана (Me)]

Показатели уровня жизни экономически активной части населения России (представительные опросы: ноябрь 2002 г., ноябрь — декабрь 2006 г.)

В ноябре 2002 г. при среднем месячном реальном располагаемом доходе респондентов, равном 2600 руб., при медиане равной 2000 руб. доход до 1000 руб. имели 21,8 % опрошенных, от 1001 руб. до 1500 руб. — 18,8 %, от 1501 до 2000 руб. — 20,5 %, от 2001 до 2500 руб. — 9,6 %, от 2501 до 3600 руб. — 13,6 %, от 3601 до 5000 руб. — 8,6 %, свыше 5000 руб. — 7,1 %. Другими словами, согласно международным критериям, в ноябре 2002 г. в «зоне» крайней нищеты (доход менее $1 в день на человека) находились около пятой части наших сограждан; в «зоне» бедности (до $4,3 в день на человека, т. е. до 3600 руб. душевого месячного дохода) — основная часть населения, так как доходами свыше этой величины располагали лишь 15,7 % населения страны.

В декабре 2006 г. при среднем месячном реальном располагаемом доходе респондентов, равном 6552 руб., при медиане, равной 5000 руб., доход до 1800 руб. имели 5 % опрошенных, от 1801 до 3600 руб. — 26,8 %, от 3601 до 5000 руб. — 23,3 %, от 5001 до 6600 руб. — 10,2 %, свыше 6600 руб. — 33,1 %. Другими словами, согласно международным критериям, в ноябре 2006 г. в «зоне» бедности (до $4,3 в день на человека, т. е. до 3700 руб. душевого месячного дохода) находилась почти треть населения, что гораздо лучше, чем в 2002 году.

На самом деле положение не столь печально, если учесть бесплатность на тот момент многих услуг, включая общественный транспорт (для значительной части населения), образование, медицинское обслуживание и т. д. К этому следует добавить не учтенную нами часть благ от натурального хозяйства при более чем скромном налогообложении земельных участков и жилья. С этими поправками мы можем признать свои проценты бедности несколько завышенными. Добавим к этому резко возросшие государственные расходы на социальное обеспечение в расчете на душу населения (в год, в дол.) — со $129 в 2000 г. до $644 в 2006 г.[36] Однако дотации и льготы государства не уничтожают бедность как таковую, а лишь облегчают положение нуждающихся. Кроме того, они порой носят антистиму- лирующий характер, когда бывает выгоднее не работать, чем трудиться за зарплату ниже прожиточного минимума.

С учетом всех подобных уточнений картина в сравнении с другими странами близкого экономического уровня развития выглядит весьма неоптимистично. Поэтому трудно не согласиться с мнением такого видного специалиста по России как профессор С. Уайт: «Сырьевое богатство связано … с большой степенью неравенства. Коэффициент Джини, измеряющий уровень неравенства, для России отнюдь не европейский и даже не североамериканский. Он близок к показателям африканских или латиноамериканских стран»[37].

В этой связи крайне интересно привести данные В.А. Красильщикова, долголетне занимавшегося сравнительным анализом развития стран Латинской Америки, Дальневосточных «тигров» и постсоветской России. Он отмечает, что деградация человеческого капитала в России является, по-видимому, уже необратимой. Во многих регионах страны бедность стала хроническим, самовоспроизводящимся явлением, т. е. сложилось положение, присущее слаборазвитым странам. По данным Федеральной службы статистики, в 2005 г. четыре нижних дециля российских домохозяйств тратили более 50 % текущих расходов на пропитание, а три дециля (V-VII) балансировали на грани этого показателя[38]. Красильщиков подчеркивает, что такой уровень расходов на продукты питания в общей структуре текущих потребительских расходов как раз и является критерием бедности, разработанным Экономической комиссией

[36]Григорьев Л.., Плаксин С., Салихов М. Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. — 2008. — № 4. — С. 35.

[37]Уайт С. Без эйфории // Независимая газета. — 2008. — 23 апреля.

[38]Российский статистический ежегодник 2006. — М.: Росстат, 2006. — С. 204.

ООН по Латинской Америке и странам Карибского бассейна. У 40—50 % населения России доходы на душу превышают официальную черту бедности, которая заметно «не дотягивает» до латиноамериканских критериев, в интервале от 1 до 2 раз. Такой показатель значительно ниже, чем в Аргентине, Бразилии, Мексике или Чили и соответствует уровню Боливии или Перу. Средняя заработная плата в России превышала прожиточный минимум в 2004—2006 гг. всего в 2,8 раза — это близко к соотношению заработной платы и линии бедности в городах Гондураса и значительно хуже, чем в Бразилии, с которой нас принято сравнивать[39]. Наконец, продолжают возрастать межрегиональные различия, в том числе и по валовому региональному продукту на душу населения. В 1995 г. этот показатель в самом богатом регионе, Тюменской области, был выше, чем в самом бедном (на то время — в Дагестане) в 18,3 раза; к середине текущего десятилетия он составил 45—46 раз (соотношение между Тюменской областью и Ингушетией)[40].

Совершенно очевидно, что реальный уровень жизни людей зависит не только от текущих доходов на члена семьи, но и от накопленных ресурсов разного рода, включая и новые поступления по разным каналам, помимо материализации собственных доходов. Чрезвычайно важно понять какими ресурсами располагали семьи с разными уровнями дохода на члена семьи. Для выяснения влияния ресурсов на реальный уровень жизни мы попытались установить объем материальных и нематериальных ресурсов в разных по доходности группах (см. табл. 8.3.3 и 8.3.4).

Сначала о выделении групп по размерам доходов. Нами было выделено 5 (пять) групп по величине доходов, качественно отличающихся между собой.

Таблица 8.3.2
Классификация респондентов по размерам дохода
(представительный опрос, ноябрь-декабрь 2006 г.)

	до 1700р.	1701—3700р.	3501—6800р.	6801—12 800р.	От 12 800р.
Доля (%)	4,9	27,2	33,9	24,7	9,3
Число респондентов	115	631	787	575	216

Выделение этих групп было произведено по следующим критериям.

1. «нищета» с фактическим доходом на члена семьи до 1700 руб. в месяц, что соответствует критерию нищеты, принятому Всемирным банком для России на 2006—2007гг. (2 дол. на человека в день)[41]; мы также приняли во внимание, что в Декларации «Саммита—8» на Окинаве критерием нищеты был также взят доход менее 2 дол. на человека в день.

2. «бедность» — с доходом от 1701 до 3700 руб., то есть на границе с официально установленным в России прожиточным минимумом[42]; порог абсолютной бедности по доходам, согласно методике Всемирного банка, для стран Восточной Европы и бывшего СССР составляет $4,3 в день.

3. «малообеспеченность» — с доходом от 3701 до 6800 руб., верхняя граница условна и соответствует средней величине дохода для лиц, отнесших себя к 5-й группе по 10-балльной

[39]Российский статистический ежегодник 2005. — М.: Росстат, 2005. — С. 190, 203; Российский статистический ежегодник 2006. — М.: Росстат, 2006. — С. 177, 189; CEPAL 2001. — С. 84; CEPAL 2006. — С. 363—364.

[40]Российский статистический ежегодник 2006. — М.: Росстат, 2006. — С. 320—322; Возможна ли модернизация в России [Круглый стол по книге А. А. Яковлева «Агенты модернизации». М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007] // Мир России. — 2008. — № 2. — С. 75.

[41]http://go.worldbank.org/3D0BHTWAG0

[42]Постановление Правительства РФ от 4 декабря 2007 г. № 841.

шкале самооценки материального положения (в эту наиболее многочисленную группу вошли респонденты с медианным и одновременно модальным значением среднемесячного дохода в 5000 руб.).

4. «достаточность» — с доходом от 6801 до 12 800 руб., верхняя граница, во-первых, соответствует средней величине дохода для респондентов, отнесших себя к 8-й группе по 10-балльной шкале самооценки материального положения, и, во-вторых, усредненной оценке респондентами среднемесячного дохода на члена семьи, позволяющего «жить нормально», согласно данным Левада-центра[43];

5. «обеспеченность» — соответственно с доходом свыше 12 801 руб.

На основании этой классификации сконструированы следующие таблицы ресурсной обеспеченности представителей доходных групп. (См. табл. 8.3.3, 8.3.4, 8.3.5).

Таблица 8.3.3

Материальные ресурсы доходных групп

Материальные ресурсы	до 1700 р.	1701—3700 р.	3501—6800 р.	6801—12 800 р.	от 12 800 р.
Фактический доход на члена семьи (руб.)	1222	2742	4963	9162	19 364
Индекс жилищных условий	2,6	2,9	3,3	3,9	4,7
Количество кв. метров жилья на члена семьи	15,9	21,5	21,0	24,2	32,3
Комфортность жилья (индекс удобств)	2,9	3,3	3,8	4,1	4,3
Доля проживающих в отдельных квартирах или домах (%)’	79,1	88,1	92,1	91,1	93,5
Индекс движимого имущества	1,1	1,3	1,5	1,9	2,4
Доля лиц, владельцев предприятий и/или ценных бумаг (%)	4,3	7,9	7,1	13,4	28,2
Доля пользующихся платными образовательными услугами (%)[2]	30,4	28,2	34,6	38,3	44,0
Доля пользующихся платными медицинскими услугами (%)[3]	31,3	43,1	61,9	68,2	80,6
[1] — проживающие в собственных квартирах и домах, а также строящие или покупающие жилье [2—3] — включая услуги, приобретаемые для себя и для детей					

Примечание: Конструкцию использованных в табл. 8.3.3, 8.3.4 и 8.3.5 индексов жилищных условий, властных полномочий, социального капитала, культурного капитала см. в Приложениях 7—10 соответственно.

[43]Вестник общественного мнения. — 2006. — № 6(86). — С. 72.

Таблица 8.3.4

Нематериальные ресурсы доходных групп

Нематериальные ресурсы и проч.:	До 1700 р.	1701—3700 р.	3501—6800 р.	6801—12 800 р.	от 12 800 р.
Индекс социального капитала	1,1	1,2	1,4	1,9	2,6
Индекс культурного капитала (ИХВД)	2,3	2,2	2,3	2,9	3,1
Индекс властных полномочий	0,3	0,5	0,7	1,5	2,1
Доля лиц со средним специальным образованием и выше (%)	36,5	43,8	57,9	68,1	74,5
Усредненная самооценка материального статуса (по 10-балльной шкале)	3,8	4,1	4,6	4,8	5,5
Усредненная самооценка социального статуса (по 10-балльной шкале)	3,4	3,9	4,3	4,8	5,3
Средний возраст	38,7	38,7	39,4	38,6	39,7

Таблица 8.3.5

Образование	Индекс жилищных условий	$м^2$ на члена семьи	Индекс комфортности жилья	Индекс движимого имущества
0,282	0,489	0,295	0,405	0,422

Индекс властных полномочий	Индекс культурного капитала	Индекс социального капитала	Возраст
0,262	0,198	0,304	0,018

Примечание: приведены коэффициенты ранговой корреляции Спирмена. Все коэффициенты значимы при 1%-ном уровне значимости за исключением показателя «возраст».

Из таблиц 8.3.3, 8.3.4 и 8.3.5 со всей очевидностью следует вывод о тесной связи между принадлежностью индивида к определенной группе по размерам текущих доходов и ресурсами, которыми располагает семья/домохозяйство. Все без исключения примененные нами показатели нарастают при переходе от низшей к более высокой по размерам дохода группе. Особенно сильна связь принадлежности к доходной группе с определяющими стратоформирующими признаками — индексом властных полномочий и долей лиц, владеющих предприятиями и/или ценными бумагами. Стоит обратить особое внимание на низкий уровень обладания социальным капиталом в малодоходных группах. Это чрезвычайно важное свидетельство исчерпания ресурса взаимопомощи в низших слоях, в критических группах, выдержавших тяготы 1990-х гг. именно за счет этого ресурса. Впрочем, данные из этих таблиц дают

основание для гораздо более разностороннего анализа, но это — уже предмет самостоятельной публикации, в состав которой с необходимостью должны войти дополнительные признаковые пространства, помогающие объяснить внутреннее разнообразие выделенных доходных групп.

Стратегии выживания критических групп

Как же выживают те члены нашего общества, которые находятся в критической ситуации? Начиная с обследования 1992 г., этот вопрос изучал, отслеживая динамику образа жизни социально критических групп российского общества на основе методического инструментария «Барометр новой России», профессор Ричард Роуз. Результаты своего анализа он привел в статье «Десять лет „Барометру новой России“». Он писал, что «аномальность российской экономической ситуации заключается в том, что большинство граждан страны не могут позволить себе необходимого, даже если они работают». По его данным, в начале 1992 г. заработков по основному месту работы не хватало 68 % работающих. Пик падения был достигнут в 1993—1994 гг., когда недостаточной свою заработную плату оценили 87—83 % опрошенных. Примерно на таком уровне сохранялось положение до 2000 г., когда общее количество считавших свою зарплату недостаточной сохранялось примерно на том же уровне, но произошло значительное смещение ответов респондентов от совершенно недостаточной к недостаточной. Основой выживания таких семей, по данным Роуза, служил их социальный капитал. Помимо собственной семьи россияне опирались на неформальные сети друзей и родственников. В случае нехватки денег, скажем, из-за безработицы очень немногие рассчитывали на помощь в виде государственного пособия, но зато 3/4 респондентов заявили, что знают тех, у кого можно одолжить денег, когда возникает необходимость. Одинокие больные рассчитывают на помощь кого-то из близких или соседей, а за живущими в семье ухаживают родственники. Эти данные относительно социального капитала как основы выживания монотонно повторялись во всех ответах респондентов с 1994 г. по 2001 г.[44]

Кроме Роуза сходные данные были получены группой российских авторов в международном исследовании «Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток и Запад. 1995—1998»[45].

К середине 1990-х гг. сложился неявный консенсус власти и населения, в реальной действительности материализовывавшейся в весьма сложной и хитроумной модели выживания, которая использовалась в 1990-е годы большинством населения. Именно эта модель обеспечивала относительную стабильность социально-политической обстановки в России, и поэтому власть была склонна закрывать глаза на многие ее особенности, которые «не вписывались» в либеральную модель государственной социальной политики, которая в 1990-е годы декларировалась на уровне высшего руководства страны как наиболее желательная в нынешних условиях.

Основной особенностью этой модели выступало создание для населения возможности выживания в условиях почти полного отсутствия реальных, «живых» денег, которые, во-первых, действительно присутствовали в российской экономике с ее практикой бартера и взаимозачетов в весьма небольшой степени, а во-вторых, если уж они появлялись, то независимо

[44]Роуз Р. Десять лет «Барометру новой России» // Мониторинг общественного мнения. — 2002. — № 6. — С. 16—17.

[45]Результаты см. в: N. Manning, O. Shkaratan, N. Tikhonova. Work and Welfare in the New Russia. Aldershot: Ashgate, 2000. Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. Под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.

от того, зарплата это или социальные выплаты, по дороге к населению значительная их часть просто исчезала в карманах отдельных чиновников.

Возможность выживания без денег обеспечивалась двумя путями. Один из них зависел от органов власти и сводился к тому, чтобы хотя бы на самом минимальном уровне поддерживать жизнеобеспечение людей в области удовлетворения самых базовых потребностей бесплатно или практически бесплатно. Это касалось, прежде всего, дотаций по коммунальным платежам, которые позволяли бесплатно или почти бесплатно пользоваться теплом, электроэнергией, водоснабжением и т. д. Единственный вид коммунальных услуг, который являлся строго платным — это телефон, социальная значимость которого все же несопоставимо меньше в условиях России, чем, например, отопление дома. В результате платности пользования телефонами практика отказа от услуг телефонных станций приобрела в те годы даже в Москве достаточно массовый характер. Кроме того, сохранялось бесплатное государственное образование и здравоохранение, которые все же позволяли значительной части населения реализовывать соответствующие социальные потребности хотя бы на самом минимальном уровне. Дотировались также транспортные услуги, без чего зарплаты многих категорий работников не хватило бы даже на проезд к месту работы.

В результате проведения такой политики возникла возможность обеспечения ряда жизненно важных потребностей без оплаты их в денежной форме или за чисто символическую по сравнению с их реальной стоимостью плату.

Второй путь, обеспечивавший относительную стабильность в обществе и при многомесячных невыплатах зарплат, пенсий и детских пособий, и при издевательской по размеру заработной плате у большей части бюджетников, да и не только у них, другими словами, при кажущемся полном отсутствии средств к существованию, — это натурализация потребления и обмена товарами и услугами на уровне самого населения, возникновение у него модели «коллективного выживания». Так, например, почти 40 % наших респондентов (1996—1997 гг.) занимались различными видами индивидуальной трудовой деятельности (шили, вязали, занимались ремонтом квартир, машин и т. п.). В ряде случаев такие услуги оказывались не посторонним, а знакомым, и не за деньги, а в порядке оказания взаимных услуг. Результаты такой межсемейной взаимоподдержки, заметим, не на селе, а в крупных городах, были значимы для семей 22 % наших респондентов. Такими нерыночными механизмами одновременно обеспечиваются выживание людей и сохранение консенсуса власти и населения.

Характерно, что для основной массы опрошенных любые виды социальных пособий не играли значимой роли и из-за их небольшого размера, и в связи с задержками в выплате. Так, пособие по безработице имело сколько-нибудь существенное значение только для трети тех, кто когда-либо его получал. Не случайно, что даже помощь со стороны органов власти конкретным группам населения также все чаще принимала натуральную, а не денежную форму: организация бесплатного питания для малоимущих в специальных столовых и распределение продуктовых заказов, предоставление им права бесплатного проезда, бесплатные билеты в театры детям и т. п. Но и эти «натуральные» льготы также не были столь велики, чтобы они могли влиять сколько-нибудь заметно на поведение людей. Во всяком случае, в нашем исследовании этой связи обнаружить не удалось.

Именно взаимопомощь, рациональное использование ресурсов сообщества определили выживание российских низов, да и предопределили во многом сохранение на более благополучном уровне значительной части срединного слоя. В современной российской ситуации, даже в условиях определенного роста доходов в семьях, не исчерпали себя спайка поколений, родственные связи, дружеское участие, соседский круг. Согласно С. Ю. Барсуковой: «Сообщество устойчиво контактирующих субъектов формирует сеть, служащую мощным социальным амортизатором в ситуации атрофии иных механизмов поддержки, разложении

тотальных социальных общностей. *Взаимообмен дарами между членами социальной горизонтальной сети представляет собой особый тип социальной интеграции* ***реципрокность*** (reciprocity)»[46].

Мы не рассматриваем здесь вопрос об эффективности такой модели решения социальных проблем в современном обществе — разумеется, что она чудовищна по своим отдаленным последствиям. Это касается и резкого падения уровня здоровья населения, и его образованности, и сужения базы для воспроизводства высококвалифицированной рабочей силы, и общего падения качества человеческого потенциала России. Однако мы говорим лишь о том, что любые попытки изменить сложившееся в 1990-е годы положение в социальной сфере, будь то «коммунальная реформа» или попытки пресечь «теневую» занятость людей, чреваты серьезными социально-политическими последствиями, которые способны свести на нет прогнозируемый экономический эффект от реформ в социальной сфере. Нужны воля и терпение, чтобы дождаться того времени, когда подъем экономики даст возможность россиянам получать стабильную зарплату, гарантирующую им хотя бы нынешний, крайне низкий уровень потребления, но уже без этих подпорок «бесплатности».

Социальные низы и политика неономенклатуры

Явления и процессы, рассмотренные выше, не являются следствием лишь не очень высокого уровня развития экономики. В стране произошло огромное сжатие милитаристских расходов, затрат на поддержание «дружественных» режимов за рубежом, субвенций бывшим союзным республикам ит. д., то есть большей части затрат прежних времен. Добавим к этому огромные доходы государства от резко возросшей цены на энергоресурсы в силу устойчивого изменения ситуации на мировом рынке. Почему же столь жалкими выглядят затратные статьи федерального и региональных бюджетов на социальные цели, почему настолько упал уровень жизни большинства населения и крайне медленно преодолевается спад 1990-х годов? Ведь Россия — страна с уникальным объемом природных ресурсов, включенных в экономическую жизнь.

Социальная политика, также как и вся система общественных отношений, претерпела за годы российских реформ весьма значительные изменения. Завоевав массовую поддержку, прежде всего, под лозунгами борьбы с привилегиями, большей социальной справедливости, индивидуальных свобод и равенства возможностей для всех, пришедшая к власти неономенклатура вынуждена была поначалу скрывать истинную направленность своей политики за маской «социального государства» — именно так охарактеризовано российское государство в Конституции РФ. Однако для большинства представителей правящих кругов истинный характер нового российского государства изначально не являлся тайной. Реформы означали для них лишь возможность сбросить с себя ярмо обязанности заботиться о народе в условиях резко возросших собственных аппетитов и новых стандартов жизни, с одной стороны, и колебания доходов от экспорта природных ресурсов в условиях неустойчивости цен на эти ресурсы на мировых рынках — с другой. И, хотя попытки отказаться от идеи «социального государства» из-за недостаточности экономических ресурсов на уровне лиц «второго эшелона» предпринимались постоянно, ни одна сколько-нибудь заметная политическая фигура или партия не решалась на это.

В результате сегодня в России сложилась парадоксальная ситуация. Формально в стране действительно существуют разнообразные системы социальных льгот и выплат, охватывающие в общей сложности больше половины населения. Опять-таки формально, на уровне

[46]Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйства- ми: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — С. 3.

конституционных гарантий, продолжают сохраняться и право на труд, и пенсионное обеспечение, и бесплатность образования, здравоохранения, предоставления жилья. Однако при этом нарушение прав на труд и получение оплаты за него затрагивает более четверти экономически активного населения, крайне медленно сокращается доля живущих в нищете наших сограждан, значительная часть молодежи оказывается не только необразованной, но и неграмотной, гарантированность бесплатной медицинской помощи оборачивается подчас необходимостью годами ждать очереди на бесплатную операцию. Возрастающее жилищное строительство почти не сказывается на улучшении положения социальных низов.

Очередь на жилье не двигается десятилетиями. И все это происходит на фоне демонстративного «швыряния деньгами» со стороны не только и не столько новых богатых — представителей бизнеса, но и, особенно, многих как крупных, так и «рядовых» государственных чиновников, особенно топ-менеджеров государственных корпораций.

Можно ли в этих условиях считать, что Россия является «социальным государством», где причиной недостаточной социальной защищенности социальных низов выступает просто нехватка денег? Разумеется, нет. Как показали проведенные нами исследования, основной причиной того, что Россия лишь формально может считаться «социальным государством», выступает имманентное противоречие между формально декларируемыми и реальными целями социальной политики. И если ориентироваться не на формально декларируемые, а на реальные ее цели, то политика эта, хотя и не имеет никакого отношения к «социальному государству», все же весьма эффективна. Учитывая, что это ключевой вопрос для понимания всей проблематики социальной политики в России, поясним, что мы имеем в виду. Учитывая, что для современных политических верхов России социальная политика нужна лишь постольку, поскольку граждане не должны мешать реализации ее собственных планов и интересов — это все то же обеспечение социальной стабильности в обществе, а также обеспечение легализации капиталов внутри страны и особенно за рубежом — не более.

Начиная с ранних ельцинских времен, лидеры правых заявляли, что они последовательно противостоят идее особой поддержки уязвимых слоев населения. Это не должно входить, по их мнению, в число приоритетов государственной политики. Направленность социальной политики правящих кругов времен Ельцина блестяще раскрыта покойным американским публицистом П. Хлебниковым. Он напоминает, что в декабре 1992 г., «после очевидного провала гайдаровских реформ», было назначено новое правительство во главе с В.С. Черномырдиным. Журналист встретился с одним из «ключевых специалистов „новой“ команды Черномырдина». Хлебников ожидал, что этот человек, бывалый и представляющий более консервативное крыло российского политического истэблишмента, решительно возьмется исправлять ошибки предшественников. Однако беседа повернулась совсем в другое русло. «Чудес не бывает, — начал говорить он мне. — Эта страна должна выпить чашу до дна. — Речь шла о том, как за счет конфискационного характера инфляции установить в стране новое экономическое равновесие. — В ближайшем будущем — как минимум год — мы будем жить в условиях инфляции, и надо сосредоточиться на проблемах, которые инфляция поможет разрешить — установить более рациональные, новые отношения между ценами и доходами». Другими словами, собеседник предлагал решительно снизить реальные доходы среднего российского гражданина; а инфляция тем временем уничтожит оставшиеся сбережения россиян, как источник внутреннего капитала. Но если не будет серьезных инвестиций из-за рубежа, где же Россия возьмет капитал для подпитки экономики? «Есть только один способ — это затягивать пояса… Снижение жизненного уровня».

Г.А. Явлинский, с которым П. Хлебников также встречался на протяжении 1990-х гг., говорил ему, что «в общем и целом… люди, правившие страной во времена Ельцина, были и бессердечными, и безжалостными». По мнению Явлинского, эти люди считали, что «в Рос-

сии живут, как они называли, одни „совки“, и все, что в России существует, нужно уничтожить, и потом вырастить новое… Парадокс этого периода реформ заключался в том, что они чисто большевистскими методами проводили капиталистическое строительство».

П. Хлебников, проведший сотни интервью с представителями отечественной политической «элиты» и бизнеса, к сказанному выше добавляет: «У меня было такое же ощущение. Многие из ельцинского правительства говорили о своей стране с такими хладнокровием и отстраненностью, что можно было подумать: речь идет о чужом государстве»[47]. Это была стабильная политическая линия приватизировавшей страну позднесоветской номенклатуры. Поэтому автора этих строк, в отличие от Хлебникова, не обескуражила позиция команды «опытных государственников» во главе с бывшим членом ЦК КПСС, создателем и руководителем Газпрома Черномырдиным, пришедшей на смену первому постсоветскому правительству.

Принятый командой Ельцина курс внутренней политики означал подмену понятия «реформа» как условия успешного развития страны и роста благосостояния граждан простым переделом собственности при двухкратном падении производства, нарастании нищеты и грандиозном вывозе капитала (вместо притока иностранных инвестиций). Социальная политика ельцинизма означала игнорирование интересов социальных низов и в то же время отсутствие поддержки социальных групп прото- среднего класса (профессионалов с одной стороны, малого и среднего предпринимательства — с другой). Режим, оставшийся без массовой социальной поддержки, превратил власть в безопорную конструкцию, которая могла рухнуть от малейшего толчка. Осенний кризис 1998 г. продемонстрировал это с полной очевидностью.

Проводившаяся политика выдавалась за подлинно либеральную. Однако неолиберализм не имеет никакого отношения к либерализму классическому. Либералы считают, что формально-юридически все люди равны и от рождения обладают определенными правами, что всем должны быть предоставлены равные стартовые условия — а дальше пусть реализуют свои возможности, соревнуются. И государство в это вмешиваться не должно. Неолибералы, напротив, уверены, что люди не равны (даже формально-юридически) и равенство возможностей для всех угрожает привилегированному меньшинству. Можно процитировать, например, высказывания видных неолибералов с сожалениями о всеобщности избирательного права в России, тогда как предпочтительней было бы цензовое, для вполне достаточных граждан. Мы, кстати говоря, далее посмотрим, насколько выражены и защищены интересы большинства этих «достаточных» — представителей срединных слоев.

Обсуждая вопрос о бедствующей части населения, российские неолибералы, как правило, сворачивали обсуждение в плоскость вероятия сохранения стабильности общества. Другими словами, выяснялся вопрос, не исчерпаны ли ресурсы народного терпения. Этот вопрос задается с начала реформ, и обычно власти получают от центров изучения общественного мнения ответ, что пока еще можно быть уверенным в стабильности и спокойствии. Вот один из примеров, статья в «Известиях» с характерным заголовком: «Бедные, но спокойные. Рост цен не угрожает политической стабильности». В статье можно встретить такие пассажи: «Исследования ФОМ показали, что большая часть россиян приспособилась к ситуации, отказавшись от некоторых расходов или сведя их к минимуму»[48]. Такой критерий оценивания социальной составляющей государственной политики нам представляется глубоко ошибочным. Реформы обычно принимаются за константу, не подлежащую пересмотру; население (что не

[47]Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. (Пер. с английского). — М.: «ДЕТЕКТИВ-ПРЕСС», 2001. — С. 102—103.

[48]Известия. — 2002. — 6 марта.

равно обществу со сформированными дифференцированными интересами) рассматривается как объект (а не субъект) реформаторской деятельности.

В оценках своего благополучия (и семьи, и общества в целом) люди исходят из краткосрочной ретроспективы и перспективы. К примеру, вспомним героя солженицинского «Одного дня Ивана Денисовича», который в условиях концлагеря, примеряясь к реальным обстоятельствам своего бытия, радовался лишнему куску хлеба. Это все «радости», которые обеспечивают стабилизацию на основе социальной эксклюзии от трети до половины населения. На таких принципах и критериях развитие страны невозможно, апатия огромной части народа, деформация его сознания, превращение общества в послушную массу закрывает путь к инициативности основных социальных групп, к инновационной деятельности как органической предпосылки становления информационной экономики, да, впрочем, и для эффективного функционирования существующих предприятий.

Выборы в парламент (1999 г.), президента, которым стал В.В. Путин (2000 г.), были не просто блестящим маневром государственников, спасшим страну от труднопредсказуемых коллизий, но и воссозданием социальной опоры под властной вертикалью. Этой опорой стали городские и сельские низы, увидевшие в Путине и его политике какую-то защиту интересов наиболее обездоленных групп населения России. Во многом это было возвращением к традиционному советскому опыту патерналистического взаимодействия носителя власти с беззащитными подданными. И эта политика, по крайней мере на первом этапе реализации, доказала свою жизнеспособность по сравнению с откровенно безразличной по отношению к народным массам циничной политикой Ельцина и его окружения[49].

Следует учесть мировой опыт, который показывает, что в периоды тяжелых депрессий рыночная экономика не в состоянии саморегулироваться. В этой связи необходимо помнить и о модели государственного регулирования экономики Ш. де Голля, успешном применении в США после Великой депрессии 1929—1933 гг. теории государственного регулирования Дж.К. Кейнса, современном опыте Китая. У нас же под лозунгом «невидимой руки рынка» была предпринята попытка реставрации первой стадии капитализма.

Более того, даже в США, которые обычно приводятся нашими неолибералами как образец чисто рыночной экономики, по авторитетному свидетельству директора Института США и Канады РАН С.М. Рогова, все большее внимание уделяется развитию человеческих ресурсов: в общей сумме расходов федерального бюджета соответствующие затраты в 1990 г. составляли 49,4 %, а в 2000 г. — 62 %. Доля расходов на человеческие ресурсы в федеральном бюджете страны выросла с 4,3 % ВВП в 1940 г. до 13 % в 2005-м. Устойчивый рост наблюдается в области государственных расходов на социальное обеспечение, здравоохранение, образование. Именно эти статьи федерального бюджета относятся к защищенным и ежегодно автоматически индексируются. Эту ставшую традиционной линию социальной политики продолжил и Дж. Буш младший. Он провозгласил курс на «сострадательный консерватизм» и увеличил социальные расходы. В 2005 г. прямые выплаты гражданам из федерального бюджета США составили $1488 млрд В государственных расходах, включая расходы на уровне штатов, затраты на образование составляют более 15 %; на здравоохранение — около 20 % (5,6 и 6,2 % от ВВП соответственно[50]. К данным по США С.М. Рогов добавляет аналогичные сведения по другим развитым странам мира. Он отмечает, что, несмотря на неолибе-

[49]Более полно позиция автора по данному вопросу изложена в Шкаратан О.И. Декларируемая и реальная социальная политика // Мир России. — 2001. — № 2. — С. 3—24; Государственная социальная политика 2003. — С. 5—68, 443—461; Шкаратан О.И. Социальная политика. Ориентир — новый средний класс // Общественные науки и современность. — 2006. — № 4. — С. 39—53.

[50]Рогов С.М. Функции современного государства: вызовы для России: Статья первая // Свободная мысль. — 2005. — № 7. — С. 53—55, 61.

ральную волну, и в Западной Европе, и в США достигнутый к 1990-м гг. «исторический уровень государственного вовлечения в экономику изменился весьма незначительно — всего лишь на несколько процентов ВВП»[51].

На данном этапе существования России только государство может обеспечить общественно приемлемое распределение выгод от рыночной экономики. Как минимум для этого нужны: реализация закона о прожиточном минимуме, устраняющего массовое обнищание населения; недопущение отставания повышения пенсий от темпов инфляции; резкое увеличение государственных ассигнований на нужды образования, науки, здравоохранения; государственное регулирование цен и качества медицинских услуг и лекарств.

Для финансирования этих программ необходимо вернуться к прогрессивному налогообложению доходов, ввести ощутимый налог на обладающую повышенной рыночной стоимостью недвижимость, находящуюся в личном владении. Опыт развитых стран убедительно показывает, что отлаженная система налогообложения (с учетом ренты) может предоставить государству огромные ресурсы для развития экономики и реализации социальных программ. Особенно большие резервы для пополнения государственного бюджета дадут изъятие в пользу общества доходов рентного характера от городских и пригородных земель в Москве и других мегаполисах. Кроме того, все еще не до конца упорядочены платежи за хозяйственное использование недр, которые вполне могут увеличить долю поступлений в бюджет страны. Именно рента от использования всех видов природных ресурсов, которая в сегодняшней России составляет 75 % общего национального дохода, может послужить источником экономического подъема и социального прогресса страны[52]. Конечно же, нужно резко повысить налог на дивиденды. Он составляет в России невиданную в мире величину — 9 % (до 2006 г. — 6 %, в 1990-е годы — 4 %). Даже в США, после усилий республиканцев во главе с Д. Бушем по снижению этого налога, он составляет 15 %; что уж говорить о странах Европы. Эти меры — условие уменьшения социальной дифференциации доходов и снижения социальной напряженности в обществе.

Два весьма авторитетных автора напомнили общеизвестные данные о том, что в США между 1929 и 1968 гг., когда эта страна совершала индустриальный прорыв, число миллиардеров снизилось с 32 до 13, а в России под шум заявлений о модернизации экономики оно выросло на 32 человека за один лишь 2007 год. В российском «обществе культивируется пренебрежение к любому труду, кроме управленческого, восторг вызывает не самоограничение, а безудержная роскошь. Элита не намерена нести жертвы во имя модернизации»[53].

По характеру налоговой политики можно судить о подлинной направленности социальной политики. Выдающийся польский экономист Гж.В. Колодко писал по этому поводу: «К сожалению, до сих пор мы, часто находясь в пылу якобы научной дискуссии, по сути, погружены в идеологический спор или политический диспут вокруг противоположных интересов, только их содержание прикрыто красноречивыми фразами о публично декларимуемых целях.

Трудно найти более подходящий пример, чем псевдонаучные дебаты о так называемом линейном (плоском) налоге. По существу, речь идет о снижении налогов для узкой группы „благотворителей“ путем перекладывания издержек на группы с низкими доходами (цель подлинная), а провозглашается (или в данном случае лгут, или кто-то только ошибается, так

[51]Там же, с. 59.

[52]Кимельман С., Андрюшин С. Экономика рентных отношений в условиях современной России // Вопросы экономики. — 2005. — № 2; Львов Д. С. Нравственная экономика // Свободная мысль. — 2004. — № 9.

[53]Иноземцев В., Красильщиков В. Перестройка: Разучились работать // Ведомости. — 2008. — 17 апреля.

как по-прежнему не понимает, в чем дело) цель иная — создание лучших условий для формирования капитала и инвестирования (цель декларируемая)»[54].

Недостаточными представляются предлагаемые для преодоления нищеты и бедности меры по обеспечению людям прожиточного минимума. Не говоря уже о надобности его резкого повышения, этот минимум необходимо дополнить «системой минимальных социальных стандартов, включающей обязательные услуги системы жизнеобеспечения (свет, вода, тепло), здравоохранения, образования, культуры и системы поддержания общественного порядка»[55].

В этом разделе мы не рассматривали данные об изменениях в продолжительности жизни и состоянии здоровья, появлении неграмотных среди молодежи, явлениях массовой бездомности и детской беспризорности и безнадзорности. Отметим, что по вопросам бедности, социально-экономического положения основных масс населения из печати вышло немало высококачественных исследовательских работ, что позволяет опустить в нашем анализе целый ряд значимых проблем. Сошлемся на некоторые из них[56].

Основной результат сознательно проводившейся социальной политики аккумулирован Е. Гонтмахером и Т. Малевой в следующих словах: «В 1990-е годы в России возникли беспрецедентные по сравнению с советской эпохой различия как в текущих доходах и потреблении населения, так и в его обеспеченности недвижимостью, предметами длительного пользования. Как следствие, в стране усилилось социальное расслоение… Образовавшиеся новые группы населения (богатые, средние классы, средне- и малообеспеченные) сформировали собственные уклады жизни. При этом в годы подъема…различия между данными укладами продолжали углубляться. Видимо, происходит их „капсулирование“ (закрепление) из-за фактического прекращения процесса диффузии социальных групп. Резко уменьшилась социальная мобильность, сформировалась ориентация на извлечение ренты из достигнутого положения»[57].

[54]Колодко Г.В. Этика в бизнесе, экономике и политике // Вопросы экономики. — 2007. — № 11. — С. 49.

[55]Делягин М. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? — М.: Вече, 2005. — С. 70.

[56]Жеребин В.М., Романов А.Н. Уровень жизни населения. Основные категории, характеристики и методы оценки. — М.: ЮНИТИ, 2002; Государственная социальная политика 2003; Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. — М.: ИСЭПН РАН, 2003; Суриков А.Е. Уровень жизни населения России: 1992—2002 гг. (по материалам официальных статистических наблюдений). — М.: ИИЦ «Статистика России», 2003; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. — М.: ЗАО ИТД «Летний сад», 2003, Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. — 2006. — № 9 и др.

[57]Гонтмахер Е., Малева Т. Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. — 2008. — № 2. — С. 61.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ

О.В. Гаман-Голутвина
Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Аннотация: *В статье анализируется историческая специфика трансформаций российского общества и государства. В качестве исходных автор статьи принимает 10 отличий динамично развивающихся и стагнирующих культур, предложенных Лоренсом Харрисоном. По мнению автора, на сегодняшний день сложились все необходимые предпосылки российской субъектности — территория, политические механизмы и т. д. Однако для преодоления стагнации российского общества и элит этого недостаточно. Выход из порочного круга возможен только на путях глубокой институциональной трансформации.*

Ключевые слова: *Россия, элиты, власть, метафизика, геократия, маркетизация, трансформация.*

Недавние и предстоящие годы богаты поводами для размышлений о результатах последних двух десятилетий российской истории: 2011-й был годом двадцатилетия со дня основания Российской Федерации; в 2013 г. исполнится двадцать лет с момента принятия действующей Конституции РФ. В какой мере успешным было прошедшее десятилетие? Ответы на этот вопрос варьируются в предельно широком диапазоне — от бравурно-восторженных до вынесения вердикта — *failing state*. Полагаю, что в поисках объективного ответа уместно обратиться к различиям между определенно успешными государствами и теми, что не могут похвалиться достижениями. В данном случае рассмотрим особенности нынешнего состояния российской политии в контексте представленных Лоренсом Харрисоном[1] суждений об отличиях динамично развивающихся и стагнирующих культур[2].

1. ***Нацеленность в будущее.*** *Прогрессивные культуры устремлены в будущее, в то время как статичные культуры ориентированы на настоящее или прошлое.*

[1]Harrison L.E. Promoting Progressive Culture Change // Culture Matters: How Values Shape Human Progress / L.E.Harrison and S.P.Huntington (eds.). — N.Y.: Basic Books. 2000.

[2]Стоит оговориться, что ни критерии Харрисона, ни оценка в этой системе координат российских реалий не претендуют на исчерпывающие характеристики — речь идет о доминирующих тенденциях, которые, конечно же, не исчерпывают весь спектр социальных параметров.

Если обратиться к нынешним российским реалиям, то предельная зацикленность на сиюминутном, поглощенность узкими — во всех смыслах — интересами, отсутствие не просто вкуса к стратегии, но элементарного интереса к ней — одна из доминант превалирующей в российском обществе социальной философии и преобладающих дискурсов

2. ***Труд и успех.*** *В прогрессивных культурах, в отличие от статичных, труд и приносимые им плоды считаются главным фактором преуспевания. В обществах первого типа работа упорядочивает повседневную жизнь, а трудолюбие, творчество и стремление к успеху не только вознаграждаются финансово, но приносят и уважение окружающих, и самоуважение.*

У нас успех, прежде всего материальный, стал иконой. Успех всегда вкусно пахнет — эта мысль Леона Фейхтвангера применительно к сегодняшней России может считаться максимой современной жизненной философии, если к ней добавить принципиально важное измерение: успех, добытый любой ценой. Ничто не предосудительно, если приносит материальное преуспевание — «стыдно быть бедным»… Что касается — в широком смысле — ценности производительных усилий, то с этим — совсем плохо: труд остается уделом пьющего большинства (Оскар Уайльд). Правильным стилем жизни оказался воинствующий гедонизм, возведенный в добродетель и доблесть, а национальной идеей России (которую так долго и безуспешно искали специально назначенные президентом Ельциным люди) стали деньги.

3. ***Бережливость.*** *В прогрессивных культурах эта добродетель приходится матерью инвестициям, в то время как в статичных культурах в ней видят угрозу уравнительным порядкам.*

В противовес этому демонстративное потребление тех, кому есть что демонстрировать, стало хорошим тоном. Широкую известность приобрела шутка (в которой в действительности только доля шутки — остальное правда), порицающая нового русского, который сподобился купить галстук ценою в рубль (цена условна) в то время как за углом такой же продавался за сто… Британский журналист Марк Франкетти был прав, когда написал: «деньги в России ничего не значат, если их не выставляют беззастенчиво напоказ[3]. Газета «Гардиан» цитирует известного олигарха Александра Лебедева, который в интервью вполне честно признался, что богатство есть «очень эмоциональная и духовная субстанция»[4].

4. ***Образование.*** *В прогрессивных культурах в образовании усматривают ключ к прогрессу, в то время как в статичных культурах оно считается второстепенной, элитарной ценностью.*

Лучше всего о значении фактора образования как основания социальной мобильности в нынешней России свидетельствует позиция недавнего и нынешнего руководства Министерства образования и науки, демонстративно декларирующего желательность сокращения бюджетных мест в отечественных вузах. В нашем обществе образование утратило статус канала вертикальной мобильности, а существенное ухудшение качества образования стало притчей во языцех…

5. ***Поощрение способностей.*** *В прогрессивных культурах индивидуальные способности выступают важнейшим фактором личного карьерного роста; в статичных культурах эту роль выполняют социальное происхождение и связи.*

В нынешней России меритократический критерий продвижения не работает почти нигде — даже там, где его нарушение может стать угрозой безопасности (опасные производства, медицина и т. п.), — его заменили патрон-клиентные отношения. Стоит обратить внимание на существенное отличие нынешнего клиентелизма от распространенного в советское время блата: последний (несмотря на значительное распространение) был периферийным механизмом решения личных проблем (поступление в вуз, престижное трудоустройство

[3]Franchetti M. Future Ruling Class of Russia // The Sunday Times. — 2008. — 5 05.

[4]The Guardian. — 2008. — 02.10.

и т. п.). Нынешний клиентелизм не просто на порядки масштабнее — его функциональное значение иное: он предстает как универсальное основание вертикальной мобильности и групповой сплоченности — т. е. в качестве ключевого принципа организации экономических отношений и структурирования социальной ткани в целом.

Стутус клиентелизма как системной дисфункции, определяющей многообразные феноменологические проявления социальных деформаций, обусловлен его ролью как фактора архаизации базы социальной организации. В основе доминирования отношений личной зависимости лежит короткий радиус социальной идентификации и доверия. В свое время Роберт Патнем[5] блестяще показал, что в обществах традиционных связи имеют короткий радиус, тогда как в модернизированных доверие распространяется за пределы семейно-родственного круга[6]. Близка позиция Лоуренса Харрисона: коррупция в значительной мере «представляет собой культурный феноме, обусловленный такими факторами, как ограниченный радиус социальной идентификации и доверия, которые ведут к ущербному восприятию сообщества и «эластичности» этических норм»[7].

6. ***Общественная солидарность.*** *В прогрессивных культурах радиус общественной идентификации и доверия выходит за пределы семьи и объемлет более широкое социальное целое. В традиционных же культурах сообщество ограничивается семейными рамками. Социальные системы с небольшим радиусом идентификации и доверия более склонны к коррупции, налоговым нарушениям и не тяготеют к филантропии.*

Масштабы дефицита солидарности и сострадания в нынешней России таковы, что она предстает страной победившего индивидуализма и воинствующего эгоизма. «Каждый сам за себя в этой пустыне эгоизма, называемой жизнью» — эти слова Стендаля, кажутся сказанными о нас сегодняшних.

Данная метафора подтверждается и эмпирическими исследования. Так, изыскания голландского исследователя Гирта Хофстеде, изучавшего различия между культурами на основе пяти дихотомических параметров, среди которых есть коллективизм-индивидуализм, подтверждают, что современное российское общество — пожалуй, самое индивидуалистическое в мире, так что сторонники отечественной уникальности могут в очередной раз торжествовать: мы опять в авангарде человечества — в номинации «индивидуализм» мы опережаем даже считающихся рекордсменами в этой сфере общества Запада, поскольку индивидуалистические установки и ценности там ограничиваются и уравновешиваются культурой ассоциаций и коммунитаризма, ценностями и практикой социальной солидарности. Так, в США масштабы филантропии сопоставимы с военным бюджетом, а взаимная помощь членов местных сообществ образует густые и эффективные сети доверия и поддержки. Между тем в России подобные социальные связи коротки — они ограничиваются кругом ближайших родственников и друзей — и чрезвычайно слабы. В немалой степени поэтому у нас практически незаметны партии и движения, опирающиеся на ценности коммунитаризма, слабы политические движения, исходящие из ценностей солидаризма. Наши профсоюзы — во многом формальные образования. И это касается многих других институтов, которые традиционно выступают в качестве «визитной карточки» гражданского общества.

Это выглядит парадоксом: в стране победившего индивидуализма слабо гражданское общество. В чем истоки такого парадокса? Между тем одна из базовых традиций в понимании гражданского общества исходит из того, что его несущей конструкций является индиви-

[5]Патнем Р. Чтобы демократия сработала. — М.: Ad Marginem, 1996.

[6]Различение радиуса доверия и качества социальных связей лежит также в основе введенного М.Вебером различении «холодных» и «теплых» обществ. В «холодных» обществах радиус доверия существенно больше, чем в «теплых».

[7]Harrison L.E. Promoting Progressive Culture Change // Culture Matters: How Values Shape Human Progress / L.E.Harrison and S.P.Huntington (eds.). — N.Y.: Basic Books. 2000.

дуализм. Но наш индивидуализм асоциален, поэтому институты гражданского общества не формируется, а их место занимается кликами.

В чем тому причины? Базовой причиной дефицита солидарности видится слабость институционального каркаса общества. Институты в данном случае — не учреждения, а нормативная система, ансамбль правил и норм. Ситуация неэффективности формальных институтов побуждает людей рассчитывать исключительно на собственные силы. Слабость нормативных установлений, отсутствие ясных и общеобязательных правил игры оставляют индивида наедине со своими проблемами и обрекают человека на поиск формул индивидуального выживания и успеха. В результате установка на индивидуальные выживание и успех становится единственно рациональной жизненной стратегией.

Впрочем, эту ситуацию было бы ошибочно видеть исключительно в качестве российской девиации: и в тех странах, где гражданские общества относительно эффективны, социологи констатируют взрыв индивидуализма: «Вера в спасительную миссию общества сегодня мертва по обе стороны разобранной идеологической баррикады — во дворцах и хижинах, в элитных кварталах и городских гетто. Люди оказываются во власти ощущения того, что отсутствуют механизмы обеспечения эффективных коллективных действий сегодня и мало надежд на их возрождения в будущем»[8].

7. ***Строгость этических норм.*** *Поведенческие кодексы, принятые в прогрессивных культурах, обычно более ригористичны.*

В сегодняшней России апелляция к этическим императивам выглядит архаичной. Более того, неартикулированное пренебрежение, переходящее порой откровенное презрение к этической норме, по умолчанию является одним из оснований системы правил отношений.

8. ***Справедливость и честность.*** *В межличностных отношениях, отличающих прогрессивные культуры, эти качества являются наиболее ожидаемыми. И наоборот, для статичных культур справедливость, подобно персональному успеху, представляет собой функцию, реализуемую только за деньги или в силу личных связей.*

Конечно, справедливость по определению — сущностно оспариваемое понятие. Однако справедливым в данной системе ценностей представляется право силы — финансовой, политической, административной, а честность воспринимается как вызывающий насмешку удел маргиналов.

9. ***Рассредоточение власти.*** *В прогрессивных культурах власть обычно рассредоточена по горизонтали, а в статичных культурах она сконцентрирована и реализуется вертикально.*

Концентрация власти традиционно была особенностью российского социума. Ее сегодняшняя версия характеризуется сосредоточением власти в пределах узкого сегмента акторов. Недавнюю тандемократию приходится признать ущербной версией рассредоточения власти. Стоит обратить внимание на концентрацию в современной России не только политической, но также экономической власти.

Об этом определенно свидетельствуют результаты исследований распределения доходов. Недавно опубликованный отчет *Global Wealth* компании *Boston Consulting Group (BCG)* за последний год, в котором оценивается богатство самых состоятельных семей планеты, показывает, что Россия являет собой ярчайший пример имущественного неравенства. Среди прочих параметров Россия выделяется в связи крайне незначительным удельным весом богатых и сверхбогатых семей в населении страны. Так, согласно отчету *BCG* семь сотен сверхбогатых семей контролируют свыше $500 млрд, или более трети всего богатства страны, а в совокупности с 111 тыс. семей «классических миллионеров» (т.е. семей с состоянием более $1 млн), они контролируют около 70% всего национального богатства. Не случайно в список 15 стран с наиболее высокой долей миллионеров среди населения Россия не попала. Лидиру-

[8]Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: 2002. — С. 35.

ет здесь Сингапур (17,1%), Катар (14,3%) и Кувейт (11,8%). По расчетам *BCG*, доля богатых домохозяйств в России составляет около 0,2% (за основу взяты данные переписи за 2010 г.)[9].

10. ***Секуляризм.*** *В прогрессивных культурах влияние религиозных институтов на общественную жизнь незначительно, в то время как в статичных культурах оно зачастую весьма существенно. В первых из них поощряются разногласия и плюрализм, а во вторых — ортодоксия и конформизм.*

На наш взгляд, наличие религиозной регуляции может быть свидетельством разного качества социальных отношений, а в условиях катакомбного формата существования церкви — проявлением нонконформизма и этической состоятельности. В современном российском социуме относительно высокий рейтинг доверия к церкви — результат эрозии других институтов; церковь замещает иные, нерелигиозные по своей базовой природе институты, прежде всего дефицит регулятивной функции светской этики. В целом же нормы религиозной этики — христианской, мусульманской или какой-то иной — востребованы в связи с масштабной девальвацией влияния иных форм социальной регуляции. Применение приведенных критериев к оценке эволюции России как общества определенно свидетельствует о стагнации (если не деградации) социальных отношений. Замещение современных норм архаичными неизбежно должно было привести — и привело — к системной архаизации. Думаю, не будет преувеличением возложить ответственность за подобное положение дел на доминантные группы — не только в силу исторической укорененности в России подданических паттернов, но в связи с тем, что в любой стране качество элит в полной мере является интегральным показателем состояния социума, а сами элиты — ключевыми драйверами социальных изменений.

В чем истоки нынешней стагнации и российских элит и общества в целом?

Для понимания природы подъема и упадка элит и возглавляемых ими наций полезно обратиться к концепции пассионарности Льва Гумилева, предложившего понятие *пассионарности* в качестве русскоязычного эквивалента англоязычного термина *drive*. Данный термин был призван определить кумулятивный результат действия этнологических, географических и исторических детерминант как «фактор икс», приводящий в движение народы[10]: «Пассионарность — это «способность и стремление к изменению окружения»[11]. Рассматривая примеры известных пассионариев — Александра Македонского, Наполеона, Люция Корнелия Суллы, Жанны д'Арк, Яна Гуса, протопопа Аввакума — Гумилев показал, что дело не в личном «героизме», а в создании этнической доминанты, которая организует пассионарность системы и направляет ее к намеченной цели[12]: «Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения»[13]; «Не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарности»[14].

В рамках данной методологической гипотезы находит разрешение дилемма «герой или массы» в качестве субъекта политического действия. Ключевая роль в истории принадлежит, несомненно, выдающимся личностям, однако из этого следует не игнорирование роли масштабных социальных групп, а констатация их *опосредованного участия*: большое сообщество становится субъектом благодаря своей избыточной энергетике (пассионарности), что проявляется в выдвижении крупных исторических деятелей, призванных и способных к реализации масштабных исторических задач. Со всей определенностью можно констатировать

[9]Forbes.ru. — 2012. — 01.06. — www.forbes.ru
[10]Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Гидрометеоиздат, 1990. — С. 260.
[11]Там же, с. 266.
[12]Там же.
[13]Там же, с. 273.
[14]Там же, с. 270.

глубинную связь между сообществом в целом[15] и масштабом лидеров. Причем порой энергичные социальные движения возникают из-за незначительных поводов, просто давая выход плещущей через край энергии молодого этноса: «Способ поддержания целостности системы зависит от эпохи, точнее от фазы этногенеза. В молодых системах элементы контактируют весьма напряженно… страстно, что и вызывает столкновения. Часто кровавые распри не несут ни идейного, ни классового смысла, происходя в пределах одного социального слоя»[16].

Концепция Гумилева стала развитием имевших место в более ранних памятниках социальной философии попыток понять природу энергии, лежавшей в основе поступков выдающихся личностей и целых народов. В частности, Георг-Вильгельм-Фридрих Гегель писал в «Философии истории»: «*…ничто великое в мире не совершалось без страсти*»[17]. Немало страниц рассмотрению роли индивидуальных страстей в развитии исторического процесса, в том числе включая самые низменные страсти, как «алчное стремление к богатству», приведшее к возникновению антагонистической социально-классовой структуры общества, посвятил Фридрих Энгельс в известной работе о происхождении семьи, частной собственности и государства[18]. Историк Огюстен Тьерри оставил описание наблюдавшихся в истории мощных общественных движений, ведомых мощной энергией, не всегда осознаваемой: «Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе отчета в той силе, которая их толкает. Они идут, движимые инстинктом, и продвигаются к цели, не пытаясь ее точно определить. Если судить поверхностно, то можно подумать, что они слепо следуют частным интересам какого-нибудь вождя, имя которого только и остается в истории. Но эти имена получают известность только потому, что они служат центром притяжения для большого количества людей…»[19].

Отмеченные подъемы, как правило, сменяются спадами, а на смену титанам во главе государств на этапе их восхождения приходят пигмеи в эпоху упадка.

Возвращаясь к реалиям постсоветской политики, можно сказать, что предельно лаконичной характеристикой нынешнего периода эволюции постсоветских элит является его определение как *пост-имперского этапа*. Одно из правил гегелевской диалектики гласит: познание сущности возможно при выходе за ее пределы. Иначе говоря, все познается в сравнении. В текущем году был отмечен 60-летний юбилей пребывания на престоле королевы Елизаветы II, правление которой войдет в анналы истории не только как одно из самых длительных в мировой истории, но и как отмеченное тяжелейшим кризисом — распадом одной из величайших империй мира, о которой прежде говорили, что над ней «никогда не заходит солнце». Представляет интерес взгляд на пост-имперскую эволюцию России в свете британского опыта.

Сложившись в течение XVI–XVIII вв., Британская империя достигла пика могущества в середине XIX в. Российская империя начала формироваться чуть позже, став в начале XVII в. второй по размеру территории после Британской империи страной. Спустя столетие — в начале XVIII в. — она обрела имперский статус, а в середине XX в., после Второй мировой войны, — в формате СССР — превратилась во вторую в мировой политической иерархии величину. Именно в этот период началось крушение Британской империи. Через полвека последовал распад империи советской. И хотя падение этих империй разделяет всего около по-

[15]Для его определения Лев Гумилев употреблял не вполне удачную конструкцию этноса: «Этнос — не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных, по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы… реальную этническую целостность мы можем определить как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями» (Там же, с. 103).

[16]Там же, с. 261.

[17]Гегель Г.-В.-Ф. Философия истории. — СПб.: Наука, 1993. — С. 76.

[18]Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. — М.: Издательство политической литературы. — С. 176.

[19]Тьерри О. Избранные сочинения. — М.: Соцэгиз, 1937. — С. 255.

лувека и процессы заката имеют немало общих черт, существенных различий больше. Главное отличие заключается в том, что распад Британской империи был вынужденным по характеру: она пала под напором центробежных импульсов, исходивших из колоний, несмотря на энергичные и целенаправленные усилия элиты по сохранению империи. Черчилль, вернувшийся во власть в 1951 г., через четыре года после утраты главной имперской жемчужины — Индии, заявил, что выиграл выборы не для того, чтобы «председательствовать при закате Британской империи».

Распад ставшего преемницей Российской империи СССР в высшей точке его могущества в немалой степени был инициирован самой отечественной элитой — позднесоветской номенклатурой. И если логика действий руководителей национальных республик в составе СССР очевидна — обретение независимой от Москвы легитимности, то не вполне логичный с формальной точки зрения добровольный отказ центральной элиты от власти во многом был определен особенностями внутренней организации, ментальности и установок сознания отечественной элиты конца 1980-х годов. Именно эти они сыграли ключевую роль в определении судьбы страны.

С чего начинается империя? Полагаю, что три кита любой империи — это *собственный* «*Большой проект*», *избыточная энергетика населения* (пассионарность — как витальная, так и метафизическая) и *эффективные технологии рекрутирования имперской элиты*, осознающей свою миссию. Совокупность перечисленных факторов составляет метафизическое пространство империи, вне которого невозможно ее физическое тело.

Первым собственным историософским имперским *проектом* стал проект «Москва — Третий Рим». Впоследствии этот проект обретал различные версии, одной из которых стал III Интернационал. Не случайно Н. Бердяев писал, что вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал[20]. Особенностью историософской доктрины Российской империи (после 1917 г. в формате СССР) была *установка на развитие*: «рука Москвы» была тяжелой и жесткой, но на периферийных территориях она выполняла функцию модернизации. Определенные аналогии тут можно провести и с империей Британской: несмотря на чудовищные издержки имперского строительства, империя не рассматривалась британцами исключительно как источник наживы — ее воспринимали как взаимосвязанное сообщество. Представление о «бремени белого человека» сформировалось в середине XIX в. не в последнюю очередь как оправдание цивилизаторской — модернизационной — миссии.

Что касается *энергетики населения*, то именно пассионарность на протяжении веков выступала неиссякающим ресурсом, необходимым «горючим материалом» исторического движения нашей страны. Однако, похоже, безжалостный к России XX век истощил доселе бездонный ресурс исторической энергии: несколько революций, форсированная системная модернизация страны и победа в самой кровавой из войн потребовали таких усилий, что поставили население страны на грань психологического и физического выживания на рубеже тысячелетий. Но ключевые причины, определившие специфику разницу пост-имперской эволюции России и Британии, коренятся в *особенностях формирования и ментальности ее политического класса* двух стран.

Специфика российской элиты была определена характером, условиями и темпами имперского строительства в России. Важнейшим по значимости фактором стали особенности территориального строительства Российской империи. Вызов пространства — «собирание земель», необходимость освоения и консолидации огромных территорий — наиглавнейший вызов любой империи, однако в случае Руси-России территориальный вызов стал не просто одним из вызовов — он стал смысловой доминантой в процессе государственного строительства и источником легитимности власти.

[20]Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. (Переизд. Париж: YMCA-Press). — М.: Наука, 1990.

Динамика территориального расширения в процессе создания Российской империи была беспрецедентной. Только в период с середины XVI в. и до конца XVII в. Москва ежегодно в среднем приобретала земли, равные площади современной Голландии. К началу XVII в. Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII в. Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы (Арнольд Тойнби впоследствии написал, что присоединение Сибири стоило России цивилизации…). К середине XVII в. российское государство стало самым большим государством в мире, а к середине XVIII столетия территория России — по сравнению с Московским княжеством начала правления Ивана III — увеличилась более чем в 50 раз, составив шестую часть обитаемой суши. Таким образом, Российская империя вышла по величине территории на второе место после Британской. Таким образом, процесс территориального расширения предстал базовым фактом нашей судьбы: «История России есть история страны, которая колонизуется»[21].

По сути, отечественный правящий слой на протяжении последних пяти веков складывался как *геократия — слой, призванный собирать земли и управлять ими*[22]. Другим, не менее важным фактором стала *необходимость защищать завоеванные земли*. Описывая политический строй Московского государства, Ключевский отмечал, что такоей своеобразный склад государственного порядка «объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа»[23]. Россия значительную часть своей истории провела в оборонительных войнах, что дало основание Ключевскому уподобить Московское государство вооруженному лагерю[24]. Для понимания роли пространства для российской элиты в прошлом, следует вспомнить мысль Фридриха Ницше о внешнем и внутреннем пространстве: внешнее пространство составляют формальные структуры — социальные, политические и т.п., тогда как внутреннее пространство вбирает в себя важнейшие области духовной сферы, язык, сознание и т.п.

В результате сложения факторов мощного по масштабу и стремительности территориального расширения Руси-России и необходимости ее защиты *территория-земля* стала и *внешним, и внутренним* пространством российской элиты. Более того, собирание земель и их защита предстали фактором легитимности российской власти, которая выступала в качестве основного инициатора территориального расширении: «Главная особенность российской колонизации заключается в том, что ее стимулятором, организатором, регулятором был „центр“, средоточие власти. И массовое перемещение населения из центральных губерний на просторы Сибири могло осуществляться лишь после того, как эти просторы были „завоеваны“, стратифицированы, поглощены властью. Именно по наущению или с ведома „центра“ или поставленных им в главных сибирских городах воевод или поддерживаемых и стимулируемых властью промышленников снаряжались лихие землепроходческие экспедиции вроде походов Семена Дежнева, Ерофея Хабарова или Василия Пояркова. Все оставленные ими на географической карте отметины… не только объявлялись принадлежащими московскому го-

[21]Ключевский В.О. Сочинения в 8 т. Т. 1. — М.: Политиздат, 1956. — С. 31.

[22]Термин «*геократия»* используется также Дмитрием Замятиным, но с другим смысловым наполнением: для обозначения той неопределенной когнитивной ситуации, которая сложилась в результате осмысления роли географического пространства в истории России и российской цивилизации (см.: Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Пространство российского федерализма // ПОЛИС (Политические исследования). — 2000. — № 5. С. 98—110).

[23]Ключевский В. История сословий в России. — Петроград: Лит.-издат. отд. Комиссариата нар. просвещения, 1918. — С. 121.

[24]Подробнее см.: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. — М.: Мысль, 1993. — С. 54, 514; Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2006. — Гл. 1-2; Солоневич И.Л. Народная монархия. — М.: Феникс, ГАСК СК СССР, 1991. — С. 40; Никольский Б. Войны России. (Русский колокол. 1928. № 3). // Наш современник. — 1991. — № 5; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. — М.: Высшая школа, 1993; Ключевский В. История сословий в России. — Петроград: Лит.-издат. отд. Комиссариата нар. просвещения, 1918. — С. 181.

сударю, но и геополитически привязывались к оному из центров власти — не к Москве непосредственно, так к Якутску, где сидел царский воевода, то есть становились микрокосмами, а затем и локусами власти…»[25]. Таким образом, пространство предстало подлинным фактором легитимации российской власти в историческом прошлом.

Территориальное расширение в столь значительных масштабах, такими темпами при бедности государственной казны и перманентных внешних угрозах (не случайно историк Сергей Соловьев применительно к России употреблял выражения «бедная страна», «бедный народ») требовало запредельного напряжения сил и населения, и элиты. Не случайно и то, что именно с петровских времен берет начало многовековой спор сторонников расширения территории страны и приверженцев сдержанности в расширении границ государства — спор, актуализировавшийся в советскую эпоху.

В условиях подобного имперского строительства России рекрутирование властного класса начиная с XV в. было выстроено по «служилому лекалу», основанному на принципе «привилегии — за службу государству». Этот принцип предполагал наделение управленческого класса государства — его политической элиты — *временными* привилегиями как вознаграждение за несение службы государству. Поэтому в качестве политической элиты России на протяжении пяти веков выступал высший эшелон административно-политической бюрократии. Сложившись еще в Московском государстве, этот принцип благодаря реформам Петра I, стал технологией выстраивания политических конструкций Российской империи. Можно с определенностью сказать, что имперская элита в России началась с отказа от принципов местничества и принципа землевладения в пользу «служилого критерия».

Данный критерий не случайно стал основанием системы рекрутирования власти: привилегии стали «пряником», необходимым для привлечения на государственную службу, поскольку последняя в условиях России порой была весьма далека от положения праздного класса. Более того, Василий Ключевский констатировал, что в нашей стране обязательные государственные повинности падали на высшие служилые классы порой с наибольшей тяжестью[26].

Положение российского политического класса действительно было весьма далеко от статуса подлинной элиты, что определило востребованность формирования российского властного класса по принципу наделения *временными, на условиях несения службы государству*, привилегиями. На основании данного принципа формировалось боярство в Московском государстве, дворянство и имперская бюрократия в Российской империи, партийно-хозяйственная номенклатура в СССР[27]. Этот «сквозной» исторический принцип формирования российской элиты определял перманентность ее стремления обрести передающиеся по наследству, а не временные и увязанными с несением службы государству, привилегии. В этом контексте можно упомянуть Манифест о вольности дворянства Петра III (1762), подтвержденный Жалованной грамотой дворянству Екатерины II (1785). Обретение *полноценных* привилегий в 1990-е годы стало революцией элит в качестве сообщества, нацеленного на реализацию партикулярных интересов и приватных целей (не случайно тогда термин «элиты» побил рекорд по степени употребления). Более того, собственность стала основанием рекрутирования во власть. Произошла *приватизация не только государства, но и статуса элиты*. Из носителя *миссии* она стала *приватным субъектом*. Создание империи — акт «длинной» исторической воли, требующий пассионарности. Но страсть истощает. Имперская элита устала от имперского бремени, а распад территории империи стал материализацией отказа от имперской миссии.

---

[25]Королев С.А. Бесконечное пространство. — М.: ИФРАН, 1997. — С. 33.

[26]Ключевский В. История сословий в России. — Петроград: Лит.-издат. отд. Комиссариата нар. просвещения, 1918.

[27]Подробнее см.: Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2006.

Не исключено, что отказ элиты от миссии и истощение пассионарности общества не имели бы столь эпохальных для страны последствий, если бы не совпали с глубинной трансформацией и глобального контекста. Эта трансформация многоаспектна, но в данном контексте затронем только два из ее измерений, а именно — ослабление привязки национальных политических и экономических акторов к «месту приписки» и всеобъемлющую маркетизацию системы общественных отношений.

Одним из первых характеристику философско-политических последствий первой их отмеченных трансформаций представил еще в начале 1990-х годов многолетний советник президента Франции Франсуа Миттерана, бывший глава Европейского банка реконструкции и развития, экономист и политолог Жак Аттали в работе «На пороге нового тысячелетия». Он определил рождающийся на рубеже XX–XXI вв. новый этап цивилизационного развития как «цивилизацию кочевников». Принципиальным отличием этой цивилизации становится изобретение и широкомасштабное внедрение в обиход компактных мобильных предметов и технологий, использование которых будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье: «привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций станут освобожденными, наделенными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами — своим народом, своими ближними. …Культура выбора, соединенная с логикой рынка, выделит для человека средства достижения беспрецедентной степени личной автономии. Владение кочевыми предметами (или доступ к ним) будет повсюду рассматриваться как признак свободы и могущества»[28].

Другим, но близким концептом, предложенным для характеристики новой эпохи, является понятие «текучей современности» как динамическом потоке времени-пространства, ключевыми акторами которой становятся дисперсно организованные, малозаметные властители, не привязанные к определенной территории — в отличие от массовых групп, определенно идентифицирующих себя с территорией-государством[29]. Важнейшей характеристикой элиты новой эпохи становится мобильность[30]. Для определения новой генерации Александр Неклесса предложил удачный термин — «люди воздуха»: «К усложнившейся и модифицированной системе власти получает доступ генерация „людей воздуха“, тесно связанная с постиндустриальным (нематериальным, *эфирным)* производством»[31]. Этот новый субъект по определению глобален и «не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков»[32].

Российская элита довольно легко вписалась в отмеченную тенденцию. Платой за приватизацию статуса элиты и обретение прежним «*служилым классом*» сопутствующих этой приватизации беспрецедентных по масштабу привилегий (передающихся по наследству, а не увязанных со службой государству) и стал отказ постсоветских элит на исходе XX в. от модернизационной миссии и «сброс» территорий. Территория утратила статус фактора легитимации, таковым стал скорее, фактор экстерриториальности. Российские элиты в значительной мере предстали органическим элементом номадической генерации современных элит, легитимация которых увязана с органичностью их интеграции в глобальные сообщества.

---

[28]Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. — М.: Международные отношения, 1993.

[29]Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь Мир, 2004; Бауман З. Текучая современность. / Пер. под ред. Ю.Асочакова. — СПб.: Питер, 2008.

[30]Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь Мир, 2004.

[31]Неклесса А.И. Homines Aeris or Who Builds the World? Люди воздуха, или кто строит мир? — М.: Инст. экон. стратегий, 2005. — С. 22.

[32]Делягин М.Г. Глобальный управляющий класс // Свободная мысль. — 2012. — № 1/2. — С. 74.

Однако в оценке отказа от модернизационной миссии элит автор далек от обличительного пафоса, как минимум потому, что ответственность за судьбу страны несут не только элиты, но и общество: каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Качество руководящего слоя есть лакмусовая бумага качества общества. Кризис лидерства — верный признак упадка нации[33]. Тяжелейшего, но временного и преодолимого или окончательного — вопрос открытый… В «Философии истории» Гегель разделял народы на исторические и неисторические. Предназначение первых — воплощение воли мирового духа (или смысла истории в терминологии Карла Ясперса) на различных этапах истории. Выполнив историческую миссию, народ может перейти в статус неисторического. Хочется думать, что применительно к евразийскому пространству этот исход не предопределен.

Что касается второго аспект трансформации, то рубеж XX–XXI вв. (не только в России, но в мире в целом) стал переходом к нестационарной системе социальных связей и радикальной перемены значения политики и экономики, когда важнейшей доминантой социальной организации предстала широкомасштабная *маркетизация системы общественных отношений*. Применительно к сфере политике эта трансформация нашла выражение в *превращении политики в сферу бизнеса и формировании политических рынков как разновидности экономических рынков, основанных на принципах прямого обмена спроса и предложения*[34]. Причем последние понимаются не просто как специфика современных электоральных кампаний, представших как сугубо коммерческий процесс, а как *глубинная трансформация системы отношений между управляющими и управляемыми.* Такая трансформация затронула системы государственного управления: современные государства обрели сервисный формат, сближающий их со сферой коммерческого обслуживания[35].

Сказанное означает принципиальное изменение механизмов легитимации элиты: рынок «все больше и больше признается легитимной инстанцией легитимации»[36], а профессионально вовлеченные в мир политики участники занимаются *политикой как бизнесом*[37] *и ориентируются в своем политическом поведении на бизнес-стратегии*[38]. Это меняет легитимность существующего порядка и дает основание вопрос о делегитимации демократии как идеально-типической модели политического режима и переходе к *постдемократии*[39].

В данном контексте неслучайными выглядят результаты эмпирических политико-биографических исследований состава политической элиты России[40], согласно которым существенная часть управленческого класса (депутаты Госдумы, члены Совета Федерации, губернаторского корпуса, федеральной исполнительной власти) по базовому профилю деятельности — выходцы из бизнеса — либо политические предприниматели, либо предприниматели классического толка.

---

[33]Gaman-Golutvina O. Political Leadership and Political Elites in Russia // Masciulli J., Molchanov M., Knight W.A. (eds.). The Ashgate Research Companion to Political Leadership. — Ashgate, 2009.

[34]Подробнее см.: Пшизова С.Н. Политика как бизнес: российская версия (I-II) // ПОЛИС (Политические исследования). — 2007. — № 2-3.

[35]Подробнее см.: Гаман-Голутвина О.В. Изменение роли и функций современного государства и реформы государственного управления: отечественный и мировой опыт. // Олейник А.Н., Гаман-Голутвина О.В. (ред.). Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе. — М.: РОССПЭН, 2008; Dyczok M., Gaman-Golutvina O. (eds.). Media, Democracy and Freedom. — Bern: Peter Lang, 2009.

[36]Бурдье П. О телевидении и журналистике. — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. — С. 42.

[37]Пшизова С.Н. Политика как бизнес: российская версия (I) // ПОЛИС (Политические исследования). — 2007. — № 2.

[38]Пшизова С.Н. Политика как бизнес: российская версия (II) // ПОЛИС (Политические исследования). — 2007. — № 3. — С. 75.

[39]Крауч К. Постдемократия (пер. Н.Эдельмана). — М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2011.

[40]Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ. 2012. / Под ред. Е.Б.Шестопал и А.В.Селезневой. — М.: РОССПЭН, 2012.

Полученные в рамках упомянутого политико-психологического исследования данные коррелируют с результатами проведенных в разное время других исследований. Впервые вывод о том, что ведущей тенденцией рекрутирования российской политической элиты является не приток выходцев из силовых структур[41] (о чем писали многие публицисты в начале 2000-х годов), а массовый приход в сферу управления выходцев из бизнеса, был сделан в рамках выполненного под руководством автора этих строк масштабного проекта «Самые влиятельные люди России»[42]. Подтверждение того, что предпринимательство стало ведущим форматом политической деятельности на примере депутатского корпуса, было получено в рамках исследования персонального состава Государственной Думы в 1993–2011 гг., также выполненного под руководством автора данных строк в рамках общеевропейского проекта по изучению персонального состава национальных легислатур[43]. Другие исследования, основанные на изучении представительства крупного бизнеса в составе ведущих политиков России, также показывают, что выходцы из крупного бизнеса составляют весомый сегмент политической элиты России на протяжении последних двадцати лет[44].

Таким образом, *непосредственное* политическое участие крупного бизнеса (например, крупного предпринимателя Михаила Прохорова в президентских выборах 2012 г. в качестве кандидата) или *опосредованное* (когда предприниматели обретают депутатские мандаты или занимают губернаторские кресла, что, как показывают исследования, в России весьма распространено) предстает как наиболее заметная черта современной российской политики.

Что касается политического участия действующих или бывших сотрудников специальных структур, то анализ[45] показывает, что профильное военное или специальное образование не мешает его носителям быть эффективными лоббистами коммерческих структур, что вписывается в упомянутую тенденцию всеобъемлющей маркетизации. В России отмеченные тенденции масштабной маркетизации системы общественных отношений и изменения механизмов легитимации власти элит проявляются с большей силой, нежели в странах с устойчивыми демократическими традициями. Постсоветский период в России стал больше, чем простым отказом от политико-идеологических оснований предшествовавшей эпохи — он стал радикальным отрицанием прежних системообразующих смыслов.

При анализе особенностей российской версии маркетизации следует принять во внимание ее принципиальную особенность, а именно — конгломератный характер. Этот термин, предложенный Алексеем Богатуровым[46], означает сосуществование разнородных укладов и отношений. В данном контексте речь идет о сосуществовании — наряду с системой рыночных отношений — уклада, существенно от нее отличного, а именно *феодального*. При этом

[41]Хотя в начале 2000-х годов такая тенденция действительно имела место. В связи с этим тогда немало писалось о том, что возрастание удельного веса действующих и бывших военных в период первого срока президентства Владимира Путина привело к формированию в России новой правящей хунты — милитократии (см., напр.: Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. — 2002. — Т. 7 — № 4. — С. 158-180). Критику данной позиции см.: Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.). Самые влиятельные люди России. — М.: Имидж-контакт, 2004; Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформаций в российской элите // ПОЛИС (Политические исследования). — 2009. — № 5.

[42]Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.). Самые влиятельные люди России. — М.: Имидж-контакт, 2004.

[43]Результаты предшествовавших этапов проекта см.: Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // ПОЛИС (Политические исследования). — 2006. — № 2-3.

[44]Шабров О.Ф. Динамика изменения удельного веса и влияния корпоративного компонента политической элиты постсоветской России // Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред). Элиты и общество в сравнительном измерении. — М.: РОССПЭН, 2011.

[45]Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2006. — Гл. 6.2.

[46]Богатуров А.Д. Анклавная природа мировой политики и перспективы формирования мирового общества // Богатуров А.Д. (отв.ред.). Современная мировая политика. Прикладной анализ. — М.: Аспект Пресс, 2009.

данные уклады существуют не как *рядоположенные*, а *взаимопроникающие,* вследствие чего российский рыночный сектор деформируется и обретает характер *квазирыночного.*

Данное положение требует ряда пояснений.

Термин «феодальный» — впрочем, как и ряд других терминов социального знания — имеет различные трактовки. Наиболее распространенное значение — это определение одной из неповторимых стадий общественно-экономического развития. В данном же контексте термин используется в его политическом измерении — для определения универсального явления, базовой характеристикой которого выступает слияние экономического и политического управления и образование на основании отношений патрон-клиентной зависимости самодостаточных квазигосударственных образований в рамках границ национального государства. Эта трактовка восходит к пониманию феодализма Марком Блохом. Именно такие образования сложились в России второй половины 1990-х годов. Сформировавшиеся в тот период политико-финансовые структуры (олигополии) обрели собственный финансово-промышленный потенциал; свои службы безопасности; свои креатуры в органах власти различного уровня, силовых и правоохранительных структурах (МВД, ФСБ, прокуратура, суд); сформировали информационно-аналитические империи и связи с определенными регионами и отраслями; обзавелись «диванными» политическими партиями и установили контакты с определенными сегментами оппозиции. В результате крупнейшие олигополии превратились в многопрофильные и почти самодостаточные квазигосударственные образования. Это дало основание констатировать *тенденцию квазифеодализации* модели элитообразования, о чем свидетельствует приватизация приватными структурами прерогатив публичной власти. Дополнительным аргументом в пользу квазифеодального характера данных образований свидетельствует предпринятый в работах Михаила Афанасьева анализ отношений в рамках этих образований, который показал отчетливый патрон-клиентный характер таких связей[47]. Воспроизводство отношений клиентелизма можно рассматривать в качестве веского основания для диагностирования архаизации процессов элитообразования[48].

В итоге переплетения различных укладов образуется российская версия *общества риска*[49] и российский вариант *текучей современности*[50]. Формирование общества риска есть мировая тенденция, затрагивающая — в той иной степени — все значимые сегменты мира. При этом каждая из значимых версий данной тенденции имеет свои особенности, для понимания которых можно использовать предложенную Парагом Ханной характеристику структуры современного мира. Отказываясь от традиционного видения этой структуры, Ханна полагает, что его трехполюсная структура — «первый», «второй» и «третий» миры — стала анахронизмом; сегодня осталось разделение на «первый» (США, ЕС, Китай) и «второй» миры (все остальные)[51]. При всей дискуссионности данной дихотомии, ее можно принять в отношении одного критерия — а именно, качества социальной организации и оснований социально-политической мобильности. В «первом мире» — при всех его очевидных уязвимостях и слабостях — вектор социальной мобильности в той или иной мере содержит элементы продвижения по формализованным рациональным основаниям (профессиональная компетентность, образование, заслуги и т.д.); во «втором» — системы мобильности выработаны на иных критериях.

Учитывая разнородность и разнокачественность «второго мира» можно предположить, что в наиболее архаичных анклавах «второго мира» принципы социальной организации и

[47]Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. — М. Московский общественный научный фонд, 1997. — С. 280, 282.

[48]Подробнее о признаках феодализации в российской трансформации см.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 1-е изд. — М.: Интеллект., 1998.

[49]Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

[50]Бауман З. Текучая современность / Пер. под ред. Ю. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008.

[51]Ханна П. Второй мир. — М.: Европа, 2010.

вертикальной мобильности основаны на откровенно рудиментарных принципах организации традиционных обществ (кровное родство, племенные характеристики, откровенный клиентелизм); в модернизированных версиях эти архаичные принципы сочетаются или, по крайней мере, завуалированы модернизированными принципами (образование, партийная карьера, профессиональная компетентность, опыт работы), однако решающими, как правило, выступают не эти принципы, а основанные на неформальных отношениях критерии.

В России на протяжении двух последних десятилетий эксперты, включая автора этих строк, неоднократно фиксировали доминирование в системе социальных отношений патрон-клиентных отношений[52]. Отмечалось отличие российского клиентелизма от его классических версий, распространенных в обществах традиционного типа, к числу которых на постсоветском пространстве относились государства Центральной Азии[53]: если в последних базовым основанием консолидации элитных кланов выступают кровнородственные и земляческие основания, то в России 1990–2000-х годов — экономические интересы.

Анализ процессов рекрутирования доминирующих групп во втором десятилетии текущего века позволяет скорректировать данную характеристику — к сожалению, не в пользу модернизации критериев. В сплачивающих элитные группы экономических интересах все более отчетливо просматривается более архаичный компонент, а именно — родственный. Естественно, наиболее заметны родственные связи в формировании бизнес-элит: анализ поколенческого обновления бизнес-структур показывает приход на руководящие позиции младшего поколения создателей бизнесов. Однако бизнес-элитами эта тенденция не ограничивается и охватывает сферу публичной власти. Два поколения семей Жириновских, Воробьевых, Пономаревых, Гудковых, родственные связи значительного числа других действующих членов Государственной Думы и Совета Федерации, семейные тандемы в составе правительства в 2007– 2012 гг. — лишь «надводная часть» родственно-семейных айсбергов, отчетливо сигнализирующая о том, что современный российский клиентелизм обретает семейно-родственные очертания.

Своеобразие данного варианта заключается в противоречивом сочетании почти не просто разнокачественных, но конфликтующих укладов — феодального и современного, даже постсовременного. Если первый предполагает статичность отношений, их основанность на принципах статичной структурации, низкой мобильности и низком качестве оснований мобильности, но последний предполагает изменчивость границ, принципиальную относительность разделительных линий и включенность социума в систему глобальных коммуникаций.

Очевидно, что в данной системе субъектность имеет крайне противоречивый характер и вектор. Доминирующим компонентом субъектности становится *приватный:* даже персонифицирующие *публичные институты* лица действуют по преимуществу как *приватные акторы*. Так, коррумпированность бюрократии означает, что она действует по преимуществу не как агент государства, ответственный за производство общественных благ, а как *приватный актор, нацеленный на максимизацию приватной прибыли.*

Тут следует оговориться, что под восстановлением субъектности имеется в виду не стремление к созданию новой империи — об этом речь не идет в принципе. Субъектность в данном случае означает более адекватное использование разнообразного и обширного ресурсного потенциала для реализации масштабных инновационных (социальных и технологических) проектов, что позволит стать России более успешным и влиятельным политическим игроком.

Если вернуться к аналогии с Британией, то ее переход в пост-имперское качество произошел *не благодаря, а вопреки* усилиям политического класса. Сохранить империю не

[52]См., например: Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.). Самые влиятельные люди России. — М.: Имидж-контакт, 2004 и др.

[53]См.: Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2006. — Гл. 6.1.

удалось, и многое из того, что знакомо нам из отечественной истории последних лет, имело место и в Альбионе. И тем не менее, хотя в начале 1960-х годов о Британии говорили, что она «утратила империю и не нашла новой роли в мире», а в 1970-х годах ее называли «больным человеком Европы» (как некогда Османскую империю), снижение субъектности не носило характер обвала.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что объективные предпосылки российской субъектности налицо — разнообразный потенциал, обширная территория (Российская Федерация является самым крупным государством мира), всевозможные политические механизмы. Недостает одного, но ключевого ресурса — «длинной» политической воли. Пассионарности. Куража. Каждая эпоха рекрутирует своих героев: империи создаются титанами. Но героические эпохи — в прошлом. Страсть истощает…

Впрочем, снижение политической субъектности может быть сублимировано в экономическую пассионарность. Вспоминается известная траектория развития экономического класса другой страны — «финансист — титан — стоик». История может повториться…

Есть ли основания надеяться, что нынешний упадок и российских элит, и российского общества — временный? И где найти тот спасительный рычаг, который способен стать инструментом преодоления стагнации? На эти вопросы вряд ли могут быть найдены однозначные ответы — они во многом зависят от точки отсчета. Авторы монографии «Культура имеет значение» видят первоисточник и социального упадка, и общественного восхождения в культуре[54]. Исходя из этой посылки, можно заключить, что сформировавшиеся паттерны клиентелизма элит способны заблокировать будущее развитие. Тут есть риск попасть в порочный круг: прогресс невозможен вследствие негативного культурного наследия, обретающего статус не просто *path dependency*, но блокирующего развитие фактора.

На наш взгляд, выход из порочного круга возможен на путях институциональной трансформации. Опыт успешно преодолевших аналогичный порочный круг стран показывает, что путь к *хорошему обществу* лежит на путях строительства *правильных институтов*. Думаю, что преодолеть порочный круг возможно посредством создания эффективно работающих институтов. *Институты имеют значение* — этот парафраз знаменитого принципа шведских ученых Яна-Эрика Лэйна и Сванте Эрсона (*«институты важны»*)[55] может стать второй частью максимы, претендующей на роль универсального рецепта успешного государство-строительства. Именно эффективно работающие институты со временем меняют архаичные нормы культуры. Рационально создаваемые институты, понимаемые в качестве эффективной нормы, и есть путь к искоренению изживших себя норм *культуры*.

В свое время Талкотт Парсонс писал: институты — это «всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешенного и запрещенного поведения в социальных отношениях для людей в их взаимоотношении друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп»[56]. К такой трактовке близка позиция Сэма Хантингтона, который понимает институты как «стабильные, ценные, повторяющиеся нормы поведения»[57]. Этим трактовкам созвучна интерпретация Дугласа Норта: «Институты — это ‘правила игры’ в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми»[58]. Приверженцы нового институционализма пошли дальше и выдвинули предположение о том, что институты воздействуют на существующие в обществе ценности, включая базовые — справедливость, ин-

[54]Харрисон Л., Хантингтон С. Культура имеет значение. — М.: Московская школа политических исследований, 2002.

[55]Lane J., Ersson S. Politics and Society in Western Europe. — L.: Sage Publications, 2000. — P. 9.

[56]Parsons T. Structure and Process in Modern Societies (A Collection of Essays). — Glencoe (Ill.), 1960. — P. 177.

[57]Huntington S. Political Order in Changing Societies. — New Haven: Yale University Press, 1968. — P. 12.

[58]Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. — М.: Начала, 1997. — С. 17.

теграция в сообщество, коллективные идентичности, солидарность и доверие. Благодаря Джону Роулзу данное положение получило операционализацию. Он сформулировал позицию, согласно которой именно справедливые политические институты могут способствовать построению справедливого общества, а не наоборот, справедливое общество создаст справедливые политические институты[59]. Думаю, эта мысль может стать основой эффективного социального проектирования и в сегодняшней непростой российской ситуации.

Но откуда взяться эффективным современным институтам? Как показывает опыт историй успешных государств, архимедовым рычагом выступает фактор эффективного лидерства, создающего эффективные институты. Нет оснований полагать, что российский случай — исключение из правил.

[59]Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. — М.: 1999. — С. 154.

Русская власть: описания и рефлексии

МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКАЯ ВЛАСТЬ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО»

Стенограмма конференции

Аннотация: *Материалы российско-украинской конференции «Русская власть и бюрократическое государство», проходившей в г. Ростов-на-Дону 26—27 марта 2012 г.*

Ключевые слова: *государство, бюрократия, русская власть, русская система, «дворцовое государство», когитократия, кризис.*

Участники:

Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Глебова И.И., доктор политических наук, профессор (Москва, ИНИОН РАН)

Дружинин А.Г., доктор географических наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Константинов М.С., кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Лубский А.В., доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Макаренко В.П., доктор политических и доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Мартиросов М.А., аспирант (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Николаев И.В., аспирант (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Оболонский А.В., доктор юридических наук, профессор (Москва, НИУ-ВШЭ)

Пивоваров Ю.С., доктор политических наук, профессор, академик РАН (Москва, ИНИОН РАН)

Попов В.Ю., младший научный сотрудник (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Поцелуев С.П., доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Субботин А.И., кандидат философских наук, доцент, младший научный сотрудник (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Ткаченко В.Н., доктор исторических наук, профессор (Киев, Национальная академия педагогических наук Украины)

Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального университета и других вузов, общественность Ростова-на-Дону

В.П. Макаренко: Дорогие коллеги, разрешите открыть очередную российско-украинскую конференцию: «Русская власть и бюрократическое государство». Ее проводит Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета совместно с Центром россиеведения Института научной информации по общественным наукам РАН и клубом «Интеллектуальный Ростов». Есть множество поводов для дискуссии по обозначенной теме. Поприветствуем друг друга и представимся слушателям.

Ю.С. Пивоваров: Я буду краток, чтобы подольше поработать. Должен сказать, что все приглашенные участники всегда рады сюда приезжать. Мы здесь второй раз. В первый раз дискуссия была очень интересная, жесткая, умная, по-настоящему научная. Я рад, что наше сотрудничество реальное, а не на словах. Мы привезли уже подписанное положение о создании совместной лаборатории россиеведения Южного федерального университета и Института научной информации по общественным наукам РАН. Это идея Виктора Павловича. Мы идем в хвосте за ним, и волна несёт нас. Надеюсь, работа приобретёт практические черты. Что касается наших конференций, то был русский философ Розанов. И он, кокетничая, говорил: «Может я не талантлив, но тема моя гениальна». Он был гений. Я думаю, тема нашей конференции предельно важная. Докладчики, в том числе и я, попытаются показать, насколько это сейчас актуально. Понятно, что человек моей специальности — историко-политологической — считает, что тема власти центральна. Кто-то считает по-другому. Но я буду настаивать, что проблема государства и власти является центральной, и здесь упомяну В.И. Ленина. Причем, мы собираемся поговорить о не о власти вообще, а о русской власти, в её сравнении с феноменами других стран. Спасибо!

А.Г. Дружинин: Уважаемые коллеги, прежде всего хочу поблагодарить Юрия Сергеевича за создание совместной лаборатории. Год мы обсуждали эту тему. Данная конференция — большой проект уже в рамках лаборатории. Это важно и ценно. В зале присутствует много молодых коллег, и я обращаюсь к ним. Вам довелось учиться, а нам работать в одном из лучших университетов России. В этом университете сложилась и успешно действует одна из крупных, уважаемых и в России и за рубежом, научных школ в области социально-экономических и гуманитарных наук. Ее возглавляет профессор Макаренко. Работу, плодотворность и активность этой школы мы наблюдаем, в том числе в формате данной встречи. Для нас важна также тема конференции и объединение в ее рамках научного потенциала Москвы и Украины. Если смотреть с точки зрения численности исследователей, то в Москве сосредоточена примерно треть, а по качеству около половины того, что есть в России. Второй момент — это связь наша с Украиной. При всех экономических трендах и политических веяниях Украина — наш братский народ. В Ростове мы должны это понимать и рассматривать как безусловный геополитический и стратегический приоритет. Спасибо нашим украинским коллегам, которые приезжают к нам! Мы с удовольствием с ними общаемся, всегда рады поддерживать с ними связь.

Тематика конференции крайне актуальна. Я спросил у Виктора Павловича, как он понимает термин «Русская власть». Мне приятно, что его и мое понимание совпадают. Речь идет о власти, которая существует в конкретном территориальном, социально-экономическом контексте России. Именно поэтому она называется Русская. Её состояние и перспективы неразрывно связаны со всем, что происходит на территории нашей Родины. В последних книгах всё чаще говорят о кризисе власти. Эта тема на конференции тоже звучит. Наша страна находится в системном кризисе, несмотря на обнадёживающие показатели статистики. Население России за 20 лет сократилось на 4,5 млн. людей. Это с учётом 14 млн. миграции в Россию. Перспективы сложны. В экономике мы много вывозим, экспорт растёт. Но две трети экспорта — это сырьё, нефть и газ. Если же посмотреть на передовые отрасли экономики, то Россия — это 2% мирового населения, на которое приходится 0,9% обрабатывающей про-

мышленности и 0,4% продукции высокотехнологичной промышленности. Россия — сырьевая страна. Это огромный вызов перед обществом и Русской властью, о которой пойдёт речь. Коллеги, я хотел бы пожелать вам интересных идей и увлекательного обсуждения. В аудитории много молодёжи. Поэтому я хочу сказать: будущее зависит от нас и от вас. Не торопитесь покидать эту страну. Она достойна того, чтобы в ней жить и работать. Это наша с вами страна. И она будет такой, какой мы с вами её сделаем.

В.Н. Ткаченко: Здравствуйте! Я очень рад, что судьба так сложилась, что наша дружба с Виктором Павловичем Макаренко продолжается уже 30 лет. И у меня есть возможность через него и через Ваш центр общаться с ведущими научными сотрудниками Москвы. Мы уже встречались с Юрием Сергеевичем и с Ириной Игоревной. Мне очень важна такая мозговая атака, творческий обмен мнениями. Лет 15 мне пришлось работать в бюрократическом аппарате. Там интеллектуально деградируешь. Когда опять пришлось вернуться в науку, то надо было приобретать форму. Кажется, понемногу это удаётся. Общаясь на таком уровне с такими интересными людьми, надо подтягиваться. Это один, чисто личный момент. Другой момент — уже общественный.

Я помню, как ещё в СССР, по линии обществознания мы выезжали в провинцию читать лекции. И пришла из одного села жалоба на лектора: после его лекции люди побежали в магазин, начали раскупать спички, соль и мыло. А тема лекции была «Борьба Советского Союза за мир во всём мире». Коллеги уже обратили на это внимание. Я тоже хочу сказать, что тема нашей конференции обязывает к деликатности ту и другую сторону. Меня беспокоит гражданское общество в России и на Украине. Как они настроены на диалог, на взаимопонимание? На Украине держится стабильно хорошее отношение к России на уровне 88—90%. В России похуже, хотя уже полегче. Но 25% относятся к Украине плохо или очень плохо, а 65% нормально или более-менее нормально. Здесь я сошлюсь на центр Левады. 33% россиян желают, чтобы Украина находилась под экономичеким и политическим контролем России, 53% хотят, чтобы Украина была независимым государством, и 15 затрудняются ответить. Я считаю, что цифры нормальные. Как же настроены украинцы? 67% полагают, что Украина должна быть независимой, а 16% считают, что Украина и Россия должна быть единым государством. Это вполне хорошие цифры, и не сильно отличаются от той идентичности, которая имела место в Советском Союзе, где меньшинство относило себя именно к советским гражданам. Поэтому я думаю, что здесь всё нормально. На вопрос, куда смотрят украинцы, отвечали тоже по разному. Естественно, западные украинцы смотрят на Запад, восточные украинцы смотрят на Восток. 74% ориентируется на Европу, Донбасс (а это 26%) ориентируется на Россию. Но если мы возьмём молодёжь Донбасса, то 51% ориентируются на Европейский Союз. А в целом на Европу ориентируются более 40%, а против 34% и 20% воздерживается. Но это всё понятно, а вот Крым, который «незаконно отдан» и только спит и видит, как бы перебежать к России, там всё не так просто. Более 71% крымчан выступит за независимую Украину, как это бы не показалось несоответсвующим действительности. Т. е. это желание зависит от реального материального состояния человека.

Я думаю, будет полезно, если после нашей встречи, хоть на региональном уровне, процент лучшего отношения друг к другу хоть немного увеличится. Во всяком случае, каждый из нас будет знать, что греха на душе нет и мы работаем на благо наших двух стран.

В.П. Макаренко: В завершение приветственной части хочу высказать публичную благодарность супруге, профессору Татьяне Александровне Марченко. Она поддерживает все наши акции и в крутую минуту всегда готова подставить плечо. Тата, тебе огромное спасибо!

Разрешите перейти к повестке дня.

Пивоваров Ю.С. Русское государство и русская политика в XX — XXI вв.: причины и содержание современного кризиса.

Что такое русская власть, как мы её понимаем? Здесь говорили, как русские и украинцы друг к другу относятся. Немного неловко, если так много русских плохо к украинцам относятся. Я думаю, это не так, это социологическая ошибка. В России любят Украину, и наоборот. На Украине нет русской власти, там другая власть. В одном из прекрасных мест Киева — одного из красивейших городов мира — есть памятник Магдебургскому праву. Что это за право? Это право самоуправления городов в Центральной и Восточной Европе. Это европейское право, оно было в Польше, в Германии, в Белоруссии. А в Москве, в центре, на Красной площади стоит Лобное место. В Киеве памятник Магдебургскому праву, а в Москве Лобное место. Все знают, что такое Лобное место?

В.П. Макаренко: Там головы секли…

Ю.С. Пивоваров: Там ещё оглашали всякие указы и приказы, но и головы тоже рубили. Возможно, это сравнение дешевое, но по существу оно очень важное. Когда я оперирую термином «русская власть», я имею в виду ту власть, которая сформировалась в Восточной Руси, во многом под влиянием Золотой Орды, чего на Украине не было. Малороссийская история, как сама по себе, так и в рамках Российской Империи, иная. Но вернёмся к нашей теме. Я буду говорить о русском государстве, русской власти и русской политике в начале XXI века, т. е. сейчас.

Осенью 2011 года и в начале 2012 в Москве прошли события. Они заставили меня, уже не молодого исследователя, пересмотреть целый ряд своих идей, пониманий и т. д. Эти события пока не переросли во что-то особенное. Но я считаю, что за ними кроется глубочайший кризис, в котором находится наше государство. К этому кризису Россия подходила очень долго. Кризис не связан с фигурами Путина и Медведева, с какими-то конкретными вещами. И хотя кризис связан с какими-то лицами, но он более глубинный, фундаментальный, серьёзный и опасный. Если Россия не сможет найти выхода из кризиса власти, государственного кризиса, и не найдёт себе другую модель государственного устройства, то будущего, о котором говорили наши учителя, у России может не быть. Власть и общество должны договориться и изменить конституционную модель Российской Федерации. Мой тезис заключается в том, что основной закон — Конституция РФ 1993 года, та Конституция, в которой сейчас живет Россия — устарел. В рамках этой Конституции невозможно дальнейшее социальное, политическое, экономическое и любое другое развитие России. Или возможно как посткризисное, неудовлетворительное, не ведущее к чему-то лучшему. А о всяких модернизациях, о которых говорил Медведев, вообще следует забыть.

Таков мой радикальный вывод. Сразу скажу, что я имею в виду. Россия должна отказаться от модели самодержавного президентства. Фактически, в рамках сегодняшней Конституции, и той политической системы, которая сложилась в России, президент обладает ничем не ограниченной самодержавной властью. Как вы знаете, он был ограничен выборами. Но выборы приобрели сейчас иной характер. Какой — мы об этом тоже поговорим.

В начале XX века, ещё до революции, в одной из учёных немецких книг наш политический строй характеризовался как «конституционная монархия, под самодержавным царём». Если вдуматься, то такого не может быть. Или это самодержавный царь над всей Россией, или это конституционная монархия с царём. А у нас а) самодержавный царь и б) конституционная монархия. Что это такое? Откуда это взялось? Дело в том, что в России в 1906 году была принята первая Конституция России. Когда я учился в школе, нас учили, что первая Конституция была принята 5 июля 1918 года, Конституция РСФСР. По мнению абсолютно подавляющего числа юристов, зарубежных, эмигрантских, самых разных, в России 23 апреля 1906 года за несколько дней до открытия Первой Государственной Думы была принята Конституция. Царь её даровал народам Российской Империи. И в этой Конституции была та

же самая модель власти, что и сегодня. Было разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Была нижняя палата парламента, она называлась Думой. Но царь стоял над системой разделения властей. Он был выше системы разделения властей. Такой системы не было ни в одной конституции мира ни до того, ни в те времена. И вот уже прошло более 100 лет, ни в одной конституции мира такого нет. Во всех конституциях мира, где есть президент (как в США или полупрезидентской Франции) он вписан в систему разделения властей. В США это просто глава исполнительной власти, его власть сильно ограничена конгрессом США и Верховным Судом. Во Франции президент играет большую роль, но он не может повлиять на формирование правительства. Во Франции скоро будут выборы в Думу. Если победит снова Саркози, а социалисты победят в парламент, то Олланд возглавит правительство, и Саркози не сможет его выгнать. А в Русской конституции, например, в 1990-ые годы, когда коммунисты побеждали на выборах, Ельцин не назначал Зюганова премьером. Конституция этого не предполагала. Т. е., мы унаследовали, в основных чертах, за исключением системы местного управления, федерализма, конституцию 1906 года. Важным является опора на верховную власть, и ее соотношение с другими властями.

Надо сказать, что и конституцию 1906 года придумал ни кто иной, как Михаил Сперанский — известный реформатор начала XIX в. Его работы написаны для Александра I, который хотел ввести конституцию, потом испугался — не ввел. И не стал отцом-основателем русской конституции. Но он стал автором основного конституционного текста России. В XIX столетии элементы плана Сперанского были постепенно реализованы. Мы помним Земскую реформу 1864 года, которой Россия гордится. Земское самоуправление резко двинуло Россию вперед. Если сравнивать с экономикой сегодняшнего дня, то 100 лет назад в России было всё наоборот. Дореволюционная Россия развивалась такими темпами, которыми только сейчас развивается Китай. Это было русское предреволюционное экономическое чудо, и это тоже важно знать. Русское экономическое чудо было непревзойдённым, русская промышленность на протяжении нескольких десятилетий давала годовой прирост примерно 9%. В России строилось железных дорог в год, начиная с 1890-ых годов, в 1,5 раза больше, чем в остальном мире! Пропускная способность русских железных дорог в 1916 году была выше, чем американских. Вы можете себе сегодня представить, что пропуская способность автомобильных дорог в России выше, чем в США? Не можем. Россия была единственной страной, которая в годы Мировой войны не ввела карточную систему и не перераспределяла продовольствие по карточкам, поскольку продовольствия было достаточно. И в этих условиях произошла революция. А сейчас всё идёт вниз, но революции нет.

В свое время нас учили по Ленину, что когда верхи не могут, а низы не хотят, то начинается революция. И тогда могли ее сделать. Идём дальше. Мы говорим об особом характере русской власти. А что это за особый характер Русской власти, которой нет, например, на Украине? И странно, что она появилась в Белоруссии, поскольку Белоруссия не была ареалом, на котором Русская власть оперировала на протяжении столетий…

Какова же Русская власть?

Она всегда *персонифицированна*. Человек, который сидит на троне, в Зимнем Дворце или в Кремле, — он и есть власть. Но современный характер власти построен на отделении фигуры носителя от природы власти. Неважно, Буш его фамилия или Обама. Есть президент, который действует в рамках полномочий. А в России власть связана с определённым лицом. Это пережиток традиционалистских обществ. Россия и есть такое общество. В этой связи я люблю цитировать Павла I, который сказал, что в России только тот значит, с кем я разговариваю, и в то время, пока я с ним разговариваю. Кстати, очень любопытно, что в разных социологических исследованиях появляются данные по поводу губернаторов, о количестве минут, которые они говорили с крестьянами и с простым народом. Это подтверждает то, что я говорил выше. Я это читал в открытых социологических данных. И мы знаем, что это так.

Русская власть — это *насилие*. Во всём мире власть предполагает насилие. Но в европейском христианском мире к насилию добавился договор, конвенция. Власть — это договор властвующего и подвластного, насилие в рамках закона. В России никакого договора нет. Это хорошо передается поговоркой: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак». Речь идет не только о власти в Кремле, но о любой власти. Ректора, директора, зав. кафедрой, директора бани, директора стадиона — не важно. Всегда есть место для насилия, и почти нет места для договора. Мне могут сказать, что это не всегда так. Да, не всегда, но идеалтипически это попрежнему так. Виктор Павлович упомянул концепцию Русской системы, которую мы писали в 1990-х с коллегой. Скорее это не концепция, а гипотеза. Как всегда, русские хотят написать 12 томов, но в лучшем случае получается одна книга. И хотят описать всё, а получается только пролог к введению. Один из образующих элементов этой гипотезы — понимание власти как единственного моносубъекта русской истории. Примерно с XVI века власть становится единственным игроком, или, как учат сейчас студентов — актором на сцене русской истории. Это моносубъектное общество в отличие от полисубъектного.

И ещё очень важно для понимания русской власти то, каким способом она *ограничена*. На Западе власть ограничивается конституционными актами. Ещё в Средние века не было Конституции, но существовали конституционные акты. И современное ограничение государства находится в самой конституции. В ней показано, что государство может, а что не может делать. Там прописано разделение на частное и публичное право. А в России как было? Здесь сама власть сама себя ограничивала, если хотела. Ключевский был замечательным политическим прорицателем. У него есть такие слова, что Алексей Михайлович не сильно напрягал своё самодержавие, а его сын Пётр сильно напрягал своё самодержавие. Получается добрый и злой царь. В 1905 году шла Русская революция. Одни советники Николая II говорили ему утопить всё в крови, другие говорили дать Конституцию. Власть пошла на самоограничение. В 1993 году, когда 3 и 4 октября из четырёх танков был расстрелян Съезд народных депутатов, перед Ельциным тоже стояла дилемма — утопить всё в крови или дать конституцию. Он пошел на конституцию. Это касается и большевиков.

Когда мы говорим о феномене Русской власти, то нам рисуется страшный косматый монстр, который со всех сторон колит, рубит, режет. Это не так. В России есть другая мощная демократическая традиция. Она делает меня не законченным пессимистом, а осторожным оптимистом. Я на Восток не смотрю. Мы — христианская страна. И в демократическом отношении не намного отстаем от ближних к нам европейских стран. Самоограничение Русской власти началось уже в XVII веке. Когда уже был выборный царь, а первым выборным царём был Борис Годунов ещё в XVI веке. Тогда выборы были больше выборами, чем сейчас. Лучше выбирали, это весьма любопытно. Василий Шуйский написал или подписал документ (что не так важно) об ограничении собственной власти и передаче большей части своих полномочий русской аристократии. Так всегда было во всём мире — самодержавная власть от императоров и кого угодно ограничивалась аристократией, потом условным третьим сословием, потом ещё чем-то и так формировался современный тип власти. И Русские соборы были не просто собранием населения, которые голосуют, как им скажут, как бывает сейчас. То были реальные институты.

Если будем хорошо работать два дня, Виктор Павлович обещает свозить нас в Азов. В 1641 году собрался Собор и царь Михаил решил идти на Азов. Но Собор сказал — денег нет. И никуда не пошли. Вот так решались дела. А несколько членов Политбюро посовещались — и начали Афганскую войну. А если бы они собрали Съезд народных депутатов, то еще не известно, что бы получилось. Есть ещё одна важная фигура — князь Василий Голицын. Это ещё перед Петром, в 1680-е годы. Этот человек разработал проект реформ, таких же, как Петр, создать флот, армию, образование, выйти на Запад, торговать, учиться. Но Петр всё это сделал за счёт закабаления основной массы населения, 95% населения была загнана в жесточайший, как сейчас бы сказали — тоталитарный гнёт. А князь Василий хотел всё это сделать

за счёт освобождения основной массы всех сословий, которые были закрепощены в середине XVII века. Он хотел всё это сделать на основании свободы. И это тоже русская традиция. Русская индустриализация конца XVIII — начала XIX века сопровождалась постепенной демократизацией политической жизни. А русская индустриализация товарища Сталина сопровождалась страшнейшим гнётом, когда люди загонялись в крепостное право.

В России всегда есть эти две традиции. Уже после Петра аристократия заставила подписать Анну Иоановну кондиции об ограничении власти. И опять, одна из любимых моих цитат, принадлежит крупнейшему мыслителю Петру Струве, одному из важных персонажей политической мысли России: «Если бы верховники в 1730 победили, то Ленин бы не победил в 1917». Уже тогда надо было ограничить власть — и всё бы пошло-поехало. Можно вспомнить то, что хотели декабристы, и русское освободительное движение, и кадетские проекты, — это всё мощная либерально-демократическая традиция России.

Но почему ничего этого не произошло? В этой связи я всегда студентов спрашиваю: как на английский язык переводится слово государство? В этом заключается один из самых больших парадоксов. Вообще, термин state впервые употребил Макиавелли в начале XVI столетия. На всех европейских языках это значит «статус». В любой современной политологической или юридической энциклопедии вы прочтёте, что термин «state» означает тот тип организации политической власти, который возникает в Европе в XVI-XVII столетиях и существует до сих пор. Потом он распространился по миру, где были белые христианские люди и где завоёвывали другие народы. И он связан с целым рядом обстоятельств: общество перестаёт быть традиционалистским, религиозно-сакральным и становится современным, секулярным. Это особый тип организации власти, с разделением властей, с конституцией. Это реальный правопорядок в действии. Нормы права действуют, и вся задача чиновников — быть слугами правопорядка.

А у нас, как говорят историки, слово государство возникло до того, как русские обрели свою письменность. Здесь этимология слова совсем другая — *государь*. И тип власти, который сформировался в России, пока не отменён. — Для обозначения характера русской власти есть другое слово — patrimony. Главная сущностная черта этого типа власти — неотделённость власти от собственности. Власть и собственность слиты воедино — это единый феномен. Поэтому на Руси и не произошло становление института частной собственности.

Чем ещё русское государство отличается от state? State — это правовая форма организации, здесь право является главным регулятором. В нашей Конституции тоже написано, что Россия правовое государство. Но должен сказать, что русские не знали слова «право» до начала XVIII столетия. Иоанн Прокопович перевёл это слово с немецкого языка, а до этого русские не знали, что есть право как способ саморегуляции. Русские занимались другим — они строили государство правды. И не в этом дело. Дело в том, что у нас этот Rechtsstaat невозможен по определению. Наша власть — это насилие, она слита с собственностью.

Теперь о необходимости новой Конституции. Пока в ней не будет закреплена новая модель власти — ничего не получится. Я процитирую себя: «Задача основного закона состоит не только и не столько в освещении той или иной властной структуры, а в упорядочивании открытого по своей природе политического процесса. Видеть в Конституции нормативные закрепления определённой формы правления — значит обрекать на стяжание. Это открытая норма, в которой возможны как сегодняшняя политическая система, так и другие варианты в будущем». Это противоречит тому, что я сейчас сказал. А вот человек гораздо более умный, один из авторов 5-ой Конституции Франции Морис Дюверже в 1978 году писал: «Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент, различные политические режимы могут функционировать в одних и тех же политических рамках». Вот так. Мне всегда было понятно, что та Конституция, которая была принята в 1993 году, вполне отвечает природе русской власти. Но мне казалось что эта конституция даёт возможность, однако… Когда прошли события в Москве, я

сам для себя понял, что эта конструкция устарела. Более того — я понял, что она устарела уже в начале XX столетия.

В последние месяцы в СМИ, на различных конференциях обсуждали тему Февральской революции в Петрограде. Даже в Киеве эту тему обсуждали. Да, не было бы Февральской революции — не было бы Незалежной Украины. Все хотели разобраться, почему произошла Февральская революция. Война была выиграна, голода не было, Россия была абсолютно готова к тому, чтобы противников разбить. И было ясно, что Америка вступит в войну. Всё было всем очевидно, и вдруг происходит революция! Почему-то буржуазия, генералитет свергают царя! Что вообще происходит! Милюков и Керенский позволяют себе совершенно оскорбительные выступления в Государственной Думе, оскорбляя женщин, режим, власть. Все как с цепи сорвались. А дело в том, что в написанной по плану Сперанского Конституции была заложена мина замедленного действия. И в нынешней тоже. Только это две разные мины.

С одной стороны была сакральная легитимность власти царя — от Бога, так же историческая легитимность — Романовы 300 лет правили. Даже социально-историческая — Собор в начале XVII века избрал Романова на царство. У них была масса всяких легитимностей. Но наряду с этим в этой Конституции была заложена прямо противоположная легитимность — думско-сенатская. Это новая, чисто демократическая легитимность. И ещё был Судебный Сенат, аналог современного Конституционного Суда в РФ. Это был Суд, который не судил, а работал кассационно, т. е. по жалобам. И этот суд мог отменить любое решение, даже императора. Как сейчас Конституционный Суд может отменить любое решение президента. При Ельцине это пару раз было, при Путине и Медведеве ни разу. И вот совокупность этой, с одной стороны, демократической легитимности Думы, и самостоятельности Суда, с другой, вступают в противоречие с царской легитимностью. Тогда рядом две власти сидели рядом, и переиграла одна другую. Так получилось, поскольку уже там был заложен этот конфликт.

А сегодня что получается? Суверенитет кому принадлежит? Народу. А каким образом? Через выборы Президента, Думы, и никак иначе. Суверенитет принадлежит народу, и легитимность президента есть народная легитимность. А как президент был избран? 23 сентября, в субботу, на съезде Единой России в Москве, действующий президент Медведев сказал, что они договорились с действующим премьер-министром ещё 4 года назад, что пойдёт этот. И сложившийся в рамках этой конституции политический режим всё это благополучно провёл. Значит, сегодня развивается другой конфликт: между принадлежащим народу суверенитетом и нелегитимным президентом. Он не имеет легитимности, поскольку не прошел реальные выборы. Честные, открытые, реальные выборы, ничем не ограниченные. Я об этом говорю потому, что в нашей Конституции опять заложена мина, которая сработает…

Я должен также сказать, что за эти годы Конституция была по сути выхолощена. Каким образом? Русская власть всегда имела тенденцию управлять через некий чрезвычайный орган. Здесь нет аллюзии на ведомство Феликса Эдмундовича — госбезопасность есть в любых государствах. В России управляет Администрация Президента РФ. Это полулегитимное учреждение. Закона об Администрации Президента нет, она не упомянута в Конституции, но всем ясно, что она управляет. Касса Администрации Президента — это касса законодательной, судебной и исполнительной власти! Как западная система действует? За каждый структурой закреплён свой бюджет, и они сами его тратят. А у нас, чтобы Жириновский купил себе в партию компьютеры, или Зюганов себе во фракцию офисную мебель — нужно решение Администрации. Таких примеров масса. То есть, это неиституциональные способы правления, так было и до революции. Так было до Романовых, так было после Романовых, так было при коммунистах, так есть и сейчас. Власть дои сих пор опирается на чрезвычайные комиссии и неконституционные институты. К ним относятся и Федеральные Округа. В Конституции нет никаких Федеральных Округов. Плюс к этому выхолощены выборы губернатора, непонятно, как в Совет Федерации выбирают. Почему два по шесть, а не два по

четыре? Слабость действующей конституции заключается и в том, что в ней нет легитимности исторической. Что я хочу сказать? Меня поразило, как Жак Ширак, предыдущий президент Франции, представитель умеренных центристских католических кругов сказал, что «наше государство родилось не во времена Жанны Д`арк, а во времена Французской Буржуазной Революции 1789 года». Это государство знает, когда родилось, знает свою историческую легитимность…

Какая же историческая легитимность у современного Российского государства? Есть только одно событие, на которое этот политический режим опирается — Великая Отечественная Война. Подвиг советского народа в войне эксплуатируется во всех смыслах и во всех отношениях и к этому сведена вся историческая легитимность. Все остальные события не рассматриваются. При этом Российская Федерация признала себя правопреемницей СССР. Значит, Российская Федерация есть следствие СССР, и при этом только одного события. Это — слишком жидкая историческая легитимность. Есть старый фильм про Александра Невского, там один герой говорит — «Кольчужка коротковата оказалась». Вот эта легитимность слишком коротковата для России, хотя это и важнейшее событие русской истории. Но одной войны мало! А как быть с дореволюционной Россией, с Россией ленинской, сталинской, хрущевско-брежневской? Об этом почти не говорят. Исторической легитимности нет!

Что ещё очень важно? Есть такая тема — самоидентификация общества. Чем оно себя чувствует? Наполеон I говорил, что не надо никаких конституций, введём гражданский кодекс и это будет самая лучшая конституция для общества. Как люди ведут себя в повседневной жизни — семейные отношения, наследственные отношения, купля-продажа. Вот это самое главное. И он был абсолютно прав, поскольку Франция пережила после Наполеона несколько революций. Но они не были саморазрушительными, не были фатальными для общества. Было создано гражданское общество, построенное на законе и частной собственности, на легитимности. На эту подушку легло политическое общество. А современное российское общество совершенно не такое. У нас попрежнему господствует институт власти-собственности. Классический пример — конфликт Путин-Ходорковский. Я не обсуждаю политическую составляющую, поскольку не знаю, что между ними произошло. Но природа конфликта совершенно очевидна — это конфликт собственности, пытавшейся стать независимой. И неважно, праведно нажитой или неправедно… Наверное, неправедно. Здесь важно другое: власть в лице Путина сказала — я хозяин в доме. И у нас феномен власти-собственности расцвёл потрясающим образом. Сейчас у нас есть дозволенные олигархи, прежде всего — высокопоставленные чиновники. В этом смысле наша самоидентификация общества не соответствует современной.

Когда-то крупнейший исследователь русского либерализма Виктор Леонтович, сын полтавского помещика, который уехал в эмиграцию и умер там, написал: «Неудача Конституции 1906 года была не в том, что не было проведено разделение властей, а в том, что конституционный строй не опирался на развитый гражданский строй». А сегодня что? А сегодня, по самым осторожным прогнозам, около 20% россиян готовы жить в рамках гражданского общества, по законам гражданского общества. Они хотят жить в обществе, где есть собственность, где есть право для всех.

Я по специальности германист, у меня первая диссертация была посвящена Германии. Я должен сказать, что в Германии было тоже не более 20% готовых к этому. И Германия при правильном руководстве, при правильной Конституции пошла вперед. А в каком направлении надо нам двигаться? Надо отказаться от самодержавно-наследственного президентства. Вы это сами видите. Путин прямо заявил, что он вырастит наследника! Я это слышал — сидел в зале Московского университета. А потом тот, кого он вырастил, вырастил его! Мы должны уйти от системы самодержавно-наследственного президентства! Когда-то Лилия Шевцова сказала о Ельцинской системе — выборное самодержавие, теперь это уже наслед-

ственное президентское самодержавие. Далее, необходимо вписать фигуру президента в структуру разделения властей. Надо лишить его возможности формирования судебных органов. Тогда Конституционный суд сможет быть ограничителем.

Нужен еще ряд новаций. Прежде всего надо вернуться к выборам в политике. Внесистемную оппозицию надо сделать системной, она не должна вне системы работать. Иначе она скатится к тому, к чему скатились большевики. Надо изменить систему выборов. Люди из Администрации Президента говорят, что мы, мол, разрешили Вам все что угодно! Думаю, это одна из уловок, но не хочу сейчас говорить о ней. Надо вернуться к выборам — демократии не будет там, где не будет выборов. Если Россия не вернётся к системе настоящих выборов — она проиграет! Потому что главной чертой современной жизни являются выборы. Вы постоянно выбираете: пойти туда или сюда, встретиться с тем или с другим и т. д. Мы живём в ситуации постоянного экзистенциального выбора. А нас лишают важного выбора — властного. В той стране, где власть так много значит!

Наконец, мы должны разобраться со своим прошлым — прежде всего с отношением к советскому опыту. Либо мы правопреемники СССР — и тогда мы несём полную ответственность за преступления сталинского режима, и не открещиваться от этого. Это то же самое, как если бы современная Германия признала себя правопреемницей гитлеровского Рейха. Тогда это одна страна. Либо мы, как ФРГ, говорим, что мы не отказываемся от истории советского государства, но мы рвём с преступным сталинским режимом. Я думаю, есть такая необходимость и такая работа тоже должна быть проведена. Вот что я здесь хотел сказать. Спасибо за внимание!

А.Г. Дружинин: Спасибо за такое выступление, это своего рода мастер-класс. В этом году научное сообщество отмечает столетие со дня рождения Л.Н. Гумилёва, автора теории этногенеза. Когда вы ставили вопрос о кризисе власти, может быть, следует поставить вопрос по-другому — и власти тоже?

Ю.С. Пивоваров: Сразу Вас разочарую. Несмотря на глубокое личное уважение ко Льву Николаевичу Гумилёву, его судьбе и его родителям, я не являюсь его поклонником. Я был многие годы профессором Института стран Азии и Африки. И запрещал своим студентам Гумилёва, но они читали, поскольку другие преподаватели им рекомендовали. Я считаю, что все его учение о пассионарности — это чистая фантазия. Как Гегель, как биополя и т. д. Это псевдонаука. Я думаю, при всей героической судьбе, при всех его талантах Гумилёв ничего сейчас не может дать России. А кризис есть не только кризис власти, но и кризис общества. Я просто подчеркнул, что общество не выйдет из кризиса, если не будет изменена властная конфигурация. Это было всегда крайне важно. Если хотите, все глубочайшие перемены шли через изменение формулы власти. Россия должна перейти к правовому, конституционному, демократическому государству. Она должна преодолеть этот моносубъект — русскую власть. Как германист, скажу, что и в Германии это было. Постепенно во Франции централистская страна тоже проводит реформы и децентрализует управление. Да, кризис общества существует. Но кризис власти — это тема, через которую мы решим остальные проблемы, включая проблемы общества. Притом, они должны идти вместе. В России только те реформы проходят, которые идут вместе с обществом. Это легенда и историческая неадекватность, когда говорят, что Россия — страна реформ сверху. Нет. Сперанский предложил реформы, но общества в России не было и реформы не прошли. Потом появилось общество, и реформы Сперанского пошли. Мы должны вместе делать реформы. Мне что крайне не нравится в сегодняшней ситуации — президент оскорбляет людей, выходящих на Болотную площадь, а я выхожу на Болотную площадь и оскорбляю президента. Нужно отбросить это. Кризис преодолевается через договор, согласие, уступки, компромисс. Нужно уйти от детской болезни левизны — идти к компромиссу.

М.С. Константинов: Левада-Центр прогнозирует осенью 2012 года резкий всплеск протестных выступлений, с привлечением новых слоёв населения. Как Вы думаете, к чему это приведет, и приведёт ли это к конституционным изменениям?

Ю.С. Пивоваров: Я не знаю, когда будет новый всплеск. Дело вовсе не в новых всплесках. Я отношусь к этому нормально. Неужели демонстрации и манифестации что-то ненормальное? Во всем мире всегда это есть. И что, будут провокации? Так зрелость общества и должна быть показана в том, что ни с одной, ни с другой стороны не будет провокаций. 9 января 1905 года неопытное общество и неопытная власть встретились — и возникла всем известная трагедия. Я надеюсь, что через 107 лет после этого власть и общество научились. Что касается конституционных изменений, то я не знаю, это зависит от общества, насколько оно будет искусно, враждебно, толерантно, спокойно. Конечно, общество должно найти себе других представителей. Я ходил на все собрания оппозиционеров. И когда узнал, что они всё это делают на деньги М.М. Касьянова — мне захотелось тут же убежать. Немцов получше, чем Касьянов, но все равно. Люди должны быть другие — безусловно. И не хулиган Удальцов или провокативные люди типа Навального. Но сейчас других нет. Трудно сказать, как будет это идти. Я не очень верю прогнозам и прогнозированиям. Я вообще уверен, что история абсолютно открытый процесс. От того, как будет решено сегодня очень многое зависит. Вот если бы 2 марта 1917 г. Николай II арестовал Гучкова и Шульгина, не было бы никакой Февральской революции, не было бы ничего! В Питере бы испугались — интеллигенция запуганная вся была. Вот и всё. Если бы Ельцин не дал команду 4 октября стрелять, то не было бы ничего и было бы по-другому. Я не говорю — плохо или хорошо, было бы иначе. И если бы на Украине не оказался человек по фамилии Кравчук, я не знаю, что было бы тогда. Всё часто зависит от деятельности конкретных людей. Не было бы Ленина — никогда бы большевики не пришли к власти. Нужен был этот гений. Как у нацистов — не было бы Гитлера, они бы никогда не пришли к власти. Личностный фактор. Столкновение воль, характеров. Немецкие парашютисты в ночь на 1 декабря 1941 г. высадились возле здания Президиума Академии Наук. По прямой линии это 4 километра до Кремля. И на Воробъёвых горах — по прямой линии это 7 километров. Была снежная ночь, они в тяжелых условиях высадились. Плохо сработали наши зенитчики. Отбили, а если бы нет? Полк НКВД перебил этих парашютистов. А если бы не пришел? А если бы они вошли в Кремль, я не знаю, что было бы тогда? А они бы вошли. И у немцев были спецотряды. Это факт.

А.И. Субботин: Меня тоже учили марксизму и истории. В России есть традиция бунтов, а вот традиции реформ, доходящих до народных низов не было и нет! То, что сейчас пытаются назвать реформами — это афиша, не более того. Вопрос в следующем: означает ли это, что нас ждёт скоро новая революция?

Ю.С. Пивоваров: Вы знаете, в России есть великая эпоха реформ, — то, что началось с Александра II и шло до Октябрьской революции. Это полувековой период громадных и осмысленных реформ.

А.И. Субботин: Сейчас все говорят, что есть дефицит народной самоорганизации, это значит, что народ должен сам что-то предлагать обществу.

Ю.С. Пивоваров: По Вашему получается, что реформы у нас были и народ воспринял эти реформы. Когда Столыпин проводил реформы, то каждая община воспринимала — так это или не так и как должно быть. Были реформы, даже ленинские реформы при советской власти тоже были. И всем тогда понравились. Нам жить стало лучше тогда. Что касается бунтов, то я Вам тоже отвечу. Разве много было бунтов? Это легенда. Последний настоящий бунт поднял Пугачёв. Потом 150 лет массовых бунтов не было. Локальные бунты случались. Но революция 1917 года это гораздо важнее бунта. Может ли быть сейчас революция? Всё может быть… Какие будут революции? Конечно, они будут не такими, какими были в начале XX-ого века. В арабских странах вот как революции происходят. В Париже в 1968 году была студенческая революция, которая закончилась студенческими беспорядками. В ре-

зультате этой революции западный мир стал перестраиваться. Вот вам, пожалуйста, тоже революция. В начале 1990-х Россия пережила антикоммунистическую, антисоветскую революцию. Мы с вами пережили и это. Революция — это не всегда хорошо и не всегда плохо. Французская революция окончилась созданием капитализма. Русская революция убила капитализм. Ельцинская и горбачёвская революции начались с прав человека, а кончилась колоссальным социальным расслоением, которого Россия не знала за всю свою историю. Но началась она определённо как освободительная революция. Революции могут быть совершенно разными. Но лучше бы её не было…

Шкуратов В.А. Русская когитократия

Я очень благодарен за изменения в регламенте. Но должен служить. На меня большое впечатление произвёл доклад Юрия Сергеевича. Я помню, что в конце 1980-ых годов я читал выпуски журнала «Рубежи». Там статья за статьёй Юрий Сергеевич и Фурсов излагали свою теорию русской системы. Я разделяю этот пафос и эти эмоции. Но возьму историческую дистанцию по отношению к тому, что происходит. Мне кажется симптоматичным, что мы свободно обсуждаем тему Русской власти в сообществе университетских профессоров и студентов. И заметьте — в стенах государственного университета, который содержится этой властью. Это было бы совершенно невозможно представить лет 20—30 тому назад. Значит, Россия развивается.

Я буду говорить о связке «власть-знание». Мы относимся к знанию, являемся его создателями и представителями. Мы не являемся властью, но относимся к ней каким-то образом. Мы находимся с ней в связке. Я естественным образом испытал влияние Мишеля Фуко. Мой неологизм «когитократия» есть модификация его двухчлена «власть-знание». Я переставил местами власть и знание, поскольку Мишель Фуко повествует о генеалогии власти, а мне интереснее знание в когитократической связке. Кроме того, у Мишеля Фуко власть — это всепроникающая стихия, которая проникает на микроуровне знания, пронизывает самые элементарные логические суждения и концепты. Для Мишеля Фуко всё знание пронизано властью. Мне кажется целесообразным разделить эти конфигурации, разделить власть и знание, и создать типологию этих конфигураций. С моей точки зрения, у Мишеля Фуко власть-знание — родовой термин, а я предлагаю типологию видов — т.е. дифференцию и специфику.

Если бы я мог это представить в виде таблицы, то всё вышло бы примерно так: 1. Община — ритуал; 2. Империя — философия; 3. Национальное государство — наука; 4. Массмедиа — глобальное наднациональное управление. С моей точки зрения, мы движемся от конфигурации философия-империя к конфигурации наука-национальное государство. Сразу скажу, что вторая конфигурация у нас не сложилась. Строго говоря, особенность нашего политического развития зависит не только от власти, но зависит ещё и от знания, от его состояния, от того, в каком отношении это знание находится с властью, и какую форму имеет эта власть. С моей точки зрения интеллигенция и бюрократия — это разновидности одной формации письменной культуры. Интеллигенция рефлексивна, но не имеет власти, бюрократия нерефлексивна, но она власть. И имеется третий — народ. А он относится не к письменной культуре, а к культуре тела. Если укрупнить исторический масштаб, то это всё является следствием исторического разделения труда, которое возникло 3—4 тысячи лет назад, когда возникло отчуждение информации от практики. С одной стороны, появилась возможность объективированного существования знания. С другой стороны, появилась возможность осуществлять прерогативы власти ненасильственно, с помощью консолидированной системы знаков, кодов и календаря. Появилось некое взаимодействие. Для некоторых фракций письменной культуры необходимо, чтобы это консолидированное знание определённым образом поддерживалось.

Я уже излагал свою точку зрения на революцию: современные европейские революции состоят в рокировке двух фракций письменной культуры — бюрократии и интеллигенции. Интеллигенция — это своего рода теневая власть, которая предлагает проект Просвещения и подвергает народ просвещению. Если рокировка происходит долго, то самое благоустроенное государство будет разрушено. И появится третий, находящийся вне культуры. У которого есть иные способы опосредования, который находится в натуральной среде, в телесной культуре.

Я возвращаюсь к этой хорошо известной диалектике. Взаимодействие логоса и власти в европейской цивилизации неоднократно обсуждалось, в позитивном (Уайтхед) и в негативном (Хордхаймер и Адорно в «Диалектике Просвещения»). Неомарксисты вменяли знанию вину за все беды европейской истории — отчуждение, эксплуатация, мировая война, фашизм. Фуко возвышается над этими ценностными суждениями. Но у него анализ слишком текучий, он не разделяет эти две конфигурации. Для исторического знания интереснее рассматривать знание и власть как относительно независимые элементы когитократической связки, как элементы пары, которая может меняться. И мы наблюдаем сами, как это постоянно происходит.

Например, сейчас мы необыкновенно компьютеризированы. Электронная грамотность — это новый вид грамотности. Если человек письменной культуры не владеет электронной грамотностью, он сразу становится неграмотным или малограмотным. И переходит из просветителей в просвещаемые. Ирония в том, что сами просветители в электронной грамотности разбираются мало. Они могут это делать с помощью специалистов, которые сами относятся к ним с презрением. Классический гуманитарий — человек письменной культуры — с недоверием относится к власти и одновременно не жалует сетевых умников. Таково современное изменение в когитократической связке. Я обращаюсь не к постсовременной ситуации. Постсовременная ситуация — это уже новый вид отношений, знания и власти, масс-медиа и наднационального управления. Я обращусь к ситуации, на которой мы плотно застряли, такой наш комплекс. Мы пока не в состоянии перейти от одной когитократической связки к другой, от философии-империи к науке-национальному государству. Если развернуть этот тезис и оживить мои теоретические рассуждения — я прочту цитату из Антона Павловича Чехова «Три года». Если читать Чехова в сокращенном виде, то можно считать, что это мнение самого Чехова.

«Много говорили о Федоре, и том, что у русских интеллигентов мода напускать на себя мистицизм, мракобесие, и умственное убожество. Около напускного находит себе приют настоящее суеверие. Если у кого мозг склонен к разного рода галиматье, то такому не выкарабкаться — пиши пропало. А я заметил, — сказал Лаптев, — что всё, что смутно, недоказано, всё эти господа валят в одну кучу, и получается странная каша. Если кто из нашей братии занимается спиритизмом и магнетизмом, то он же непременно гомеопат, метафизик и символист. Поругает цивилизацию китаизмом, о котором, понятное дело, понятия не имеет. И подавай ему науку, не иначе как национальную».

Понятно, что здесь национальная наука — синоним галиматьи, каши в голове. А антоним — наука как таковая. Но вот что надо заметить — наукой во времена Чехова был позитивизм. Это исследовательская наука естественно-научного типа, основанная на фактологии, и, строго говоря, национальная наука Англии и Франции. Которая успешно распространилась на США, гораздо менее успешно на Германию и совсем не успешно на Россию. Как это можно объяснить? В России отсутствовали паритетные отношения между знанием и властью. На Западе они были, на Западе экспертное исследовательское направление и наука были равноправны. У них был равноправный статус в обществе. Они были легитимизированны в этом статусе как равноправные социокультурные институты. Университет, затем академия возникают на Западе в период сословного общества. Университет получает привилегии сословия, сословной корпорации, они независимы, и пользуются собственными статусами. А

в России университет насаждается государством (в эпоху Петра I) и является подструктурой власти. Это исследовательская инстанция власти, которая в России не получает такого автономного статуса, как получает экспертная наука на Западе. И это связано с тем, что формирование науки в России совпало с эпохой национального самоутверждения, роста национального самосознания.

Важную роль здесь играли системы большей объяснительной символической силы и выразительности, которые не нужны были для большей национальной самоидентификации. Место науки в России, в качестве когнитивной пары когитократии, занимали религия, философия и литература. Мы даже можем проследить, как это происходило. В петровский период между властью и религией существовал необходимый зазор — было патриаршество. Петр I отменил патриаршество и превратил его в Синод. Т. е., он сделал церковь департаментом. И тогда роль партнёра стала постепенно переходить к литературе. В начале XX века в России литература — единственный идеологический и культурный противовес режиму. Главным оппонентом Николаю в начале XX века был Лев Толстой. На карикатуре XX века изображен громадный Лев Толстой с косой и босой. Советская власть этот люфт уничтожила, уничтожила литературу как самостоятельного идеологического партнёра власти. Но всё-равно место Льва Толстого заняли Ахматова, Пастернак, Солженицын. У науки такого статуса в СССР не было.

Теперь вернусь к событиям рубежа 2011—2012 гг. Их организаторами становятся писатель Акунин — знаковая фигура, журналист Парфёнов, шоумен Лазарева. Это фигуры, не сравнимые с концом XIX — началом XX века, но они являются продолжением когитократической схемы. Опять возвращусь к этой схеме. Почему в России не устанавливается оптимальное соотношение власти и знания с точки зрения западных стандартов? — когда знание становится независимым, экспертным, неслуживым, и власть не использует знание в качестве своей обслуги. Это связано с тем, что на Руси не возникает территориального национального государства. В Англии и Франции вполне сложилась эта когитократическая связка, в Германии эти отношения не складываются, как и в России и в других многоконфессиональных конгломератах. Функция знания в современном территориальном государстве и в современной империи различны.

Если возвращаться к Фуко, то функция знания есть нормализация популяции-территории. Необходимо создать правильное упорядоченное целое на стабильной территории. Такой консенсус не является ни содержательным, ни идеологическим. С точки зрения современного государства любые аксиологические характеристики невозможны при определении правового статуса субъектов. Современное государство в своих правовых нормах не может опираться на Бога, на голос нации, рода, на национальные традиции, и прочие содержательные характеристики. Всё это связано с процессами нормализации в современных территориальных государствах. Эти процессы были невероятно сложными. Все они прошли через катаклизмы религиозных войн и революций. И пришли к содержательным характеристикам (формальным правовым критериям) при определении статуса индивида.

А империя — это иная ситуация. Империя не имеет стабильной территории. Империи — это организмы, которые напоминают акулу, они всё время в движении. Если империя останавливается, она погибает. Она должна расширяться, обороняться и сбрасывать аксиологизированные идеи своей разношерстной публике, этносам и конфессиям, которые живут на её территории. Если поворошить историю, то окажется, что империи всегда вели войны за веру, за права расы, за общечеловеческие ценности, например, за право трудящихся не быть эксплуатируемыми. Для средневековой идеологии хорошая война гораздо лучше плохого мира. Эта аксиома обязательна не только для воинственного рыцарства, но и для государства. Позитивная наука является эквивалентом нормализации, поскольку её упор на фактологию аналогичен формальному консенсусному праву в современных государствах. Повторю, что для имперских конгломератов это невозможно.

Россия не является устоявшимся национальным государством. Её территория постоянно меняется. Её население постоянно находится в поисках некой национальной самоидентификации. А все формальные практики, которые обслуживают эти процессы являются позитивистскими, я бы сказал — драматизирующими. Но современная наука не является проводником драматизирующих и проблематизирующих схем. Современная наука очень консервативна. Она производит свои революции посредством техники или философии. Астрономические таблицы Коперника никого не волновали и не настораживали католическую церковь до того, как Галилей предложил философскую схему двух частей мира. Индустриальные революции проводились не учёными, а техниками-самоучками, которые изобретали паровые двигатели, электричество. Физическая революция начала XX века была воплощена в атомной бомбе, именах Эйнштейна, Кюри, и т. д.

Я ещё раз повторю, что дело в знании, в исторических регулярностях, крупных размерностях. Академическая наука, которая в последние становится позитивной, которая становится независимой от власти становится естественной. И делает свой крупный вклад в процессы развития, которые идут в России. С этой точки зрения я совершенно присоединяюсь к Юрию Сергеевичу. Благодарю за внимание!

В.П. Макаренко: Владимир Александрович, я помню, как мы с тобой 37 лет назад собирали помидоры на колхозной плантации. И эти разговоры, которые мы с тобой вели, тоже помню до сих пор. Сегодня я услышал их очередное воплощение.

В.А. Шкуратов: Да, было дело, но тогда я ещё не знал термина «когитократия».

В.П. Макаренко: Пожалуйста, вопросы.

А.Г. Дружинин: Владимир Александрович, вы дали блестящую характеристику империи. Если эксплицировать эту ситуацию, то возникает вопрос по поводу современного Запада и США. Получается, что в США нет нормальной науки, в том числе обществоведческой.

В.А. Шкуратов: Вы, наверное, намекаете на книгу Негри и Харта «Империя»?

А.Г. Дружинин: Я намекаю на реальную ситуацию, как она есть!

В.А. Шкуратов: Конечно, в Америке есть позитивистская наука, американская наука подчёркнуто позитивисткая. А континентальная философия европейская, как они её называют, это для них такие туманности, которые в параметры аналитической истории, аналитической философии никак не укладываются. И мой друг, профессор Макаренко, это подтвердит.

В.П. Макаренко: Ну, скорее частично.

Ю.С. Пивоваров: У меня возникает вопрос: насколько американская наука позитивистская и насколько она однородна? И насчет Германии я не совсем согласен, там столько Нобелевских лауреатов. Столько имён… Я не думаю, что уровень соотношения философского и научного подхода столь драматичен. США не является национальным государством в том виде, как в Европе. А по Вашей логике получается, что мы прекрасно отстаём. У Вас очень жесткая рамка, реальность за нее выскакивает…

В.А. Шкуратов: Я благодарю Вас за замечания, они абсолютно верные, это просто схема, её нужно постоянно наполнять. Там есть ещё элементы, но я их опустил. На деле эти схемы — как у Вебера идеальные типы, данные для ориентации. Скажу о Германии. Гумбольтовский проект университета был основан на кантовской рациональности и гегелевской философии. Он основывался на равновесии воспитания и позитивной науки. Если мы обратимся к неокантианской философии, то там шла напряженная дискуссия о соотношении воспитания и обучения. Дело даже не в том, что эта дискуссия не была завершена. Дело в историческом резюме. Потом была Веймарская республика и гитлеровский режим. Синтез национальной науки и имперской философии. Понимаете? В Германии с XVIII века философия сместила религию, это стала рациональная религия. Это страна Канта, Гегеля. Во Франции и в Англии такого культа философии никогда не было. А дальше только Россия, которая в этом отношении напоминает Германию. В СССР было две фракции власти — административная власть и идеологический аппарат. Отношение между этими фракциями было слож-

ным. А граница проходила через одну голову — Владимира Ильича или Иосифа Виссарионовича. А вы тут говорили об Америке, но вот и наша, и Американская компания в Афганистане — это реальная политика, какие там идеологические обоснования, они напрасны. И все это понимают.

Глебова И.И. Характер трансформации российского государства в 90-х гг. XX в. — начала XXI в.

Мой доклад не будет посвящен таким высоким материям, как предыдущий. Я буду говорить о современном российском государстве, его воплощениях и определениях. Нам был обещан переход от бездемократического СССР к демократической России. В конституции зафиксировано, что мы перейдем от государства общенародного (которое не удалось) к государству правовому и социальному. И по конституции мы являемся правовым и социальным государством. Однако большинство граждан и экспертов понимают, что эта заявленная реальность тоже не удалась. Как её назвать? — не очень понятно, но оценки этой реальности очевидны.

Я приведу две цитаты из социологических обобщений:

1. Сотрудники института социологии РАН говорят, что в нашем обществе сложился замкнутый круг: власть и бюрократический аппарат в большинстве случаев игнорируют интересы и права граждан; большая часть общества отвечает власти той же монетой, стремясь обходить стороной легальные и легитимные способы решения своих проблем и свести общение с государственными органами к минимуму, обращаясь к ним только в той ситуации, когда уже нет других способов решения их проблем.

2. По социологическим данным 2008 года на вопрос: «Способна ли административная система эффективно оказывать услуги обществу и отдельным гражданам?» только 19% респондентов ответили «да, в основном способна», а почти 60% дали отрицательный ответ.

Это — очень опасные данные. В такой ситуации приходится вспомнить формулу классиков марксизма-ленинизма об отмирании государства в России. Явно ощущается дефицит государства, неспособность, нежелание государства исполнять свои административные, социальные обязанности, неэффективность, несправедливость. Об этом говорят эксперты и рядовые граждане.

Как определить это государство? Если оно не занято своими прямыми обязанностями, то чем оно занято и для чего существует? Эксперты говорят: в России сложилось криминально — клановое государство; его функционирование напоминает институциональную анархию; оно не может обеспечить реализацию собственной модернизации, инновационное развитие, сколько бы не говорило об этих вещах. Отсюда можно сделать вывод: на переходе от СССР к постсоветской России одна модель государства сменилась другой. Для советского времени была характерна модель тотального огосударствления, когда личные, корпоративные, профессиональные, коллективные интересы полностью поглощались государством. В постсоветское время мы пришли к тотальной модели разгосударствления.

Разгосударствление реализуется в двух встречных процессах: 1. Тотальное бегство граждан от государства. Граждане не желают выходить на прямой контакт с государством, стараются решить вопрос как угодно без государства, при этом естественно выходят на теневые, коррупционные, неформальные и иные схемы решения своих проблем. 2. Тотальное бегство государства от граждан. Государство отказывается от своих социальных функций, отказывается от своих обязательств, минимизируется и замыкается в себе. При этом речь не идет (как в развитых западных обществах) о минимизации мелочной опеки государства в социальной сфере и бизнесе. Речь идет о переориентации государства с общесоциальных интересов на узкие сословные интересы.

В связи с этим я нашла у Ключевского термин «дворцовое государство», которое очень подходит к современному государству. Ключевский употреблял этот термин для характеристики послепетровского государства XVIII века. Ключевский не раскладывал свои соображения, которые сопровождают преобразование термина в концепцию. Он рассказывает, что из себя представляет дворцовое государство.

Это государство эпохи дворянократии, дворяновластия. В XVIII веке российские элиты освобождаются от постоянного диктата власти, от постоянной необходимости служить, и закрываются от основной части населения в привилегированное сословие. Интересы этого сословия и выражает государство, которое Ключевский называет дворцовым. Он говорит, что в рамках дворцового государства нет государственной идеи как таковой. Государство замыкается во дворце и сосредотачивается на своих дворцовых целях и задачах, работает на реализацию интересов дворянского сословия.

Современное российское государство тоже работает в формате дворцового. Термин «дворцовое государство» возник у Ключевского не просто как метафора по отношению к XVIII веку. Это указание на историческую эволюцию и своеобразие русского государства. Русское государство, как и многие другие, возникло из дворцового ведомства, которое управляло хозяйством великого князя. Первое московское ведомство, первый московский приказ назывался Приказом большого дворца. Он появился из дворцового управления князя и прежде всего представлял собой княжеское имущество. Дворец — это просто указание на сосуществование, неразделенность и нерасчлененность власти и собственности, на такой обмен и взаимодействие, в котором власть — это собственность, а собственность — это власть. В дворцовом государстве реализовалась идея государства как вотчины самовластного государя. В XVIII веке вотчина государя и сословие, которое этого государя выдвигает, является самодержавием — дворяновластием.

Ключевский рассматривал явление дворцового государства в XVIII веке после государства петровской службы, где все служили, а общий интерес реализовывался в идее всеобщей службы. Он рассматривал дворцовое государство как исторический изъян, отклонение, выплеск архаики. Многие исследователи тоже рассматривают современное российское государство как выплеск архаики, возникший едва ли не на пустом месте. Непонятно, почему это государство так себя ведет, ведь это полностью противоречит представлениям о современном государстве и его назначении.

Я думаю, что в недрах российского государства существует и время от времени воспроизводится дворцовая программа, которая активно срабатывает в определенных условиях. Государство начинает вести себя противоположно тому, как должно вести себя общенародное социальное государство. Оно не просто потакает, но и служит тому, что я называю «эгоизм привилегированного сословия». И смысл современного дворцового государства в России состоит в том, что все крутится вокруг власти и слоя, который этой властью создан в процессе перехода от советского к постсоветскому государству.

Дворцовое государство — это саркома, в которую отливается постсоветская цивилизация верхов. Это около 1,5 — 2% населения, которые слиты с элитой экономически, государственно — политически, и составляют основу дворца. Но сами они функционировать не могут. Им нужна для функционирования часть, а не все население. Это прослойка между дворцом и основным населением. Это такое государство, которое основную часть населения рассматривает как «прочих», и управляется с «прочими» по остаточному принципу. В СССР остаточный принцип существовал только в области культуры. Теперь он стал всеобщим. По разным данным, в эту около дворцовую прослойку входит постсоветский аналог интеллигенции (в конце 1990-х это было 15—17% населения, после кризиса 10 — 13%). Вот эта часть работает на дворцовые интересы, она сосредоточена в рамках «дворцового государства».

Есть современное определение собственников государства как «государство — корпорация» или «корпорация — государство». Имеется в виду, что по целям и принципам госу-

дарство напоминает крупную бизнес — организацию. Современное российское государство можно понимать как корпорацию, поскольку оно преследует не общественные цели, а собственные выгоды (прежде всего экономические). Оно нацелено на минимизацию издержек на общесоциальные программы развития и максимизацию прибыли, львиная часть которой распределяется в рамках дворца. Если иметь в виду состав корпорации, то 1,5 — 2% постсоветской цивилизации верхов аналогичны структуре работодателей — глав корпораций. Остальная часть — это работники, которые обеспечивают функционирование этой корпорации. Они качают нефть, газ, учат, лечат, возят, выполняют еще какие — то обслуживающие функции.

Дворцовое государство современной эпохи — это организация по оказанию услуг, но не для всего общества, а для значительного слоя, который не соответствует меркам нашего общества.

Что еще можно сказать о современном дворцовом государстве? Дворцовое государство — это такая сеть, где существуют некие «личности» и неформальные связи и отношения между ними. Т. е., то, на чем базировалось государство и в позднесоветскую эпоху. Ничего вне этого сетевого контекста в государстве тогда не решалось и не решается сейчас. В этом смысле государство имеет неформальный характер. Но постсоветский дворец — это еще институты, государственные учреждения. Они структурируют и придают современную форму дворцовому государству. К этим институтам относятся современные демократические выборы и выборные структуры. Но в России они не соответствуют тем задачами, с которыми они работают в современных демократических обществах. Это скорее крупнейшие бизнес — предприятия по освоению бюджетных денег. Высшее сословие и дворец непосредственно связаны с бюджетом, управляет и пользуется им. Такова административно-экономическая подоснова высшего сословия.

Государство функционирует по преимуществу не в правовой среде. Если отталкиваться от Ключевского и посмотреть на наше сегодняшнее государство, то это простое повторение дворца. Есть возможность воспроизводства дворцовой программы в определенных условиях — когда государство перестаёт отвечать за все, прежде всего за подчинение, организацию и контроль над пространством. Государство перестает бежать за населением — «текучим элементом русской истории», как говорил Ключевский. Российское государство всегда пыталось держать население в определенных границах пространства и направить на решение различных задач — в том числе общенародных. Это высокий замах и высокая идея.

Дворцовое государство появляется в условиях демилитаризационного цикла, — у страны нет очевидной военной угрозы и военного соперника. Отсутствие военно — оборонной задачи и интереса тоже приводит к тому, что государство отказывается от части населения и уходит в себя. Но наше современное государство реализовалось в особенных условиях, поэтому оно специфично. Дворцовая природа в современном государстве реализовалась как тотализм не просто так, а в соответствии с массовой потребительской эпохой глобализации. Вообще дворцовое государство ориентированно вовне, оно интернационально, ориентировано на глобус и удовлетворение интересов (прежде всего экономических) господствующих групп. Таков наш способ вписаться в новый глобализирующийся мир, на условиях экономики сырьевого придатка. С этим связана эволюция реализация дворцовой природы государства. Это государство посттоталитарное, таким образом реагируя на социальную эмансипацию. В СССР все свободы (в том числе экономические) были минимизированы. Поэтому современное дворцовое государство — это способ сконцентрировать все основные свободы наверху. Основная часть населения выведена за пределы экономической свободы.

Наконец, современное дворцовое государство — это государство виртуальной информационной эпохи, которая дает возможность реализоваться дворцовой природе государства во всей полноте. Мы живем в XX-XXI веке. А дворцовое государство было в XVIII веке. Отказаться от удовлетворения интересов основной части населения (порядка 80%) — это

очень сильная государственная стратегия. В советское время интеграция и порядок обеспечивались средствами административного и идеологического принуждения. Сейчас эти ресурсы государства минимизированы, зато появился информационный ресурс и другие технологии господства. Непосредственные эксплуатация и подчинение в наших условиях заменены эксплуатацией воображения. Медиа-ресурс дворцовому государству необходим. В среде телевидения существует официоз, в Интернет-среде существует оппозиция, которая значительным образом контролируется и которую легко контролировать. Есть аппаратная жизнь и есть телевизионная политика, где все решают телеобразы, слова. Российское государство, используя этот ресурс, может в значительной мере скрывать свою дворцовую природу, а имитировать социальную, правовую природу. Таков способ существования российской политики. Государство не является, но стремится выглядеть социальным в медиа-среде. Там оно презентует свои социальные программы, рапортует об их реализации. Кажется вполне адекватным представлениям граждан о государстве социальном или общенародном, — кому как нравится.

Информационный ресурс для дворца обеспечивает его правильное представление. Задачу правильного продвижения дворца выполняет президент — его глава и персонификатор. В представлениях граждан и в информационной среде президент есть главная скрепка и связка, которая удерживает вместе дворец с недворцом. Эта скрепка показывает, что дворец имеет право на существование, необходим и соответствует современным условиям. Значительное место в продвижении дворца занимает внешнеполитическая программа, основа которой — презентация сильного государства. Президент представляет сильное государство по телевизору. И в целом дворец преломляется и исполняется в телевизоре. Это главный коммуникационный ресурс дворца в отношениях с гражданами.

Последнее, что я бы хотела сказать о дворцовом государстве. Сейчас есть тенденция, победившая с помощью того же телевизора, — противопоставлять 1990-е и 2000-е годы, включая эволюции государства. Эта тенденция победила с помощью того же телевизора. Согласно этому мифу, в 1990-е крупнейший бизнес как бы поглощал государство. С ним была связана реализация государства как дворцового. А в 2000-е гг. якобы произошло восстановление государственной деятельности за весь период новейшей истории. Я бы сказала, что это совсем не так, это два разных этапа переделок, где объектом переделки стало государство. Сначала субъектом переделки были бизнес — элиты, потом административные элиты. И они договорились, сформировав дворец как форму собственного существования. Дворец — это единая бизнес — административно — политическая среда, которая окончательно оформилась именно в 2000-е годы.

В заключение скажу, что новые формы самореализации дворцового государства породили новые возможности и новые опасности. Главная опасность в том, что это государство реализовалось в неограниченной форме. Дворцовое государство не имеет ни внутренних, ни внешних ограничителей, а может работать на себя. Это опасно для существования России. Потому, что альтернативой такой концентрации ресурсов в руках верховного сословия или правящих групп, такой способ их самореализации может быть только один ответ: национализация и социализация. Как это не кажется парадоксальным, в наших современных условиях это может привести к национал — социализму. Наиболее вероятной альтернативой дворцовому государству в наших условиях является не государство правовое, а государство, где реализуется идея о русском фашизме.

А.В. Лубский: Скажите, концепты вотчинного государства и дворцового государства совпадают?

И.И. Глебова. Вотчинное и дворцовое государство можно сопоставлять в том смысле, что концепция вотчинного государства указывает на слияние власти и собственности. Природа дворца собственническая, дворец проявляется и реализуется в торжестве этой природы. Дворцовое государство обобщает концепции вотчинного и собственнического государства. В

рамках дворцового государства реализовалась вотчинная, ресурсная природа нашего государства, а также поклонно-иерархическая природа нашей социальности. Термин «государство — корпорация» используется и в отношении западных государств. Существует внешнеформальное сходство между Россией и Западом. Для описания этого государства можно прибегнуть к такой аналогии. Однако по своему существу, генезису и последствиям дворцовое государство и государство-корпорация отличаются. Дворцовое государство — это способ подчеркнуть специфику этого отличия. Когда мы говорим о государстве — корпорации речь идет о современном государстве вообще. Но российское государство не совпадает по параметрам с государствами, которые так характеризуются.

Ю.С. Пивоваров. Насколько органичны связи старого и нового дворцового государства?

И.И. Глебова. Новые исторические условия дают возможность реализоваться иначе. Современное дворцовое государство не моделирует старое, это не воспроизведение постпетровской эпохи. Можно говорить лишь о неких подобных условиях. Что касается либерализации, то это специфически российская реакция на социальную эмансипацию. Ответ элит на более либеральный социальный порядок есть максимизация их собственных интересов, абсолютизация типичного для них ощущения себя не частью социума, а над ним. Используя в этом смысле как инструмент и государство. Во всех наших государствах можно ощутить эту дворцовую природу. И не случайно его определили как антинародное. Это государство есть вызов народным интересам, абсолютизация групповых (а не общесоциальных) интересов.

В.Ю. Попов. Как дворцовое государство связано с социальной иерархией?

И.И. Глебова. Это проблемная черта нашего общества. Иерархическое устройство воспроизводится в разных условиях, оно типично для цивилизации верхов и низов. Обычно так характеризуют послепетровскую цивилизацию. Условно говоря, это две культуры — культура Пушкина, цивилизация верхов и крестьянская почвенная культура. Между одним и другим существует разрыв. В конце XVIII — начале XIX века этот разрыв был радикальным, они совершенно расходились. Удивительно, что в современную потребительскую эпоху в России воспроизводится эта программа. Указанные 1,5 — 2% можно отнести к цивилизации верхов, даже по их самоощущению и по нашему их ощущению. Это те, кто существует вне структуры нашей социальности. Они функционируют так, будто они вне структуры этой социальности. В этом смысле цивилизацию верхов я называю нефтегазовой культурой, которая противостоит почвенной культуре. Между ними есть обслуживающая прослойка. Только она и нужна этой цивилизации. Все остальные не нужны. Сахаров говорил, что для воспитательного воздействия на позднесоветскую власть населению хорошо бы собраться и уехать. А сейчас сложилось так, что всем нужно собраться и уехать. Главное, чтобы остались они и их обслуга. Такова количественная разница между одними и другими. Таков острый антагонизм между ними, между бедными и богатыми, между властью и подвластными, администраторами и управляющимися. Они нагнетаются, и формируют разрыв в нашем обществе.

Вы правильно поняли, сегодняшняя власть не зависит от основной массы населения. Таков один из возможных взглядов на современное государство. Этот взгляд снимает некоторые вопросы. От дворцового государства нельзя ожидать самореализации в правовой, демократической, социальной формах. Оно нацелено совсем на другое. Оно может использовать право, демократию, социальность как технологии и как сопровождение власти. Далеко не случайно, что значительная часть граждан переводится на самообеспечение. Возьмем для примера самую острую современную проблему — ЖКХ. И что? Государство снимает с себя ответственность и передает ее гражданам, говоря: вот, ребята, воюйте, разбирайтесь, как вам интересно, я из этой схемы ухожу, если вы будете настаивать, я могу появиться в виде арбитра или в телевизоре заявить заявить, что я арбитр. Арбитражную модель реализации верховной президентской власти я все — таки осуществляю. Хотя бы внешне или отчасти. Но это не главное для дворцового государства.

В.П. Макаренко: Как вы относитесь к определению Вадима Волкова: «Современное российское государство — это частное охранное предприятие с конторой в Кремле».

И.И. Глебова: Он работает по тому же принципу, по которому работаю я: что вижу, то и пою. Это одно из возможных метафорических определений, где считывается суть. Сейчас много говорят о том, каким является современный режим — авторитарным или демократическим. Я думаю, что это режим безопасности. Прежде всего личной безопасности для тех, кто входит в цивилизацию верхов, кто ее обслуживает и составляет этот режим. В целях безопасности могут реализовываться разные стратегии. На нынешних выборах не выбирают, но убрать совсем выборы опасно. Социальные стратегии, программы преимущественно презентуются, но совсем избавиться от своей социальной функции государство не может, и отчасти выполняет роль собеса. Это тоже одна из охранных технологий. Не случайно сердцевиной этого государства являются люди из безопасности. В этом смысле метафора Волкова точна.

В.П. Макаренко: Спасибо, Ирина Игоревна! Между прочим, то, о чем говорили предыдущие докладчики, хорошо и юридически аргументированно описал М.А. Краснов в своей книге «Персоналистский режим в современной России». Кто хочет узнать, как в современной конституции заложены основания персонализации власти, тому не мешает прочесть эту книгу. Сейчас сделает доклад профессор Оболонский. Александр Валентинович занимается проблемой бюрократии тридцать с гаком лет. В 1979 г. я пересекся с ним в Институте государства и права АН СССР…

Оболонский А.В. Кризис полицейско-бюрократического государства.

Да, это все правда, мы тридцать лет бюрократоведы. И это не просто так. Читая лекции по теории бюрократии, я до сих пор пользуюсь книгой Виктора Павловича. Я подозреваю, мало кто из вас мог ее видеть. Она вышла в 1985 году и наверняка стала библиографической редкостью. Тем не менее я ответственно могу утверждать: ничего более глубокого с точки зрения анализа раннего Маркса я не видел и не встречал по этой теме.

В.П. Макаренко: Покойный Александр Давидович Степанский назвал мою книгу «памфлетом в виде научного исследования».

А.В. Оболонский: То, о чем я буду говорить, является логическим продолжением того, о чем говорили Вы. Правда, я добавлю крошку оптимизма при употреблении слова «государство». Я хотел бы прокомментировать — все это очень точно, это интересная очень конструкция, очень верно и точно найдено определение русского государства как «дворцового государства». Я хочу по памяти восстановить, что по этому поводу Ключевский писал о временах Анны и Елизаветы: «Это государство, отгородившееся от народа полностью, случайно сменяющими друг друга властителями, оно превратилось в настоящий заговор против народа». Вот это точно я запомнил. Это государство было архаичным и не вполне адекватным. Сейчас та модель, которую Вы описали, втройне архаична.

Это дворцовое государство находится не просто в состоянии кризиса, оно находится в состоянии, близком к краху. Государство кремлевское и околокремлевское долго не проживет. Название моего доклада «Кризис полицейско-бюрократического государства». К докладу не принято делать эпиграфы, но я все-таки постараюсь. В эпиграф я поставил Отто фон Бисмарка, который в мемуарах написал: «С плохими законами, но хорошими чиновниками управление еще возможно, но с плохими чиновниками никакие законы не помогут». Структура доклада такова: я начну с России, затем сделаю краткий обзор мировой тенденции поиска новой парадигмы отношений «власть — общество» или «государство и общество», потом вернусь обратно в Россию, но уже в контексте происходящего в мире, и в заключение скажу о тех изменениях в дворцовом государстве, которые произошли буквально за последние месяцы.

Но вначале скажу о популярной концепции российского «особого пути». Это серьезная научная концепция, она вербализуется в разных терминах. Однако в последнее время она превратилась в идеологему, подается в терминах примордиализма. Научную сторону этого дела я не буду обсуждать. Скажу только, что у каждого государства свой «особый путь», включая Люксембург. Я как-то специально занялся этим вопросом: а у кого же нет «особого пути»? В Доминиканской республике остров порезан на две части, и у каждой «особый путь». Бог с ним, не об этом речь. С точки зрения использования этой идеологемы интересно, что это происходит с полярно противоположной окраской: одни говорят об «особом пути» с чувством безнадежности, с эсхатологическим трагизмом, что ничего у нас хорошего не выйдет, в ближайшие 100, 150, 300 лет. Другие — обычно это ребята из Кремлевского дворца — с плохо скрываемой радостью говорят: «Да, конечно, мы плохие, но если не мы, то кто же? Придут бандюки, которые и палатку сожгут и страну разнесут, понимаете?» Вот откуда идут эти «особые черты».

Совсем недавно наш премьер, рассуждая публично о проблеме коррупции, сказал: «Ну, это же часть нашей ментальности». Я вполне допускаю, что это неотъемлемый атрибут ментальности людей его круга. А может быть, это отчасти атрибут его жизненного опыта. Вполне. Как юрист, я ничего более определенного не могу утверждать. Но я считаю, что распространение этого тезиса вообще на национальный характер — это оскорбительная логическая подмена. Если слова премьера перевести на простой русский язык, то они значат: преступные злоупотребления власти, которые растут под крылом государства, есть природа русского национального характера. Отсюда вытекает интересная вещь: значит, и относиться к этому можно с добреньким чувством. Поглаживая бороды, говорить: «Ну да, вот хромота у нас такая, бородавка на носу растет, но жить с этим можно». Отсюда тянутся и другие сюжеты.

Кинорежиссер Говорухин вошел в русскую художественную культуру фильмом «Так жить нельзя!». Теперь он говорит: «А с коррупцией жить можно вообще, какие дела?». Без нее нельзя. Я нашел интересную конференцию, на которой обсуждалась ситуация от Китая и Индонезии до Нидерландов. Это был сравнительный анализ с точки зрения отказа от национальных мифов. Существует миф в Сингапуре: если плюнешь на улице или не том месте перейдешь улицу — тебе тут же голову отрубают. Но это не соответствует действительности. Я специально этим вопросом занимался, я не так долго там был, неделю, но практически не нашел полиции на улицах. Я видел, что люди переходят там улицу вполне по-российски, «по понятиям», оглянувшись направо, налево. Но это к слову.

С точки зрения мифологии «особый путь» действительно у каждого есть свой. Но дело в том, что современная версия «особого пути» построена не на подлинных традициях, а на недавно сконструированных с прагматическими целями. Если говорить о коррупции, то это не свойство какой-то русской исконной вороватости, а следствие извечного государственного деспотизма, отчуждения и презрения к людям носителями «дворца», его полномочных и не очень полномочных представителей. В том числе «государевых слуг», если говорить о бюрократии. Поэтому для меня идеологема или матрица «особого пути» не лишена внутренней комфортности, оправданности, самоустранения от попыток перемен к лучшему. В конечном счете так берут под защиту социальный пессимизм: делать мы ничего не можем, вот такие мы неудачные. Я об этом не буду больше распространяться, я хочу только сказать, что такая вещь в практическом плане весьма уязвима, и это отнюдь не российское изобретение, это типичный способ самооправдания авторитарных режимов.

Про немецкий Sonderweg и его трагические последствия известно всем. А менее известные и вместе с тем забавные мне попались недавно материалы о самоназваниях латиноамериканских стран: перуанский народ-богоносец, аргентинская державность, особая чилийская духовность, уругвайская всечеловечность… По-моему, здорово, да? Это не я придумал, это святая правда! В Уругвае всего четыре миллиона населения. А мне попалась статья с назва-

нием «Уругвай — страна интеллигенции». В статье рассказано, что все, кто смогли, с мозгами, все из Уругвая уехали. Но со всечеловечностью у них все в порядке…

Вернемся в Россию. Здесь отношение власти к человеку было и остается перманентно порочным. Власть всегда была и продолжает быть против личности. И не случайны последствия этого (если говорить языком Ключевского, которого я считаю самым глубоким русским историком): «Люди всегда бежали от государства розно». Он так объясняет это явление: если человек чувствует себя хозяином в доме, то он старается как-то наладить там жизнь, а если он постоялец, то он старается съехать. Такова реальная, а не вымышленная трагедия русской истории. Из России всегда бежала розно наиболее активная в разных отношениях часть народа, населения. В Украину, казачество, в Сибирь, в Европу в эмиграцию, во внутреннюю эмиграцию уходила. Это потому, что в России никогда, вопреки всем попыткам подавления и искоренения властью, не умирала, а выживала альтернативная контркультура. Другое дело, что она нашла наименьшее отражение в политической жизни или вообще не нашла. Альтернативная контркультура постоянно стимулировала попытки выскочить из дурного беличьего колеса, пресловутых «цивилизационных циклов». Вот этим Россия и замечательна!

Я много лет отдал анализу перекрестков российской истории, когда страна могла пойти влево, вправо, — и не пошла по разным ситуативным причинам. Когда я две книжки об этом написал, я считал, что это самое главное, что я в жизни сделал. Я сказал о России, теперь перейду к более широкому контексту.

В мире сейчас происходят серьезные перемены в самой парадигме государства, это один из непреложных фактов эпохи пост модерна. Все-таки я немного еще о России скажу в этом контексте, потому что с этим связаны перемены в исполнительной власти, в парламенте и судебной власти.

В России есть национальный вид спорта — бросание псевдокамней в бюрократию. Он пережил века и политические режимы. С разных сторон летели эти камни — от либералов, западников, славянофилов, панславистов. Зато в великой русской литературе сколько угодно образов человеколюбивых убийц, рефлексирующих убийц, преступников разных. В русской традиции преступника всегда называли «несчастненьким». Отчасти потому, что не верили в справедливость тех, кто его осудил. Это к вопросу об отношениях к государству. Но попробуйте найти образ честного чиновника, я не говорю о том, чтобы он симпатию вызывал, — это просто невозможно. Самое симпатичное, что я нашел в великой русской литературе, — Каренин, да и то симпатию не он вызывает, а его несчастная жена. Между прочим, Каренин занимался одной из великих реформ, сидел в департаменте и писал реформы. А Лев Николаевич не удосужился рассказать, о чем он именно писал, помните его основной аргумент? У Каренина уши противные и пальцами он хрустел, этого было вполне достаточно для того, чтобы он был плохим героем. Анна Каренина вызывает симпатию уже у многих поколений.

Идея о том, что «царь добрый, а бояре с дьяками злые» пережила века, пережила режимы, и оснований для этого было очень много. Русская бюрократия не белая и не пушистая. Однако чиновничество русское было очень разным по разным историческим периодам. Кто делал великие реформы шестидесятых — семидесятых годов XIX века? Чиновники. Кто создал золотой рубль, устойчивости которого хватило на многие годы испытаний, на войну и даже кое — что еще советской власти осталось? Сергей Юльевич Витте и его команда. Можно вспомнить имена Валуева, Полоцкого, Столыпина. И более того — в последние три царствования среди чиновничества было много людей не просто честных, но людей с высокими моральными мотивами. Они считали, что жизнь надо посвящать развитию страны, а не реализации своих корыстных потребностей. Мотив служения был очень серьезной вещью, этим занимались земства, врачи, педагоги. Народническая идеология не обошла стороной и чиновничество. Поэтому оценочные лекала для бюрократии начала XIX века не очень подходят для бюрократии второй половины XIX и начала XX века. И даже советские чиновники, кото-

рые работали в условиях жестких физиологических ограничений, часто могли минимизировать разрушительные последствия некомпетентных и преступных решений партийных верхов. Так что российская бюрократия, будучи известным мальчиком для битья, при всех ее пороках, была лучше своей общественной репутации.

Но в постсоветские времена соотношение изменилось. Теперь крайне низкий моральный и профессиональный уровень бюрократии в целом соответствует ее крайне низкой репутации. Она это заслужила. Более того, она переживает худшее свое состояние за всю историю российской государственности. Сегодняшняя бюрократическая система не просто блокирует нормальное развитие, она является реальной угрозой обществу. Это не какая — то мифическая угроза, которой нас пугали во время избирательной компании, из-за которой надо «умирать под Москвой» и прочий вздор. Это вполне реальная угроза, не требующая доказательств в силу своей очевидности.

Я бы сейчас хотел поговорить о том, что менее известно. Как это все соотносится с более широкими явлениями общецивилизационного уровня и что за этим всем следует в практическом плане? В последние десятилетия человечество втягивается в серьезный, многофакторный, кризисный период, что потенциально способно породить цивилизационный сдвиг. Но кризис не в смысле краха или крушения, а в смысле кризиса развития. Все равно он связан с некоторым минимумом неприятностей. Это осознано на определенных уровнях рефлексии. На уровне политиков и государства это почти не осознано.

Какова роль бюрократии в меняющемся мире? Это крайне важная проблема, от адекватного осознания которой зависит очень многое в нашем ближайшем будущем. В последние тридцать лет в разных странах и в разных формах происходят перемены в самой парадигме государства. Веками апробированные государственные механизмы становятся все менее адекватными. Происходит отторжение устоявшейся системы отношений между государством и гражданским обществом. Развивается стремление к пересмотру классического общественного договора между ними. Это проявляется в разных формах. С одной стороны, идут социальные и интеллектуальные процессы. С другой стороны, чувствительные страны (прежде всего англосаксонские) реагируют на эти процессы. Общественное движение оккупирует Уолл-стрит. Это молодые рассерженные интеллектуалы, не маргиналы, хотя всегда есть пена, которая приманивает — это неизбежно. Но эти люди понимают, что их не устраивает. Амплитуда такая: от оккупации Уолл-стрита до «арабской весны».

Действительно, сейчас происходит поиск новой модели. Произошла десакрализация государства в общественном сознании, даже там, где она существовала. У нас многие любят говорить, что «у нас государство сакральное». Однако над «дворцовым государством» смеются, а смех убивает. Как нас учили, история повторяется: вначале в виде трагедии, потом фарса. А сейчас уже не фарс, а бурлеск. Раньше хотя бы были какие-то медные всадники, от которых Евгений бежал по Петербургу. Был Сталин (не к ночи будь помянут), которого боялись, а над Путиным смеются. Медные всадники переродились в каких — то мышей, вот какой образ возникает. Это одна из причин, по которой «дворцовому» государству я не собираюсь предсказывать светлое, замечательное, легкое будущее. В любом случае оно трансформировалось.

Что же происходит? Гегелевская парадигма государства окончательно рушится — если говорить на философском уровне со всеми ее атрибутами (типа абсолютной цели государства, мирового духа и прочей ерунды). Она мертва интеллектуально и физически. Происходит новая реинкарнация либеральных взглядов на место и роль государства. Государство стремятся вернуть на прежнее место — нормальное, служебное по отношению к естественным потребностям людей. Этот процесс занимает годы, может быть, десятилетия. Но, как говорил М.С. Горбачев, процесс пошел и пошел необратимо. Применительно к теме бюрократии нарастает риторика: административная революция, постбюрократическая революция. Все это слишком сильно сказано. Но в научном плане происходит переход к поствеберизму

— речь идет о поствеберовском государстве. Некоторые говорят: это не всем нравится. Мне это тоже не во всех аспектах нравится, это не значит полного отказа от классической веберовской модели. Просто ряд классических атрибутов его модели рациональной бюрократии, которую полагали вечной, по крайней мере, для предвидимого будущего, почти исчерпала свой позитивный потенциал. Эта модель уже не соответствует реалиям быстро меняющегося мира. Я не буду перечислять, какие именно атрибуты веберовской концепции устарели. Если будет вопрос, с удовольствием это сделаю. Так вот, более чувствительные в социально-политическом плане государства сделали из этой неблагоприятной ситуации прагматические, конструктивные выводы. Многие знают про движение в сторону нового государственного управления — new public management. Первые последствия этого процесса неоднозначны, был перекос, как случается с новшествами. Абсолютизация идеи клиентского государства принесла ряд издержек, поскольку государство не может быть приравнено к клиенту. Однако произошедший сдвиг по гамбургскому счету на три четверти позитивен.

Кратко перечислю, что это значит. 1. Перенесение принципов работы бизнес — структур в государственные органы. 2. Передача части государственных функций частному, общественному сектору, т.н. аутсорсинг. 3. Меры по разрушению бюрократических каст, сменяемость и ротация кадров, сейчас бюрократия перестает быть пожизненной профессией. 4. Оценка по результатам, резкое повышение подконтрольности чиновничества, их действий, доходов и расходов. 5. Развитие параллельных общественных структур с функциями, которые прежде принадлежали исключительно государству. Появился даже термин «опустошение государства» для описания ухода функций государства (даже тюрьмы частные стали появляться).

Все это значит, что люди перестали доверять государству. На этот счет есть серьезные эмпирические данные. Назову две причины недоверия к государству: 1. Усвоены уроки немецкого, советского, итальянского тоталитаризма. Они даром не прошли, тем более, что люди стали более образованными. 2. Люди стали более активными, стали больше общаться, путешествовать, вступать в отношения с бизнес-структурами, корпорациями. Если человек видит, что его проблемы в частном секторе решаются за 15 минут, а в государственном такая же по технологической сложности проблема занимает месяцы, то ему это сильно не нравится. Люди начинают задумываться: стоит ли государство тех денег, которые я ему плачу в виде налогов? Вообще говоря, нет ни одной функции, которую государство выполняло бы лучше частных структур. К этому выводу пришли на основе анализа государственных пожарных служб: они работают гораздо хуже самоорганизации при пожаре.

Теперь немного расскажу о том, что происходит в разных странах. Лидером перемен является Англия. Она подошла к модели бюрократии XXI века. Комиссия по гражданской службе в Англии существует полтора столетия, с 1854 года. Но за последние 10 лет она принципиально изменилась. Потребителем услуг чиновников является гражданское общество. Поэтому оно участвует в их найме на работу, т.е. к себе на службу. Как это происходит? Комиссия состоит из 11 человек, которые не являются государственными служащими и не прекращают своей основной работы. В данный момент комиссию возглавляет дама, президент юридического общества Англии, параллельно она занимается какой-то лотереей олимпийской, и арт-директор британского музея, в комиссию входит также пара менеджеров из сети Макдональдс, из системы Фаст-Фуд в Англии и несколько инженеров. Эти ребята работают на пол-ставки и руководят конкурсной комиссией, отбирают 600 главных чиновников государства. Они написали кодексы, которые устанавливают правила комплектации. Если люди выбирают себе президента или парламентариев, то почему они не могут выбирать чиновников, с которыми сталкиваются в повседневной жизни? Кстати, эти вещи обсуждались и с нашими чиновниками на региональном уровне.

Второй пункт — и это ключевая вещь — это их традиция открытости. Англичане всерьез относятся к словам, написанным на бумаге. Впервые я попал в Англию 10 назад. И хо-

тел поговорить с некоторыми высокопоставленными чиновниками. А Британская академия наук стала отвечать почти в советском духе: «Вы написали нам об этом только за три недели, а надо было за полтора месяца, трудно договориться и т. д.». Как я решил эту проблему? В 2005 году они издали закон о свободе информации и ситуация изменилась радикально — я со всеми встречался и со всеми разговаривал. На местном уровне любой гражданин может прийти беспрепятственно в качестве слушателя на любое заседание комитетов и комиссий органов управления — например, в Горсовет Ростова или городскую управу Оксфорда. Человек проходит в холл, там висит таблица, где какая комиссия заседает. Он идет, куда хочет. Права голоса он не имеет, но он слушает, смотрит, как люди, которым он платит зарплату (прямо или косвенно), решают его проблемы. То же самое относится к парламенту. Я вообще люблю ходить не по договоренностям, а как простой человек с улицы. Это дает на самом деле очень многое, я это пробовал в разных странах. И в Англии увидел, что на комиссии обсуждают проблемы достаточно специальные, например, использование опыта частных контор менеджмента найма для найма государственных служащих. Мне было это профессионально интересно и я пошел в парламент по этому поводу, никто меня не остановил. Правда, там было 10 человек, не 11, но это было года три тому назад, там тогда еще ребята ходили с автоматами. Меня только спросили, ты чего и куда, я сказал куда, пришел, сел. Там было не много людей — несколько журналистов, несколько обычных городских сумасшедших, очень толковое было обсуждение. Через месяц меня пригласили в Москве как специалиста в Государственную Думу, и я сразу почувствовал разницу. После этого я в Думу не ездок, даже отворачиваюсь, когда мимо прохожу. Наша Дума — это позор нации.

В Англии есть также Комитет по стандартам публичной сферы и Кодекс министров. Кодекс министров подписывает каждый вступающий в должность руководитель ведомства. Еще одна интересная вещь — ограничение полномочий советников и помощников при политиках. Они очень озаботились такими вещами, что вдруг при Блэре, при всей его демократической риторике, возник огромный штат советников. А у Тэтчер их было меньше двадцати. Они переполошились. Высшая школа политической науки и экономики, Парламент стали обсуждать: «Что такое? Кто эти ребята?». Они что, проходили экзамены, обладают опытом госслужбы? Блэр их привел по политическим соображениям, ну так пусть они ему и советуют, если они ему советуют, то путь он сам им платит, почему налогоплательщик должен платить за них?

Теперь давайте эту ситуацию спроецируем на ситуацию в Администрации Президента России. В этой конторе пытаются вершить — и не безуспешно, к сожалению, — всякие разные дела. Но трубка имеет два конца всегда. Мы с М. Красновым как раз это обсуждали: как же так, если человек звонит в чью-то приемную или в Кремль, то как же его не послушать? Я про это дело написал книжку, в которой все эти вещи подробно представлены, она есть на сайте, где можно об этом прочитать.

США в 1939 году приняли акт, согласно которому любому государственному служащему запрещено участвовать в избирательной компании за двумя исключениями: он может лично проголосовать и сделать личное анонимное пожертвование — в американской политической культуре это очень важная вещь. В социологии есть целая батарея вопросов: как часто вы жертвуете? Они измеряют политическую активность по этому делу. Переводя на язык родных осин, это запрет на административный ресурс. Он многим не нравился. По этому поводу дважды доходили до Верховного суда с аргументом: разве чиновник не человек? разве он не может свои политические симпатии пропагандировать? Да, сказали, он человек, но с другой стороны он может и больше злоупотреблять. Существует некое противоречие, но лучше с ним примириться, жизнь вообще противоречива.

Теперь о континентальных системах госслужбы. Ближе всех к нам Франция и Германия. Это другая система госслужбы, она закрытая, похожа сильно на Россию, во всех отношениях, кроме одного — она лучше работает. Мы с Франции пытались часто брать в этом

смысле примеры вплоть до 1990-х годов. Для составления первого нашего закона «Об основах государственной службы РФ» приглашали французских специалистов. Но парадокс был в том, что система государственной службы во Франции к тому времени уже устарела, начинала разрываться коррупционными и другими скандалами. А мы брали идеал позавчерашнего дня. Возьмем НАТО, там четкая регламентированность всех процедур, существуют механизмы защиты рядовых чиновников от начальственного произвола. Это очень важная вещь, некогда рассказывать, какие именно, поверьте на слово. Подписанная в 2005 году Марианская хартия устанавливает стандарты поведения чиновников в контакте с гражданами. И последнее — презумпция ответственности государства за ошибку чиновника. Это существенная вещь, там человек, которому государство нанесло ущерб через некого чиновника, берет на себя ответственность за его ошибку и материально платит деньги. Другое дело потом — дальнейшая судьба этого чиновника.

В принципе, вся французская система — негативный урок аппаратной модернизации. У нас всю модернизацию, в том числе с моим участием, пытались провести сверху. А есть такая старая французская поговорка: «Нельзя доверять лягушкам осушать болото, в котором они живут».

В Германии лишь одна вещь примечательна — институт административной юстиции, эдакий театр любых чиновничьих злоупотреблений. Это частное лицо, обращается туда и государство, там частное лицо и государство равносильны в процессе, но у человека есть возможность эффективно обжаловать представляющееся ему неверным, несправедливым решение, принятое по отношению к нему от имени государства. Вот это место, где гражданин изначально равноправен с государством, где он состязается с его представителями не в силе, а в аргументах, в праве. То есть публичные и частные интересы представлены как юридически равные. Он уже давно действует и знаете, интересная вещь, он воспитательно влияет очень сильно. И кто его отменил? Гитлер! Как только он пришел к власти, вышел закон «О защите германской чести и германской расы» и еще один закон, я не помню, как он назывался, но там было, что не нужно нам все это потому, что они защищают интересы человека, а не государства.

Замечательный аргумент. И было принято решение, что пусть гестапо занимается этими делами. У нас эти дела передавались парткомам. Естественно, в 1946 году все это было восстановлено в Германии.

Я возвращаюсь в Россию, и тут уж вы меня не посмеете прервать. Наша бюрократия — сюжет большой и больной, но фатально не безнадежный. Наш аппарат намного и качественно хуже западной бюрократии. Есть две базовые причины этого: 1. У нас не публичная служба, как всюду, а государственная, считай государева. Отсюда очень много вытекает и отражено на уровне лингвистики, хотя лингвистика не все покрывает. Публичная служба имеет приоритетом обслуживание граждан, оказание публичных услуг, а государева понятно кого обслуживает. 2. Засилье идеологии чина, который у нас возник при Петре в 1724 году.

Все это изжило себя очень давно. Напомню, что в XIX веке каждое новое царствование начиналось с создания комиссии под разными словами, которая имела целью отмену чиновничества. Из этого ничего толком не получалось. Отменило чины Временное правительство, но все это не повод ставить крест на нашей бюрократии как таковой. Другое дело, что нам нужна не просто реформа, а кардинальное изменение.

Наше государство — это полицейско-бюрократическое государство, с квазидемократическим фасадом. А в мире сейчас другие государства формируются. Идет движение в сторону формирования новой системы еще не опробованных отношений. Что из зарубежного опыта можно использовать — я не буду говорить. Исторический фон задан нашим первым докладом.

У Пушкина есть такая фраза: «Правительство — единственный европеец в России и от него зависит не стать сто раз хуже, потому что никто кроме него самого этого не заметит». Я

преклоняюсь перед Александром Сергеевичем. Но в этом он абсолютно ошибался. К тому же это было сказано после выступления декабристов. Сейчас государство является главным охранительным цербером, оно — главный азиат в России в дурном смысле этого слова. Придерживаюсь тех рамок, которые нам предложил Юрий Сергеевич. Сегодняшняя власть в нашей стране определенно хуже людей, хуже общества, если мерить такими простыми категориями. Как говорил А. Платонов, без меня народ не полный. Если же мерить не простой социологической арифметикой, а социальным, интеллектуальным потенциалом наиболее продвинутых сегментов общества, то правительство России определенно хуже. И пытаться это задержать бессмысленно. У Карла Поппера есть очень хороший фрагмент, прямо про нас: «Вернуться в мнимый утраченный рай прошлого невозможно, для вкусивших от древа познания рай потерян, чем старательнее пытаемся мы вернуться к духу племенного века, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и ароматизированному гангстеризму. Следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние, а если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь, путь в открытое общество».

Я могу сказать, что за последние три месяца сделан мощнейший шаг. То, что произошло, можно датировать сентябрем, можно датировать выборами. Гражданское общество в России не умирало, оно существовало, но пребывало то ли в состоянии сна, то ли литургии. Но это потрясающая вещь, произошедшая между 4 декабря и 4 марта. Это самоорганизация десятков тысяч людей бескорыстно, не за деньги. Они потратили массу усилий, изучили избирательное законодательство, самоорганизовались. И получилось то, что государство (я посчитал, что в этой деятельности было замешано примерно от 120 до 140 тысяч государственных и муниципальных чиновников), — так вот все эти люди в той или иной степени совершали преступления против избирательного законодательства, уголовные преступления, предусмотренные минимум тремя статьями уголовного кодекса, могу их назвать — 141, 142, 286.

Это реально. И гражданское общество поймало их за руку, вот что важно. Легитимность часто для большой части общества не существует. Вы говорите одни и те же слова, на площади одной, на площади другой, но это очень разные слова. Когда говорят: «Россия без Путина», — я считаю это совершенно реальным. То, что сейчас происходит, вселяет некий оптимизм, но не обещает быстрых и легких вещей в течение ближайших пары лет.

Конечно, российская бюрократия пребывает в состоянии глубокого кризиса. Но это не кризис развития, а кризис распада, хотя она модернизируется. Для этого есть причины, основания, масса примеров в русской истории. Вообще говоря, 1990-й год, и его демонстрации — это совершенно уникальная вещь. Не было перевернуто ни одной машины, не было разбито ни одной витрины. То было общество тогда поднимавшееся с колен. Я считаю, что при всех издержках 1990-х годов (если отбросить годы войны, к которым предъявляется другой критерий), они были самым достойным десятилетием нашей истории. Потому что тогда действительно общество поднялось с колен и ни одной палатки не сожгло. На этом я закончу.

Ткаченко В.Н. Украинская бюрократия в зоне двойной полупериферии.

Я не буду рассказывать о русской власти и бюрократии. Вы это знаете лучше меня. Да еще скажете, что вот приехал с Украины и начинает распинаться про русскую власть, вы сначала сами у себя разберитесь, что у вас происходит, а потом скажете… Это нормально, тут должен быть определенный элемент политической корректности. Что касается Украины, тут тоже есть определенный элемент. Мне часто приходилось встречаться с докладчиками, которые приехав в Россию, любят поплакаться, вот, там в Украине то, се и т.д. Я гражданин этого государства, патриот своей родины, у меня есть дети, внуки и я хочу, чтобы у меня все было

хорошо. Поэтому постараюсь критически, но с элементами надежды и оптимизма осветить моменты, которые для русского слушателя будут представлять интерес.

Прежде всего скажу о появлении самого государства Украины. Если рассматривать с точки зрения чисто Украинской истории, — вот у нас были диссиденты, их во время перестройки вытащили, — то это будет неправильно. Потому что невозможно появление громадного, 50-десятимиллионного государства по территории — самого большого в Европе на политической карте мира, словно появление Венеры из пены морской. Мало государству себя провозгласить себя, надо чтобы его признали. Надо, чтобы другие имели какой-то интерес к появлению этого государства. Естественно, что при распаде СССР часть ядерного оружия осталась в Белоруссии, часть в Казахстане, часть в Украине. Причем, в Украине очень большая часть, ведь большая часть советских ракет была нацелена на Европу. Мы превращались в третье государство в мире по количеству этой техники. Пришлось заплатить большую цену. Мы заявили, что снимаем ядерное оружие, разоружаемся, а тут еще Чернобыль добавил проблемы. В 1996 году в Бухарестской декларации ядерные державы дали гарантии нерушимости и целостности границ Украины. Декларация хорошая, но реального механизма ее реализации нет. Очень трудно определить: что будет, если что-то все же случится с нашими границами? Там сказано, что стороны прибегнут к механизму консультации, а что это за консультации, как они будут проходить, чем они закончатся, — этот вопрос неясен. Будем надеяться на порядочность государств, которые договаривались. Поэтому когда появляется такое государство, оно вынуждено принять те правила игры, которые в мире уже установлены.

Главная проблема Украины — самоопределение нации. Это не просто какое –то количество населения, это люди объединенные вокруг какой — то титульной этнической группы, которые борются за право нации на самоопределение, и оно должно воплотиться в этом государстве. Государство имеет определенное сакральное значение. Если будет государство, — мы состоимся как нация. Если нет, — опять пойдут разговоры про Украину как лоскутное одеяло: одна территория принадлежала Австро-Венгрии, другая — Румынии, третья — Польше, четвертая — России. Таких разговоров полно и не хочется на них останавливаться.

Вместо этого вспомню одну историю. Когда Эйнштейн получил Нобелевскую премию, журналисты стали к нему рваться, а он сказал, что не мешайте мне работать, и когда один все-таки прорвался и попросил один вопрос, Эйнштейн говорит, ну давай. И его спросили, какой вопрос Эйнштейн задал бы сам себе? Я бы задал вопрос как вселенная относится к нам? От этого зависит окружать нам себя каменной стеной, или строить мосты. Вот эта идея в некоторой степени отражает то, что мы сейчас брошены в этот глобальный мир. Мы мало его понимаем и не понимаем своей роли в нем. Куда вообще этот мир идет и мы вместе с ним? Мне представляется, что это главнейший вопрос для Украины. Каково наше место? Многие говорят, что Украина ведет себя бог знает как, — то она к Европе, то она к России, вы определитесь пожалуйста, а это без нас уже все четко определено.

Если брать Валлерстайна с его миросистемным анализом, то США сегодня остаются центром, вокруг которого формируется Япония, имеющая свою полупериферию, Китай. А с другой стороны Европа, которая имеет в качестве потенциальной полупериферии Россию. А Украина где? По модели Валлерстайна получается, что если Европа смотрит на Россию, как на полупериферию, то Украина — это периферия России, которая периферия Европы. Украина оказывается в зоне двойной периферии.

Если взять Бжезинского, то часто от русских можно слышать, что он потакает Украине. Да не потакает он. Он говорит: ребята, ваше поведение по отношению к России, это поведение Канады по отношению к США. Когда приходится спать в одной кровати со слоном, нужно очень осторожно вести себя не потому, что он злой, а просто потому, что ему захотелось повернуться набок. Поэтому колебания то в одну, то в другую сторону исторически определены, и с этим ничего не поделаешь.

Я хотел бы те модели, которые были описаны в предыдущих докладах, проиллюстрировать на примере Украины. Чтобы зрительно представить эти проблемы. Я хочу рассказать анекдот, т. к. если без шутки, то непонятно вообще, о чем он говорил. Купил кум путевку в Африку, съездил, вернулся, его спрашивают, ну что ж ты там видел? Он отвечает: зебру видел. А шо це? Ну, вы лошадь видели? Видели. Зебра — цэ лошадь, только в полоску размалеванная. А еще шо? Ну, жирафа. А цэ шо? Ну, лошадь, только с длинной — длинной шеей. А еще? Ну, крокодила. Шо цэ за зверь? Ну, вы лошадь видели? Видели. Ну, так вот он на лошадь совсем не похож.

Специфика Украины состоит в том, что массовые чаяния, надежды, иллюзии перекликаются. Попросту говоря, в Украине есть три беды, и они становятся тремя благами. Первая беда — олигархия, когда происходит сращивание власти и собственности. В Украине олигархи — это единственные люди, которые действительно знают, зачем им это государство. Дело в том, что это государство они создали для себя и они его не отдадут. Они великолепно знают, что из-за кризисов они могут получать свои сверхприбыли. Государство для олигархов это всё — за счет государства прокладываются дороги, железные дороги перевозят их товары по весьма льготным ценам. Подходит конец года — и России задолжали за газ. Не хотят предприниматели металлургической промышленности, химической промышленности тратить свои деньги. И в течение 26 минут на Верховной раде было принято решение о том, что с государственного бюджета выделяется 4 миллиарда долларов и покрываются долги этих предприятий. Потому что если предприятия закроются, люди потеряют работу, чего допустить нельзя, и свои расходы они перекладывают на государственный бюджет. Очень выгодное дело, как вы понимаете. Надеяться на то, что кто — то придет, и кто — то на блюдечке Украину передаст России или кому–то другому, на это не стоит надеяться, эти ребята знают для чего им это государство нужно. И это гарантия того, что это государство будет.

Второе. Как говорит Хантингтон, по нашей территории прошел цивилизационный разлом — восточная и западная Украины. А между Востоком и Западом никогда не будет ничего общего. Недавно был съезд нашей партии регионов. Там у них сейчас новый заместитель появился, молодой парень, он говорит: по сути дела сейчас под выборы будут сформированы две главные партии — это партии Запада и Востока. Еще будет партия коммунистов, пока у нас есть 11 миллионов пенсионеров. То есть, у нас невозможна «Единая Россия». У нас будут две партии, одна из которых будет ориентироваться на европейскую интеграцию, другая будет прорабатывать таможенный союз с Россией. Они вынуждены будут договариваться, потому что если на сегодняшний день посмотреть, у Юлии Тимошенко неприятности, мягко говоря, рейтинг такой приблизительно — то 2% туда, то 2% сюда, то 16 на 14, то 18 на 20 и.т.д. И то, что они вынуждены будут договариваться, это вселяет хоть какой — то оптимизм, что хоть на таком уровне региональном, а все — таки будет какой — то общественный диалог.

Третий момент — это внешнеполитический фактор. До тех пор, пока будет такой раздражитель со стороны России, о котором я говорил, — будет колебаться самоидентификация украинцев. Как граждане Украины, идентифицировали себя 53%, после оранжевых событий уже 64%, около 30% идентифицируют себя как представители своего региона, процентов 12 определяют себя как «бывшие граждане Советского Союза». Для Украины значим фактор «внешней угрозы». Возьмем 1994 — 1996 год, фактор Чечни — и число сторонников независимости Украины по социологическим опросам повышается с 56% до 71%. Появилась угроза, что мы можем быть втянуты в это дело, нет, извините, мы будем самостоятельными. Другой момент — октябрь 2003 года, Тузлов, помните, казаки делали там дамбу, опять — таки социологические исследования показывают, число сторонников независимости Украины увеличилось с 71 до 77,6%. Возьмем последние события в Грузии. Опять — таки количество сторонников независимости Украины резко повышается, с 71 до 83%. Потом, казалось бы,

пошли навстречу России — продлили аренду базы в Севастополе, а газ не дешевеет и не дешевеет. И опять пошла риторика, что с этими ребятами надо ухо держать востро.

Таким образом, внешние факторы не нужны, лучше жить в мире, жить дружно. Но они стимулируют фактор национального самосознания. Уже 20 лет прошло с тех пор, как провели в 1991 г. референдум о независимости. Какая волна эйфории была, жили все иллюзиями, романтикой. И тогда 76,4% населения Украины проголосовало за независимость. Потом 20 лет очень не простого пути. Этот процент падал, становился угрожающим. Но в 2011 году опять же те же 73% заявляют, что если бы был референдум, то они бы проголосовали за независимость.

Я сейчас определил те вопросы, которые с особым интересом в России воспринимаются. С независимостью все будет хорошо. Если я вам говорил, что раньше лишь 15—16% идентифицировали себя в первую очередь как граждане Украины, и говорили при этом, я донецкий, я галицийский, и т. д. Теперь, если взять молодежь до 35 лет, то опросы показывают, что 90% молодежи идентифицируют себя в первую очередь как граждане Украины. Это по факту, паспорт получили, получили, что там написано? Граждане Украины, и все. Но другой есть фактор, когда им задают вопрос: гордитесь ли вы тем, что вы являетесь гражданами Украины? 62% молодежи до 35 лет заявляют, что они гордятся своим гражданством. Им можно задать вопрос: а чем, собственно говоря, вы гордитесь? Чувство гражданственности — это не чувство сытого брюха, это чувство ответственности и чувство своей значимости, возможности каким-то образом влиять на реальное положение вещей. Когда шла замена оранжевой команды на бело-синюю, аналитики так и говорили, что одной части Украины нужно было разочароваться в мессии Ющенко, а другой части пришло время разочароваться в Януковиче. Пора понять, что если мы будем делать ставку на какого-то одного освободителя, это не дело. Надо надеяться на самого себя. И что интересно: рейтинг падения нового правительства опережал даже рейтинг падения Ющенко.

Я могу продемонстрировать это на конкретных фактах, не беру даже западную Украину, беру Донбасс, восточный этот регион, положительный рейтинг, ну сначала там где-то 38%, нового правительства, 40, 44% было, в 2009 году и вот, заканчивается 2010 год, и появляется — 5,4% а дальше пошло — поехало: январь — 12%, февраль — 16, апрель — 32, май — 35, июль — 46, октябрь — 48, то есть люди реально начали смотреть, наверно неплохие слова были написаны когда-то в Интернационале. Очевидно, здесь необходимо подумать о себе…

Для разрядки расскажу еще один анекдот, который ходил еще при Ющенко. Выступает президент и говорит: панове депутаты, вы маете уже землю, фабрики, заводы, маете мерседесы и маете вертолеты, пора ж уже и про людей подумать? Из зала: правильно пане президенте! Так чоловики пашут по 600 — 700 на кожного, надо же и землю оброблять! Эта перспектива говорит нам о том, что нормально демократия может развиваться тогда, когда есть 6000 долларов на человека внутреннего валового продукта. И тогда уже резких потрясений не будет. Но 6000 долларов — тоже слабая утеха. Если взять европейские страны, то в среднем по Европе приходится 45 — 50 тысяч долларов на человека. В России, насколько я знаю, это 10 — 12 тысяч в год валового внутреннего продукта. В Украине пока журнал «Форбс» сказал, что только в апреле месяце статистика появится. Если в прошлом, позапрошлом году (когда был кризис, банки полопались), приходилось по 2,6 тысячи долларов на человека, то в этом году есть рост, может будет 4 тысячи долларов на человека.

Как на это реагирует население? Я 20 лет слежу за социологией. Примерно 67 — 72% говорят, что события развиваются в неправильном направлении. Но за этой оценкой дальнейших выводов нет. Если неправильно, то надо же как то поставить правильно, но кто поставит? Все надеялись на то, на это. А сейчас особенно не верят ни государству, ни оппозиции, ни неправительственным структурам не верят. Сейчас украинцы сосредотачиваются, куда податься? Из статистики я брал по России Левада-центр, в Украине я беру КВИКИС, с

которой Левада-центр работает непосредственно, часто они работают по одной и той же программе, так что это авторитетные и достоверные данные должны быть. И еще у нас есть Центр имени Розенкова, который довольно независимый, потому что ему все посольства заказывают исследования. Он дает достоверные данные. Этот Центр говорит, что 45% населения недовольны и готовы участвовать в законных демонстрациях, акциях протеста и т. д. Но мы знаем, что внутренняя готовность часто никак не реализуется в реальной жизни. Поговорить, что дескать, надо то и то, — это еще ничего не значит. 22% готовы даже на несанкционированные выступления, и что меня еще больше тревожит — у нас идет сильная радикализация партии «Свобода» на западной Украине, причем радикализация идет в Донбассе тоже. Потому что все-таки есть очень серьезные социальные проблемы. Примерно 7,4% (т. е. около 3 млн.) заявили, что они готовы пойти в какие — то дружины, различные организации, казачество. А это такие ребята, от которых всего можно ожидать. Я бы не хотел чтобы дело дошло радикализации. Однако для Украины в целом 60% говорят: работать надо.

Я часто вспоминаю своего тестя, правда, он был не украинец, а белорус. Когда я ему говорил, что надо то и то, он отвечал: что там думать, за нас уже все подумали, работать надо. 70% считают, что упорный труд — это залог благосостояния и только 20% говорят, что многое зависит от случая. Мне кажется, это характерная особенность украинской ментальности — при любых условиях надо работать. И если нельзя во всей стране все поправить, то у себя можно забор сделать, огород вскопать, посадить картошку, морковку…

Рассказывает мой друг, поехал в село к матери картошку садить, ну мать утром встала, картошки пожарила, блинчики, спрашивает, ну, сынок, что ж там в Киеве? Да вот там, мама, понимаешь, администрация президента вот это, Верховная рада то, а Юля туда, а Янукович… А мать сидит и говорит: знаешь, сынок, я уже старенькая, я думала пол-огорода картошкой засаживать, а наверно надо полный огород, потому что если такое твориться, то надо как-то жить в этом мире.

И вот момент, который уже обсуждался: народ сядет на аэроплан и улетит. Это не просто разговоры — 60% экономически активного, трудоспособного населения нацелены на выезд за пределы Украины. Конечно, одно дело быть настроенным, другое дело реально поехать. Я в прошлом году задался вопросом, сколько людей у нас за границей работают? Я по линии МВД, по линии МИД и по миграционной службе не смог найти никакой конкретной статистики. По одним данным, за рубеж выехало 63 тысячи человек. Но, позвольте, это только в одном Ростове-на-Дону украинцев 63 тысячи. Неясно, по состоянию на последний период сколько людей пребывает за границей? Прошлым летом организовали миграционную службу, называют цифры от 2 до 7 миллионов человек. Может быть 3,5, 4 или 5 миллионов. Во всяком случае, когда проводили социологические исследования, то многие фиксируют, что у них есть опыт работы за границей.

Возникает вопрос: было в государстве несколько миллионов людей, ни у кого и голова за них не болела, но если никто об этом не говорит, значит, что-то в этом есть. Стал смотреть, сколько денег идет в Украину, так только по официальным каналам, которые можно зафиксировать, идет от 4 до 6 миллиардов долларов в год. Некоторые эксперты, которые связаны с банковскими структурами говорят, что реальная цифра может доходить до 20 — 22 миллиардов долларов в год. Во всяком случае, при социологическом опросе каждая шестая семья, которая имеет кого-то за рубежом, практически полностью все свои хозяйственные расходы покрывает за счет пополнения из-за границы. Понимаете, это очень выгодная статья доходов, оплачивается и медицина и учеба детей. Обидно, правда, что дети остаются часто на бабушек и дедушек, а это не всегда нормально в плане воспитания. Но во всяком случае это хорошая статья дохода. Поэтому я не хочу давать прогнозы, тем более что сейчас такое ощущение у меня, что нужно ожидать октябрьских выборов в Верховную Раду. И пока идут непонятные тусовки, идут опросы. Но за кого бы не голосовали, как правило люди отвечают очень вяло. Потому что еще не определились, за кого и за что. С другой стороны, теплится

надежда, что в октябре сложится некая конфигурация и все изменится, есть еще шанс и власть тоже это понимает и предпринимает определенные шаги.

В руках у меня папка, на ней написано, что проводится Всеукраинская конференция под названием: «Свобода и соборность — единство восточной и западной Украины как факторы национальной идеи Украины». Как-то неожиданно появилась эта конференция, солидные люди выступали и говорили, что надо крепить единство Украины, соборность, свободу, равенство и справедливость. Справедливость, — это для любой европейской страны, справедливость это легитимность. Это очень важно потому, что в СССР многие из нас выросли, и соотношение 10% самых высокооплачиваемых и 10% самых низкооплачиваемых был один к четырем, это была какая — то социальная справедливость, а в 1993-96 гг. в Украине этот коэффициент увеличился 1 к 67. Это было полное обнищание одного и концентрация богатств на другом полюсе. Сейчас официально уже говорят, что вроде бы соотношение составляет 1 к 20. Может быть и так, а может и не так. Потому что до сегодняшнего дня 50% экономики еще в тени, как посчитать их и какая тогда получится картина?

В заключение скажу, что не хочется обмануть наших детей. Проводили социологические исследования выпускников школ, спрашивали: дети, ну как вы настроены, вы ж будущее Украины? Ну, в общем весьма оптимистично, хорошо думают о будущем, 65% — с интересом, 56% — с оптимизмом, 50% — с надеждой, 39% — с уверенностью, я понимаю конечно, что у них очень опыт слабый здесь. Райнхардт Козеллек говорит, что движущая сила истории состоит в соотношении потенциалов между надеждами и между опытом; чем меньше опыта, тем больше надежды. Но во всяком случае нравятся ценности этих детей. У них самое главное — семья, видимо, в семьях не все благополучно и дети болеют за это — около 60%. Многие говорят, что и бизнес не самое главное, а главное это любимое дело, идут учиться, пытаются получить образование. Если бы сейчас состоялся референдум о независимости Украины, то 62,8% заявили, что они бы проголосовали за независимость. Куда она пойдет в Европу или в Россию, — все будет зависеть от ситуации и от того, как она определится.

Збигнев Бжезинский в своей последней книжке «Стратегическое планирование» сказал, что рано или поздно Европа вынуждена будет принять Беларусь, Украину, Турцию и Россию. Но, как вы понимаете, не сейчас, потому что кризис. У них своих проблем хватает. Более того, по его версии Совет Европы из Страсбурга переедет в Киев, что бы определить новую конфигурацию Европы. Ну, его слова да Богу в уши. На этой оптимистической ноте мне хочется закончить и поблагодарить вас за внимание.

Глебова И.И. О неполитической природе и непартийных задачах российской партии власти

Прошлое и современность имеют чрезвычайно сложную связь на русской почве. Здесь настоящее не предопределено прошедшим. Оно не восстанавливает его в качестве известных, опробованных и оправдавших себя, социально эффективных схем, моделей, конструкций. Очень велика зависимость каждой новой русской современности от текущего момента, условий, человеческого потенциала. В этом проявляется одна из главных национальных особенностей: русская социальность не имеет ни отчетливого, устойчивого стиля, ни четких ярких форм, в которые отлился бы исторический опыт. Она хаотична, не определенна, противоречива, находится в постоянном движении, как русское пространство. Здесь очень трудно говорить о традиции (как о чем-то известном, устойчивом, преемственном) — разве только в смысле предпочтения существующего порядка вещей любым нововведениям.

В действительности мы, русские, очень мало знаем о нашем прошлом — и все-таки воссоздаем в социальной практике «то, что было»; часто — практически «дословно», как будто «читаем с листа». Получается несообразность: на реальность воздействует и даже фор-

мирует ее «то, чего не было», и «то, что было и о чем мы не знаем». Здесь традиция каждый раз изобретается, подгоняется к настоящему. В то же время социальное развитие в чем-то очень последовательно. История «выкладывает» перед русским социумом набор возможностей, путей движения. А выбор обычно делается в пользу наименее социально ориентированных, но властно эффективных. Это само по себе ограничивает возможности выбора в дальнейшем.

Природа партии власти в России: общее и/или особенное. Когда-то Н.М. Дружинин отмечал, что в начале XIX в. российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя. Опираясь на эту мысль известного историка, сегодня можно сказать: в начале XXI в. российская демократия пытается создать новую формулу монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть президента. Вообще имеется лишь два «идеальных типа» организации власти — «монархия» и «полиархия». То есть власть, сосредоточенная в одном «лице» (органе), или власть, рассредоточенная, разделенная в различных институтах. В нашей стране, несмотря на троекратную за последнее столетие трансформацию политической системы, сохраняется монархическая власть (в идеалтипическом смысле). Подтверждением этому моему тезису является история современной партии власти. В ней как в капле воды отразилась природа русского кратоса.

В науке это явление рассматривается как типическое, своеобразно проявившее себя на нашем политическом пространстве. Для российских политологов партия власти остается характерным для элит новейшего времени способом реагирования на ситуацию «переходного периода». Долгое время природа этого явления выводилась из «партийной», а не «властной» составляющей. В отечественной политологии партия власти нередко рассматривалась как партийное образование, участвующее в электоральном процессе, но решающее специфические задачи, которые возникают у исполнительной власти в период «демократической трансформации». Однако этот исследовательский подход пришел в явное столкновение с российской реальностью.

Испытание реальностью заставило российских политологов пересмотреть традиционный взгляд на это политическое явление. В середине 2000-х гг. партию власти было принято характеризовать как один из важнейших политических институтов правящего режима, инструмент его внутреннего укрепления (консолидации элиты, включения в политическую жизнь значительной части госаппарата и всех тех «нужных» людей, кого не переварила исполнительная власть), а также механизм управления системой представительства гражданских интересов. Партия власти определялась как прямой клон исполнительных органов, непосредственно позиционирующих режим на политическом рынке, но в партийной форме, агент государства, строящий свою деятельность на чисто административных ресурсах», «кусочек» самого государства, продолжение его политического «тела», адаптирующегося в нехарактерном для себя сегменте политического пространства. Этот «клон» воспринимался политологическим сообществом в качестве серьезной угрозы — преграды на пути становления эффективной, сбалансированной плюралистической» партийной системы. Его появление дало основания оценивать российские партии как «недоразвитые» варианты известных западных моделей, имеющие скорее архаичные, чем современные характеристики», а партийную систему — как «прото» — или «квазимногопартийную». Представляется, что этот подход, низводящий партию власти до положения русской «анти-нормы» (или «вырождения» нормы) и отрывающий ее от реалий электорального процесса, нуждается в уточнении.

Его и уточнили, но каким-то очень знакомым, «местным» образом. В 2000-е гг. предпринимались любопытные попытки вписать российский партийный опыт в мировой контекст. Наша партия власти при этом характеризовалась как элемент доминантной авторитарной системы. Однако при этом указывалось на такие особенности доминирования «Еди-

ной России», которые опровергали тезис о ее партийной природе и подчеркивали как раз ее специфику («особость»): для обеспечения господства ЕР используются недемократические средства; она не является правящей, т.е. не влияет на состав исполнительной власти и не несет ответственности за проводимый политический курс; ее доминирование предполагает подавление возможностей представления различных групповых интересов (внутрипартийной функционной борьбы, малых партий и др.); логика ее создания прямо противоположна нормальной партийной — она возникла в помощь президентской администрации для оказания влияния на население и облегчения законодательного процесса, «работает» на «консолидацию недемократического режима». Все это подтверждает мое исходное положение: ЕР не есть порождение партийно-властной системы; она — продукт властно-политической системы, один из инструментов власти.

Сейчас, на рубеже 2010–2020-х гг., мало кто ставит под сомнение партийность природы ЕР; споры ведутся лишь о том, *какая* это *партия* — доминирующая, правящая, бюрократическая. Мы уже прошли стадию ее определения как «прото-» , «еще не»-партии. Зато все чаще указывают на растрату ЕР субъектности, на понижение в ней «градуса партийности» и характеризуют как «уже не»-партию. Но преобладают определения, базирующиеся на самоинтерпретации ЕР и ее легитимизирующие. Оценки ЕР становятся проблемой идеологии (или политтехнологии).

Характерно, что именно сейчас обозначился еще один подход к интерпретации российской партии власти. Более ранние вписывали партию в политический режим (по принципу: *каков режим — такова и партия как его элемент*). Теперь делают попытку «вывести» режим 2000-х из партии. Укажу на две взаимосвязанные интерпретации. В 2009 г. активно обсуждался ежегодный доклад Института общественного проектирования (ИНОП). В нем конструкция «верховной власти» была обозначена как «Три П» — президент, премьер и партия. Выдвинувшие эту формулу М.В. Ильин с соавторами указали на монопольное положение ЕР в партийной системе и ее особую роль в российской политике. Почти в то же время В.Я. Гельман и другие стали квалифицировать современный режим как авторитарный партийный, подчеркивая его принципиальное отличие от персоналистского авторитарного режима 1990-х.

Эти схемы вовлекают в абсурдистскую реальность. В ней роль исследователя абсурдна вдвойне: дать научную «легенду» (например, ярлык «мягкий авторитаризм») построенной помимо него конструкции и тем самым ее нормализовать. Ведь авторитарный в сочетании с «мягким» и «партийным» выглядит цивилизованнее, чем авторитарный как административно-полицейский, репрессивный. А «Три П» — это будто бы не «тандемократия», но нечто бóльшее, ориентированное на современно-партийное. Да и характеристика «недемократический» либо прямо высказывается, либо держится в уме. То есть, если квалифицировать абсурд через научные категории, мы как бы возвращаем в реальность.

Но все равно наш режим сложно нормализовать на партийных путях. Это противоречит не только режимной действительности, но и обычной логике. Почему в докладе верховная власть представлена «Тремя П»? Чтобы добрать до цифры, символизирующей единство и согласие («соборность») по-русски? Тогда логичнее было бы присовокупить к «соправителям» патриарха, по независимости и влиянию превосходящего партию. Он ведь тоже правит. Возможно, партия берется как пристяжная власти — то президента, то премьера. В чем же тогда ее особая (самостоятельная, независимая от первых «Двух П») роль? — Таких властных инструментов, «опосредованных властей» много. А что будет, когда премьер станет президентом и не «назначит» президента премьером? Партия останется? И кто будет третьим? Кстати, появление в мае 2011 г. идеи «народного фронта» в поддержку В. Путина (ясно: против Дм. Медведева), вообще, ставит крест на властной формуле «Трех П».

Еще более зыбкой представляется модель «авторитарного партийного режима». К ней возникают два вопроса. 1. Разве режим 2000-х, став партийным, перестал быть персоналист-

ским? Он, в отличие от ельцинского, прочитывается не через Путина, а через партию? Зачем же тогда ЕР называет себя «партией» Путина? От скромности? И почему 90-е объявлены сейчас «персоналистскими непартийными»? Потому что не все партии создавались Кремлем? 2. Разве электорального и парламентского доминирования ЕР добилась сама? А в Государственной Думе она проводит самостоятельную политическую линию, независимую от «П» или «$П^2$»? Если нет (а отрицание законодательной самодеятельности ЕР — одно из оснований модели Гельмана), то почему в качестве определяющей характеристики режима называется «партийное доминирование»?

Ответы на эти вопросы очевидны. Модель «партийного режима» рассыпается при наложении на реальность. А если модель строится независимо от реальности, имея целью ее перестроить? Тогда получается, что социальная задача постсоветского обществоведения наследственно-преемственная с советской общественной наукой — дать другую реальность, жить в которой легче и интереснее, чем в «данной нам в ощущениях»?

От идеи партии власти — к практике партии Власти. Партия власти приобрела в России значение одной из «цитат», формирующих «текст» современной политики. Системообразующий элемент этого феномена — власть; его природа — не партийная, а властная. Специфика русской власти предполагает появление подобных партии власти «привластных» структур. Они необходимы для самореализации этой власти в обществе — для контроля над социумом.

Современные исследователи квалифицируют русскую политическую культуру как «властецентричную»; полагают власть доминирующим субъектом русской истории. Власть ворует у других их субъектную энергию. И потому становится главным действующим лицом на политическом поле. В этом качестве она ни в ком и ни в чем не нуждается. Что касается «партии», то она есть продукт европейской политической истории, а само понятие происходит от латинского pars. Но если это так, то по-русски (не только в языковом, но и в социально-политическом смысле) это — contradictio in adjecto. Не может быть в русской системе «партии власти». Ведь власть — все.

Однако в некоторые исторические периоды русская власть вынуждена играть в игры, в которых она становится (на время, вынужденно) похожей на обычную европейскую власть. Это происходит в те эпохи, когда ресурс русской власти оскудевает. Тогда она вынуждена допустить на историческую сцену других, слабых и даже не вполне состоявшихся игроков. В этой ситуации она и создает партию власти.

Так было в 1906 г. Самодержавие (наиболее устойчивая форма русской власти) было вынуждено пойти на создание парламента (его полномочия были ограничены). Так было в 1993 г., когда второй раз в XX столетии, пытаясь погасить огонь гражданской войны, русская власть вновь дарует стране конституцию и парламент. Но опять начинает конструировать партию власти. Сначала это было похоже на отступательные бои власти, пытающейся перегруппировать свои силы для последнего наступления и возвращения на утраченные позиции. «Выбор России» — «Наш дом Россия» — «Единство» — таков перечень российских партий власти. Однако они не проявили себя как серьезная сила и эффективные инструменты структурирования политического пространства.

До сих пор причины прежних неудач партий власти исследователи склонны искать в партийно-политическом измерении. В их числе называют неспособность эффективно использовать имеющиеся ресурсы в коалиционных взаимодействиях, ненужную (власти) идеологическую самостоятельность многих членов партии, нестабильность опоры на рыхлое центристское большинство в Думе. Но вектор поиска изначально задан неверно. Причины низкой действенности бывших властных политических образований — в слабости власти, а не в слабости партии.

Победы «Единой России» связаны с усилением власти; ее стремлением собраться, «сосредоточиться» — и занять свое привычное место: единственного источника и субъекта со-

циальной действительности. Создание партии власти — это показатель высокой степени адаптируемости русской власти к меняющимся историческим условиям. Партия власти выступила в качестве инструмента преодоления Смуты (когда происходит социальная самоорганизация «снизу»), создания предсказуемого, контролируемого «сверху» политического пространства.

«Партии порядка» в русской властной традиции. Для понимания природы партии власти необходимо обратиться к русской истории начала XX века. Тогда практически одновременно выдвигаются два конкурирующих политических проекта: в 1903 г. — партии нового типа, в 1905 г. — партии власти. Показательно, что инициатива их создания принадлежит персонификаторам русской власти: Ленину, олицетворявшему будущую власть, и ближайшему сподвижнику Николая II — Д.Ф. Трепову. Эти проекты появляются в момент зарождения российской многопартийности, когда в России еще не было партий в европейском (т.е. классическом) смысле слова. Они определяют происхождение и судьбу в истории русской партии власти.

24 сентября 1905 г. Д.Ф. Трепов пишет письмо императору, в котором формулирует идею партии власти — «твердо сплоченной консервативной парии порядка». Это обращение было связано с обсуждением в политических кругах Манифеста 6 августа 1905 г., где «населению» была обещана Государственная дума («булыгинская») с законосовещательными правами. Треповский проект сводился к следующему: образовать в Думе «партийное» большинство «верноподданных» депутатов; включить в партию власти генерал-губернаторов, градоначальников, «которые, в силу своего служебного положения, всегда будут в состоянии составить около себя кружок влиятельных в данной местности лиц»; для организации партии командировать в провинцию «особо доверенных лиц»; поставить под контроль партии периодическую печать и с ее помощью формировать «проправительственное» общественное мнение. По мнению Трепова, «партия порядка» должна была принципиально отличаться от «обычных» партийных образований; она выражала фундаментальные интересы подавляющего большинства народонаселения Российской империи, а все остальные партии — эгоистические интересы мелких социальных групп.

Судьба этих проектов — ленинского и треповского — была различна. Старой русской власти не удалось реализовать идею создания своей партии. Объясняется это качеством той власти, ее слабостью, растратой ею субъектной энергии. Она была мало приспособлена к политической деятельности нетрадиционного для нее (европейского) толка; не понимала, в какую эпоху она входила. Здесь показательна позиция Николая II. Думу, политические партии, выборы и т.д. он рассматривал как лишнюю, ненужную, избыточную возню; как некую помеху, с которой приходится до поры — до времени мириться. Если треповский проект предполагал «завоевание» Думы с целью сохранения исторической власти, то последний русский самодержец фактически придерживался той точки зрения, что в России наилучший вид политики — это отсутствие политики. Д.Ф. Трепов «догадался»: настали времена, когда, если хочешь остаться у власти, следует превратить конституционно-представительный механизм в механизм упрочения собственного влияния. Иного пути нет. Как раз этого и не понимал Николай II…

Правда, в России были люди, осознававшие необходимость поиска новых политико-властных технологий. Причем, были еще задолго до появления в стране «публичной политики-1»(1905 год). Так, в 1861 г. выдающийся русский реформатор Н.А. Милютин в письме своему брату Д.А. Милютину (военному министру) выдвинул идею организации «правительственной партии»: «…необходимо создать… партию, срединную, говоря парламентским языком: le centre, которой у нас нет, но для которой элементы очевидно найдутся. Одно правительство может это сделать, и для него самого это будет лучшим средством упрочения». Разумеется, Н.А. Милютин, живший в «допарламентский» период русской истории, использовал слово «партия» в традиционном для его времени смысле. Под «партией» он понимал

группу единомышленников, проводящую в обществе определенную политическую линию. Что же касается «правительственной партии» или «партии центра», то это должна была быть «серьезная часть образованного общества», сгруппированные «около правительства лучшие люди, которые подняли бы моральную силу его, обессилили бы крайние мнения и дали бы истинное, пошленькое значение нынешней оппозиции».

Н.А. Милютин лучше многих его современников и российских государственных деятелей следующих поколений понимал необходимость выработки нового властно-политического инструментария. В этом смысле идею Милютина необходимо включить в «родословную» русской партии власти. Кстати, уже в милютинском варианте «правительственная партия» есть главное оружие власти против оппозиции. Это означает: проект партии власти предполагает не только превентивно-охранительные меры, но и активную, наступательную политику уничтожения реально влиятельной оппозиции. Следовательно, появление партии власти (хотя бы ее идеи) свидетельствует о том, что в России существовало нечто принципиально независимое от власти, а потому и опасное ей.

Представляется далеко не случайным, что проект партии власти рождается в дореволюционной России в переломные, наиболее опасные для ее социального развития, моменты. Напомним: Милютин выступил с ним в 1861 г., Трепов — в 1905 г. Вновь мы сталкиваемся с этой идеей за три месяца до Февраля 1917 г. В ноябре 1916 г. в право-консервативном кружке Римского-Корсакова была составлена и передана князем Голицыным императору записка, в которой предлагалась программа конкретных мер по предотвращению в России революции. Один из важнейших элементов плана — организация партии власти: «Правительство во что бы ни стало должно иметь большинство в Думе и к созданию этого большинства должно относиться с величайшей ревностью и притом без всяких иллюзий и предубеждений… В распоряжении председателя Совета министров должно состоять особое лицо, особая и притом серьезно поставленная организация и крупный специальный фонд для ведения внутренней политики в самой Думе с единственной целью создания и поддержания прочного и постоянного большинства, благоприятного правительству».

Показательно, что авторы партпроектов, ничего не зная о других предложениях, воспроизводили специфическую логику: предлагали власти использовать конституционно-представительные механизмы для упрочения собственного влияния и сохранения (хотя бы и в несколько усеченном виде) политической монополии. То есть понимали власть как явление субстанциальное, «изобретая» специфические инструменты и функции для ее приспособления к новым условиям существования. На такой логике строится русский социально-властный порядок. Она прямо противоположна западной, так как нацелена на подмену социальной самоорганизации и самоуправления («снизу») властной организацией («сверху»). Она просматривается и в ряде эмигрантских проектов, где «правительствующая» партия считалась единственным способом структурирования «постбольшевистского» правящего слоя, а также выражения народной «бессознательной» воли.

В начале XX в. проект партии власти провалился, возобладал же проект партии нового типа. Своеобразие отечественной истории XX в. состоит в том, что после крушения традиционной власти (самодержавия) следующая сформировалась посредством партии нового типа. Но она, в свою очередь, перестала существовать как партия (в смысле «pars»), как только пришла к власти, переродившись исключительно во властную субстанцию. Властное начало победило в ней партийное. И она стала властью, «оправленной» в партийность.

Через сто лет идея партии власти реализовалась (как, впрочем, и многие другие идеи в русской истории, осуществлявшиеся спустя век после их появления). Сегодня партию власти нередко называют новым изданием КПСС, но это совсем не так. КПСС пронизывала и контролировала абсолютно всю социальную ткань СССР. Она была системообразующим элементом той системы, основой тотальной власти. Называть «Единую Россию» КПСС-2 (равно как и правящей партией) — значит, придавать несвойственное ей значение.

Тем не менее, связь современной партии власти с советским политическим опытом неразрывна. Закономерно, что «публичная политика-2» практически ничего не воспроизвела из практики начала XX в. — ни партий (близких по социальной «ориентации», способам самоорганизации и обеспечения, идеологии), ни самостоятельного движения крупных промышленников и предпринимателей, ни независимых от власти общественных организаций, профсоюзов, кооперативов. И это понятно: ЕР и др. могли появиться только в послесоветской России, «генетически» продолжающей «страну советскую». Это следствие наложения на идею партии «кода советскости» или той культурно-ментальной матрицы, которая составляет существо «человека постсоветского» и во многом направляет его действия.

Партия власти как «место встречи» общественных ожиданий и властных потребностей. Российская партия власти конца XX — начала XXI столетий — это не штурмовой отряд, завоевывающий общество, но часть власти, исполнитель очередного властного заказа, инструмент ее приспособления к новой реальности. Наконец, это инструмент народной легитимации власти. И вот эта роль партии власти нуждается в особом осмыслении.

В нынешних условиях нашей власти приходится интегрировать плохо сочетаемые задачи: выстраивать электоральную поддержку на конкурентной основе и стремиться к достижению максимальной управляемости общества. Поэтому ее партия вынуждена участвовать в выборной борьбе. Но суть этого участия нельзя свести к такому понятному западному homo politicus и российскому исследователю явлению как артикуляция интересов граждан. В современной отечественной политике партия власти выполняет уникальную роль представительства, «продвижения» власти. Действуя в партийном обличии в рамках состязательной партийной системы, партия представляет собой инструмент, который власть использует для получения электоральных преимуществ и приобретения доминирующего положения в политике. И в этом смысле у нас все происходит иначе, чем в западной политической игре.

Окрепшая российская власть снова претендует на безусловное право быть единственным источником и регулятором политических процессов. В своем продвижении к этой цели она и использовала партию (а с ее помощью — народонаселение). Голосование на выборах как наиболее распространенная форма гражданского участия в российской системе становится не столько формой влияния на политический курс, сколько способом легитимации власти, ее символической поддержки. Поэтому очевидна взаимосвязь между получением электоральной поддержки партией власти и шансами на выборах действующего президента как персонификатора власти (т. е. победы самой власти).

На выборах российская партия власти демонстрирует свое участие. Она участвует, но не борется. Эта стратегия аналогична той, что была избрана для В.В. Путина — стратегия победителя. Она определяется самой природой партии как элемента власти, делегированного «отрабатывать» представительскую функцию в условиях российской «представительной демократии». Поэтому партия власти — вне реальной партийной конкуренции.

В особенностях электоральной борьбы «Единой России» есть еще один, глубинный смысл. Партия власти — способ приспособления власти к эпохе публичной политики; точнее, адаптации этой эпохи к себе. Власть в России традиционно тайная — в смысле поддержания «тайны Власти» как важнейшего качества, измерения русской власти. Став публичной и открытой для общества, наша власть, формирующаяся вне общества, управляющая им «извне», дистанционно (и в этом ее главное отличие от западноевропейской власти, порожденной обществом, в нем укорененной и ему подотчетной), перестает быть самой собой. Партия власти — публичный инструмент «непубличной» русской власти. Но и она, единственная из всех наших партий, должна демонстрировать свою сопричастность к «тайне власти». В такой логике понятно, например, почему «Единая Россия» не выставила участников публичных предвыборных дебатов в 2003 и 2007 гг. (она вполне могла это сделать) и почему наши граждане решили, что она в этих дебатах победила.

«Единую Россию» и сейчас упрекают в отсутствии программы. Сразу после декабрьских выборов 2003 г. в СМИ звучали такие оценки: победила партия без обещаний, кроме одного — быть с президентом; это нарушает законы избирательного жанра. Или: голоса «Единой России» — это голоса президента; здесь нет массовой базы под единый политический курс. Эти упреки — следствие непонимания природы российской партии власти. У нее и не должно быть «партийной» программы. Ее программу формулирует, представляет и выполняет власть. Основное электоральное преимущество партии власти обеспечивается не партийной программой, а фактом принадлежности к власти. Да и, кроме того, нашим обществом никакие программы, обещания, декларации давно не принимаются всерьез. Вспомните, у В.В. Путина (а затем и Д. Медведева) тоже не было программы — и это не помешало, а, возможно, и помогло стать президентом.

Современной партии власти нет нужды в разработке и предъявлении обществу «идеологии» (она и в этом смысле не КПСС). Важно, чтобы с внятной идеологией, приемлемой стратегией социального (и любого другого) развития выступила власть. У нас партия должна быть эффективным инструментом позиционирования власти. Ее роль, скорее, представительская, мобилизационная, чем «рабочая», технологическая (в смысле определения основ политического курса и его реализации). Поэтому не правы те ее лидеры, что заботятся о программе партии и предъявлении обществу инициатив социального порядка. Это — прерогатива власти. «Партийцы» в России не вызывают доверия общества (как и объединяющая их лучших представителей выборная законодательная структура). Зачем тратить «ресурс» на заведомо провальные проекты? Главная «публичная» забота партии власти — заботиться об имидже власти, особенно в кризисные для нее периоды. В России уважают сильную власть (даже вызываемый ею страх готовы принять как порождение и проявление этой силы). Поэтому реальные шансы в борьбе за голоса избирателей имеет партия сильной власти. Или: голосов будет тем больше, чем качественнее представлен в обществе образ сильной власти.

В этом и состоит привлекательность электоральной политики партии власти. При том, что исследователи отмечают факт сохранения в обществе чрезвычайно низкого уровня доверия к различным институтам власти, а также эффекта «обманутых социальных ожиданий», на выборах 2003-2004 и 2007-2008 годов наш народ вновь продемонстрировал наличие громадного ресурса доверия власти. Можно не соглашаться с народным выбором, но приходится признать, что партию власти люди видят иначе, чем другие партии. Только власть строит, обеспечивает, поддерживает жизнь; она в этой стране хотя бы за что-то отвечает. Власть, укрепившаяся и подтвердившая свою силу — единственный гарант относительной стабильности, порядка, безопасности для граждан. В этом смысле народ и власть (а, значит, и ее партия) едины. Поэтому у нас всегда побеждает Власть. Любой выбор «против нее» невозможен, потому что он «антинароден». В этом предсказуемость, «понятность» российского избирателя, вообще российского человека. О котором еще в середине XIX века совершенно справедливо писал выдающийся политический мыслитель Л.В. Дубельт: «Наш народ от того умен, что тих, а тих от того, что не свободен»; «не избалован свободою и ни с чем не сообразными правами человека».

Опросы общественного мнения, проведенные фондом «РОМИР» весной 2004 г., подтверждают эту оценку «нашего народа». Респондентам был задан вопрос: «Кто из этих реальных людей и вымышленных героев мог бы стать лидером партии «Единая Россия»?». Вот некоторые ответы: маршал Жуков — 27%, Штирлиц — 15 %, Глеб Жеглов — 14 %, Чапаев — 9 %, Павел Корчагин — 8 %, Данила Багров («Брат») — 8 %, Ш. Холмс и герой фильма «Москва слезам не верит» Гоша — 5 %; от 4 до 2 % набрали Атос, Шурик («Кавказская пленница»), Пьер Безухов, Юрий Деточкин («Берегись автомобиля»), Печорин, Женя Лукашин («Ирония судьбы»), Дон Кихот, С. Есенин. Выбор персонажей более, чем показателен.

Определяющими, формирующими их образ, являются два основных «качества», дефицит которых, видимо, особенно ощутим в современной русской жизни. Первое — это борьба

со «злом», победа над ним или героическая смерть в противостоянии ему. Второе — благородство характера, бескорыстие. Обращает на себя внимание то, что люди, олицетворяющие первое качество, являют собой пример железной воли, сильного характера. Второе — «блаженные», персонифицирующие идеал непротивления злу насилием, но преодолевающие зло смирением и благородством.

Из всего этого можно составить некий идеальный, «очеловеченный» образ партии власти, а также идеальных представлений «усредненного» избирателя. Партия и ее лидеры видятся российскому гражданину как сила, преодолевающая социальное зло, наказывающая носителей этого зла (партия «государственного строительства», «социальной защиты» и «народной расправы» одновременно). И в тоже время волевой, героическо-искупительный образ сдобрен элементами благородства, привлекательности, доверительности. Попутно заметим, что среди этих персонажей нет ни одной женщины. Это партия «настоящих» (по-разному) мужчин.

О чем, на наш взгляд, свидетельствуют подобные опросы? В представлениях людей о партии и ее вождях проявляются как фундаментальные черты сознания российских людей, так и качество самого проекта. Русская власть, по-прежнему не современная (в смысле modernity), архаичная, неполитическая, использует для выживания современные технологии. Одним из способов этой адаптации и является партия. Причем, и власть, и ее партия действуют в социальной среде, в которой также господствует не современный, архаичный, неполитический тип сознания. И в этом смысле власть, партия власти и электорат вполне соответствуют друг другу. Правда, в идеальном смысле, в замысле. Это ведь россияне хотели бы видеть «Единую Россию» таковой. Более того, таковой они хотели бы видеть и русскую власть.

Вот здесь и кроется «гениальность» современных кремлевских треповых-милютиных. Они поняли, что партия власти должна быть сконструирована «по образу и подобию» самой власти. То есть «по образу и подобию» «мечтаний» о ней русского общества. Можно сказать: они встретились. Они — это ожидания россиян от «своей» власти и расчет власти в отношении «своих» россиян. «Местом встречи» стала идея (а не практика, конечно) партии власти.

«Кратократический» транзит 1990–2000-х: «антинародная» власть и «народная» партия. Современная политическая ситуация свидетельствует: российскому обществу, российской политической культуре не органична «демократия», т. е. система устроения власти, «опосредованная» обществом, гражданами. Победы партии власти еще раз обнаруживают и подтверждают кратократическую природу русского социума. Здесь все происходит «для, через, посредством» власти. Даже партии, которые вроде бы представляют собой независимые политические образования и должны артикулировать и агрегировать разнообразные политические интересы, в российской системе перерождаются, «приватизируются» властью.

Когда в 1990-е годы в России происходило становление партийной системы, возникло две доминирующие группы партий: организованные на партийный лад обломки структур старой, коммунистической, власти и партии новой, посткоммунистической, власти. Третью группу составляли партии, более всего похожие на западные партийные образования, — в силу того, что были лишены русско-властной природы. Они и являлись порождением самого процесса «перехода» от «старого» к «новому».

Здесь, кстати, возникает вопрос: в чем она, «переходность» современного российского общества, каковы векторы этого «перехода»? В настоящее время вполне очевидно, что существо пережитых нами с конца 1980-х годов изменений невозможно описать в терминах модернизационной теории демократического транзита. «Демократический переход» предполагает возникновение в социальном пространстве элементов «демократии». У нас если они и существуют, то, в основном, по форме, внешне. По сути подавляющее большинство «новаций» традиционно автократично. То, что это не был «демократический транзит», свидетельствует (в том числе) судьба «вне-властных» партий — растеряв свою влиятельность и независимость, они превратились в политических аутсайдеров или вошли в партию власти. Ситу-

ацию нашей «переходности» невозможно описать ни в терминах «возврата» (в «старое», к «коммунизму», «тоталитаризму»), ни в терминах «гибридности» (сосуществования и взаимовлияния «старого» и «нового»). Для понимания пережитого Россией в 1990-е годы «перехода» подходит идея «кратократического транзита» — движения от одних властных структур, одного способа «организации» власти, к другим, соответствующим новым социальным условиям.

Очевидно: путинская власть в 2010-е искала формы восстановления традиционных (органичных нашей социальной природе) способов властесуществования; пыталась преодолеть «недостатки» и восполнить «дефициты», порожденные новой социальной реальностью. В качестве одного из инструментов она и использовала партию власти (не будем связывать ее исключительно с «Единой Россией», рассмотрим как политический проект, который может принять разные формы). Это не узкопартийная, а широкая многоцелевая задача, предполагающая создание нового «социально-властного» организма. У нее есть несколько измерений.

Прежде всего, партия выявляет и отражает обновленную природу современной власти. Она уже не может устранить из жизни публично-политическое — напротив, ей требуются демократические формы, процедуры, способы легитимации. В этом смысле XX в. стал свидетелем сокращения «дистанции» между русской властью и русским обществом. Партия нужна власти для того, чтобы поддерживать принцип разделения властей, саму законодательную власть, наличие которой закреплено в Конституции. Это обязательный элемент, «формат» существования современного государства, а Россия не может себе позволить быть не современной.

Демократические свободы, процедуры нужны российскому обществу, которое теперь вряд ли захочет с ними расстаться. Но они необходимы и власти, так как дают легальную, правовую возможность замены «плохой» власти на «хорошую» («слабой» — на «сильную», «порицаемой» — на «любимую»), скажем, Ельцина — на Путина. Это своеобразный социальный клапан, способ организации мирной реакции граждан на не удовлетворяющие их условия существования. Но способ ограниченный — самими же гражданами: они могут отказаться поддержать кандидата или партию власти. Тем не менее, таким образом можно осуществить процедуру передачи власти лидеру, более соответствующему современному состоянию и запросам общества.

Ограничение формально-правовых процедур, публичного пространства опасно для власти: ее замыкание «в себе» (в атмосфере всеобщего недоверия или в силу «головокружения от успехов») чревато как угрозой «дворцового переворота», так и социального взрыва. Власть в этом случае перестает «слышать» общество: при исключении всякой публичной критики, кроме «дозволенной» (разрешенного «многоголосия на один голос»), она не замечает наиболее болезненных проблем и критических точек развития, не ощущает общественного давления. Все это резко снижает возможности ее адаптации к социальным изменениям.

Партия для власти есть способ упорядочивания политического пространства — для облегчения управления им, но и в соответствии с «запросами» граждан. 1990-е годы продемонстрировали, что публичная политика, многочисленные партии, лица, структуры — это слишком сложная игра для России. Вся эта «множественность» избыточна для нее. В обществе существует потребность к упрощению — жизни вообще, политики, в частности. Она определяет «общественный дух», (массовую) волю «среднего», «простого» человека. С ним не «справились», не смогли увлечь и повести за собой публичные политики недавнего прошлого. Партийные образования тех лет, ушедшие сейчас с политической сцены, так и остались, в известном смысле слова, «партиями Садового кольца». За дело взялась власть — и дала гражданам партию, выражающую не частные, партийные, а общие (народные) интересы. При этом она заполняла собою не занятые участки политического поля или вытесняла с него тех, кто оказался не способен (используя электоральный процесс) ей противостоять.

Однако, монополизировав политическое пространство, власть вынуждена считаться с общественными запросами, приспосабливаться к ним. В конце XX в. русское общество стало дискретным, сегментированным, его невозможно свести к одному, общенародному интересу. Множество социальных интересов не способно представлять одно партийное образование. Не случайно в это время была создана серия разных партий власти. Вообще нынешнему состоянию общества больше соответствует идея партийной системы власти, а не партии власти. «Центровые» этой системы сосредоточены в «Единой России». Она и есть та питательная среда, в которой формируется властная партсистема, составленная из массовых партий, способных переплавлять интересы постсоветских граждан в символическое единство.

Общественную ситуацию, социальный «климат» рубежа 1990-2000-х гг. определяли ожидания от власти, носившие преимущественно стабилизационный характер: политическая элита надеялась на изменение стиля управления, масса — на снижение цен и уровня безработицы, те и другие мечтали о «наведении порядка». Резко отрицательное отношение граждан к власти было обусловлено ее слабостью, а значит, неспособностью «обеспечить свои функции по отношению к населению. Более половины россиян характеризовали политическую ситуацию как «безвластие и анархию». Массовый политический человек был готов (и воспринимал это как благо) к «усилению» (вплоть до демонстрации силы), консолидации власти, преодолению «разболтанности и расхлябанности» государственного механизма, децентрализации, сепаратизма («удельщины»). Хотя при всякой постановке перед общественным мнением дилеммы «демократия или порядок» порядок неизменно одерживал верх, граждане хотели сохранить свои свободы (прежде всего, передвижения, а также гласность и минимальный политический плюрализм). Интерпретируя социальный запрос, «стабилизационная власть» (термин Ю. Левады) могла предложить обществу переход от чрезмерного многообразия к консолидации всех политических сил, от разобщенности — к единству, интеграции на уровне «большого общества» под эгидой «верховной» (президентской) власти. Это она, собственно, и сделала. — И была встречена гражданами «с пониманием».

В конце прошлого столетия подавляющее большинство населения страны считало, что проиграло от изменения экономической системы, но уже приспособилось или вскоре приспособится к переменам. Массовые экономические ожидания носили патерналистский характер; исследователи отмечают доминирование в обществе «патерналистских конструкций социальной реальности». Это объясняет, почему в народной «картине мира» современная власть (правда, в отличие от «ельцинской», ее при этом ассоциируют лишь с лицами («стрелочниками») и механизмами, из которых исключен персонификатор — В. Путин) оценивается как антинародная. По мнению большинства граждан современной России, интересы власти и народа совершенно разошлись, обычные люди нужны власти только для выполнения определенных функций (голосование) и должны выпрашивать как милостыню зарплату и социальные пособия; власти нет дела до простого человека и его проблем. Желая «ощущать присутствие власти в повседневной жизни», граждане в то же время воспринимают ее как «чужую», «далекую» — и противопоставляют «своей», «при которой простым людям жилось лучше всего». А своя, «народная» — это Советская, эпохи «брежневского застоя».

С таким социальным фоном, народными ожиданиями столкнулась путинская власть. Исследователи характеризуют этот запрос к власти как «некий гибрид (или химеру?) более жесткой политики и относительно либеральной экономики». На самом деле, в представлениях российских граждан о материальном благополучии и социальной защищенности нет ничего от «экономического либерализма». В социальном и политическом народных идеалах ощущается влияние традиционных представлений, пристрастий и исторического опыта. Одну из центральных «народных» идей выразил когда- то К.Д. Кавелин в концепции «самодержавной республики». Ее отголоски слышны в определениях российского политического режима как «выборного самодержавия» (И. Клямкин и Л. Шевцова) и «самодержавной демократии» (не-

давние, от 27 апреля 2011 г., откровения Б. Грызлова по случаю 105-летия российского парламентаризма). Свой социальный идеал воплотило советское государство. Вот как описывал его Н.Н. Алексеев: «народное государство, опирающееся на сочетание диктатуры с народным представительством».

Очевидна близость этого идеала — идей самодержавия, демократии, диктатуры (демократуры) и социальной справедливости, «исправленных» и «преображенных» в примитивном, безрелигиозном и материалистическом смысле, — постсоветским гражданам. Столь же очевиден интерес, который проявляет к этому идеалу (не зная определений Кавелина, Алексеева и др., придя к нему инстинктивно) власть. Если идеи «самодержавной демократии» и диктатуры она реализует на практике, то «социальная справедливость» может быть воплощена ею только в пространстве слов, образов, символов.

Зачем власти 2000-х партия? Именно поэтому современная власть так нуждается в информационном ресурсе. Партия власти является одним из инструментов ее выхода в публичное информационное пространство. Власть использовала и будет продолжать использовать медийную среду для реализации своих целей. Партийный проект есть одно из средств «приватизации» этой среды, навязывания определенных политических смыслов «массовому зрителю». По законам современной глобальной политики, «политический синтез социального пространства закрепляется посредством коммуникации», а потому «…контроль над смыслами и значениями языка, а также над сетями коммуникаций становится основным предметом политической борьбы… Переход к постсовременности… являет коммуникацию, производство и жизнь как одно сложное целое, как открытое поле конфликта».

Это определяет характер «отношений» власти и мира коммуникаций: «Индустрия коммуникаций объединяет воображаемое и символическое внутри биополитической ткани, не просто ставя их на службу власти, но и фактически встраивая их в само ее функционирование». В современном мире коммуникации не просто опосредуют политику. Они суть форма ее осуществления. Особенность нашей политии состоит в том, что коммуникативный мир языка, информации и символов является не формой реализации власти, пространством решения ее «очередных задач», но интегрирован в «мир власти», определяя его «содержательно», по существу. В мире коммуникации вырабатываются социальные значения, позволяющие существовать и воспроизводиться власти (демонстрируя, в том числе, как посредством новейших технологий обществу навязываются архаические образцы, смыслы, символы); там снимаются или редуцируются социальные противоречия. В этом смысле русская власть в любое время имеет качества «медиакратического режима», а назначение информационно-символической деятельности состоит в преодолении (или его демонстрации) отчужденности власти и общества, моделировании их единства.

Но вернемся к партии власти. Это попытка создания некоей привластной группы, с помощью (и посредством) которой власть будет управлять обществом. Вспомните: в Московской Руси реализовывался боярский принцип управления, в имперской России — дворянский, в СССР — номенклатурный. Какой у нас сегодня? Назовем его условно «партийно-властным». Для управленцев, «вышедших» из партийно-коммунистической советской системы, это вполне органичная находка.

Я уже отмечала, что «Единую Россию» стало принято характеризовать как партию бюрократии, чуть ли не государственную структуру, составленную из представителей исполнительной власти и даже авторитарного партийного. Тем самым партии придается самостоятельное значение; она становится одним из главных оснований для характеристики современного режима как бюрократически-авторитарного. Это не точно по существу. Во властном партийном проекте власть отделена от партии — в том смысле, что «Единая Россия» только представляет власть, является одной из ее функций. Власть субстанциальна (и потому беспартийна), а партия — функциональна. Как, собственно, и бюрократия — та ее часть, которая «служит» в партии. Эта «диспозиция» не изменится, даже если условием «государевой

службы» станет партбилет (какой-нибудь из) партий власти. Что же касается определения существа «режима», то в русских условиях любой режим можно характеризовать как бюрократический. Это — бытийственная, а не переменная характеристика властной организации. И едва ли не всякий как авторитарный.

Специального обсуждения заслуживает состав партийцев. В известном смысле, «Единая Россия» действительно является партией «новой» власти. Прежние властные партийные образования формировала «старая», ельцинская, власть. Те партии принадлежали Смутному времени, породившему «бояр-олигархов», «удельных князьков», публичных политиков из среды «приватизаторов», демократов, реформаторов. В эпоху Порядка произошел «перебор людишек»: «чужаков» во власти, пытавшихся ее приватизировать, сменили «свои» — «государевы люди», бюрократы. В который раз в русской истории дворянский, служило-бюрократический принцип одержал верх над боярским, удельно-олигархическим (правда, больше внешне, чем по существу). Путинский «служилый класс» обладает характеристиками и советской номенклатуры и дореволюционного чиновничества (того же дворянства на гражданской службе). От первой у него — зависимость от власти и характер организации; от второго — разрешение владеть собственностью, богатством.

«Служилых людей» «путинского порядка» объединяет еще одна черта, которая, скорее, приписывается им гражданами, чем существует в реальности. Это бóльшая близость (или мéньшая удаленность от) к идеалу социальной справедливости, народной морали. Большинство граждан упрекают власть в жадности, коррупции, стремлении «подмять всё под себя». Однако «лицо» нынешней власти — В.В. Путина — они склонны характеризовать иначе: его воспринимают сквозь призму модели «вынужденного властвования» («власть не нужна, власти не добивался»); он — вне рамок «грязной политики»; стремился к власти ради общезначимого дела, а не для материального обогащения. Окружающих его силовиков, сотрудников спецслужб значительная часть населения тоже «видит» в несколько романтическом ключе: в КПСС они принадлежали к «вооруженной партийной гвардии, обладавшей правами надзора за всеми кадрами и организациями и — по легендам — не причастной ко всепроникающей коррупции, в том числе нравственной»; их меньше, чем остальные государственные структуры, затронули разложение и распад 1990-х годов. Этот образ «спасателей» распространяется на всех путинских выдвиженцев.

Возрождая проект «партия власти», власть признает усложнение социального организма и наличие в обществе конфликтов, с которыми надо что-то делать. С признанием социальных конфликтов было связано создание партии власти и в начале XX века. Партия же «нового типа» была нацелена (и в теории, и на практике) на изживание, уничтожение конфликтов. Новый проект партии власти свидетельствует о том, что современная власть не только «принимает» сложную конфликтную природу общества, но и не может справиться с ней старыми советскими методами. Партия власти — это способ преодоления властью социальных конфликтов с помощью новых технологий.

Введение принципа партийного управления на некоторое время поможет снять остроту конфликта между ведомственным и «территориальным» (областным, краевым, республиканским) управленческими принципами. Через партию как синтез партийно-учрежденческого, партийно-государственного начал возвращается «единая, неделимая» власть. Недаром лидеры наиболее влиятельных государственных структур современной России возглавили партию «новой» власти. Партия власти — это не способ отмены, но преодоления системы разделения властей. В той же мере партия власти есть способ преодоления «удельной» разобщенности, приближения к идеалу «Единой России».

И, наконец, партия власти — инструмент восстановления традиционного принципа российской Власти: соединение в одних руках административных и хозяйственных функций, единство «властесобственности». Оно было разрушено в 1990-е годы, в период нового накопления капитала (за счет ограбления не крестьянства, как в конце 1920-х — 1930-е годы,

но прежде всего городского населения) и господства конкурентно-властной системы. Формирование монопольно-властной системы предполагает возвращение властью утерянных позиций и в «бизнес-пространстве».

Объединение в одной партии и олигархов, и чиновников во многом снимает противоречие между властью и собственностью. Пытавшаяся сохранить свою независимость и влияние собственность «приватизирована» (уничтожена) властью. «Допускаемая» в обществе собственность попала под контроль власти. Тем самым (в том числе) через свою партию постсоветская власть пытается реализовать идею нового «общественного договора», достичь базового социального консенсуса. Только не поводу общества и личности, как это всегда происходит на Западе, а по поводу и с позиций власти.

ЕР как режимная партия. Очевидно: ЕР ее создателями из администрации президента изначально отводилась инструментальная, технологичная роль — политический режим 2000 г. не нуждался в партии как субъекте политики. Цель была как раз снизить риски конкурентности/публичности, сделать предельно (насколько это вообще возможно) управляемым и предсказуемым электоральный процесс. Путь — монополизация политического пространства с помощью *инструмента*, адекватного новым (интернациональным) правилам игры. *Его назвали партией* и придали соответствующую форму. Очень логичный выбор: легче контролировать не людей (непартийных политиков) или мелкие мобильные образования, а суперструктуру, используя опыт советской «партийности» и постсоветского «корпоративизма».

Партия, как и многое в нашей истории, — эксплуатация «чужих» форм. Это естественный способ адаптации к современности, ориентиры которой задали не мы. Причем, способ самый простой, исторически не однажды опробованный и результативный — при нашей способности принимать любую форму (т.е. при анархической бесформенности массовой культуры: неструктурированности, отрицании формально-процессуальной стороны жизни). Облачением в новую форму если и стремились исправить «туземное» содержание, то только поначалу. Скорее, действовала всепобеждающая логика выживания/мимикрии социального естества. Конечно, форма — не пустая формальность; она требует содержательного соответствия. И в ЕР (как и в других элементах *властной партсистемы*) присутствует партийное начало, так или иначе получающее выражение. В этом (и только в этом) смысле тезис об имитационности ЕР и партсистемы не точен.

Но форма — не догма (наши партии и демонстрируют, насколько), она подчинена содержанию. Постсоветская партсистема не нацелена на представительство широких гражданских интересов, а замкнута на узких, элитных, «сословных». Она — в основном и по преимуществу — обслуживает (легитимирует, стабилизирует) монопольное господство утвердившихся у власти и получивших собственность групп. ЕР и другие — партии в том смысле, что артикулируют и агрегируют интересы одного социального слоя, который ощущает и продвигает себя как «элиты» (групповое сознание выделяет его из аморфной, слабо структурированной социальной среды).

Для защиты режима бесконтрольного, безальтернативного и стабильного господства элит их партии имитируют представительство широчайших социальных интересов (все метят не просто в массовые, но в общенародные; кроме «Правового дела» — партии для социально «чужих», т.е. интеллигенции). — В этом смысле они имитационны. Хотя для придания «легенде партии» реалистичности наши партобразования вынуждены выполнять и «функции общественной организации». То есть реагировать на социальные запросы, обслуживать социальные нужды. Но людям *партии власти/элит* служат в последнюю очередь, по «остаточному» принципу, когда уже нет другого выхода. Их партийность не только управляема, но и «остаточна», вынуждена (вымучена), краткосрочна (предвыборна). В остальном они служат тому «классу» («сословию»), к которому принадлежат, т.е. себе. Иначе говоря, являются «со-

словными» структурами, инструментом «сословного» представительства, «сословного» управления.

Поэтому партсистема по сути своей непублична, — и в этом соответствует закрытому характеру режима. Там, где начинается партийность, реальная партийная жизнь, партия погружается в тайну, уходит в «тень». В зоне публичности наши партии в основном имитационны; их партийная природа реализуется в «теневой» сфере (в «подполье»). Там партии являются крупнейшими бизнес-предприятиями, выступают инструментом внутриэлитной борьбы — за ресурсы, влияние, власть, за право продвигать в зону публичности точки зрения, политические линии, интерпретации прошлого, прогнозы на будущее и т.д. Партии участвуют в конкуренции первых лиц («соправителей» В.В. и Д.А.) и их окружений, учреждений, кланов, идеологий, атеистов с православными и т.п. Партии (в первую очередь ЕР) — место действия «элитарного» плюрализма. Причем, не единственное. А также легитимный механизм встраивания страны в интернациональные управленческие структуры. И тоже не единственный. Это образ жизни господствующих групп. И желанный ориентир (один из) для тех, кто мечтает ими стать.

Может быть, и так, скажите вы, — если бы не одно но: всеобщие… выборы. — Отвечу и на это, причем, опираясь на мнение многих аналитиков. *Выборы* в основном перестали быть публичной конкуренцией, превратившись в «площадку» неформально-теневых сделок «элитных» групп. Вообще, наш политический режим, постоянно пеняющий на «мировое закулисье», базируется на неформальных, «теневых» механизмах взаимодействия. — Он «закулиснее» любого «закулисья». Назначение партий в электоральном процессе — то же, что у администрации президента в отношении партий: не допустить самодеятельности. Только уже не «сословной», а «низовой», общесоциальной.

На выборах решается сложная двусоставная задача: продвижение частных («сословных», «элитарных») интересов и подтверждение лояльности населения режиму через плебисцитарный механизм. В рамках первой части задачи ЕР и др. имеют значение партий, играют свойственную партиям роль. Особенно отчетливо это проявляется на региональных и местных выборах, на которых случается межпартийная и даже внутри (ЕР) партийная борьба.

ЕР — это *режимная партия*, основание режимной партсистемы. Она встроена в единую институционально-неформальную среду, определяющие импульсы в которой идут «сверху»: от первого лица (или лиц, которые являются главными партиями и «теневой», и формальной зон), от основных околовластных группировок. Российские партии не являются ни институтами, определяемыми логикой представительства и связанными со значимыми социальными интересами, ни влиятельными общественными группами. Это элемент «сословной» среды, наслаивающейся над социальной жизнью, лишь отчасти с ней соприкасающейся и гасящей посторонние, «чужие» импульсы, идущие «снизу».

Основная характеристика режима 2000-х — не демократия или авторитаризм. Его смысл — *безопасность*. Все остальное — вторично, побочно, факультативно. Не случайно главные режимные люди — из безопасности. Только теперь они защищают безопасность не государственную, а личную (в широком смысле слова). Это охранительный режим, — режим охраны властно-«сословного» благополучия. Поэтому он не имеет отчетливых идеалов, не базируется на позитивной системе ценностей. Все это режиму не нужно, для него избыточно. Но он все это имитирует — опять же из соображений безопасности. Что же касается классических определений, то для охранительного режима вообще более естественны авторитарные, а не демократические практики. Режим же, выросший из советского (являющийся результатом его разложения), более, чем какие-то другие, склонен к подавлению последних. Он в принципе исключает для себя демократию. Хотя может использовать обнаруженные «в демократии» технологии. Существенно, что режим 2000-х не выдерживает нагрузки конкуренцией, оппозицией, критикой и по-настоящему не способен к самокритике. Это говорит о его неэффективности, непрофессионализме, общей слабости. Такие режимы способны безраз-

дельно господствовать только в слабой или неэффективной, инертной, «убитой» социальной среде.

Подведу итоги. Во-первых, партия является *одной из охранительных технологий*. Причем, очень важной. Современный российский политический режим нацелен на ужатие важных социальных процессов до узкого («элитарного») пространства. С помощью партий основная масса населения исключается режимом из системы представления и согласования интересов, разрешения противоречий и конфликтов, процесса принятия социально значимых решений. А потому российская партсистема современна лишь по видимости; режимная логика ведет ее в направлении, противоположном основным тенденциям современности. В случае с партиями мы получили возможность наблюдать, как сложнейшая управленческая технология, нацеленная на разрешение конфликтов и согласование социальных интересов, превращается в примитивную технику обеспечения господства. То есть утрачивает первоначальное значение, исконный смысл, становится партией лишь по названию.

Во-вторых, создание в современной России партии власти не было связано с обращением к актуальной политической традиции, использованием сохраненного и критически «проработанного» опыта. Напротив, это одна из забытых политических идей, смутный образ (из) прошлого, о котором современная власть не знает и, видимо, не хочет вспоминать. При этом, реализуя собственный проект, воспроизводит в основных чертах «находки» предшественников. Так проявляется специфика отношения русской власти к своему наследию: политические идеи и практики, отработав свое, отбрасываются, забываются, а затем, по мере надобности, изобретаются вновь. Воспроизводя традиционную логику политической преемственности в России, ориентирующую не на развитие через критическую саморефлексию, а на выживание, самосохранение, власть обрекает себя на хаотические, судорожные действия (по типу «вызов»–«реакция»), во многом повторяющие прежние, уже предпринимавшиеся в сходных условиях. Это и демонстрирует история партии власти. В конечном счете, традиционный тип наследования (среди прочего) препятствует обновлению природы нашей власти, преобразованию ее отношений с обществом. Он способствует сохранению «традиционного» порядка, где связь между «верхами» и массой «негативно интегрированных граждан» ограничена; власть и социум представляют собой, по выражению С.В. Патрушева, «как бы две параллельные самовоспроизводящиеся области» (Р. Роуз называет это «обществом песочных часов»).

В.Н. Ткаченко: Такую безнадёжность Вы очертили. Наше поколение помнит, что когда ещё были живы традиционные идеологии, было прогностическое видение будущего. Не было таких вопросов, на которые у партии не было бы ответов. Была идеология, которой мы были подвержены, и мы жили этой идеологией в определённом смысле. Вспомним завоевания сарацинов в Испании. Их там было всего несколько тысяч. Но как они были мотивированны идеологически! Это было потрясение, и они много тогда захватили. Или возьмём Кромвеля, как его пастыри заряжали людей на битвы проповедью. Все-таки идеологическая мотивация присутствует, и для партии без этого никак. Сейчас в этом смысле какой-то транс. Может быть, это веяние XX-XXI века? Кризис идеологий, кризис видения будущего? И партии вынуждены идти по пути политической манипуляции, так как не могут предложить идеологический проект?

И.И. Глебова: На сложный вопрос дам сложный ответ. Вы знаете, это не только проблема партий. Нет будущего. У нас так получилось, что произошел крах и коммунистического будущего и крах капиталистического будущего. Теперь что касается нашей ситуации и ситуации с партией. Если бы появилась партия — у неё была бы идеология. А так партия является инструментом. И что касается нашей партии и нашей власти — я здесь возвращаюсь к своему докладу: у «дворца» не может быть идеологии. «Дворцам» идеология не нужна. Рисовать какие-то перспективы для него нет смысла: он не скрывает никакого прагматизма, действует цинично. Если «дворец» будет обращаться к населению с какой-то внятной идеологией — то это будет ложью! В идеологии нет смысла. Более того, я бы сказала, что это не слабость вла-

сти, а её сила. Сколько раз уже говорили Путину и Медведеву, что вы собираете у правых и левых лучшие куски идеологических программ и подаёте их в выгодном для себя случае. Брать разное и использовать разные идеологии — именно в этом сила власти. В этом смысле у неё нет мировоззрения и каких-либо предельных ценностей.

В.Н. Ткаченко: В России нет идеологии и в Украине нет идеологии. Но где-то же она должна быть?

И.И. Глебова: Это хорошо, что у нас нет идеологии. Единственное, что сейчас может появится и иметь силу — это национализм. В нашей ситуации на таком тренде, как говорят рупоры правительства: «Мы встаём с колен, мы великая держава». При этом существует запрос на решение социальных проблем, но власть не может их решить. Это всё приводит к появлению запроса на национализм. К тому же большинство населения живёт бедно, это не для кого не секрет.

А.И. Субботин: А в каком случае это сработает? Отвечу: России нужна хорошая война. Вот растёт молодое поколение — они и пойдут на войну!

И.И. Глебова: Мне война не нужна! И молодому поколению война тоже не нужна. Я говорю прежде всего об угрозе такой ситуации и популярности этой идеологии. Будучи окрашеной в социальные тона, она неизменно приведёт к такой ситуации. Эта страшная ситуация может привести к краху и полнейшему распаду…

А.И. Субботин: Я правильно Вас понял, что альтернативы у национал-социализма в России нет?

И.И. Глебова: Вы неправильно меня поняли! Если выражаться вашим провокационным языком, альтернатива национал-социализму — это Россия.

А.И. Субботин издает невнятные возгласы.

В.П. Макаренко: Прошу Вас прекратить. В противном случае попрошу Вас покинуть аудиторию.

В.В. Вольчик: По Черномырдину, у нас всё что не делается, получается как всегда. В этом ничего странного нет, и партия власти доминирует. Будет у нас не эта партия власти, придёт другая. Думаю, проблема не в этом. А в том, что любая партия власти встаёт на путь социального склероза. И если проблема социального склероза и социальной модернизации будет решаться, то какими механизмами, на Ваш взгляд?

И.И. Глебова: На такой вопрос два ответа. Во-первых, у нас были периоды, когда партии были разные и ничего не получилось. Общество предложило свои проекты и они конкурировали с властью. Это было в начале XX века. Во-вторых: чтобы появилось что-то социальное, должен прежде всего себя как-то проявить социум. У нас сейчас есть проект партии власти и этим, по большому счёту, исчерпывается партийная система. Это имитация. В этой ситуации нет других вариантов. У нас власть существует исторически ради себя самой. Это надо изменить. Только значительное давление снизу заставляет власть меняться. Сейчас власть существует в режиме без ограничений. Зачем ей быть социальной? — я не знаю.

Вопрос из зала: Какова генеральная линия власти?

И.И. Глебова: Если говорить о властной и административной системе, и системе, формируемой под власть, то всё ради неё и решается. Сейчас главное — это безопасность. Но безопасность и стабильность власти, а не граждан. Вы думаете, что в нашем обществе есть вертикаль, но нет генеральной линии. Так нет и вертикали. Есть вертикаль власти, которая замкнута на свои интересы. Есть генеральная идея? Нет в обществе никакой генеральной идеи. Ни против власти, ни за власть. Все время идут поиски пути, чтобы быть сразу и против власти и за власть. Если бы общество четко определилось — я хочу вот это и вот это, и на этой основе сформировало свои политические партии, — тогда, может быть, что-то и вышло. У нас общество даже не в инерции. У нас власть монополист и она всё определяет.

В.В. Вольчик: Вы немного не поняли, что я хотел сказать. Партия власти создаёт такой продукт, как стабильность. Оборотная сторона стабильности — социальный склероз. Систе-

ма не эволюционирует. Посмотрите: даже наша оппозиция — это люди, которые были у власти. Это Рыжков — один из лидеров НДР, Касьянов — бывший премьер-министр. Оборотная сторона такой стабильности — это то, что наша система подойдёт к глобальным, нереформируемым проблемам без решения.

И.И. Глебова: Вы правы, когда критикуете ситуацию, но не правы в исходной посылке. Где вы видите стабильность? Что значит — власти удалось достичь стабильности? Не понятно. Власти нужна сильнейшая социальная встряска. У нас сильнейший демографический спад. Если не будет изменений внутри господствующих групп, то будет идти процесс накопления проблем, который рано или поздно даст о себе знать.

В.Н. Ткаченко: Поскольку у нас конференция русско-украинская, я немного скажу об Украине. У нас было проведено социологическое исследование на тему: можно или нельзя добиться правды в Суде? Как Вы думаете, что ответили большинство на этот вопрос?

Из зала: Нельзя!

В.Н. Ткаченко: Нет, было сказано: «Да. Но это Вам будет стоить…»

С.П. Поцелуев: Коллеги, я кратко расскажу о переживании, которое у меня возникло во время парламентских выборов. Мы с другом вырулили на М. Нагибина. Нам открылась совершенно удивительная картина: на стене во весь рост были изображены Путин и Медведев и надпись «Мы победим». Это породило у меня комплекс эмоций — смех, стыд, возмущение, отторжение. Наблюдая со стороны за своими ощущениями, я пришел к выводу, что эстетическое отторжение власти — очень важный момент. Если суммировать эти эффекты, то на макро-уровне они окажутся существенным фактором политики. Это вдохновило меня поставить вопрос об эстетической легитимности власти вообще. Я пытался найти, что написано на эту тему, и понял, что мало чего написано. Европейские ученые подробно анализируют эти сюжеты, но их труды посвящены прежде всего фашизму и национал-социализму. Могу сослаться на гамбургского политолога Петера Анхеля, который написал чудесную книгу: «Прекрасная внешность Третьего Рейха». Он анализирует немецкое государство как непристойное квазипорнографическое произведение исскуства, которое инсценируется для граждан. А граждане принимают роль зрителей, и в какой-то мере участников этого ритуала.

Аналогичные явления анализировались уже после эпохи фашизма. Сошлюсь на дортмундского профессора Ральфа Кона, который написал книжку «Искусство совращения, политическая фикция и эстетическая легитимация». Не вдаваясь в подробности, я обращаю внимание на эстетическую эффективность и эстетическую легитимацию, поскольку они важны для осмысления темы «русская власть и бюрократическое государство» в прошлом и настоящем. Введение понятия «эстетическая легитимность власти» требует уточнения классической веберовской типологизации. Уже при анализе фашизма необходимость такого рода уточнений возникает. Это прежде всего связано с понятием идеологической легитимности или легитимирующей идеологии. Исследователи показали, что это понятие не принадлежит ни к одному типу легитимности по Веберу. Таков ещё один важный момент в соотношении эстетической и идеологической легитимности.

Константинов М.С. Аналитический анархизм: проблема определения и демаркации

Расскажу, что подвигло меня заняться этой темой. В 2004 году я наткнулся на статью Алана Картера «Аналитический анархизм: некоторые концептуальные основания» в журнале «Политическая теория» (кажется, за 2000-й год, четвёртый номер). Я тогда изучал английский язык. Поэтому набрал ряд статей, собираясь их прочитать. Тема меня заинтересовала, стал набрасывать свою статью. Но тогда я писал диссертацию, потом затянула университетская рутина. К этой теме вернулся только в 2011 году, через семь лет после первого знакомства со статьей Алана Картера. Стал искать публикации на эту тему в российской политической мысли, без особой надежды на то, как говорит Виктор Павлович, что никто еще не за-

столбил эту тему. Но был удивлён и разочарован: за семь лет никаких изменений не произошло! Никаких публикаций, не говоря о диссертациях по теме, найти не удалось. Я задумался: почему так? Ввёл по-английски в поисковик «аналитический анархизм». И получил массу результатов, включая сайты, на которых собрано огромное количество литературы. То есть, в англоязычном мире идёт обсуждение. У нас опять тишина. Который год никто не желает замечать это любопытное направление. Вновь задумался: может там изучать нечего, и потому наше научное сообщество не обращает внимания на это направление… Вспомнил дискуссию коммунитаристов и либералов, которая ведется с 1980-х годов. Сколько времени потребовалось нашему научному сообществу, чтобы отреагировать на эту дискуссию? Но ведь уже в 1990-е годы они слушали лекции профессора Макаренко. *(Обращаясь к В.П. Макаренко)*. Кажется, ваши публикации выходили на эту тему?

В.П. Макаренко. Кто его знает! Уже не помню!

М.С. Константинов. Поэтому я решил рассмотреть некоторые ключевые фигуры представителей аналитического анархизма с точки зрения содержательной специфики. Может ли аналитический анархизм считаться направлением, обладающим собственной методологической, содержательной, аксиологической спецификой? И, если там есть чем заниматься, то продолжить уже конкретными исследованиями. Этот доклад — первый результат моих штудий. Прошу рассматривать его как предварительный.

Итак, анархизм в целом, как явление идеологии и политической практики, достаточно хорошо изучен. Однако существует направление анархизма, возникшее в конце 90-х — начале 2000-х годов, которое ещё не стало предметом специального анализа в отечественной политической науке: аналитическая версия анархистской идеологии. В целом, аналитический анархизм содержит все базовые свойства традиционного анархизма: отрицание государства; отрицание форм правления, основанных на насилии и принуждении; предпочтение альтернативных форм социального бытия, лишённых авторитарных структур и насильственных методов. Однако в деталях представители аналитического анархизма расходятся весьма существенно. Между ними нет согласия ни по поводу определения сути данного явления, ни по его базовым ценностям, ни в вопросах методологических.

Согласно одной версии, к аналитическому анархизму относятся Энтони де Ясаи, в известной степени Дэвид Фридман и др., которые пытаются использовать методы аналитической философии для конкретизации, прояснения и апологетики анархистской идеологии. Так, несмотря на то, что в фундаментальной работе «Государство», в которой с позиций аналитической философии анализируется государство как целостность, обладающее своими собственными интересами, Э. де Ясаи избегает прямо заявлять о своих политических взглядах, однако некоторые из его оговорок чётко демонстрируют отношение автора к анархизму: «В последние годы доминирующая идеология западной демократии осторожно, по капле втягивает в себя ранее отторгавшиеся элементы теоретического анархизма, либертарианства и традиционного индивидуализма, … а в менее интеллектуальной плоскости нарастает ощущаемая в душе потребность в „откате государства“». Поэтому, полагает он, «отступление ... стало умной политикой для государства». Ещё более явно позиция Э. де Ясаи обозначена в поздней книге «Против политики: о правительстве, анархии и порядке», в которой средствами аналитической философии исследуются возможности спонтанных соглашений для создания анархического порядка. Тем не менее, нельзя не признать, что применение методов аналитической философии ещё не даёт оснований говорить о возникновении нового течения в анархистской мысли. При подобном подходе остаётся неясной содержательная специфика рассматриваемого направления; демаркация по отношению к другим направлениям анархизма пролегает по линии метода, но не теории.

Несколько иную позицию занимает Петер Дж. Бёттке, который, опираясь на работы М. Ротбарда, Х.-Х. Хоппе и Р. Нозика, определяет аналитический анархизм как «позитивную политическую экономию анархизма», или, говоря иначе, как «анархизм с экономической

точки зрения». По мнению П. Дж. Бёттке, историю анархизма можно разделить на три основных этапа или традиции: - утопическая традиция У. Гудмена (1790-е годы); - революционная традиция М.А. Бакунина и Первого Интернационала (1864-76 годы); - аналитическая традиция, заложенная в работах Мюррея Ротбарда, Дэвида Фридмана и позднее — Роберта Нозика и Джеймса Бьюкенена. Специфика аналитической анархистской традиции, полагает П. Дж. Бёттке, состоит в переносе акцентов на экономическую проблематику в анархистской аргументации.

Главная линия размежевания в экономике, полагает П. Дж. Бёттке, пролегает между презумпцией государственного вмешательства, которое позволяло бы решать проблему общего блага, проблему монополий и провалов рынка, и презумпцией свободной игры рыночных сил, которые в условиях капитализма, не ограниченного государственным вмешательством, способны создать свободное и справедливое общество. Классическая либеральная философия решала эту проблему с помощью концепции «минимального государства» и «связанного правительства», которое должно обеспечивать правопорядок и защиту граждан, а также общие блага (такие, как библиотеки, дороги, маяки и т. д.), но не вмешиваться в дела гражданского общества. Джеймс Бьюкенен был одним из первых, кто зафиксировал дилемму: учитывая тенденцию увеличения государственной ренты посредством перераспределений, каким образом можно удержать «минимальное государство» в узде и не допустить его превращения в «государство максимальное»?

Отвечая на этот вопрос, П. Дж. Бёттке следует классической для анархо-капиталистического либертарианства постановке проблемы, акцентируя взаимовыгодность добровольного обмена и его самоусиливающуюся природу за счёт спонтанно возникающих эндогенных правил взаимодействия акторов в той ситуации, которую П. Дж. Бёттке называет «практической анархией» (в ситуациях социального сотрудничества среди незнакомых людей в торговых клубах, в военных конфликтах и проч.). По мнению П. Дж. Бёттке, вклад «позитивной политической экономии анархизма» в решение дилеммы Дж. Бьюкенена, как раз и должен состоять в выявлении таких эндогенных правил, которые от конфликтов приводят к сотрудничеству: «Вместо проектирования идеальных институтов, которые мы можем накладывать экзогенно на системы взаимодействий акторов, обеспечивая „правильную“ институциональную среду, … мы должны исследовать эндогенное создание социальных правил самими участниками. Наука и искусство есть примеры такого самоуправления».

Однако и в данном случае возникает проблема демаркации, поскольку П. Дж. Бёттке, по сути, исследует традиционные для анархо-капиталистического либертарианства проблемы взаимоотношения государства и рынка: парадоксы кооперации в условиях государственного регулирования, проблемы порядка в отсутствие государственного законодательства и т. п. Не совсем ясно, что именно специфицирует подход П. Дж. Бёттке в качестве «аналитического», а не «капиталистического» анархизма.

Иную версию аналитического анархизма развивает Алан Картер — профессор моральной философии в университете Глазго. Исходную проблему А. Картер видит в том, что после того, как марксизм (прежде всего, благодаря работам Джеральда Алана Коэна) сумел сохранить свою оригинальность и получить дополнительные стимулы к развитию в рамках англоязычной традиции аналитической философии, «главная альтернатива марксизму на левом революционном фланге» — анархизм — был «оставлен далеко позади». Анархизм в целом понимается А. Картером как нормативная оппозиция конкретным политическим неравенствам, а специфика аналитического анархизма выявляется им в ходе анализа ключевых связей между политическими и экономическими неравенствами. В анархизме, полагает А. Картер, выделяются два элемента: - нормативный (и в этом смысле анархизм есть политический эгалитаризм); и - эмпирический (утверждающий, что централизованные авторитарные формы правления не могут иметь результатом политическое равенство). Заимствуя из ключевой работы Дж. А. Коэна и развивая аналитический категориальный аппарат, А. Картер определяет

основные постулаты анархистской теории исторического изменения и эксплицирует негативную роль государства в революционных процессах.

По мнению А. Картера, отрицание государства отнюдь не означает отрицание управленческих структур в принципе: напротив, анархисты предлагают структуры, которые уполномочивают в рамках организации, но не ведут к централизации власти. Марксисты же для организации диктатуры пролетариата в процессе революционных изменений полагали необходимым наличие государства. Естественно, анархисты, принимая марксистскую философию истории в целом, не могут принять тезис о государстве. Для решения этой проблемы А. Картер в коэновскую аналитическую триаду: производительные силы — производственные отношения — политические отношения (которые есть лишь отражение уровня развития экономических) предлагает добавить четвёртую — активную категорию — политические силы, т. е. силы защиты и принуждения, которые могут иметь и имеют свои собственные интересы, состоящие в систематическом потреблении излишков, произведённых экономическими силами. В таком случае развитие политических сил будет более выгодным и рациональным, хотя эта рациональность и ограничена уровнем развития производительных сил: они должны создавать излишек больше прожиточного минимума.

Тем самым удаётся объяснить националистические движения, к которым марксизм был нечувствителен, сохраняя два ключевых фактора в коэновском «тезисе развития» производительных сил в истории — рациональность и дефицит (в ситуации дефицита рационально развивать технологию). Введя категорию «политические силы», А. Картер переворачивает систему Дж. А. Коэна: «...Развитие производительных сил создаёт излишки, которые необходимы для финансирования постоянной армии и полиции, для исследования вооружения и т. д., и именно эти силы принуждения позволяют государству контроль над производственными отношениями, которые приводят к созданию излишков, необходимых государству. Короче говоря, … структуры политических отношений обычно выбирают и формируют экономические отношения, которые являются для него функциональными». Таким способом удаётся сохранить коэновский функционализм, но с существенным изменение акцентов: если у Коэна исторические изменения инициировались технологическими изменениями, то у Картера объяснительное первенство приобретают структуры юридических и политических институтов в сочетании с силами обороны и принуждения, т. е. государство.

В результате проведённого анализа анархистская теория получает развитый и испытанный в марксизме аналитический аппарат, при этом лишённый марксистских недостатков: преувеличенного внимания к технологическим и экономическим факторам, в ущерб акценту активной роли государства.

Таким образом, в методологическом плане на сегодняшний день можно выделить два основных течения в аналитическом анархизме: индивидуалистическое анархо-капиталистическое, следующее классическим либертарианским методологическим принципам (методологический индивидуализм, рациональный выбор, теория игр и т. д.), но дополненное использованием методов аналитической философии; и холистское, отдающее предпочтение анализу поведения коллективных субъектов в контексте социальных, экономических и политических структур.

Тем не менее, это различение достаточно условно, поскольку методологические противоречия аналитического анархизма нетрудно разрешить. Уже в аналитическом марксизме методологический индивидуализм вполне успешно сочетался с классовым анализом. Аналитический анархизм не составил исключения. Например, немецкий экономист Ханс-Херманн Хоппе в своей работе «Марксистский и австрийский классовый анализ» показал, что марксисткая классовая теория вполне может сочетаться с аналитическими моделями австрийской школы для объяснения поведения представителей классов и классовых отношений. Более того, как и А. Картер, Х.-Х. Хоппе принимает «жёсткое ядро системы марксистских верований», которое, по его мнению, сводится к пяти основным тезисам: - история че-

ловечества есть история классовой борьбы; - правящий класс объединён общим интересом сохранения своего эксплуататорского положения, поэтому и успех борьбы с ним зависит от классового сознания угнетённых; - классовое господство проявляется в специальных установлениях относительно перераспределения прав собственности; - для их закрепления создаётся государство, помогающее воспроизводить заданную классовую структуру благодаря контролю над системой «классового правосудия», а также легитимировать классовое господство посредством контроля над идеологией; - по мере развития производительных сил и дальнейшей централизации эксплуататорского господства экономическая стагнация и кризисы способствуют становлению революционного классового сознания угнетённых, что создаёт революционную ситуацию, разрешение которой приводит к установлению бесклассового общества, «отмирания государства» и экономическому процветанию. Как и А. Картер, с этими тезисами Х.-Х. Хоппе полностью согласен. Однако, в отличие от А. Картера, полагающего необходимым анализ политических сил для экспликации политических неравенств, Х.-Х. Хоппе обращает внимание на концепцию эксплуатации в условиях капитализма.

Как полагает Х.-Х. Хоппе, марксисты допустили подмену тезиса в концепции капиталистической эксплуатации, когда конкретно-исторический анализ проявлений эксплуататорской сущности капитализма в эпоху первоначального накопления капитала, был спроецирован на феномен «чистого» капитализма вообще в концепции прибавочной стоимости как основы капиталистической эксплуатации. Х.-Х. Хоппе предлагает исправить этот недостаток марксистской классовой теории, заменив марксистскую теорию капиталистической эксплуатации концепцией эксплуатации Л. фон Мизеса — М. Роттбарда, которая сводится к следующему: эксплуатация действительно, характеризовала отношения раба с рабовладельцем и крепостного с феодальным лордом в прошлом. Но при чистом капитализме никакая эксплуатация невозможна. Принципиальное отличие капитализма состоит в признании принципа освоения. Крестьянин при феодализме угнетён, потому что он не имеет исключительного контроля над землёй, которую он освоил, а раб, — потому что у него нет исключительного контроля над своим собственным освоенным телом. Если, с другой стороны, у каждого есть исключительный контроль над своим собственным телом (иметь его – значит быть свободным работником), и каждый действует в соответствии с принципом освоения, никакой эксплуатации быть не может. В таком контексте «чистый» (то есть, не ограниченный государственным управлением, налогообложением и регулированием) капитализм выступает как гарантия свободы.

Таким образом, на конкретном примере Х.-Х. Хоппе показывает, что методологически марксизм оказывается вполне совместим с индивидуалистическим анализом либертарианцев. Из этого можно заключить: непроходимых методологических барьеров между рассмотренными выше версиями аналитического анархизма нет. Более того, методологически эти подходы могут вполне успешно друг друга дополнять: использование методов аналитической философии для уточнения и конкретизации базовых понятий анархизма, дополненное конкретно-историческим анализом, анализом с позиции теории рационального выбора и теории игр, удачно сочетаются с уточнённой марксисткой философией истории, классовым подходом и т. д.

Совсем иначе обстоит дело в ценностном плане. Примирить на базе анархистской идеологии сторонников либертарианской идеи радикальной свободы, реализуемой только в условиях «чистого», ничем не ограниченного капитализма, с идеями равенства, представляется достаточно проблематичным. Либертарианское (анархо-капиталистическое) течение аналитического анархизма, представленное, прежде всего П. Дж. Бёттке, на уровне ценностей несовместимо с эгалитаристской версией аналитического анархизма, предложенной А. Картером. Собственно говоря, в аналитическом анархизме снова проявляет себя давний раскол между левыми и правыми анархистами: «Правые анархисты делают больший акцент на персоналистском начале анархистского мировоззрения, в то время как левые чаще предпочита-

ют говорить о „массах“, „пролетариате“, „классах“ – то есть, о социальных группах. Правые анархисты государственную власть и государство считают явлением первичным – от которого зависят экономические отношения, и в соответствии с этим выстраивают свои лозунги (на лозунгах, листовках правых анархистов, например, вы никогда не увидите фразу „Против власти и капитала“, не увидите слов „класс“, „капитал“), в то время как для левых анархистов капиталистические экономические отношения, если и не являются более важным объектом критики, то вместе с государством капитализм ставится наравне».

Сможет ли аналитический анархизм преодолеть рассмотренные в данном докладе противоречия, — покажет время. Сегодня его представители предпочитают игнорировать друг друга. Есть ещё один важный момент, на который я хотел бы обратить внимание. В силу очень сложной терминологии тексты аналитических анархистов читать и переводить довольно сложно. Одну статью Картера переводишь без проблем, с другой, сделанной на основе теории игр, довольно сложно разобраться. Сможет ли аналитический анархизм найти социальную базу, на которой он будет развиваться? Или он останется игрушкой в руках высоколобых интеллектуалов? Тогда говорить о нём как о самостоятельном направлении достаточно сложно.

В заключение отмечу любопытный момент. Если заглянуть в англоязычную версию Википедии, то среди современных направлений мысли целый абзац посвящен аналитическому анархизму. В русскоязычной Википедии такая статья отсутствует, хотя русскоязычная информация есть перевод англоязычной версии. Но в интернете сегодня довольно много сайтов и литературы, насколько я могу судить из Ростова.

В.Н. Ткаченко. Я хотел остановиться на последнем моменте: смогут ли аналитики найти социальный опыт, который можно проанализировать? Но ведь был социальный опыт с 1917-го года по 1920-й. Гуляйполе — громаднейший район Запорожской области — был постоянно под контролем Махно. И это не просто так, а это сражающаяся армия, которая дезорганизовала фронт Деникина, большевикам пришлось потом уже только добивать Антона Ивановича. Анархисты держались и пользовались массовой поддержкой крестьянства. Крестьяне увидели в этом свою власть и признали её легитимной, они поддерживали её не на словах и не на уровне аналитических концепций, а оружием, кровью, конспирацией, снабжением и т. д. Аналитические анархисты хотя бы где-нибудь анализируют опыт ведения хозяйства Нестором Ивановичем Махно?

М.С. Константинов. Да, но не этими авторами. У Александра Шубина есть неплохие работы, посвящённые анархизму. Действительно, у батьки Махно был отряд, если не ошибаюсь, в пятьсот человек. Но в нужный момент поднималась армия до пятидесяти тысяч.

В.Н. Ткаченко. Да!

М.С. Константинов. С Красной армией он сотрудничал, но советская власть его предала. Снабдила его винтовками английского или итальянского образца, к которым невозможно было найти патронов. Но я говорю о другом — о потенциальной социальной базе поддержки аналитического анархизма. Анархистская идеология сегодня очень модна. В ней существует множество течений — от анархо-капитализма до анархо-коммунизма, от анархического феминизма до экоанархизма. Кстати, Алан Картер позиционирует себя как один из ведущих представителей экоанархизма. Каждое из этих направлений имеет собственную символику, свои собственные, достаточно простым языком сформулированные идеи, которые понятны группам, носителям этой идеологии. В аналитическом анархизме я не увидел вообще стремления найти такую социальную базу. По сути, это игрушка интеллектуалов, которые применяют очень сложный метод. Он может выступать в качестве дополнения других анархистских направлений, которые действительно представлены в политическом пространстве. Но то, что он превратился в самостоятельное направление, имеющее собственную поддержку тех или иных групп населения, для меня достаточно сомнительно. Разве что интеллектуалов…

А.В. Оболонский. Очень любопытный анализ. А вы не пробовали соотнести аналитический анархизм с интеллектуальным движением Occupy Wall Street? Или это всё разное, там оно не присутствует?

М.С. Константинов. Честно говоря, меня это движение очень интересует. Я узнал о нём от Наоми Кляйн. Она это описывала. Но я ещё детально не занимался. Спасибо, это было бы интересно сравнить.

А.В. Оболонский. Мне кажется, тут есть предмет.

В.А. Шкуратов. Тут сразу возникает вопрос о самом известном эпистемологическом анархисте. Есть ли какая-нибудь связь?

М.С. Константинов. Пол Фейерабенд очень известен среди анархистов. Даже русскоязычный сайт «Автономное действие» публикует труды Фейерабенда. Но, мне кажется, речь идет не совсем об одном и том же. Бёттке — это экономическая база анархистской идеологии, правое крыло либертарианства. Картер пытается представить аналитический анархизм как методологическую рецепцию марксизма аналитического. А гносеологические вопросы они не рассматривают. Де Ясаи анализирует государство. Насколько между ними есть параллели, — я, честно говоря, не задумывался.

В.А. Шкуратов. Тогда у меня второй вопрос. Насколько я понимаю, это течение продуктивизма, классическая философия производительных сил. Но сейчас существует левое направление — непродуктивности, нонпродуктивности, основанное на философии консьюмеризма, философии свободных от занятий слоёв населения. И оно весьма влиятельно. Есть ли тут какие-то связи?

М.С. Константинов. Нет! Вы открыли мне глаза. Большое спасибо, я посмотрю.

И.В. Николаев. Я продолжу вопрос о социальной базе анархизма. Чтобы получить эту социальную базу, нужны конкретные предложения по устройству, по формированию больших социальных групп. Есть ли такое направление в аналитическом анархизме? Какие предложения по устройству идеального общества существуют в этом направлении? Ставится ли в аналитическом анархизме вопрос о взаимодействии больших социальных групп, типа наций или этносов?

М.С. Константинов. На первый вопрос я уже в докладе частично ответил. Это вопрос ценностный, да? Идеальное общество — это вопрос ценностный. Здесь как раз проблема в объединении этих авторов. В едином направлении они, по-моему, никогда не складываются. Бёттке и его коллеги настаивают на анархической организации капитализма, что не совместимо с идеями Картера в защиту эгалитаризма. Насколько есть идеи с организацией социальной базы? У меня была такая мысль. Алан Картер был членом Лондонской исследовательской группы анархистской. Но это для меня ещё Terra Incognita. В этой группе бы покопаться. Что там делалось? — честно говоря, не знаю.

И.В. Николаев. А у самого направления аналитического анархизма есть своя символика?

М.С. Константинов. Какая символика может быть у направления, которое берет методологией аналитическую философию? Исключение составляет только либертарианство. Но в специфике аналитического анархизма символики не может быть.

Ю.С. Пивоваров. У меня очень примитивный вопрос. А зачем вам всё это? Почему вам вдруг стало всё это интересно? Вы полагаете, что это имеет какое-то будущее? Вам это интересно? И вы с инспирацией в полном смысле слова этим занимаетесь. Хотите покопаться. А в чём, собственно, интерес?

М.С. Константинов. Дело в том, что я мечтаю стать специалистом по истории идеологии и по идеологиям в целом. Для этого надо разбираться в новейших течениях. Поэтому любое новое идеологическое веяние вызывает мой интерес. Я не анархист, сразу признаю это.

В.П. Макаренко *(иронически)*. Почему же нет?

М.С. Константинов. Хотя в последние годы я сильно полевел, наблюдая неолиберальную волну. Но до анархизма так и не дошёл, может в будущем стану. Это, безусловно, интересный анализ. Де Ясаи, например. Но в плане реализации политической практики?.. На сегодняшний день, в сложном, развитом индустриальном обществе, на мой взгляд, это не совсем реализуемо. Хотя сапатисты, например, нечто подобное сделали. Хотя остается вопрос, насколько это анархическая организация…

В.Ю. Попов. У меня вопрос насчёт либертарианцев и теории игр. Насколько я знаю, либертарианцы не используют теорию игр вообще. В смысловом плане это совершенно разные идеи, разные направления мысли. В своё время Хайек подвёл базу под нацизм и большевизм, эта база — этатизм. Многие левые интеллектуалы очень сильно возражали, возражают до сих пор, не хотят признавать это. Это такой ответ? Вы сказали, что очень сильно полевели, наблюдая новую неолиберальную волну, но ведь она сама по себе левая. Вы полевели как отрицающий эту волну? Или как вливающийся в неё?

М.С. Константинов. Что касается либертарианства и Хайека. Я ссылался не на Хайека, а прежде всего на М. Ротбарда. На манифест его «К новой свободе», там достаточно много имён можно привести, Х.-Х. Хоппе тот же самый. С Хайеком я не очень «дружу».

В.Ю. Попов. Поэтому вы и объявили этот подход анархизмом? Это моё впечатление.

М.С. Константинов. Что назвал анархизмом?

В.Ю. Попов. Либертарианство назвать анархизмом. Хотя есть анархо-капиталисты.

М.С. Константинов. Ну, вообще-то исторически либертарианцы были анархистами. Это название европейских анархистов. А сейчас в Штатах существует мощное движение либертарианское. Есть и свои центры. Тот же центр Бьюкенена.

В.Ю. Попов. Бьюкенен не либертарианец.

В.П. Макаренко. Есть разные Бьюкенены.

В.Ю. Попов. Я про Джеймса говорю.

М.С. Константинов. А в отношении неолиберальной волны, извините, — она далеко не левая.

В.П. Макаренко. У меня два вопроса. Вначале краткий. Ты проводишь различие между классификационными задачами и теоретическими? Если по докладу судить, то твоя задача классификационная или теоретическая?

М.С. Константинов. Задачу я объявил с самого начала. Я попытался посмотреть, существует ли аналитический анархизм как самостоятельное направление, обладающее своей спецификой: содержательной, методологической и аксиологической. А классификация — это всё было условно. Вначале я выделил три направления, потом у меня осталось два с половиной направления. Потом я увидел, что методы аналитической философии используют то и другое направление. Поэтому их осталось два, но это всё рабочие моменты. Всё зависит от задачи, конечно.

В.П. Макаренко. Хорошо. Второй вопрос длинный. В основном фигуры, которые были упомянуты в докладе, либо англичане, либо немцы, либо американцы. А приходилось тебе размышлять над феноменами типа В.В. Налимова? Ведь его вариант анархизма, в отличие от традиционной анархистской ориентации на индивида, является попыткой соединить холистический подход к описанию универсума с анархистскими идеями.

М.С. Константинов. Я в этом направлении не искал. Спасибо за идею.

В.П. Макаренко. Там очень интересные и весьма оригинальные вещи можно накопать. Потому что холизм и индивидуализм как ориентации в истории мысли обычно противопоставляют. Налимов пытался соединить рассуждения о космосе и образ космоса с развитием анархизма.

Попов В.Ю. Бегство от государства по этажам общественных норм

Здравствуйте, дорогие коллеги. Мой доклад построен на основе двух концептов, которые я использую для объяснения некоторых реалий российской жизни. Один концепт называется «двойная нормативность», другой — «безгосударственная бюрократия». Поясню, что я имею в виду.

Под двойной нормативностью имеется в виду ситуация, которая сложилась в постсоветской России. Речь идет о специфическом взаимодействии формальных и неформальных норм. При простом взгляде на нашу реальность можно увидеть формальные ограничения, формальные правила и неформальные правила. Но дело в том, что не совсем правильно называть формальные правила нормами, хотя существует идеология нормативизма. Точнее их называть идеологией и практикой легизма, как определил Четвернин, который преподаёт в Высшей школе экономики. Российский закон — это всего лишь мнение отдельных людей на то, как должны вести себя все люди или какая-то их часть. Но почему у нас формальные и неформальные нормы находятся в специфическом взаимодействии? Обычно неформальные нормы — это всё то, что не отражено и не замечено, они как бы дополняют формальные, прописанные правила поведения. А у нас неформальные нормы не то, чтобы дополняют, а находятся над формальными прописанными правилами. В этом смысле концепцию двойной нормативности можно назвать концепцией «двухэтажной нормативности» или «двухуровневой нормативности».

Откуда произошло такое взаимодействие норм? Укажу несколько источников генезиса такого развития событий. Приход к власти большевиков — это первый источник. Дело в том, что большевистская партия действовала как нелегальная организация, и эта авантюрность, нарушения закона сплачивала людей внутри этой организации. Они пришли к власти не законным путём. Нормы, которые существовали внутри этой группы, стали над законом, который впоследствии большевики стали проводить в жизнь. Но поскольку советское государство реализовало себя как государство, отрицающее предпринимательскую деятельность, частную собственность на средства производства, то нужно было многие вещи изменить. Т. е., исходя из теории, из идеологического посыла нужно было подчинить под идею многие реалии общественной жизни, свойственные людям и складывающиеся годами. Для этого понадобилось использовать такие мощные средства государственной машины, как армия и специальные службы. Следствием использования этих сверхсредств с целью организации общества было то, что люди стали воспринимать этот порядок как навязанный.

Теперь перейду к концепции «безгосударственной бюрократии», ядром которой является исследование Джеймса Скотта о крестьянском типе поведения в условиях эксплуатации. Джеймс Скотт перечисляет несколько характеристик такого поведения: нерадение, симуляция, фальшивое (для виду) согласие, притворное понимание, уклонение, подворовывание, незаконные промыслы, браконьерство, злословие, саботаж, поджоги, нападение и убийство исподтишка, анонимные угрозы. Этот список Скотта можно дополнить: медлительность, напускная забывчивость, нытьё и жалобы на сложность работы, избегание начальства и господ. Вот интересное замечание Юрия Самарина, которое я почерпнул из книги Ю.С. Пивоварова «Полная гибель всерьёз»: «Умный крестьянин в присутствии своего господина притворяется дураком, правдивый бессовестно лжёт ему прямо в глаза, честный обкрадывает его и все троя называют его своим отцом».

Наблюдая за поведением студентов — в течение восьми лет я был студентом в разных вузах — я увидел очень схожее поведение с крестьянством. Многие студенты воспринимают ситуацию с обучением как навязанную извне. Предложенную кем-то, и не воспринимают её как собственную личную задачу. Я стал думать о том, как вели себя крестьяне, которых силой пролетаризировали и направили на работы на производство. Естественно, они не могли сразу отказаться от такого стиля поведения, который свойственен с малых лет крестьянской

среде, как показали Джеймс Скотт и Самарин. Есть и у Милова в «Великорусском пахаре» похожие наблюдения. Он приводит слова одного помещика в письме к другому, что крестьяне часто притворяются, лгут намеренно. Минимизируют эксплуатацию себя.

Естественно, пролетаризированные крестьяне воспринимали эту ситуацию как навязанную. Они были оторваны от своей среды, которую любили и помещены в ситуацию, которая им была противна: промышленное производство, фабрики, заводы. Да и на крестьян влияла идеология официальная государственная идеология, что нужно отказаться от старого мира. Естественно, кто-то стеснялся показывать своё отношение, тем более что за это часто были серьёзные санкции, можно было отправиться в лагеря в сталинское время, а в хрущёвско-брежневское время ситуация описана Хархординым. Он показывает, как в коллективах люди шельмовались, каким образом на них оказывалось давление. Интересно, что советские коллективы имеют сходство с общиной, которая решала, кого отправить в рекруты, кого и как наказать.

Таким образом, единой правовой среды не было. Много зависело от коллектива. От персональных отношений в этом коллективе. Эти неформальные связи на самом деле пронизывали всё. Это ещё один источник приоритета неформальных связей над прописанными законами, согласно принципу: «Своим — всё, а чужим — закон».

А.В. Оболонский. Врагам!

В.Ю. Попов. Да. Врагам — закон. Важным элементом конструкции двойной нормативности является то, что законы играют роль двойного упорядочивания. С одной стороны, они упорядочивают поведение тех, кто находится внизу и не вхож в систему с неформальными правилами, с другой стороны они упорядочивают поведение тех людей, которые входят в неформальные отношения. Люди боятся, что к ним могут применить официальные нормы, для этого официальные нормы заведомо более жёсткие. Я рассматриваю коррупцию как некий входной билет из официальной нормативной ситуации в неофициальную систему неформальных отношений. Это может быть разовое «посещение», может быть абонемент. Дело в том, что порядок, который устанавливает система двойной нормативности, на деле построен на принуждении. Одни принуждены к тому, чтобы быть наказанными за невыполнение официальных, прописанных норм. Другие принуждены к соблюдению, к некоему сплоченному состоянию в ситуации неформальных норм, боязнью оказаться внизу, под гнётом формальных, прописанных, заведомо жёстких и чрезмерно регламентирующих жизнь и поведение человека норм.

Интересные свидетельства я не читал, к сожалению, в письменных источниках, но видел в документальных фильмах. Свидетельство о Фурцевой её близких родственников и друзей. Фурцева просто патологически боялась оказаться в низу советского общества, и часто повторяла: Вы что хотите, чтобы я была этой лагерной пылью? Вернуться в то состояние, из которого я вышла? На мой взгляд, она отразила боязнь людей, включенных в систему неформальных отношений, которая пронизывала партийную верхушку. Много есть также свидетельств на тему того, что в нужные моменты официальная идеология вверху партийной системы отбрасывалась. Это надо прояснить.

Здесь я использую ещё одну концептуальную связку. Это государство, которое требует от своих граждан сверхусилий и ставит сверхзадачи. Есть и другие названия такого государства: «тотальное» государство Мизеса, Ван Кревельд называет это «муштрой народа», Теодор Шанин говорит «сверхгосударство». Джеймс Скотт называет такое государство «зараженным высоким модернизмом». Это государство предлагает отказаться от существующих практик и в угоду идеологии изменить существующее положение. Отсюда и вытекает идеология и практика легизма — подчинение придуманным нормам, хотя законы должны информировать людей о том, как обстоит дело в данной конкретной области действий или в данной стране. Как говорил Хайдеггер: У нас так не принято. Т. е., закон — это то, как люди реально действуют.

Например, закон для предпринимателя играет очень большую роль. Предприниматель строит свои предсказания на знании о том, как будут вести себя другие люди. Но у нас таковых законов на деле не существует, они продиктованы интересами неформальных групп. Вот последние законы: 271-й закон о рынках и 69-й закон о такси очень хорошо показывают, что эти законы абсурдны. Это отдельная тема. Если детально разобрать, то видно, что существующее положение вещей запрещается этим законом, якобы в угоду развития конкуренции. Но на деле эти законы «упраздняют» конкуренцию, запрещают её. Это сделано для того, чтобы не конкурировать в открытой системе рыночной конкуренции. Потому что устоявшаяся практика советской экономики — экономик дефицита многим людям приносила свои плоды. А когда они увидели, что свобода для всех создаёт для них определённые трудности, то они хотят эту свободу ограничить.

Часто говорят, что у России нет будущего. Может, его просто не хотят. Я слышал такое выражение Игоря Юргенса: Глобализация это процесс достижения успеха быстрыми людьми, а мы медленные, поэтому наша задача глобализацию остановить, замедлить её. Многих людей устраивает статика, устраивает положение неизменное в системе с экономикой дефицита.

Вернёмся к теме бегства от государства по этажам общественных норм. От государства на деле бегут сами чиновники. Это та часть людей, которые не хотели быть эксплуатируемы, одни выбрали эмиграцию, а другие выбрали перемещение на верхние этажи, потому что, по их мнению, на этих этажах меньше эксплуатации. Всегда лучше командовать, чем подчиняться. Но для меня это вопрос. Верхние этажи я ещё не могу исследовать так, чтобы судить о том, насколько там эксплуатации меньше. У меня как раз ощущение, что там существует эксплуатация и люди не свободны. Уходя туда, они на деле не освобождаются, а находятся в постоянном страхе, что официальные законы будут к ним применены. В этом смысле мне кажется абсурдной идея выстраивания вертикали власти. Потому что вертикаль воспринимается этими людьми, как то, от чего они всё время бежали. Они ни за что не захотят быть встроенными в эту систему. Они всеми своими действиями поломали и разрушили идею сверхгосударства, которая хотела их подчинить. Т. е., мы строим вертикаль из людей, которые съели предыдущую вертикаль.

М.С. Константинов. У меня вопрос по поводу коррупции. У Сэмюэля Хантингтона, мы его «любим» за теорию цивилизаций…

В.П. Макаренко. Некоторые терпеть не могут…

М.С. Константинов. У него была серьёзная работа в 1960-е гг. «Политический порядок в меняющихся обществах»: в модернизирующихся обществах институт коррупции выполняет роль стабилизирующего общество. Уберите этот институт и общество рухнет. Сегодня новый институционализм развивает идею институциональных ловушек. И можно рассматривать коррупцию в контексте институциональной ловушки, т. е. выхода из этого нет. Она будет способствовать модернизации общества. Вот вы в каком контексте рассматриваете институт коррупции. Вы сказали, что это у вас пропуск с одного уровня на другие. В каком контексте?

В.Ю. Попов. Спасибо за вопрос. Все знают случай с директором Елисеевского магазина Соколовым, которого судили и применили высшую меру. Многим кажется, что таким решением была исправлена система советской коррупции. Однако если система построена так, что отрицается множество устремлений людей, т. е., то за счёт чего они существуют, то как её можно исправить? Как бы Андропов исправлял эту коррупцию на том базисе, из которого он исходил?

М.С. Константинов. Проблема институциональной ловушки в том, что выхода нет. А когда вы пытаетесь исправить ситуацию, она воспроизводится.

В.Ю. Попов. Я бы сказал, что выхода нет для всех. Мы всегда ищем выход для всех — как бы нам всем выйти из этой ситуации. Мне кажется, здесь будет выход в непривычном

для каждого человека понимании, когда всё удачно разрешиться. Выход может быть через катастрофу или распад. Какого плана выход вы хотели бы видеть?

В.П. Макаренко. Вадим, молодец, обладаешь даром ритора.

М.С. Константинов. Я не ищу выход.

В.Н. Ткаченко. Дело в том, что когда ты поднимаешься наверх, ты должен быть готов к тому, что борьба будет не на жизнь, а на смерть. Ресурсов мало, желающих много. Поэтому в случае поражения ты должен быть готов к тому, что будешь отвечать по полной программе. Виноват — не виноват, тут такое дело.

А.В. Оболонский. Доклад ваш очень интересный. Вы знаете, верный есть критерий, со многим можно не согласиться и поспорить, но я этого делать не буду. При всём уважении к Четвернину термин легизм восходит к 2400 году до нашей эры. Есть такая книга — библия тоталитаризма и легизма, со всеми инструментами и философией. Она называется «Книга правителя области Шан». Подозреваю, что вы плохо, как и я, знаете китайский. Но это всё описано по-русски. Например, как распахать целину, что наказания должны быть частыми и сильными, а награды редкими и маленькими. Надо наказывать одинаково строго за мелкие проступки и за серьёзные преступления. Очень рекомендую эту книгу. А спросить я вот что хотел. Вы упомянули о трёх моделях студенческого поведения. Какая модель крестьянского имитационного поведения преобладает по отношению к нашему шутейному царю Путину?

В.Ю. Попов. Трудно сказать, какая преобладает. Это тема отдельных исследований, включающих как мифологию и мистику этой группы. Тут нужны социальные антропологи или этнометодологи. Там ведь есть много интересных вещей: например тосты чиновничьи, в которые входят обыденные стремления. Например: Чтобы у нас всё было, но нам за это ничего бы не было. Надо внимательно изучить, насколько сам Путин и его окружение верят в то, что они декларируют. Очень сложно сказать.

Ю.С. Пивоваров. Мне очень понравился ваш доклад. Но здесь очень важный вопрос задал Михаил Сергеевич. Коррупция — это элемент модернизации или институциональная ловушка? Вы на этот вопрос не ответили. Не знаете, как ответить. Я думаю, никто не знает, как ответить, тут стесняться нечего. Мне кажется, сейчас это различение норм не действует. Я это говорю как мелкий хозяйствующий субъект — директор института, где работает полторы тысячи человек. Я каждый день вступаю в разные отношения (которые не являются научными) с разными людьми. С полицией, управой, пожарными и так далее. Раньше в Российской федерации как проводились конкурсы? Например, мне нужно починить потолок. Объявляется конкурс и та компания, которая выигрывает, та и чинит. А мы платим уже деньги, скажем, бюджетные. Разумеется, всегда договаривались с компанией, которая поменьше возьмёт. Против этого был издан 94-й Федеральный закон, и торги стали совершенно безличные. Они электронные, непонятно, где, какая фирма. Это была очень такая хорошая штука борьбы против коррупции. Но на деле стали побеждать фирмы, которые до минимума спускают цену вопроса, начинают что-то делать, берут деньги, смываются и исчезают. Фактически этот закон, который был направлен на борьбу с коррупцией, ещё больше усилил коррупционную составляющую.

В.Ю. Попов. Мошенничество?

Ю.С. Пивоваров. Мошенничество и коррупция вместе! Я могу вам тысячу примеров привести. Современное право и принятые законы как раз усиливают ту часть, которую вы считаете нормальной. Видимо, сейчас произошла какая-то…

В.Ю. Попов. Мутация.

Ю.С. Пивоваров. Да, они вошли друг в друга. Я думаю, что современная Россия без коррупции не сможет жить. Я это говорю не как обществовед, а как мелкий участник отношений. Это та среда, в которой общество существует. Я не говорю, что это хорошо, я говорю о том, что я не могу себе представить. Вот сейчас откачать отсюда воздух, и мы задохнёмся. Или человек, привыкший к загрязнённому воздуху, поднимается резко в гору, он не может

дышать чистым кислородом. Так вот и наше общество, без всякого сомнения, глубоко поражено коррупцией, которая, может, уже и не болезнь, а наоборот, то, что поддерживает. Ален Безансон — очень крупный французский советолог в своё время написал гимн коррупции. Он говорил, что в советском обществе, где около 25% (Горбачёв это подтверждает, он читал документы, когда был членом Политбюро) находилось в системе теневой экономики, коррупция даёт возможность советскому обществу вообще существовать, решать какие-то проблемы продовольственные и прочие. Это очень важная составляющая. То, как вы цитировали Самарина, а это был крупнейший знаток крестьянской психологии, один из авторов реформы освобождения крестьянства, — таким же образом русские историки описывают поведение русских князей. Вообще русской аристократии перед Золотой ордой. Помещик выступал по отношению к крестьянину, как Золотая орда ко всей России. Столетиями русская политическая элита училась вести себя так, как крестьянин перед барином. Передельная община как основная форма русской социальности с XVIII столетия предполагала постоянный неправовой передел. А неправовой передел — это и есть по существу коррупция. Вы очень правильно заметили, что это было перенесено в советские коллективы. Все организации Советского Союза с утра до вечера занимались только тем, что делили тот бюджет, который выдаётся. И по сей день в бюджетных организациях, а я директор бюджетной организации, главный нерв жизни организации не наука, а распределение тех небольших бюджетных средств, которые можно распределить. Причём это распределяется совершенно неформальным способом. Т. е. коррупция имеет не просто какие-то глубочайшие корни. Это не девиантность русского социума, это, видимо, какая-то абсолютно прирождённая, или не прирождённая, но полученная в ходе исторического развития очень важная черта его существования. Это и не фактор модернизации и не ловушка, это некая повседневность, в которую мы погружены. Если мы из нее не выйдем, не будет никакой модернизации, ничего не будет. Это не институциональная, а историческая ловушка, в которой находится русское общество. Потому что ни одно общение ни с кем не построено на формальных отношениях. Коррупция это и когда мне звонит человек и говорит: «Старик, я буду защищаться, дай отзыв и так далее», — это тоже коррупция. Или когда я звоню ректору какого-нибудь университета, у меня сын поступает: «Старик, ты понимаешь!?» Это тоже коррупция. Но если ее убрать, то русское общество перестанет существовать, распадётся на какие-то атомы. И в этом смысле, и наверху и внизу примерно всё одинаково. Причём, всё открыто. Я присутствовал на совещании в Кремле, кстати, там не было ни Путина, ни Медведева, но все остальные были. Тогда обсуждалось, что в Ярославле, Ярославский форум, успешное такое мероприятие. И тут губернатор Ярославской области говорит: «Надо бы починить асфальт». И стали считать, сколько украдут. И это сидели первейшие люди. И не потому, что они особо циничные и хотели всё украсть. Они понимали, что по-другому всё равно не будет. Хотя там сидели какие-то генералы ФСБ. Казалось бы, им то и не знать!? Вы поставили, в общем, ключевой вопрос. Я в области государства и политики понимаю, что без реформы этой «русской власти» ничего не произойдёт. Но ничего не произойдёт, если не изменится в сфере общества. Это абсолютная историческая ловушка. Никуда мы дальше не двинемся. Враньё, что при каком-то Сталине этого не было. Там были другие формы коррупции, совершенно другие. Но по сути ничего не изменилось. Так было при царе, так сейчас. Ведь в русско-японскую войну украли всё обмундирование. Вот в чём проблема. Это связано с какими-то глубочайшими основаниями русской цивилизации, русской культуры. Сумеет ли Россия выйти? Это больший вызов, чем тот, который между институциональной ловушкой или модернизацией. И распад это не выход. Вот в чём дело.

В.Ю. Попов. А можно я прокомментирую? Спасибо вам большое, это позволит мне лучше раскрыть своё видение. Дело в том, что я стал использовать или конструировать эти концепты, потому что меня не удовлетворяли названия этих явлений, как коррупция, для себя я вначале назвал это тотальной криминализацией общества. Потом я стал понимать, что

если законы радикально менялись в течение века, очень сильно всё менялось, то это нельзя назвать криминализацией. Потому что одно поведение в разных системах могло считаться и криминальным и таким, за которое призы дают. Именно поэтому я и конструировал вот эти концепты, чтобы как-то по-другому. На другой смысловой уровень эти проблемы перевести. И вот в своей статьи у меня был такой алгоритм:

«Выходом из ситуации двойной нормативности мне представляется уменьшение роли чиновничьих организаций в регламентации общественной жизни и упразднении чиновничьих коллективов. Эти меры должны сопровождаться смягчением официальных законов регламентирующих многие сферы деятельности. Необходимо устранить подчинённое положение организаций коммерческих от организаций чиновничьих. Необходимо снятие проблемы соотношения законов и приказов. Система приказов должна постепенно вытесняться системой законов неизменных в долгосрочной перспективе».

Естественно, что подобные меры встретят большое количество трудностей. Сейчас мне представляется несколько наивным такое решение. Тут показаны конечные результаты, т. е. это не следствие, не пошаговая технология, не детально разработанная технология выхода. Но всё-таки есть нечто, что позволяет мне сложившуюся в России ситуацию оценивать как ненормальную, неудобную для себя и других. Как ситуацию, которую я хотел бы преодолеть. Поэтому возникает вопрос: насколько укоренена эта система? Может быть, просто в каждом поколении рождаются люди, не желающие так жить, а желающие что-то изменить? Не факт, что они изменят. Не факт, что их намерения приведут к ситуации лучшей, чем та, в которой они живут сейчас. Мне кажется, опасения по поводу борьбы с коррупцией очень серьёзные. Действительно, как эту ситуацию исправить, чтобы не получить катастрофу, распад системы?

В.П. Макаренко. В соответствии с украинской пословицей: Хай буде гірше, та інше.

В.А. Мартиросов. Вадим, ты упомянул Четвернина…

В.Ю. Попов. Я познакомился с ним, благодаря тебе. Совсем недавно. Это такое взаимное обогащение. Я не использовал термин «легизм», это немного другое направление.

В.А. Мартиросов. Четвернин во многом опирается на В.С. Нерсесянца, который Россию считает потестарной, а не правовой цивилизацией. Может ли Россия стать правовой?

В.Ю. Попов. Это схема, в которой есть потестарный и правовой типы. Мне кажется, можно на определённом этапе пользоваться этой схемой. На данном этапе спектр смещён в сторону потестарного типа. Возможно, такое смещение произошло благодаря истреблению либертарного типа. Но это биологизаторская схема. Возможно ли смещение в обратную сторону? Это довольно сложно. Какой процент стабильно либертарных личностей, может быть, всего пять процентов? Можно ли этот процент увеличить?

В.А. Мартиросов. А можно наше общество охарактеризовать как родовое?

В.Ю. Попов. У меня были такие размышления, что наше общество можно охарактеризовать как большое первобытное общество. Но это на уровне метафор, эквилибристики. Можно его называть родовым, но это не совсем корректно, потому что обсуждаемые коллективы не по родовому принципу складываются.

В.А. Шкуратов. Поскольку мы пришли к проектам улучшения породы человека, значит это защитный механизм, это усталость. Мне кажется, мы подошли к неразрешимым российским вопросам. Мы живём в системе, которую можем улучшить, только уничтожив эту систему.

А.В. Оболонский. Вместе с носителями? Я хотел уточнить.

В.А. Шкуратов. В какой-то эволюционной перспективе, наверное, будет другой эволюционный мир. У меня вопрос к оратору. Может быть, дело всё-таки в метаязыке? Ведь существует громадное количество общностей. Европейский тип общности — это небольшая часть спектра человечества, которое живет в родовых корпоративных отношениях личностной зависимости. Там взятка является просто даром. Такие общества составляют 90 % исто-

рии. Может быть, мы попали в некую языковую эпистемологическую ловушку навязанного нам языка, который требует от нас аксиологически (с их точки зрения), описывать наше бытие, которое не наше (с их точки зрения).

В.П. Макаренко. Володя, это ты как постмодернист рассуждаешь.

В.А. Шкуратов. Я рассуждаю с точки зрения постколониальных исследований. Вопрос такой. Можем ли мы создать адекватный язык?

В.Ю. Попов. Создать язык — довольно сложная штука. Можно ли вообще язык создать? Но развивать язык, мне кажется, нужно. У нас проблема с метаязыком, с метауровнем. Он как бы запрещён. Мы называем прописанные вещи нормой, хотя это никакие не нормы, потому что им никто не следует. Язык создать — это словно создать человека, т. е. родить его. Вы задали серьёзный вопрос. Мне кажется, эволюция и происходит рождением нового, а не созданием. Но тут есть проблема, сейчас видели все, наверное, изображение Путина с ножницами, который отрезает от слова эволюция буковку «Р». Некоторые думают, что эволюция на их стороне.

В.П. Макаренко. Молодец, Вадим! Хороший ответ.

В.А. Шкуратов. Да, это хороший ответ.

В.П. Макаренко. Всё, волевым решением закрываю все вопросы. Заодно с большим сожалением должен объявить завершение нашей конференции. И хочу с большим удовольствием поблагодарить всех участников.

МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКАЯ ВЛАСТЬ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО» Приложения к стенограмме

МАССОВЫЕ ПРОТЕСТЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ

А.Н. Олейник
Институт международных экономических и политических исследований РАН

Аннотация: *Массовые протесты конца 2011 — начала 2012 г.г. рассматриваются в качестве реакции на превалирование в России особой модели властных отношений, русской власти. Обсуждаются варианты, при которых массовые протесты могут стать первым шагом к переходу от равновесия русской власти к равновесию демократической власти: реформа органов муниципального и регионального управления и реформа университетской жизни.*

Ключевые слова: *массовые протесты, русская власть, коррупция, политические выборы, теория конгруэнтности власти.*

Введение

Состоявшиеся в конце 2011 — начале 2012 г.г. в ряде крупных городов России массовые протесты подняли целый ряд вопросов, которые выходят далеко за рамки оспоривания конкретных итогов парламентских и президентских выборов. Некоторые публицисты стали говорить в этой связи о «разрыве матрицы», понимая под этим разрушение основ российской институциональной матрицы («Х-матрицы», если использовать термин Светланы Кирдиной[1]) и выход за рамки существующей колеи исторического развития России.

Опыт аналогичных но своей массовости протестов в ряде других пост-советских стран (прежде всего в Грузии, Украине и Кыргызстане), да и новейшая история собственно России (период конца 80-ых — начала 90-ых годов прошлого века), однако, требует осторожности в оценках. Даже когда массовые протесты приводят к смене персоналий в политической элите, нет гарантий против того, что новые лица используют полученную на волне протестов власть на общее благо, а не в своих индивидуальных и узкогрупповых интересах.

Данная статья представляет собой попытку осмысления массовых протестов с точки зрения основных элементов модели властных отношений, превалирующих в российском

[1]Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. — Новосибирск: 2001.

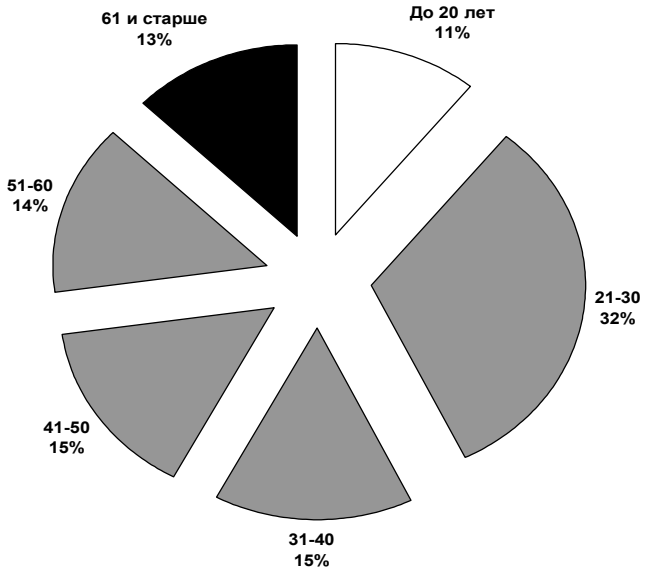
институциональном контексте. Вслед за Юрием Пивоваровым и Виктором Макаренко эту модель можно назвать «русской властью», делая акцент не на национальности ее обладателей, а на укорененности данной модели в российской институциональной среде[2]. В частности, в статье предлагается интерпретировать массовые протесты как выражение их участниками несогласия с рядом конституирующих принципов русской власти. Статья также призвана ответить на вопрос, при каких условиях массовые протесты могли бы привести не к простой ротации властвующих элит, а к преодолению отчуждения граждан от представителей государства посредством перехода от русской власти к иной конфигурации властных отношений.

Протест против русской власти

Массовые протесты конца 2011 — начала 2012 г.г. отличают следующие характеристики. Во-первых, их непосредственным поводом стали сомнения в прозрачности и достоверности процедуры подсчета голосов на выборах. В этом смысле можно провести параллель с массовыми протестами в целом ряде других пост-советстких стран: Грузии (ноябрь 2003 г.), Украине (ноябрь 2004 г.), Кыргызстане (март 2005 г.), Монголии (август 2008 г.) и Молдове (апрель 2009 г.). Во всех этих случаях массовой мобилизации граждан предшествовали выборы.

Во-вторых, в митингах участвовали представители самых разных слоев населения и частей политического спектра: либералы, коммунисты, националисты и анархисты. Взять распределение участников одного из наиболее массовых митингов (24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве; по разным данным в нем приняло участие от 40 до 100 тысяч человек) по возрасту (Рисунок 1). Несмотря на «конфликты поколений», все возрастные группы равномерно представлены среди участников митинга — и молодежь, и люди среднего возраста, и старшие поколения.

Рисунок 1 «Распределение участников митинга 24.12.2011 г. в Москве по возрасту»



[2]Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. — Ростов-на-Дону: 1998; Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. — М.: 2006; Олейник А.Н. Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: 2011.

Источник данных: опрос, проведенный сотрудниками Левада-Центра во время митинга 24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве. Автор благодарен руководителю Левада-Центра д.ф.н. Л.Д. Гудкову и Д. Волкову за предоставление доступа к базе данных этого опроса.

Что стало объединяющим фактором для людей, которые в обычной ситуации имеют различные, если не сказать прямо противоположные интересы? Общая макроэкономическая ситуация оказывает влияние на всех граждан, вне зависимости от их возвраста или уровня дохода. Однако сравнение основных макроэкономических параметров в странах, в которых в последнее десятилетие наблюдались массовые протесты (Таблица 1), указывает, что в их число попали как бедные, так и относительно богатые (если судить по показателю величины ВНП на душу населения). Экономический кризис также не является условием массовой мобилизации: во всех случаях наблюдался рост ВНП, от умеренного до высокого, выражающегося двухзначными цифрами. Другие показатели социально-экономического развития — индекс человеческого развития (при его расчете наряду с материальным благосостоянием учитывается средняя продолжительность жизни и уровень образования населения), индекс степени защищенности политических прав и свобод (американская неправительственная организация Freedom House дает ежегодную оценку состояния формальных институтов демократии во всех странах мира) и даже индекс состоятельности государства (журнал Foreign Policy оценивает вероятность возникновения конфликтов и чрезвычайных ситуаций, а также готовность государства к управлению ими) — тоже не вносят ясности в вопрос об условиях, необходимых для массовой мобилизации.

Таблица 1 «Основные показатели социально-экономического развития стран, в которых в последнее десятилетие наблюдались массовые протесты (данные за год, предшествовавший массовым протестам)»

	Связь с выборами[1]	ВНП на душу населения[2]	Темп роста ВНП, [3] %	Human Development Index[4]	Freedom House[5]	Failed States Index[6]	Transparency International[7]
Грузия, ноябрь 2003	Да	651	5,5	0,679	4	Н.д.	1,8
Украина, ноябрь 2004	Да	1028	9,4	0,681	3,5	Н.д.	2,2
Кыргызстан, март 2005	Да	369	7	0,571	5,5	80,4	2,2
Монголия, август 2008	Да	1620	10,2	0,605	2	58,5	3,0
Молдова, апрель 2009	Да	1695	7,8	0,620	4	85,7	2,9
Иран, июнь 2009	Да	4537	2,3	0,691	6	85,7	2,3
Кыргызстан, апрель 2010	Нет	881	3,1	0,594	5,5	89,1	1,9
Тунис, декабрь 2010	Нет	4171	3,1	0,677	6	67,5	4,3
Алжир, декабрь 2010	Нет	3926	2,1	0,671	5,5	81,3	2,9
Египет, январь 2011	Нет	2456	4,6	0,614	5,5	87,6	3,1
Йемен, январь 2011	Нет	1118	8	0,439	5,5	100	2,2
Ливия, февраль 2011	Нет	11314	4,2	0,755	7	69,1	2,2
Сирия, март 2011	Нет	2877	3,2	0,589	6,5	88,1	2,5
Россия, ноябрь 2011	Да	10437	3,95	0,719	5,5	79	2,1

Источники данных: (1) по информации СМИ; (2) World Bank (величина в US$), http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators; (3) United Nations Development Program (максимальное значение индекса равно 1): http://hdr.undp.org/en/statistics/; (4) Freedom House (указано среднее значение индексов Политических прав и Гражданских свобод, по 7-бальной шкале),

http://www.freedomhouse.org/images/File/fiw/historical/FIWAllScoresCountries1973—2011.xls; (5) Foreign Policy & The Fund for Peace (индекс может принимать значения от 0 до 130), http://foreignpolicy.com/files/fp_uploaded_documents/100629_FSI%20Scores2010Clean.pdf; (6) Transparency International (индекс может принимать значнения от 1 до 10, где 10 означает полное отсутствие коррупции), http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi.

Единственным индикатором, значения которого во всех затронутых массовыми протестами странах находятся приблизительно в одном и том же интервале (от 1,8 до 4,3), оказывается уровень восприятия коррупции. Даже верхняя граница данного интервала (4,3) соответствует уровню коррупции выше среднего по выборке международной неправительственной организации Transparency International. Коррупция обычно понимается как использование государственной должности в личных или узкогрупповых интересах. Высокий уровень коррупции означает, что представители государства ориентируются не на максимизацию общего блага, а на оппортунистическую реализацию своих собственных интересов. Россия не стала исключением из этого правила.

Коррупция соответствует конституирующим принципам русской власти. К их числу можно отнести самообоснованный характер власти (в отличие от авторитета как власти, обосновываемой ссылкой на высшие принципы — закон, традицию и т.д.), власть как самоцель (в отличие от власти как инструмента достижения иных целей), крайнюю асимметричность в распределении прав и обязанностей между обладателем власти и подчиненным лицом, отсутствие обратных связей между ними (все инициативы и указания исходят только от обладателя власти) и использование обладателем власти преимущественно насильственных техник навязывания воли[3]. Как верно заметил Александр Яковлев, «взятку дает тот, кто находится в подчиненной позиции и вследствие этого пытается уменьшить асимметрию в своих отношениях с лицом, обладающим бóльшими полномочиями»[4].

Рассмотрение массовых протестов в контексте русской власти помогает и лучше понять их связь с выборами. Выборы представляют собой механизм обратной связи между членами властвующей элиты и обычными гражданами. По этой причине выборы подрывают один из устоев русской власти, а именно отсутствие у подчиненного лица средств для донесения своего мнения до обладателя власти, не говоря уже о возможностях для влияния на действия последнего.

При сохранении неизменными конституирующих принципов русской власти выборы неизбежно становятся поводом для манипулирования (как одной из насильственных техник навязывания воли[5]), а сам процесс подсчета голосов остается непрозрачным и подверженым фальсификациям. При манипулировании «субъект осуществляет скрытый контроль над объектом в процессе коммуникации, делая объекту замаскированные «предложения» путем селектирования поступающей объекту информации, например, утаивая важную информацию, недоступную объекту из других источников. Этот вид манипуляции проявляется в рекламной деятельности и многие формах политической пропаганды»[6]. Протестуя против фальсификаций в ходе выборов, граждане тем самым пытаются подорвать одну из основ русской власти.

Результаты опроса участников митинга 24.12.2011 г. в Москве (Таблица 2) подтверждают, что главным объединяющим их фактором стало именно несогласие с отсутствием обрат-

[3]Олейник А.Н. Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: 2011. — Глава 3.

[4]Яковлев А.М. Социология экономической преступности. — М., 1988. — С. 150.

[5]См. подробнее в Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. — New Haven, CT and London, 2005.

[6]Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. — М., 2001. — С. 292.

ных связей в отношениях между властью и обществом — как собственно в период выборов (вариант ответа «Стремление выразить свое возмущение фальсификацией выборов»), так и между ними (вариант ответа «Недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как я»). Иными словами, отнюдь не экономические (две трети манифестантов относят себя к тем, кто не испытывает особых материальных затруднений при покупке дорогих вещей — холодильника, машины и т.д.) или политические (лишь 15% из них пришли на митинг из солидарности с позицией конкретной партии) факторы сделали возможным объединение представителей разных социальных и возрастных групп. Массовость протестов можно объяснить спецификой русской власти, ведь в повседневной жизни с ней сталкиваются и студент (поступая в вуз, сдавая экзамены и будучи призванным в армию), и предприниматель (оплачивая «входной билет» на рынок), и пенсионер (имея дело с органами социального обеспечения).

Таблица 2 «Причины участия в митинге 24.12.2011 г. в Москве, % упомянувших»

Накопившееся недовольство положением дел в стране / политикой властей	72,6
Стремление выразить свое возмущение фальсификацией выборов	72,3
Недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как я / основные решения в стране принимаются без нашего участия	51,6
Разочарование в обещанной политике модернизации / в Медведеве	41,6
Солидарность с позицией партий, участвующих в митинге	15,2
Симпатии организаторам митинга	13,1
На митинг пошли мои знакомые, друзья — и я с ними	9,5
Митинги — это интересно, это — тренд времени	5,9
Другое	2,7
Затрудняюсь ответить	0,6

Источник данных: опрос, проведенный сотрудниками Левада-Центра во время митинга 24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве (N=791). Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Стоит еще раз уточнить использование прилагательного «русский» при описании той модели власти, против которой направлены протесты. С одной стороны, отсутствие обратных механизмов в отношениях между обладателем власти и подчиненным не является специфичным для России и для пост-советских стран (которые до получения независимости в начале 90-ых годов долгое время входили в состав российской и советской империй). Участники революций в арабских странах точно также протестуют против своей односторонней зависимости от власти, отсутствия механизмов обратной связи и так далее. Иными словами, модель властных отношений, названная ранее русской властью, превалирует и в целом ряде других стран. С другой стороны, ситуация в России наиболее близка к идеальному типу такой власти, что объясняет добавление прилагательного «русский» при ее описании. По Максу Веберу, идеальный тип «не является гипотезой, но он направляет процесс их выработки. Он не является описанием реальности, но нацелен на выработку средств, с помощью которых такое описание может быть получено»[7]. Российская институциональная среда представляется особенно благодатной с точки зрения выработки и эмпирической проверки аналитических средств, позволящих описать лежащую в основе массовых протестов последнего десятилетия модель властных отношений.

Известен и ряд других, менее привязанных к определенной стране, терминов для описания такой модели властных отношений. Например, в теории внелегальности Эрнан-

[7]Weber M. «Objectivity» in social science and social policy // Weber M. The Methodology of the Social Sciences. — Glencoe, IL, 1949. — P. 90.

до де Сото[8] акцент делается на институциональном исключении или отчуждении, под которым понимается неспособность граждан использовать закон для организации свой повседневной деятельности ввиду высоких затрат, связанных с испольнением его требований, и непониманием собственно закона ввиду его полного отрыва от повседневных практик. Институциональное исключение или отчуждение характерно и для русской власти — в той мере, в какой она предполагает крайнюю ассимметричность властных отношений, их самообоснованный характер, а также отсутствие обратных связей.

Теория конгруэнтности власти

Русская власть обычно ассоциируется с макро-уровнем: ее наиболее законченным воплощением является бюрократическое централизованное государство (что нашло отражение даже в названии данной конференции). Однако власть как один из наиболее универсалных механизмов координации человеческой деятельности структурирует отношения не только на макро-, но и на мезо- (внутри крупных организаций: политических партий, университетов, корпораций) и микро- (внутри семьи, дружеского круга) уровнях. Макс Вебер определяет власть как способность одного субъекта навязать свою волю другому субъекту вопреки возможному сопротивлению последнего и вне зависимости от контекста их взаимодействия, будь то политика или отношения внутри домашнего хозяйства[9].

Вопрос о соотношении моделей власти, превалирующих на макро-, мезо- и микроуровнях, обычно остается вне фокуса внимания исследователя. Он изучает либо отношения власти в сфере политики (объект исследования политической науки), либо отношения власти внутри организации (объект исследования наук об управлении) и малых групп (объект исследования социальной психологии). Даже критическая социология Мишеля Фуко и Пьера Бурдье, признавая повсеместный характер властных отношений, специально не изучает их соотношение на макро-, мезо- и микро- уровнях.

Среди немногих исключений можно отметить работы Роберта Даля и Гэрри Экстейна. Первый является сторонником достаточно радикального подхода: полноценная демократия возможна лишь при реализации демократических принципов на всех уровнях социальной организации, начиная с государства и заканчивая семьей. На сегодняшний день ни одно общество не соответствует этому идеалу: «во всех демократических странах некоторые организации эксплицитным образом и совершенно легально управляются недемократически, к примеру коммерческие фирмы»[10].

Экстейн предлагает более прагматический подход, допуская невозможность воплощения демократической модели властных отношений на всех уровнях социальной организации, включая семью и школу (где, по его мнению, элементы недемократической власти просто неизбежны). Теория конгруэнтности власти Экстейна строится на основе следующих допущений[11]. Во-первых, стабильность правительства зависит от степени конгруэнтности лежащей в основе его функционирования модели власти с превалирующими в других сферах моделями власти (внутри политических партий, университетов, корпораций, домашних хозяйств). Конгруэнтность понимается Экстейном как подобие или сходство (как могут быть подобными, например, геометрические фигуры). Иными словами, стабильное правительство

[8]Де Сото Э. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. — М., 1995.

[9]Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology. — N.Y., 1968. — P. 53.

[10]Dahl R. A. After the Revolution? Authority in a Good Society. — New Haven, CT and L., 1990. — P. 1.

[11]Eckstein H., Fleron F.J., Hoffmann E.P. and Reisinger W.M. (with Ahl R., Bova R. and Roeder P.G.). Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Exploration in State-Society Relations. — Lanham, MA, 1998.

действует на основаниях, подобных тем, что и политические партии или корпорации в данной стране.

Во-вторых, демократическое правительство может быть стабильно только при наличии в его функционировании элементов недемократических властных отношений — как раз потому, что некоторые организации (школа, семья) по Экстейну ни при каких условиях не могут воплощать модель полной демократии. Иначе говоря, стабильное демократическое правительство должно быть «сбалансированно неоднородным». При этом чем меньше контактов в повседневном фунционировании конкретной организации с правительством, тем меньше потребность в обеспечении конгруэнтности воплощенных в ней моделей властных отношений. Так, наиболее близки к демократическому правительству политические партии, а значит и степень конгруэнтности в этом случае должна быть особенно велика. А вот контакты правительства и семьи наименее интенсивны, поэтому семья может быть менее демократической, а правительство — ограничиться воплощением лишь незначительных элементов недемократической власти.

Данный подход предполагает более реалистичные требования к организации власти, чем тот, что предлагается Далем. Теория конгруэнтности Экстейна также позволяет объяснить устойчивость равновесия русской власти как особого случая недемократической власти. Власть на макро-уровне в российском случае вполне соответствует тем моделям, что превалируют на мезо- и микро-уровнях. Скажем, факт воспроизводства ряда ключевых элементов русской власти в управлении российскими вузами достаточно хорошо задокументирован. «Управление в российских вузах в основном иерархическое», следует из результатов проведенного в 2006 г. опроса представителей 480 российских вузов[12]. Отсюда так называемый «эффект колеи»: устойчивость равновесия русской власти исключает возможность ее радикальных изменений. Альтернативные модели властных отношений при таких условиях могут быть привнесены только извне, а при их неконгруэнтности с какими-либо моделями власти внутри страны шансы «трансплантов» на выживание минимальны. Успех «стратегии трансплантирования демократических институтов, которые могут вполне успешно функционировать в иных условиях, в страны без демократических традиций зависит от наличествующих в этих странах образцов власти»[13].

Теория конгруэнтности Экстейна имеет ряд слабых мест. Как признают даже ее сторонники, теорию конгруэнтности трудно подвергнуть эмпирической проверке, а значит и фальсифицировать. Принцип сбалансированной неоднородности (то есть наличие недемократических элементов в демократическом правительстве) не поддается количественному выражению: насколько недемократическим должно быть демократическое правительство, чтобы система власти оставалась устойчивой? Наконец, как именно можно осуществить переход от равновесия русской власти к демократическому равновесию? Ведь без внесения ясности в этот вопрос пар массовых протестов уйдет «в свисток».

Варианты перехода от равновесия русской власти к новому равновесию

Представляются, что для достижения своей основной цели — отхода от равновесия русской власти — массовые протесты могут быть ориентированы на решение как минимум двух практических задач. Обе задачи касаются подготовки новой властвующей элиты — вну-

[12]Панова А. «О структуре управления и принятии решений в российских вузах» // Вопросы экономики. — 2007. — № 6. — С. 105.

[13]Eckstein H., Fleron F.J., Hoffmann E.P. and Reisinger W.M. (with Ahl R., Bova R. and Roeder P.G.). Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Exploration in State-Society Relations. — Lanham, MA, 1998. — P. 153.

три страны, но при этом расположенной к восприятию и реализации принципов властных отношений иных, чем те, что отражены в русской власти.

Первая задача заключается в демократизации муниципального и регионального управления. При выполнении этого условия появляется переходное звено, воплощающее в себе иные, чем заложенные в русской власти, принципы. Политики, прошедшие школу муниципального и регионального управления на мезо-уровне, могут затем перенести этот опыт при переходе в правительство центральное. Таким образом обеспечивается привнесение на макро-уровень — при сохранении сбалансированной однородности — новых принципов власти. «История успеха» демократии в Норвегии во многом объясняется приобретением большинством политиков этой страны опыта демократического управления на муниципальном и региональном уровне до получения ими постов в центральном правительстве[14]. Демократию на локальном уровне обеспечить всегда легче, а в российском случае представители властвующей элиты на федеральном уровне вполне могут позволить локальной демократии развиться в качестве одной из возможных уступок митингующим.

Вторая задача касается функционирования высшей школы, и прежде всего — университетов, готовящих представителей властвующей элиты завтрашнего дня (МГУ, МГИМО, СпбГУ, НИУ-ВШЭ). Опыт студенческой жизни является важным элементом вторичной социализации. От того, с какой моделью власти студент сталкивается внутри университета, зависит и его восприятие власти после окончания образования. Как отмечалось выше, большинство российских вузов управляются с использованием далеких от демократических принципов, и ведущие университеты здесь не являются исключением[15]. Иначе говоря, в качестве следующего шага участники массовых протестов могут сконцентрироваться на реформировании и демократизации университетской жизни посредством ее избавления от элементов русской власти. Задача вполне реальная, а ее решение вряд ли будет восприниматься представителями нынешней властвующей элиты как источник непосредственной угрозы. Зато в среднесрочном плане появляется шанс подготовить новое поколение политиков, не нарушая при этом принципа сбалансированной однородности.

[14]Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. — Princeton, NJ, 1966.

[15]Олейник А.Н. «Underperformance в теории и университетской практике» // Социология науки и технологий. — 2011. — № 3.

ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ 4 МАРТА

М.В. Рац
Институт развития им. Г.П. Щедровицкого
С.И. Котельников
НИИ культурологии Минкультуры РФ

Аннотация: *В статье анализируется общественно-политическая ситуация после выборов Президента РФ 4 марта 2012. Как полагают авторы статьи, в России воспроизводится патерналистская система самодержавия, сочетающаяся с иждивенческой ментальностью населения. Выход из сложившейся ситуации авторы видят в артификации наметившейся тенденции замены исторической диады политика-власть триадой политика-управление-власть.*

Ключевые слова: *массовые протесты, политическая власть, самодержавие, патернализм, политический менеджмент.*

1. Послевыборная общественно-политическая ситуация амбивалентна: с одной стороны, вроде бы всё случившееся понятно, но, с другой, совершенно непонятно, что делать дальше. Причем, с нашей точки зрения, в проблемной ситуации оказалась не только оппозиция, «рассерженные горожане», но и власть. В такой ситуации «копать» надо вглубь, а это значит, отбросить сбивающие с толку разговоры про «оранжевые революции», средний класс, элиту и контрэлиту, за или против Путина, «особый путь России» и т. п.

Суть дела мы видим в бесконечном воспроизводстве патерналистской системы российского самодержавия и населения с соответствующей иждивенческой ментальностью. По-видимому, в первозданном виде эта пара (патернализм — иждивенчество) только и сохраняется на просторах СНГ. Но сегодня, как свидетельствует ситуация в Греции, эта пара смертельно опасна даже в вестернизированной форме представительной демократии, зараженной, видимо, неизлечимой болезнью популизма. Об этом хорошо пишет Ю. Латынина[1]. Представляется, что вокруг этой пары развернулся и неизбежно захватывающий Россию цивилизационный кризис западного мира, истоки которого мы связываем, прежде всего, с дефицитом рефлексивно-мыслительного начала, сопровождающимся вырождением ценностных ориентаций политики.

[1]Латынина Ю. Итоги года. Середина истории. // Ежедневный журнал. — 2012. — 8.01. — http://www.ej.ru/?a=note&id=11670

Последние обстоятельства особенно очевидны в России, где сложившийся политический режим за счет торговли нефтью и газом всеми силами компенсирует большинству населения привычные старшим поколениям «преимущества социализма», тем самым препятствуя модернизации и формированию самодеятельного населения. Оно только нарождается и делает первые шаги самоорганизации, свидетельством чего и стала митинговая активность прошедшей зимы. Активное, деятельностное начало с трудом пробивается сквозь сковавшую страну бюрократическую систему, но это начало не осознано и не осмыслено, по сути дела, даже не названо в нашем общественно-политическом дискурсе. Здесь мы видим точку приложения усилий российских интеллектуалов, скажем для начала, в формировании деятельностной рефлексивной этики как современного варианта трудовой этики протестантизма в его веберовской интерпретации.

Обнадеживает, что на фоне бессмысленных дискуссий и «реалити-шоу» на ТВ близкое к означенному понимание происходящего постепенно завоевывает себе место в СМИ, о чем говорят выступления Д. Волкова, С. Минина, Ю. Латыниной, Л. Радзиховского, К. Ремчукова, М. Ямпольского и ряда других авторов. Мы попробуем продвинуться в этом направлении дальше, отправляясь от попавшей, на наш взгляд, «в десятку» статьи К. Ремчукова[2]. Мы согласны с ним по основным пунктам, но хотелось бы расширить набросанную им картину и, в частности, задействовать в анализе текущей ситуации более широкий круг общественных процессов, включая и длиннопериодные.

Давно замечено, что для русской истории характерно своего рода возвратно-поступательное движение. Не углубляясь слишком далеко в прошлое, напомним о реформах и контрреформах Александра II и Александра III, феврале — октябре 1917 г., о совсем недавних событиях 1990-х и нулевых гг. Разумеется, всё это можно трактовать по-разному, но мы не скрываем своей позиции, хотя и затрудняемся поименовать ее, пользуясь расхожей терминологией. Для начала можно считать нас демократами, либералами, западниками или представителями «рассерженных горожан», хотя мы вовсе не противники порядка и стабильности, не призываем к отставке Путина и не считаем себя меньшими патриотами, чем Кургинян или Проханов. (Перефразируя известную истину, можно сказать, что приватизация патриотизма — это последнее прибежище негодяев.)

Мы постепенно уточним свою позицию, и начнем с общего утверждения, что нынешняя ситуация типична для возвратно-поступательных движений русской истории, когда преобразовательные проекты на полдороге сменялись противонаправленными, или просто растворялись в небытии. Если говорить предельно лапидарно, проект демократизации 1990-х гг. вместо того, чтобы быть дополненным проектом восстановления государственного порядка, был им подменен в 2000-е гг. Демократизация сменилась строительством пресловутой «вертикали». Присмотримся к происходящему детальнее.

2. Начнем с того, что въевшаяся в подсознание — наше и наших правителей — марксистская философия истории, известная в ее советском изводе как «исторический материализм», была разработана и относительно успешна на том этапе истории, когда, говоря упрощенно, людьми двигало чувство голода. Даже при этом марксистская «борьба классов» вполне может трактоваться как частный случай гегелевской борьбы за признание. Но, когда люди сыты, их интересы, как известно, смещаются от основания к вершине известной «пирамиды Маслоу»: на первый план выходят духовные интересы и ценности. Разумеется, условия и уровень жизни в России резко неоднородны, и процессы, о которых идет речь, берут начало преимущественно в больших городах, прежде всего, Москве и Петербурге. Но, как говорится, лиха беда — начало.

[2]Ремчуков К. Борьба за признание // Независимая газета. 2012. — 06.03. — http://www.ng.ru/ng_politics/2012—03—06/9_priznanie.html

С нашей точки зрения, «новая среда», стремительное формирование которой отмечает Ремчуков, есть не что иное, как сфера клуба[3], чаще именуемая гражданским обществом: «общее для этой среды — отсутствие иерархии и минимальные вертикальные связи. Эта среда функционирует по горизонтали»[4]. Интернет и социальные сети так катализировали этот процесс, настолько его ускорили и изменили, что он стал почти неузнаваемым. Среди прочего оказалось, что не только на Западе «за столетия созрели собственные представления каждого конкретного общества о добре и зле, о демократии и авторитаризме, о свободах». Например, в арабских странах сложились представления, настолько отличные от западных, что все попытки истолковать выражающую их «арабскую весну» в терминах либеральной демократии ведут политику Запада в тупик.

Россия, однако, посрамила своих патриотов-охранителей: исторически сложившиеся представления наших сограждан «о добре и зле, о демократии и авторитаризме, о свободах» оказались, как пишет К. Ремчуков, вполне европейскими. На прошедших митингах собирались преимущественно представители самодеятельного населения, на базе деловой активности которых резко активизировались два определяющих для современной организации жизни в стране процесса. Их важно различать — как представителям власти, так и гражданам (в особенности, не склонным к занятиям политикой). Мы имеем в виду клубную деятельность, жизнь гражданского общества и политическую деятельность, в том числе формирование и работу политических партий. Это довольно тонкие материи, которые обсуждал недавно Д. Волков[5]. Прежде всего, отметим одно различие, особенно значимое в данном контексте.

3.Это различие стилистическое в том смысле, который подразумевал в свое время А. Синявский, говоря о своих стилистических расхождениях с советской властью. Такие разные авторы как Л. Рубинштейн и Г. Сатаров в минувшем феврале выступили со статьями, посвященными ярко выраженной карнавальной, юмористической стороне выступлений «рассерженных горожан», совершенно непредставимой на казенных митингах, организуемых в поддержку Кремля. Мы склонны видеть в этой характерной особенности (сколь приятной, столь же серьезной) проявление фундаментального свойства сферы клуба: органической нетерпимости ко лжи, показухе, фальши всякого рода. Которые, между прочим, восстановили свое господство в современном нашем государстве: как будто и не распадался Советский Союз! Пожалуй, что соединение звериной серьезности со всепроникающей ложью снова стало наиболее адекватной визитной карточкой государства российского, как минимум его политической сферы.

Но не менее важно объединяющее гражданскую и политическую активность начало, а именно, в обоих случаях содержательная полемика должна иметь в своей основе определенный предмет, а подлинная борьба может разворачиваться только по поводу той или иной деятельности. Примером бессодержательной полемики и псевдоборьбы может служить столкновение апологетов Путина («Кто, если не он») и его противников («Россия без Путина»). При этом, однако, гражданская активность в принципе ситуативна и направлена на решение сиюминутных задач в противоположность политике, выстраивающейся вокруг той или иной стратегической линии. Примером гражданской активности может служить борьба с коррупцией А. Навального и/или движение за честные выборы, а пример политики разве что наме-

[3]Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований // Педагогика и логика. — М., 1993. — С. 116—123.

[4]Ремчуков К. Борьба за признание // Независимая газета. 2012. — 06.03. — http://www.ng.ru/ng_politics/2012—03—06/9_priznanie.html

[5]Волков Д. Повестка дня: новый поиск // Независимая газета. — 2012. — 02.03. — http://www.ng.ru/ideas/2012—03—02/5_new_search.html

чается после десятилетнего перерыва в манифесте М. Прохорова[6], где он сопоставляет свой стратегический замысел с реальной стратегией Путина. Для ясности нужно добавить, что, кажется, никто из так называемых лидеров оппозиции не выступил с критикой программных статей Путина.

Мы рискнули бы сказать, что в демократическом обществе гражданская и политическая активность равно необходимы и взаимно дополнительны, но не конкурентны. Антагонистические отношения между ними характерны для авторитарных режимов, в особенности деградирующих, с их «общенародной» партией власти (т.е., не партией) и, напротив, политизирующимися гражданскими движениями. Это и наблюдается в России, но хотелось бы надеяться, что процесс не зашел еще слишком далеко, и шансы вернуться к демократии еще не потеряны. Мы уточним далее, что здесь подразумевается под демократией, и какие шаги нам казалось бы целесообразным осуществить.

Пока же заметим, что различение гражданской и политической активности позволяет затем ставить вопрос об их совместной организации. Как свидетельствует опыт развитых стран, сорганизация политической работы партий с гражданской активностью наиболее эффективна на местном и региональном уровнях. Это напрямую связано с тем обстоятельством, что оппозиция, как правило, не вытесняется напрочь из активной политической жизни, а сохраняет более или менее значительные плацдармы «на местах». К сожалению, мы не располагаем примерами такого рода из современной отечественной практики: может быть, их и нет.

4. Признание, осмысление и учет новых реалий в текущей политике и общественной жизни представляет собой сложную задачу не только для российских властей, но и для граждан, пока еще, по сути дела, чаще подданных — впервые (если не считать начала 1990-х гг.) получающих право на гордое имя гражданина. И тем, и другим предстоит жить в новых условиях, в корне отличающихся от привычных нам. Если мы хотим жить, «как в Европе» по показателям качества жизни, придется научиться жить так же и по другим показателям, в том числе научиться мирному сосуществованию общества с властью при неизбежных конфликтах интересов. Это норма жизни цивилизованного общества, освоить которую и вообще трудно, а нам трудно вдвойне — за отсутствием опыта конструктивного взаимодействия общества с властью и соответствующих институтов — не фиктивно-демонстративных, какими являются наши органы представительной власти или суды, — а подлинных, отвечающих своим конституционным функциям.

Как известно, Запад избавился от абсолютистской системы правления в эпоху буржуазных революций. История, однако, распорядилась так, что в России господство самодержавия сохраняется по сию пору: собственно, в этом и состоит знаменитая наша «особость», приходящая теперь в прямое столкновение с новыми формами организации жизни общества, «новой средой». Опыт прошедшей зимы показывает, что ни власть, ни общество не готовы у нас к конструктивному взаимодействию.

Поэтому мы не думаем, что «Россия без Путина» сильно отличалась бы от России при Путине. Мы не считаем Путина «злым гением» России (как, впрочем, и добрым): Путин при его несомненных талантах, как все мы, — продукт своего времени, прежде всего, конечно, советского с присущими ему особенностями и ограничениями. Он несет на себе «отеческое» отношение к народу — не как к равным согражданам и партнерам, а как к нуждающимся в опеке и заботе «малым сим», которые, выступая против власти, «предают родину», если не подкуплены впрямую «врагами России». Такое отношение несовместимо с растущим на дрожжах Интернета гражданским обществом. Сможет ли он преодолеть в себе это советское

[6]Прохоров М.Д. Настоящее и будущее — http://www.slideshare.net/megamircom/ss 10787104

наследие и не менее важную его составляющую — органическое неприятие неизбежных рисков развития, о котором писал недавно М. Ямпольский[7]?

Но задачи, стоящие перед оппозицией, на наш взгляд, сложнее. Митинговые лозунги антипутинские или античуровские — не более чем детские болезни, от которых нужно избавляться. Смешно же требовать замены царя при сохраняющемся самодержавии и, тем более, смены чиновника и честного голосования, когда вся система выборов представляет собой дырявую декорацию, с грехом пополам (греха-то, пожалуй, больше) прикрывающую отсутствие реальной конкуренции и политической борьбы. Тем более, что выборы прошли.

Конечно, с чего-то надо было начинать, но мы боимся, что при всей стремительности идущих перемен их быстрота все же недостаточна для прямого и плавного продолжения начатого «рассерженными горожанами» дела. Недаром в СМИ замелькало слово «тайм-аут». Слишком серьезные препятствия стоят на нашем пути, нам еще предстоит научиться выявлять и формулировать стоящие за ними проблемы, а затем переключаться на разработку отсутствующих у нас средств их решения. Именно так мы трактуем начатую М. Прохоровым работу по созданию новой политической партии; аналогичную работу предстоит проделать для себя и гражданскому обществу.

Для начала нужно научиться вести хотя бы просто предметный диалог друг с другом и с властью. Диалог, коммуникация по вопросам, волнующим общество, — это разговор, участники которого не только имеют свои определенные позиции, но и готовы хотя бы частично пересматривать их под давлением аргументов противника. Если вы априори уверены в своей стопроцентной правоте и знаете, «как жить», то никакой диалог невозможен в принципе: знание Истины ведет не к решению спорных вопросов, а на баррикады. К сожалению, именно такая абсолютная уверенность в своей правоте (при отсутствии мало-мальски содержательной программы действии) пока более характерна как для оппозиции, так и для власти, и в этом мы видим основное препятствие на пути России вперед.

Во избежание недоразумений добавим, что мы далеко не всегда склонны видеть в западном мире пример для подражания. Можно извлечь много полезного из его исторического опыта, но не меньшие перспективы таятся в анализе его ошибок. Не говоря уже о том, что и то, и другое надо интерпретировать в контексте собственной истории, с которой нам еще предстоит разбираться: не зря же говорится, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. Здесь, на переходе к так называемым «процессам большой длительности» мы попадаем в недостаточно освоенную российскими политологами область истории понятий и интеллектуальной истории. Искать решения своих проблем в прошлом — последнее дело. Но в проектах именно исторических масштабов, а не в событиях на улице только и можно найти ответы на стоящие перед Россией «вечные вопросы»[8].

5. Итак, не будучи оригиналами, мы видим путь к решению сегодняшних наших проблем в демократизации, но понимаем современную демократию несколько непривычным образом. Это, бесспорно, предмет специального обсуждения, а, если говорить коротко, мы видим ее основную функцию в избавлении от цикличности развития, характерной для западных стран в эпоху буржуазных революций, для России же, повторим, и по сию пору. Содержательно мы связываем современную демократию не только и даже не столько со всеобщим избирательным правом (с ним был связан предыдущий этап ее становления), сколько с осознанием на рубеже XIX — XX вв., автономизацией и массовым распространением управленческой деятельности.

---

[7]Ямпольский М. Своего рода «честность» // Интернет-портал Грани.ру: http://grani.ru/opinion/m.196355.html

[8]Рац М.В., Котельников С.И. Политическая модернизация: улица, культурно-историческая практика и теория // Интернет-портал Полит.ру: http://polit.ru/article/2012/01/06/modernization/

Наша интерпретация этой истории состоит в том, что в дополнение к (или даже на смену) диаде *политика — власть*, в рамках которой мыслится реализация масштабных преобразовательных замыслов, приходит триада *политика — управление — власть*, причем параллельно и в связи с этим дополнением неизбежно происходит подспудная смена содержания политической деятельности и работы власти. Этот исторический процесс вряд ли можно считать завершившимся, и мы говорили бы скорее о соответствующих тенденциях. Однако тенденции эти в пределах стран европейского культурного ареала (а еще нагляднее в сравнении их, скажем, со странами Африки) кажутся достаточно прозрачными.

Власть как отношение господства/подчинения, как способность одного субъекта заставить другого делать то и так, что и как считает нужным первый, дополняется, а отчасти и замещается, с одной стороны, бессубъектной властью закона, которой подчиняются все действующие лица, а с другой — новоявленным управлением. Фундаментальное отличие управления от власти как (осуществляемого без лишних слов) отношения господства/подчинения состоит в том, что управленческие воздействия осуществляются посредством диалога: управляемая система — в отличие от системы подчиненной — сохраняет свободу, в рамках которой принимает аргументы управленца в пользу предлагаемого им направления и способа действий.

При этом управление и власть приобретают еще особую, парадоксальным образом противонаправленную функционализацию: управление ответственно за нововведения всякого рода, власть — за соответствие любых перемен действующему законодательству, попросту говоря, за сохранение стабильности. В этой своей функции власть/господство объединяется с властью закона в лице правоохранительных органов. В нынешней российской ситуации особенно важно, что решения, принимаемые властью, не предполагают никакого обсуждения, в то время как управленческие решения, напротив, не имеют права на реализацию без обсуждения с представителями всех заинтересованных позиций.

В pendant к сказанному политика (politics), оставаясь борьбой за власть/господство, получает важное дополнение в виде борьбы между политическими субъектами за реализацию их представлений о будущем, их политических программ. Власть/господство при этом оказывается уже не самоцелью, а средством реализации программных установок.

Зафиксировав всё это в качестве трендов современной общественно-политической практики, мы в заключение переводим разговор в проектный залог и говорим, что в России нам нужно артифицировать эти тренды (т.е., целенаправленно, искусственно содействовать движению в этом направлении). Притом, что на Западе означенные тренды пока плохо отрефлектированы и осмыслены, мы можем стать инициаторами обсуждения этих поистине судьбоносных для европейской цивилизации вопросов.

В практическом плане мы полагали бы наиболее перспективной ориентацию гражданской активности на упорядочение судебной и правоохранительной практики. С нашей точки зрения, в принципе позором для России является бесконечный поток жалоб наших сограждан в Европейский суд по правам человека. Но ведь большинство из них вполне обоснованно, а безобразия в системе российского правосудия и правоохраны, кажется, уже давно вышли за рамки здравого смысла: дело об изнасиловании в Казани или дело Козлова тут только самые последние и резонансные. Короче говоря, мы предлагаем перенести гражданскую активность вместе с WEB-камерами из избирательных участков в полицейские участки и суды, упорно отслеживая судьбу значимых (не только резонансных) дел вплоть до высших кассационных инстанций.

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ОБРАЗОВАНИИ КАК ЛИБЕРАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ МИФ

А.Г. Бермус
Педагогический институт
Южного федерального университета

Аннотация: *В статье рассматривается официальная политика России в области образования. Автор анализирует официальные документы и нормативные акты и эксплицирует несколько ключевых мемов, на основе которых строятся образовательные реформы: Прогресс, тотальная непрерывность, единство и многообразие и создание условий. По мнению автора статьи, эти мемы характеризуют либерально-бюрократический миф российской политики в образовании, нуждающийся в критическом переосмыслении.*

Ключевые слова: *инновации, политика в области образования, теория мемов, бюрократия.*

2012 год означает вступление России в новую реальность, которая, несомненно, будет отличаться и от «лихих девяностых», и от реалий предшествующего десятилетия. Причины этого многообразны, и в наши задачи не входит их обсуждение. Гораздо более интересным представляется факт, что вне связи с необратимо меняющейся реальностью образования, в идеологии образования с начала 90-ых годов прошлого века в практически неизменном виде существует совокупность тезисов, которая воспроизводится и в программных документах будущего восьмилетия («Федеральная целевая программа развития образования на 2011 — 2015»[1] и «Стратегия — 2020»[2]).

Речь идет о феномене, который можно с изрядной долей условности обозначить как «инновационная образовательная политика», причем мера условности диктуется здесь самим фактом *contraditio in adjecto*. Проще говоря, не может *инновационная* политика год за годом обращаться к тем же сюжетам и проблемам, в том числе: *повышения востребованности, качества, опережающего темпа рост зарплат в образовании по сравнению с другими отраслями экономики и др.*

[1]Федеральная целевая программа развития образования на 2011 – 2015 // http://www.fcpro.ru

[2]Стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года «Стратегия 2020» // http://www.2020strategy.ru

Весьма показательным, в этой связи, является сравнение четырех документов: «Национальной доктрины образования в Российской Федерации»[3]; «Федеральной программы развития образования» от 10 апреля 2000 г.[4]; «Концепцией федеральной целевой программы развития образования на 2006 — 2010 годы»[5] и «Концепцией федеральной целевой программы развития образования на 2011 — 2015 годы»[6]. Первым обстоятельством, бросающимся в глазе уже на этапе сопоставления заголовков документов, является то, что если в 2000 году речь шла об утверждении доктринальных оснований образования и принятии связанного с ними федерального закона, то, начиная с 2005 года, концепции соответствующих документов утверждаются распоряжениями Правительства.

Как известно, из правоустанавливающих документов[7], распоряжения Правительства РФ относится к подзаконным актам, контроль за исполнением которых осуществляется самим Правительством. Более того, распоряжения (в отличие от постановлений), представляют собой акты по оперативным и иным текущим вопросам, не имеющие нормативного характера, в связи с чем, никакие формы прокурорского надзора либо же общественного аудита оказываются неэффективными.

Таким образом, можно зафиксировать первую ключевую диспозицию: правовой статус документов, определяющих инновационную образовательную политику, непрерывно снижается, и на сегодняшний момент они представлены совокупностью подзаконных актов (распоряжений), не имеющих нормативного характера и не содержащих определенных процедур контроля исполнения.

Весьма красноречивым выглядит и следующий факт: если в ФПРО 2001 — 2005 основой проектирования является подробный количественный анализ состояния системы образования в России, а планируемые результаты связаны с ответственными исполнителями и сроками исполнения, то, начиная с 2005 года, анализ исполнения принятых распоряжений не проводится, а перспективы определяются через весьма широкие оценки. Так, например, прогнозируется потребность в финансировании ФЦПРО 2006 — 2010 *не менее* 45 млрд. рублей; или же ежегодная потеря экономикой *не менее* 15 млрд. рублей, начиная с 2011 года, вследствие падения качества человеческого потенциала. Прямые экономические потери России вследствие *возможного* недофинансирования ФЦПРО оцениваются *в диапазоне* от 22,75 до 37,75 млрд. рублей. Весьма интересным, в этой связи, является и качественная сторона прогноза (прогнозируются, в основном, потери и недополученная прибыль), и числовая корректность оценок. Так, указание диапазона в 15 млрд. (от 22,75 и до 37,75 рублей), сравнимого с абсолютным значением нижней оценки — 22 млрд. рублей, делает совершенно бессмысленным указание на десятые и, тем более, сотые доли единиц; в математике эта ошибка получила название «превышение точности».

При этом, любые позитивные следствия исполнения распоряжений, оцениваются исключительно качественно: *расширение возможностей, повышение спроса, увеличение доли нематериальных активов, рост негосударственного финансирования, повышение прозрачности бюджетных расходов*. Количественные показатели используются только и исключительно при определении объемов финансирования, а более сложные параметры, вклю-

[3]Национальная доктрина образования в Российской Федерации» (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. №751).

[4]Федеральная программа развития образования от 10 апреля 2000 г. (№51-ФЗ).

[5]Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2006 – 2010 годы (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 сентября 2005 года №1340-р).

[6]Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2011 – 2015 годы (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. №163-р).

[7]Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: Издательство БЕК, 1994. – 458 с.; Федеральный Конституционный Закон «О Правительстве Российской Федерации» от 17.12.1997 г.

чая характеристики социально-экономической и социально-психологической инфраструктуры образовательной деятельности, оценок кадрового и человеческого потенциала системы образования и пр. не только не используются, но и не заявлены.

Если же говорить о качественных аспектах программирования развития, то представляется возможным выделить несколько ключевых тем (*мемов*[8]), вокруг которых строится вся система проектирования.

В первую очередь, следует отметить, что общим контекстом для инновационной политики в образовании является представление о некоторой универсальной реальности Прогресса, атрибутируемой в качестве «устойчивого развития», развития общества, экономики и государства, накопления и распространения знаний, ценностей и культуры. При этом, само представление о прогрессе-развитии обладает отчетливой двойственностью: прошлое в этой схеме оказывается нагружено негативными коннотациями, а будущее — позитивными, но, в то же время, развитие мыслится как «преемственность со всем лучшим, что было ранее», а будущее — нагружено «рисками» от неправильной или неконструктивной деятельности сегодня.

Двойственным оказывается не только отношение «прошлого» и «будущего», но и путь развития, на котором приходится преодолевать действие внешних сил, пытающихся *остановить (затормозить или исказить)* развитие. Как говорится в одной из наиболее популярных цитат В.И. Ленина, «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения»[9].

Иначе говоря, советская инновационная политика в образовании всегда строилась как отрицание-преодоление проклятого прошлого, под которым мыслилась царская Россия. Аналогичная риторика возникает в 90-ые годы в отношении советского периода и, в частности, советской школы, которая воспринимается как оплот консерватизма, подавления индивидуальной свободы ребенка и его достоинства. Аналогичная диспозиция характерна и для начала XXI века, с тем лишь отличием, что объектом преодоления становятся «лихие девяностые», воплощающие утрату национально-государственных ценностей, распад СССР, несправедливую (воровскую) приватизацию и нравственную деградацию народа. Одновременно, нынешний (наступающий) период мыслится как «возвращение» к подлинным ценностям. Так, принятая в 2000 году Национальная доктрина «отражает решимость и волю государства принять на себя вместе с общественностью ответственность за настоящее и будущее отечественного образования, являющегося основой социально-экономического и духовного развития России». В то же время, диалектика исторических реконструкций прошлого выносится «за скобки».

Второй мем, тесно связанный с первым, может быть определен как «тотальная непрерывность». Реальность образования, на всех уровнях (от индивидуального до исторического) раскрывается как перманентный, бесконечный процесс развития, накопления, усовершенствования и развития. К этому кругу метафор принадлежат концепты «непрерывного образования», «преемственности», «многоуровневости» и «открытости» образования», «личностной и профессиональной мобильности» как образовательных ценностей. Любое принимаемое решение или мера обосновывается отсылкой к некоторым имманентным тенденциям, истокам, историческим процессам, в то время как ситуативная политико-экономическая моти-

[8]Докинс Р. Эгоистичный ген. — М.: Мир, 1993. — С. 318.

[9]Ленин В.И. Странички из дневника. ПСС. Т. 45. — С. 345-346.

вация, баланс позитивных эффектов и издержек каждой из предлагаемых мер, находится вне поля обсуждения и анализа.

Третий мем в области инновационной политики, может быть представлен как «единство и многообразие», причем единство рассматривается как объективный культурно-исторический факт (патриотические ценности, русский язык, ценности нравственности, государственного единства, толерантности и пр.), в то время как многообразие связано с субъективным выбором, в том числе, личностными и этноконфессиональными предпочтениями. При этом по сути дела, игнорируется третий — социально-экономический и национально-культурный компонент, задающий контекст и для государственной политики, и для индивидуального выбора: в частности, не анализируется и не осмысливается влияние коллективных субъектов, в том числе, различных политических сил и групп влияния, региональных элит, работодателей, национально-культурных общин. Отсутствие внятной артикуляции этих аспектов делает любые структурные изменения в образовании и, в особенности, меры по разграничению полномочий и государственно-общественному партнерству коррупционно-емкими.

Наконец, четвертый мем, венчающий всю совокупность базовых идеологем инновационной образовательной политики, можно определить, как «создание условий». В действительности, в этом концепте сплетается множество самых разноречивых отношений. Прояснним некоторые, наиболее значительные аспекты.

Во-первых, одна из базовых импликаций *«создания условий»* — распоряжение бесконечным ресурсом. Это представление заимствуется из политэкономии, где степень экономической эффективности производства определяется рыночной оценкой, в соответствии с чем, действуя сугубо экономическими мерами (прямое финансирование, стимулирование или дестимулирование спроса, изменение ставки кредитования и пошлин) государство может в достаточно широких пределах варьировать рентабельность производства. При этом игнорируется существенная специфика интеллектуального и духовного производства, заключающаяся в гораздо большей значимости внеэкономических (нематериальных), долговременных и, самое главное, практически неконтролируемых со стороны государства факторов (интеллектуальные традиции, научно-педагогический опыт, авторитет и др.). В этом отношении, весьма показателен опыт Китая: за два-три десятилетия грамотная экономическая политика государства позволила не только достичь конкурентоспособности китайского производства на мировом рынке, но и, фактически, сделать Китай абсолютным лидером мировой экономики и по объемам, и по темпам роста. В то же время, прогресс китайской науки и образования гораздо скромнее, и в этом качестве, Китай продолжает зависеть от ведущих западных (в первую очередь, американских) университетов и корпораций.

Во-вторых, происходит постоянное *упрощение* самой системы управления образованием, игнорирующей большинство нематериальных и нефинансовых факторов. Управление, фактически, сводится к перераспределению финансовых потоков, экономические принципы анализа становятся едва ли не единственными инструментами оценивания ситуации, в результате чего, утрачивается «объемное» видение ситуаций. При этом категории и концепты, не имеющие простого «линейного» представления (*качество образования, безопасность, человеческий потенциал* и др.) редуцируются к совокупности численных оценок — среднего балла ЕГЭ, количества установленных видеосистем наблюдения, огнетушителей и противопожарных кранов и пр. Управляющая система раз за разом сталкивается с одним и тем же парадоксом: увеличение финансирования образования не приводит к пропорциональному росту его экономической эффективности, вследствие чего на неформальном уровне делаются выводы о «неэффективности» образования вообще.

В-третьих, идеология «обусловливания» проявляется в навязчивой идее поиска и внедрения некоторых технологий, обеспечивающих *автоматическое* решение содержательных проблем. Подобная тенденция *«технологизации»* проявляется на самых разных уровнях и в разных аспектах. Система управления находится в разработке *современной нормативно-правовой базы*, поиске *ресурсов оптимизации и повышения эффективности* затрат, *новых механизмов финансирования,* ставятся совершенно неразрешимые задачи доведения *количественных показателей использования современных образовательных технологий* (учебное телевидение, дистанционное обучение и др.) до некоторых значений; использование *методик прогнозирования потребностей* и пр.

Все эти аспекты и атрибуты позволяют говорить о том, что инновационная политика в образовании представляет собой мифологическую систему[10]: в ее центре находится представление о подлинных *смыслах образования*, к которым в современную эпоху относятся идеологемы *качества, востребованности, экономической эффективности,* которые профанируются или попросту не реализуются системой массового образования. К этому представлению тесно примыкает противопоставление «инновационных образовательных учреждений» и «массового образования», которые противопоставлены своим отношением к этим ценностям: если первые (*сильные, успешные, эффективные*) образовательные учреждения и эксперты успешны в понимании и реализации этих инновационных ценностей, то вторые — обречены на «псевдообразование» или «некачественное образование». Более того, одним из принципов инновационной политики является сохранение этого неравенства, поскольку поддержка не должна «размазываться ровным слоем».

Еще одним признаком мифологической конструкции инновационной политики является парадоксальное сочетание «линейного» и «циклического» времени: каждый новый этап инноваций рассматривается как совершенно новая эпоха в образовании, преодолевающее сущностные недостатки и проблемы прошлого вне связи с тем, что формулировки ключевых проблем и вызовов повторяются из года в год.

Стоит сказать несколько слов о том, почему для обозначения этой мифологической системы избран концепт «либерально-бюрократического мифа». Не вдаваясь в анализ представлений о либерализме и современном государстве, мы хотели бы подчеркнуть лишь основные атрибуты либеральной и государственнической идеологии, присутствующие в «инновационной политике в образовании». Среди них: представление о меркантилистской природе принимаемых человеком и государством решений в сфере образования, меритократической и социально-мобилизационной функции образования; качественной однородности и однонаправленности образовательного и исторического процесса (что, разумеется, не исключает «инновационных прорывов» и «угрожающего отставания»), государстве, как единственном выразителе образовательных потребностей и идей и др.

При этом, часть тенденций, характеризующих современное российское образование (например, тенденция интернационализации образования, в том числе, Болонский процесс) только декларируется. Другие, особенно, негативные тенденции (в частности, криминализация и архаизация образовательных практик) даже не обозначаются. В этой связи, одним из условий преодоления «дурной бесконечности» концепций и программ инновационной политики в образовании, не только ни приводящих к сколько-нибудь заметному улучшению ситуации, но сопровождающим процессы *угасания и распада* российского образования, становится осмысление и преодоление мифологической системы «инновационной политики». Так, по данным исследований PISA, если российские школьники, еще в 1995 году превосходили по естественнонаучной и математической грамотности своих европейских сверстников, то в

[10]Неклюдов С.Ю. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. — М.: АИРО-XX, 2000. — С. 17-38.

2000 году, результаты статистически значимо различались не в пользу российских учащихся, а дальнейшие исследования только «отодвигали» результаты российских школьников[11] ([12]).

В связи со сказанным, актуальными направлениями этого переосмысления, могут стать:

1) Комплексная политико-правовая оценка системы нормативно-правового регулирования российского образования. Требует понимания комплекс вопросов, связанных со статусом отдельных законов (Закон «Об образовании», Закон «О высшем и послевузовском образовании»), образовательных стандартов, подзаконных актов, государственных и отраслевых программ и пр.

2) Историко-культурные и политологические исследования образовательной политики в России. Традиционно, история образования рассматривается исключительно в комплексе педагогических наук и связано с реконструкцией внешних форм образовательной деятельности: образовательных учреждений, педагогических идей и концепций. Полноценная реконструкция истории и современности российской образовательной политики, в особенности, закономерностей реформ и контр-реформ, механизмов принятия и оценки эффективности решений в сфере образования, каналов межсубъектной коммуникации — все это представляется «зоной ближайшего развития» гуманитарных наук.

3) Разработка качественной («гуманитарной») методологии исследований в образовании. Последние десятилетия характерны превалированием количественных (в первую очередь, социологических и экономических) методов при обосновании и принятии решений. Ни в коей мере не оспаривая эффективность этих методов при решении технических вопросов, следует понимать их неэффективность для понимания проблем на уровне образовательной практики, экспертизы гуманитарной ситуации в образовании, динамики его человеческого потенциала, анализа внутренних рисков образовательных практик и систем.

[11] Данные Центра оценки качества образования // http://centeroko.ru/pisa/pisa_res.htm

Навстречу 90-летию со дня рождения М.К. Петрова

УНИКАЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА М.К. ПЕТРОВА

Ю.Р. Тищенко
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье анализируется специфика философско-культурологической концепции М.К. Петрова. По мнению автора, уникальный вклад М.К. Петрова в исследования культуры представлен его концепцией возникновения, функционирования и развития европейского способа мышления.*

Ключевые слова: *биография, культура, онаучивание общества, социокод, трансмутация, человекоразмерность.*

Меня интересует, каким образом можно описать, охарактеризовать, определить индивидуальное, особенное, специфическое, уникальное, наконец, в философско-культорологической концепции М.К. Петрова. В начале я рассмотрю некоторые факты его биографии в социокультурном контексте. Затем попытаюсь обозначить факт обретения им собственного призвания и предельно кратко сформулировать суть концепции.

Сейчас же представлю свою позицию в самом общем виде. Я полагаю, что индивидуальность, уникальность, специфичность философского творчества М.К. Петрова заключается в том, что только он осознанно и специально исследовал возникновение, функционирование и развитие европейской культуры как общественно-индивидуальный процесс, установил конкретно-исторические типы взаимодействия индивидуального и надындивидуального в этом процессе. Вскрыл соответствующий каждому из них способ социального кодирования, который всякий раз осуществляется как взаимопроникновение трансляции и трансмутации.

1. Факты биографии М.К. Петрова в социокультурном контексте

Биография М.К. Петрова принимает вид целостности, а творчество уникальности, так как события его собственной жизни вбирают в себя смысл социальной и культурной ситуации его времени. В этом случае факты его жизни становятся так или иначе связанными с его творчеством. Опосредующим моментом этой связи является проблема. Впервые внимание на эту связь в общей форме указал Э.Ю. Соловьёв[1].

[1]Соловьёв Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопросы философии. — 1981. — № 7. — С. 115—126; № 9. — С. 132—145.

Обратимся теперь к трём фактам его биографии — написанию повести «Экзамен не состоялся» (1961 год)[2]; попытке восстановления в партии (1965—1966 годы); публикации статьи «Предмет и цели изучения истории философии»[3].

Каким образом окружение, в том числе и власть, реагировали на повесть «Экзамен не состоялся»? Автор отослал её в ЦК КПСС, на имя Н.С. Хрущёва. В сопроводительном письме он выражал надежду, что публикация повести будет полезна для организации общесоюзной партийной дискуссии накануне XXII съезда. В повести ставился вопрос о методах формирования партийной политики, о способах постижения истины в партийных дискуссиях, о вере и разуме в отношении к партийным постановлениям. В итоге создаётся персональное дело и принимается решение: «…за недостойное поведение, выразившееся в написании и пославании в ЦК КПСС повести антипартийного содержания», из партии исключить. Напоминаю, что за эпоха стояла на дворе. Это было время попыток преодоления сталинского тоталитаризма. Это были годы оттепели, по аналогии с названием повести И. Эренбурга «Оттепель». После прохождения персонального дела по всем инстанциям решение об исключении принимается окончательно. М.К. Петрова увольняют из Ейского авиационного училища.

Отмечу, что повесть «Экзамен не состоялся» — первая и единственная попытка художественными средствами объяснить настроение и образ мыслей философской элиты накануне XX съезда.

Второй злосчастный факт — это попытка партийной организации РГУ восстановить М.К. Петрова в партии (1965 г.). Бюро Ростовского обкома КПСС не только отказывает в этом, но и «совершенствует» прежнюю формулировку оснований исключения. Раньше было: «за написание повести антипартийного содержания». Теперь выносится вердикт, согласно которому М.К. Петров в своей повести «устами её героев выступил с клеветой на Коммунистическую партию, на советский общественный строй, на социализм и коммунизм, подверг ревизии учение марксизма-ленинизма и не вывел при этом положительных героев, которые бы разоблачили бы эту клевету на наше советское общество, нашу действительность» (1965 г.). Знаменательно, что ни одного из обвинений подтвердить ссылками на текст повести невозможно. Больше того, происходит не только не допустимое отождествление позиции героев повести с позицией её автора. Обсуждение бюро обкома заканчивается, к тому же, речью первого секретаря, который с пафосом резюмирует: «Такие люди нам не нужны». Действительно, стоило только задуматься, как придать политике партии поистине научный характер, стоило только сопоставить веру и разум в отношении её политики, о способах выработки партийных решений, как следует — «такие люди нам не нужны». Почему же они не нужны? А потому, что призывают задуматься о необходимости многих и многих изменений в партии, чтобы сделать её научной силой. Тем самым Петров замахнулся на привилегии номенклатуры, которая рассматривала партию, прежде всего как свою вотчину, где всё и вся происходит и оценивается лишь по её воле и разумению. Принадлежность к номенклатуре давала не только блага частной жизни, сколько предполагала обязанности определять, что такое хорошо, а что такое плохо. Это были прежде всего обязанности публично защищать монополию партии на власть, а социалистический строй и марксизм-ленинизм охранять от каких либо налётов, пусть и кажущихся. Исполнялось это, как правило, истово, но было лишено элементарной искренности. Именно такие деятели спустя 25 лет дали добро на крушение Советского Союза.

В 1969 году М.К. Петров публикует статью «Предмет и цели изучения истории философии»[4]. Она содержит оценку роли философии в становлении науки, её функций в онаучен-

[2]Впервые опубликована в журнале «Дон»: Петров М.К. Экзамен не состоялся // Дон. — 1989. — № 6. — С. 118—135; № 7. — С. 125—141.

[3]Петров М.К. Предмет и цели изучения истории философии // Вопросы философии. — 1969. — № 2. — С. 126—136.

[4]Петров М.К. Предмет и цели изучения истории философии…

ном обществе, а также анализ проблем историко-философских исследований. Статья вызывает большое количество критических оценок, многие из которых — идеологические и политические обвинения. В Институте философии АН СССР, состоялось заседание объединённого Учёного совета по проблемам истории философии с участием сотрудников ряда секторов института и представителей журнала «Вопросы философии»[5].

В те годы, если публичное обсуждение чего-либо предпринималось, то его организаторы вполне определённо формулировали не только цель, но и почти безошибочно планировали и результат. Существовало и определённое «разделение труда». Одни занимались проблемами «теории», другие — вопросами политико-идеологическими, третьи политико-организационными, кадровыми. Различные элементы системы взаимодействовали, как и положено, отлично.

Показательно-разгромное обсуждение статьи в Институте философии АН СССР, осуждение её в редакционной статье главного журнала ЦК КПСС «Коммунист», постановление двух заседаний парткомов РГУ, после чего Петрова отстранили от преподавания философии и уволили с работы — всё это подобно «ярмарке тщеславия» советского тоталитаризма, которая проходила под девизом «охранять и запрещать». Государство и партия лишь «делали вид» что страна сбросила с себя сталинское ярмо. Номенклатура не удержалась, чтобы не организовать для острастки «маленький» погром силами самих интеллектуалов. Верноподничество и тщеславие использовалось здесь в полной мере.

2. Содержание жизненного призвания М.К. Петрова

Факты биографии М.К. Петрова, взятые в контексте эпохи, позволяют, высветить как содержание его жизненного призвания, так и момент осознания им своего призвания, момент, когда он почувствовал себя обязанным отдать решению этой проблемы все свои силы. Такой задачей для Петрова стало изучение возникновения, развития и судьбы научного подхода к миру, проблема распространения его результатов в обществе, онаучивание его.

В повести, за написание которой М.К. Петрова исключают из партии, философ проводит мысль о том, что политика партии должна стать не на словах, а на деле научной. В статье, за публикацию которой его лишают права преподавания философии, он отвергает взгляд на историю философии, как на предысторию марксистко-ленинского синтеза, и призывает взглянуть на историко-философский процесс как породивший научный подход к миру, способствующий его дальнейшему развитию.

М.К. Петров окончательно осознаёт, что проблема возникновения, развития и судьба научного подхода к миру, проблема распространения его результатов в обществе, проблема онаучивания[6] его, — стала содержанием его жизни. После увольнения с кафедры философии он отказывается от возможности вернуться на кафедру иностранных языков. Он не может и не хочет заниматься исследованиями феномена «науки», как чем-то побочным. Отныне это единственное, что занимает все его мысли.

Вся философская жизнь Петрова была подлинным подвижничеством. Вдохновение не оставляло его ни на день. Он абсолютно соответствует максиме Флобера, который утверждал, что «всё вдохновение состоит в том, чтобы ежедневно в один и тот же час садиться за работу». Каждый день, в первую половину, Петров писал; во вторую, после небольшого отдыха, переносил всё на пишущую машинку.

[5]См.: Вопросы философии. — 1969. — № 9.

[6]Этим термином М.К. Петров обозначил процесс распространения результатов научного развития в обществе.

3. Философско-культурологическая концепция М.К. Петрова

Задаваясь вопросом об уникальности творчества Петрова, можно было бы пойти по пути сравнения его с какой-либо, безусловно, знаковой фигурой.

Подобно тому, например, как это делает один из современных литераторов, сравнивая Льва Толстого с Георгом Гегелем. «Лев Толстой, — пишет Бавильский, — и есть наш отечественный Гегель, задавший направление дальнейшему развитию русской цивилизации»[7]. «Мы пойдём иным путём». Однако и от сравнения я не откажусь, напротив, расширю его. Но вовсе не для того, чтобы абстрактно утвердить степень величия М.К. Петрова, а для понимания содержания уникальности его творчества.

Попытка человека свести всё многообразие своего окружения в целостность и установить механизм её функционирования, уходит в толщу традиций философских и социологических изысканий. Контуры успехов, достигнутые на этом пути, представлены теорией идей Платона, классификацией различных форм общности у Аристотеля, предустановленной гармонией Лейбница, абсолютным духом Гегеля, социологией Конта. Самое же значительное достижение этого ряда представлено именем Маркса с его понятиями предметного мира культуры, а также идеального, когда оно рассматривается как выражение тех процессов, которые совершаются объективно. Понимание культуры как феномена, который в отношении всех и каждого существует вполне объективно, тривиально. Идеальное же, согласно Марксу, есть сущность культуры, а категории действительность, представленность и положенность вскрывают механизм функционирования идеального, а следовательно культуры. Больше всех для развития такого понимания идеального и культуры, сделал Э.В. Ильенков. Однако в исследовании культуры М.К. Петров продвинулся дальше.

М.К. Петров исходит из того, что преемственность в мире человека осуществляется прежде всего социальным способом, а единственным и всеобщим геном социальности является знак в его способности фиксировать и сохранять значения. Система знаков образует социокод — канал социальной наследственности. Он функционирует в процессе общения, которое конкретизируется как трансляция и трансмутация. «Цель трансляции, — пишет Петров, — социализировать индивида, передать ему социально значимые значения. Цель трансмутации — изменение наличной „суммы обстоятельств“, передача индивидуального по генезису знания в социокод, в знание для общества. Реализация определённого способа искать, хранить, транслировать и трансмутировать, объём знаний даёт особый вид социальности»[8].

М.К. Петров выделяет три исторических типа социальности, каждому из которых своё лицо даёт, прежде всего, особый тип кодирования: лично-именной, профессионально-именной и универсально-понятийный. Под лично-именным правилам человек приобщается к социальной деятельности в первобытной культуре. Второй тип социального кодирования является наиболее распространённым. Он почти обязателен для обществ, основа которых земледелие и скотоводство. Профессиональные знания транслируются здесь в рамках семьи, а навык универсально-всеобщих отношений с другими семьями индивид усваивает уже взрослым. Универсально-понятийный способ социального кодирования в Европе зарождается в послегомеровскую эпоху античного общества, а процесс его становления продолжается вплоть до XVII века, когда накопление знания в сфере науки служит совершенствованию технологических навыков духовного и материального производства. Каждый исторический тип социальности характеризуется способом, пишет Петров, принять продукты человеческой изобретательности в социальное достояние. В любых своих попытках пополнить мир вещей, «неорганическое тело» цивилизации новыми составляющими, следует учитывать собственную вместимость или «человекоразмерность», замечает М.К. Петров.

---

[7]Бавильский Д.В. Художественный дневник Дмитрия Бавильского // Новый мир. — 2009. — № 1. — С. 215.

[8]См.: Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. — М.: Наука, 1992. — С. 22.

Если Э.В. Ильенков рассматривает идеальное как процесс, в ходе которого каждый индивид овладевает миром культуры, то М.К. Петров устанавливает конкретно-исторические механизмы этого присвоения и творчества. Поиск путей перестройки кодов лично-именного и профессионально-именного в универсальные должен быть продолжен, пишет Петров. Мы лишь у начала, замечает он, современного научного движения, важной вехой которого на ближайшее будущее является онаучивание общества.

В заключение отмечу два момента. Первое. Индивидуальный, оригинальный, специфический, уникальный вклад М.К. Петрова в исследования культуры представлен его концепцией возникновения, функционирования и развития европейского способа мышления. В сравнении со своими не просто именитыми, а гениальными предшественниками, он продвинулся вперёд, т. к. не только чётко обозначал проблему общественно-индивидуальной природы культуры, но показал механизм взаимопроникновения индивидуального и надындивидуального, это представлено, прежде всего, предложенной им типологией социокультурного кодирования. Второе. Нельзя без ответа оставить вопрос, который возникает не только у современников М.К. Петрова, но и сейчас, особенно у молодёжи. Почему за написание повести «Экзамен не состоялся» исключили из партии? Почему за статью, которая была напечатана в журнале «Вопросы философии» лишили права преподавания, изгнали из РГУ?

Мыслящие и пишущие в России вчера и сегодня констатируют одно и тоже, а именно: с философией в России случился странный парадокс. Её часто отрицали за бесполезность, но запрещали за вредность. Ещё более знаменательно и актуально звучит фраза нашего современника Фёдора Гиренок: «В современном мире мыслитель никому не нужен». И даже опасен, что я пытался показать выше.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Г.Д. Петрова

Дорогой Виктор Павлович, здравствуйте!

Когда я разговаривала с Вами и Ю.Р. Тищенко, помнила только издательские дела и забыла о других своих злоключениях. Рукопись прочитала. Того, что искала, не нашла и совершенно перестала понимать, зачем мы с «моим» редактором ходили к главному редактору и что-то там обсуждали. Речь тогда шла о кризисе партии (звучали именно эти слова). «Кризиса» в «те» времена еще побаивались, и речь шла о том, что этот «кризис» следует как-то «убрать». Иначе ничего не будет. Я считала, что для Миши эти места важны, и предлагала оставить хотя бы те места, где герой только думает о кризисе (не кризис ли это), но к злонамеренному выводу еще не приходит.

К моему удивлению, в оригинале я никакого «кризиса» не нашла (а мы рассуждали именно о «кризисе») и никакого раздумья о кризисе также. В рукописи всюду прямое утверждение: да, это он. Только не «кризис», а «смерть»(!). (Глава 6. Рассуждения Дмитрия Ивановича Модестова.) В журнале же все исправлено, и без моего ведома. У Миши: «духовная **смерть** партии»; в журнале: «духовный **кризис** партии». Так всюду. Надеюсь, что все будет так, как было у Миши. Исправьте уж, пожалуйста.

Теперь о другом. Светлана Неретина написала, что Мише предложили принести рукопись для сожжения. Это не совсем так. Не представляю даже, как бы осмелились Мише сделать такое идиотское предложение и как бы Миша его выполнил. Это предложение сделали мне (убогой), и мне ничего не оставалось, как подыграть им и принести какой-то экземпляр.

Когда Мишино «партийное дело» прибыло в Ростов, Мишу сначала вызвали в парткомиссию штаба ВВС, так как он уволен был из авиационного института. Разговор не обещал ничего хорошего, но «добрая» парткомиссия сочла, что хорошо бы пригласить жену: «может быть она в чем-то „поможет“». Меня принял некий полковник (Чевычалов). Многое из того, о чем он спрашивал, я забыла, но помню, что впоследствии он извратил некоторые мои слова и не в пользу Миши. Особые вопросы и реплики я, конечно, не забыла. Так, например, он возмутился, что Миша вел обучение английскому языку по английским журналам, а не «по переведённым постановлениям партии и правительства». Спросил: «А Вы представляете, что было бы, если бы эта рукопись попала в Би-би-си?» «А где были Вы? Как Вы все это допустили? Почему не разорвали рукопись?». Когда я сказала, что прав таких не имею — рвать чужие вещи, он поморщился, тряхнул брезгливо рукой и сказал: «Какие-то Вы с мужем интеллигентные такие, что ли. Мои дочки не такие».

Впереди была парткомиссия штаба СКВО. Понятно было, что ничто уже не поможет, но хотелось все же продолжать борьбу. Я решила написать письмо Хрущеву. Мишин близкий друг, Михаил Александрович Шленев, который был когда-то парторгом института и

знал партийную кухню, сказал мне, что я могу жаловаться только на «процедуру», остальное не будет приниматься во внимание. Я так и поступила.

Письмо мое пришло уже после очередной парткомиссии и пришло оно в штаб СКВО. Где оно гуляло раньше, не знаю. Вряд ли дошло до Хрущева. Увидела я замызганный листок: видно, читали многие. Принял меня опять-таки полковник (но уже Карпов), которого я заметила еще в предыдущей комиссии — он сидел где-то в глубине. Когда я ему об этом напомнила, он тут же ото всего открестился. Спросил, чего я хочу, пожурил Чевычалова и его дочек и дал дельный совет: «Вашему мужу хорошо бы какое-то время позаниматься физическим трудом, кирпичи поносить, например, или камни какие». А меня попросил принести опасную рукопись для немедленного сожжения, что я и сделала.

Вот все, что я знаю. Может быть, что-то из этого Вам пригодится.

Будьте здоровы!

Г.Д.

От редакции

Впервые эта повесть М.К. Петрова опубликована в журнале «Дон» (1989, № 6-7), но с нарушением авторского права. При публикации повести в журнале «Дон» редакторы заменили выражение «духовная смерть партии» на «духовный кризис партии». В соответствии с «Письмом в редакцию» Г.Д. Петровой в текст внесено исправление, т. е. восстановлен оригинал. См. об этом «Письмо в редакцию» Гали Дмитриевны Петровой — вдовы Михаила Константиновича Петрова.

ЭКЗАМЕН НЕ СОСТОЯЛСЯ

М.К. Петров

Аннотация: *Журнал «Политическая концептология» публикует повесть известного отечественного мыслителя Михаила Константиновича Петрова. При публикации внесены важные исправления, уточняющие оригинальный замысел повести.*

Ключевые слова: *философия, XX съезд КПСС, оттепель, социальная критика, внутрипартийная дискуссия, кризис партии.*

1

Солнце, чуть осветленное и остуженное июньской грозой, пятнает столы, шкафы, ковры переплетами окон. Потягиваясь, плывет через всю комнату к окну бледно-серая струйка папиросного дыма… На полпути, со стены двое бессмертных — один с явным достоинством, второй задумчиво безразлично поглядывают вниз. Идет экзамен.

Еще полчаса назад здесь, в кабинете, было шестеро: трое экзаменаторов и трое аспирантов. Два аспиранта ответили, мучаются в коридоре, выкуривая папиросу за папиросой. А третий, с растрепанной порослью, Юрий Шатов, все еще размашисто пишет что-то, ставит, улыбаясь, восклицательные, вопросительные и совсем уже непонятные знаки.

Комиссия шепотом решила судьбу двух первых, скучает.

Дмитрий Иванович Модестов, председатель, настроен благодушно. Сегодня «Правда» отметила его выступление на юбилее великого немца. Кончено наконец с редактированием второго тома сборника по французским материалистам. Вот только экзамен, и можно взяться за свои дела. А дел много. Нужно собрать записанные на разрозненных листках заметки к давно задуманной работе. Да и отдохнуть не мешает: послушать в зале Чайковского заезжее диво, съездить на какой-нибудь конгресс, с глазу на глаз поругаться с «дипломированными

лакеями». И хотя в глубине души Дмитрий Иванович уверен, что ничего этого не будет, что придет какой-нибудь пакет, кто-нибудь позвонит и все планы рухнут, сейчас он доволен, с благодушной иронией поглядывает на товарищей по несчастью.

Вот справа — Викторина Никифоровна Победоносцева. Лет десять назад, тогда еще просто Вика, она стала подопечной Дмитрия Ивановича. Молча и доверчиво смотрела она на своего научного руководителя. Неделями перекраивала, поправляла кандидатскую диссертацию, без споров и борьбы принимая любые указания. Это иногда обижало, иногда тревожило, но, в общем, не доставляло неудобств.

Диссертация у Вики вышла, как говорится, на уровне. Давний недруг Дмитрия Ивановича и любитель Козьмы Пруткова Ивлев не упустил, как всегда, случая лягнуть на защите «модестовскую школу» неуклюжим афоризмом: «Читая диссертации подопечных Дмитрия Ивановича, восхищаешься красотой стиля». Но совет частью не понял шутки, частью отнес ее на счет желчности Ивлева и при двух воздержавшихся присвоил Вике степень кандидата философских наук.

Научные достоинства Вики-кандидата удостоверены работами в соавторстве с Дмитрием Ивановичем: статья на тему, статья по случаю, научные доклады в развитие указаний. Достоинства женские отмечены для истории двумя самодеятельными поэтами того времени: Бобом Самогоновым и Игорем Михайловым. Боб, помнится, упирал больше на звезды, взгляды и диалектичность чувств. Теперь он семьянин, лыс, толст, доктор, совместитель. Он поистерся, примелькался в институте, и редко-редко на особенно бурных заседаниях вдруг оживет в нем Боб-поэт, нелюбезное дитя своего научного отца Ивлева…

Игорь прошел войну и терзал сердце своей дамы больше светлым натурализмом: осенним листом, соленым потом, пылью на сапогах, весенней грязью, тополиной почкой. Любимец Ивлева, он многое перенял у своего учителя, но так и не постиг искусства уходить в афоризмы, пытался быть поэтом в науке и не сносил головы. Что-то у них было с Викой. Недели через три после памятного собрания, когда Игоря исключили из партии, Вика болела. А потом пришла в институт повзрослевшая, неразговорчивая, неулыбчивая.

С этого времени и началось превращение Вики в Викторину Никифоровну Победоносцеву, лауреата, доктора, авторитета в вопросах истории революционного движения в России. Дмитрий Иванович имел честь присутствовать у истоков этой метаморфозы. Сначала с гордостью, а затем с тревогой следил он за вознесением Вики. Тревога росла с каждым новым тайным обществом — открытием Вики. И когда известная вольным поведением жена одного из революционеров-демократов превратилась под пером Вики в боевую подругу, принимающую офицеров ради конспирации, когда Дмитрий Иванович услышал очередное «Что же в этом плохого?» — он вдруг с брезгливой злостью подумал: «Гении государства Российского, не уйти вам от революционного подполья Викторины Никифоровны. Все там будете». А после обсуждения Дмитрий Иванович впервые назвал Вику Викториной Никифоровной, отклонил, сославшись на болезнь, приглашение на именины.

Впрочем, ничто сегодня не в силах испортить настроения Дмитрия Ивановича. Глядя на раздобревшую, с солидностью в позе и взоре Викторину Никифоровну, он только посмеивался про себя: «Наверно, Наталью Гончарову в офицеры связи переделывает», не подозревая, что мысли Викторины Никифоровны совсем не в прошлом…

Сосед слева, Валентин Ильич Полумакаев, — загадка со стажем. То добрый и благодушный, то строгий и неприступный, то все понимающий и со всем согласный, то вдруг абсолютно неспособный разобраться в простейших вещах, Валентин Ильич давно уже доставляет Дмитрию Ивановичу материал для самых неожиданных заключений. Материал идет в обилии. Заседания не проходит, чтобы обошлось без выступления Валентина Ильича, выступления конструктивного. Сначала казалось, что убеждения и взгляды Валентина Ильича

производны непосредственно от передовых статей и докладов в торжественные дни, а неустойчивость взглядов проистекает из путаницы идей, из неспособности отделить главное от второстепенного. Но так только казалось. Иногда Валентину Ильичу удавалось предложить такой конструктивный подход, в котором погоду делало главное, а минута оставалась минутой.

Вот и сейчас, глядя на Валентина Ильича, который со скучающим лицом бывалого фехтовальщика поигрывает карандашом над чьей-то рукописью, Дмитрий Иванович силится по заметкам на полях угадать мысли Полумакаева.

Солнце начинает прогревать спину. Из-за крыш тянет едва уловимым, тревожащим запахом свежевымытых тополей. И откуда-то издалека-издалека, из детства, что ли, приходит вдруг и овладевает душой Дмитрия Ивановича веселое озорство: желание высунуться из окна навстречу этому мирному, шумному, светлому дню, желание крикнуть что-нибудь идущим внизу людям, плюнуть, на худой конец, из окна и следить, как летит капля вниз и, разбиваясь об асфальт, вызывает недоуменную ярость прохожего.

Дмитрий Иванович гасит папиросу и, стараясь не слишком шуметь, поднимается. На пути к окну, чтобы напомнить аспиранту, что, в общем-то, пора отвечать, и чтоб не дать коллегам неблагородно истолковать его поступок, Дмитрий Иванович с наигранным укором простаивает две-три секунды над аспирантом, а потом уже медленно движется к цели.

Мир встречает полуденной музыкой. С солидным гулом идут исполненные достоинства, приличных манер и независимости автобусы. Тоном выше, с чистым металлическим призвуком заявляют о себе прямолинейные работяги троллейбусы. Шуршат, создавая фон, «Победы». Путаются, нарушают гармонию юркие «Москвичи». И все это — и солнце, и фундамент Дворца Советов, и заклеенный афишами забор — только рамка к захватывающему спору у бензоколонки. Спорят водитель автобуса, владелец «Победы» и автоинспектор. Отсюда, с четвертого этажа, не слышно, о чем идет речь. Но исковерканное крыло кремовой «Победы», разбитая фара оправдывают горячность его участников. Как старому автолюбителю, Дмитрию Ивановичу нетрудно представить беседу. Владелец «Победы», или «личник», по терминологии ОРУДа, доказывает, что водитель автобуса сделал поворот, не подав сигнала. Водитель автобуса, часто обращаясь лицом к солнцу, уверяет, по-видимому, инспектора, что в таких условиях «личник» мог и не видеть сигнала. Инспектор, разглядывая повреждения, видит, что прав, в общем-то, «личник», но с другой стороны, «личник» — нелюбимое дитя ОРУДа, и спускать ему шло бы вразрез с принципами инспектора. В самый драматический момент, когда инспектор углубился в изучение прав «личника», а жестикуляция последнего достигла апогея, забывший об аспиранте и о коллегах Дмитрий Иванович услышал: «Разрешите отвечать?»

2

Когда Шатов заговорил о роли критики и самокритики в жизни советского общества, заговорил языком официальных статей и решений, Дмитрий Иванович послушал с минуту, заскучал, вновь устремился мыслью туда, к колонке.

Было бы неудобно и недостойно председателя покинуть свой пост во время ответа, и Дмитрий Иванович пустился на маленькую хитрость. Он закурил, изобразил на лице высшую степень внимания и как бы машинально поднялся из-за стола. Сделав два-три замкнутых вольта вдоль стола за спинами членов комиссии, он получил возможность подобраться к окну… Внизу все уже кончилось. Автобуса не было. «Личник» поругивался, остывая. А инспектор, благодушно посмеиваясь, видимо, утешал несправедливо обиженного и оштрафованного. Но вот «личник» исчез в машине. Она медленно тронулась и утонула в потоке ма-

шин. Инспектор снял фуражку, вытер платком лоб, не спеша двинулся к Институту языкознания, к перекрестку…

Вернувшись к обязанностям председателя, Дмитрий Иванович с удивлением заметил какую-то перемену, что-то тревожное в отношениях между аспирантом и членами комиссии. Викторина Никифоровна явно нервничала. Поеживаясь, пристально глядя на Шатова, она будто бы пыталась предостеречь его от развития какой-то щекотливой темы. Валентин Ильич, напротив, весь подобрался, напрягся и, видно, чего-то ожидая, ловил, впитывал каждое слово аспиранта с затаенным торжеством.

«Охотится», — как-то вдруг подумалось Дмитрию Ивановичу. И вместе с этой мыслью в мир вошли звуки. Чуть побледневший Шатов, волнуясь, как бы доказывая самому себе, говорил:

— …два рода критики: критика словом и критика действием, оружием, как говорил Маркс. И тот и другой род критики вскрывает ошибки, слабости, прямо или косвенно показывает пути устранения недостатков. Если ограничиться показом роли критики в жизни партия, то придется признать, что, с одной стороны, роль критики резко возрастает в период строительства социализма, а с другой — функционирование критики как инструмента преодоления недостатков в работе усложняется, встречает специфические трудности. В известном смысле можно сказать, что при капитализме партия в большей степени застрахована от ошибок, чем при социализме…

Дмитрий Иванович наконец-то начинает разбираться в обстановке. Аспирант явно наскакивает на решенный вопрос, вопрос скользкий, на котором сломана не одна голова. Викторина Никифоровна почему-то не желает несчастного случая, с удовольствием остановила бы аспиранта. Валентин Ильич, напротив, с нетерпением и радостью ждет выхода на скользкое, опасное.

— В условиях капитализма, — скороговоркой поясняет Шатов, — партия имеет перед собой предельно ясную цель: захват власти, установление диктатуры пролетариата. Кроме того, критика со стороны политических противников ведется наиболее решительным способом — действием. Класс капиталистов, его партии, буржуазное государство довольно быстро замечают всякий промах, всякую ошибку партии и используют промахи и ошибки, чтобы задавить, пресечь в корне любую попытку связать научный социализм с рабочим движением. Но это же обстоятельство помогает партии своевременно обнаруживать ошибки, учить, воспитывать на ошибках своих членов. Есть еще и третий, очень важный аспект — стихийное формирование типичного рабочего сознания. Оно возникает как результат антагонистических противоречий между трудом и капиталом, и именно типичность сознания позволяет партии ограничиваться в работе узкой областью классовых отношений, иметь дело с рабочим вообще, с его интересами. Не отказываясь от экономической борьбы, борьбы чисто классовой, не угрожающей целостности капиталистического общества, партия вместе с тем получает возможность поднять рабочий класс на решение основной задачи: ликвидацию капитализма, построение нового общества на началах действительного равенства и отсутствия эксплуатации человека человеком…

«Остановиться бы тебе здесь», — думает Дмитрий Иванович, понимая уже, куда заведет аспиранта логика рассуждений. Дмитрий Иванович готовится оборвать аспиранта, попросить перейти к другому вопросу, но напряженная поза Валентина Ильича, охотничий блеск в его глазах заставляет изменить намерение. Уж очень хочется понять этого Валентина Ильича, чудится, что где-то рядом решение загадки. Дмитрий Иванович поворачивается к Викторине Никифоровне, наталкивается на ее умоляюще-требовательный взгляд. Но именно это почему-то заставляет его промолчать, изобразить на лице безразличие… Да и поздно уже, аспирант завяз, засел в периоде социализма…

— При социализме нет уже той ясности цели — никто не знает досконально, детально социальную и бытовую структуру коммунистического общества. При социализме партия лишена внутри общества классовых противников, и ее ошибки долгое время могут оставаться невскрытыми. При социализме, наконец, с уничтожением эксплуатации перестает стихийно вырабатываться типичное сознание. Партия не может уже опираться на рабочий класс как таковой. Его уже нет, такого класса, который был бы связан общностью интересов и их противоположностью по отношению к другим классам… Такой класс погибает вместе со своим антагонистом. Рабочие в условиях социализма вместе с крестьянством и интеллигенцией владеют средствами производства, равноправно участвуют в политической и экономической жизни страны. У рабочих здесь перестают ощущаться чисто свои, «рабочие», интересы, которые могли бы быть противопоставлены интересам других социальных групп. В новых условиях партийная практика вынуждена решительно покидать рамки классовых отношений, вынуждена осваивать общесоциальные отношения, опираться в своей работе как на общие интересы, так и на интересы личности. Соответственно, партия при социализме не есть уже орудие соединения научного социализма с рабочим движением, а перерастает в орудие соединения научного коммунизма с интересами, стремлениями всех граждан, каждого гражданина в отдельности. В бесклассовом или теряющем классовую структуру обществе уже нет другого стихийного источника силы, кроме стремления людей к лучшему будущему, к более полному удовлетворению своих материальных и духовных потребностей. В классовом обществе был такой неиссякаемый источник — антагонизм труда и капитала. При социализме все обстоит много сложнее: интересы личности многообразнее и разнообразнее, чем интересы класса, их труднее организовать, использовать. Но именно эти интересы я приходится использовать для реализации научно разработанных планов перестройки общества. Все это усложняет работу партии, по-новому ставит организационные, методологические, научные проблемы, в новом свете показывает роль критики и самокритики…

— Пожалуй, можно перейти ко второму вопросу, — не выдерживает Викторина Никифоровна.

Валентин Ильич разочарованно хихикает. Шатов протестующе смотрит на Дмитрия Ивановича. Дмитрий Иванович, поглощенный наблюдениями за Валентином Ильичом, отводит глаза, старается придать голосу безразличные нотки.

— Не будем стеснять аспиранта. Пусть скажет, что ему кажется нужным сказать, — говорит-зевает он и, обращаясь к Шатову, добавляет: — Постарайтесь покороче и ближе к теме.

— Постараюсь, — неуместно радуется Шатов.

И снова комнату заполняет голос аспиранта. Викторина Никифоровна хмурятся, осуждающе поглядывает на Дмитрия Ивановича, Валентин Ильич лихорадочно что-то записывает, к сожалению, неразборчиво.

— Когда ставится вопрос о роли критики и самокритики в партийной и общественной жизни, — с новым воодушевлением бросается в теорию Шатов — необходимо иметь в виду два принципиально различных понимания естественно-исторического процесса развития общества, а именно понимание эволюционное и понимание революционное. Эволюционное характерно для ревизионистов всех мастей. Революционное — для марксизма-ленинизма. С точки зрения эволюционного понимания, переход от капитализма к социализму происходит с естественной необходимостью, независимо от усилий людей. Происходит с неизбежностью превращения ребенка во взрослого, с неотвратимостью солнечного затмения. Роль партии в этом случае сводится к подготовке граждан к великому пришествию социализма… Ясно, что с эволюционной точки зрения излишни и диктатура пролетариата, и партия как руководящий научный центр: ведь затмения не создают, а ждут. Роль критики здесь сведена к минимуму.

И хотя именно ревизионизм громче всех кричит о свободе, конструктивная научная критика ревизионизму эволюционного толка так же не нужна, как и диктатура пролетариата, и государство.

У Валентина Ильича с треском ломается карандаш, он поспешно вытаскивает из кармана авторучку. Дмитрий Иванович хмурится, старается не глядеть на Викторину Никифоровну. Вот оно — выход на скользкое, головоломное…

— Революционное понимание естественно-исторического процесса, — продолжает Шатов, — исходит из необходимости строить социализм. Не ждать. Не замедлять или ускорять стихийный приход социализма, а именно строить. При таком подходе необходимо орудие построения, способное организовать и направить энергию масс. Необходима, иными словами, диктатура пролетариата, которая в наших условиях формируется в единство двух социальных институтов: партии и государства. Сам процесс строительства социализма, коммунизма возможен только при наличии единой цели и единства действий, что служит непременным требованием партии… Но единство мысли и действия — это только одна сторона, динамическая, если хотите, сторона вопроса. Она, эта сторона, затрагивает только проблему силы, проблему организации и направления энергии масс с помощью таких социальных институтов, как партийный и государственный аппарат, профсоюзы, общественные организации. Роль критики в этой динамической части можно сравнить с ролью обратной связи в кибернетических устройствах: критика сигнализирует о расхождениях действительного процесса строительства с запланированным, предлагает меры по устранению этих расхождений, или, как иногда говорят, способствует выполнению решений.

«Можно бы и без этих аналогий», — морщится Дмитрий Иванович, ловя себя на благожелательном интересе к любопытной в общем-то трактовке вопроса. На этот раз можно бы и остановить аспиранта, но Дмитрий Иванович просто не успевает этого сделать.

— Более сложной и не менее важной представляется нам вторая, теоретическая, сторона проблемы строительства социализма, — с подъемом сообщает Шатов. — Если динамическая связана с реализацией готовых решений, то теоретическая — с подготовкой этих решений. Сама природа строительства как целенаправленного процесса предполагает, что решение должно быть одним, обязательным для всех членов партии, для всех граждан общества. С другой стороны, решение должно быть наилучшим, должно наиболее полно учитывать как существующее положение, так и конечные цели строительства. А для этого нужно знать и существующее положение, и конечные цели. Последнее условие особенно трудно выполнимо. Такая задача не по плечу ни отдельной личности, ни даже группе личностей. Такую задачу может поставить и решить только партия, использующая теоретическую энергию своих членов для выработки — через механизм демократического централизма — единого решения. Критика в этой области неизбежно носит научный характер, поскольку сама задача есть задача научная, имеющая дело с возможными формами существования общества в будущем…

Таким образом, в настоящее время мы имеем два вида критики: критику, подчиненную реализация уже принятых решений, и критику, связанную с подготовкой решений. Виды можно бы различать как практическую и теоретическую критику. Оба вида критики важны я, как нам кажется, неизбежны при революционном понимании естественно-исторического процесса… У меня по первому вопросу все…

Шатов замолк и ждет разрешения перейти ко второму вопросу. Дмитрий Иванович уже не имеет права сдерживать Валентина Ильича, и тот немедленно лезет в драку:

— Вот, товарищ Шатов, было у нас на отчетно-перевыборном собрании одно критическое, по вашей терминологии, выступление, которое все мы осудили как вредное и антипартийное. — Валентин Ильич выдерживает паузу, а потом произносит с ударени-

ем: — Я подчеркиваю, все осудили, не было ни воздержавшихся, ни голосовавших против… Как совместить ваши действия на собрании с тем, что вы говорите сегодня? Ведь, судя по вашим словам, такое выступление вполне нормально, допустимо?

Дмитрий Иванович морщится. Не очень удачно начинается драка.

— Пусть меня извинит Валентин Ильич, — несколько смущенно начинает Шатов, — но, как мне помнится, на партсобрании речь шла о вредном, а не антипартийном выступлении. Я лично считал и считаю это выступление вредным не потому, что оно критическое, а потому, что оно вредно и по содержанию, и по форме. Содержания, собственно, не было. Был только плач о том, что все у нас в институте плохо, а как из этого «плохо» сделать «хорошо», об этом не было сказано. Что до формы, то ее трудно характеризовать иначе, как формой истерии. Поэтому я не вижу противоречия между своими действиями на собрании и тем, что я говорю сегодня. Сегодня для меня экзамен, и я не имею права скрывать свое понимание того или иного вопроса…

Первый наскок Валентина Ильича отбит. Не очень мастерски, но все же отбит, и это тревожит Дмитрия Ивановича. Отступиться нельзя, и если у Валентина Ильича не хватит сил, придется самому поставить аспиранта на место. А как? От классиков? Но это оружие обоюдоострое. И если аспирант готовил вопрос, он может придержать в резерве такое количество цитат в защиту свою идей, что еще не известно, за кем останется последнее слово… Но вот вторая попытка Валентина Ильича.

— Развивая тезис о революционном понимании естественно-исторического процесса, — голос Валентина Ильича звучит вкрадчиво, — вы, товарищ Шатов, упомянули о выборе лучшего решения. Не кажется ли вам, что такое понимание показывает в сомнительном свете нашу действительность? — Он снижает голос до шепота, продолжает скороговоркой: — Ведь, по-вашему, в прошлом могли приниматься не лучшие решения. А такой взгляд на нашу социалистическую действительность открыл бы настежь ворота для самой оголтелой и злобной критики со стороны враждебных элементов. Как вы думаете, аспирант Шатов?

Шатов, похоже, понял, чем все это кончится. Смуглое, загоревшее лицо его отвердело, в темных, прикрытых очками глазах, вспыхнули колючие и, как показалось Дмитрию Ивановичу, насмешливые огоньки.

— Я, вероятно, плохо понял ваш вопрос, Валентин Ильич, — говорят Шатов резко. — С одной стороны, я не уверен, что к научному понятию приложимы опасения, которые вы высказали. Во-вторых, то, что вы назвали оголтелой и злобной критикой действительности, никоим образом не может квалифицироваться как критика. Не всякая болтовня есть критика. Наконец, понятие наилучшего решения бросает, конечно, тень сомнения на любое принятие решение. Но дело не в том, чтобы вздыхать о прошлом, оценивать прошлое. Задача теоретической критики лежит в будущем, не в прошлом… Что было, то было. И действительность, какая бы она ни была, есть действительность, с которой приходится считаться. Кричать о том, плоха или хороша действительность, могла бы она быть лучше или она лучшая из возможных, — все это вряд ли имеет смысл… Для настоящего коммуниста, — Шатов свирепо кольнул глазами Валентина Ильича, — для настоящего коммуниста не бывает такой действительности, которая не могла бы быть заменена лучшей.

Валентин Ильич проглотил обиду, но не сдался.

— Вот вы говорили о критике, но не говорили о ее формах. Как вы конкретно представляете формы критики? Теоретической критики, по вашей терминологии.

«Охотник! Мышей тебе ловить да от зайцев спасаться, — с досадой думает Дмитрий Иванович. — Боишься ты, Валя, идти в открытую. Вот и выманиваешь на частный вопрос, чтобы побить в частном, а потом кричать, что от всей концепции камня на камне не осталось…»

Шатов, похоже, и на этот раз разгадывает маневр, с ходу отводит удар.

— Я отвечал на вопрос о роли критики, а не о ее организационных формах. — Голос Шатова почему-то скучнеет, и Дмитрий Иванович подозрительно косится на Шатова. — Организационные формы критики — вопрос самостоятельный. Он важен, но производен. Кроме того, вопрос этот мало изучен, требует длительного экспериментирования, прежде чем выявятся достоинства и недостатки различных форм. Поэтому я могу высказать только личное мнение о некоторых формах.

Не нравится Дмитрию Ивановичу этот заход. Аспиранту явно надоело обороняться, и он наталкивает Валентина Ильича на какой-то подводный камень…

— Мое мнение — это, конечно, гипотеза, требующая подтверждения или опровержения практикой, — ехидно, как кажется Дмитрию Ивановичу, продолжает Шатов. — Я думаю, что организационные формы теоретической критики должны, кроме опасности единству партии, учитывать также ряд конкретных условий — неизжитый еще в сознании «культ личности», привычку не размышлять о высоких материях, привычку опираться на авторитет имени, а не на предметную истинность мнения. В этих условиях одной из приемлемых форм представляется анонимная партийная дискуссия как постоянный орган критики. Каждый член партии имел бы право высказаться по всем вопросам программы и устава, но не имел бы права раскрывать своего имени. Такой механизм свел бы к нулю субъективный момент, не позволил бы зарабатывать авторитет на дешевом критиканстве или дешевом опровержении критики Достоинство, ценность предложений можно было бы определить общепартийным голосованием, и предложения, получившие большинство голосов, использовать как директивы для деятельности ЦК. Таким образом, над и рядом с ЦК была бы поставлена безликая, но действенная сила — партийный разум, а ЦК превратился бы в исполнительный орган, ограниченный в своей деятельности директивами дискуссии…

Дмитрий Иванович понял, куда тянет Шатов, на какой камень предлагает напороться Валентину Ильичу. И хотя игра получается довольно темная, ему почему-то совсем не хочется отводить удар от Валентина Ильича.

— Вы что же, не верите ЦК? Не верите в правильность его действий? — не выдерживает атаки Шатова Валентин Ильич.

«Доохотился!» — отмечает Дмитрий Иванович с некоторым даже злорадством. Но теперь уже, нечего делать. Теперь приходится только наблюдать. Оживилась и Викторина Никифоровна, с удивлением поглядывает на аспиранта.

— Мне кажется, последний вопрос не имеет отношения к экзамену, — начинает Шатов тихо. — Но раз уж он поставлен… Да, я не верю ЦК. И не имею права этого делать так же, как и вы. Во-первых, все мы здесь коммунисты, единомышленники, а не единоверцы. Отношения между нами и ЦК не могут строиться на вере. ЦК — не бог, он лишь исполнительный орган партии, позволяющий наше единомыслие превратить в единодействие. А чтобы мыслить едино, необходимо знать. Поэтому каждый коммунист имеет право не верить ЦК, а знать, участвовать в теоретической подготовке любых общепартийных решений. Это, кстати, выражено в уставе партии. Во-вторых, все мы коммунисты-философы. Вы — опытные, я — начинающий. А быть коммунистом-философом — значит быть специалистом, знатоком как раз в той области, из которой исходит в своих действиях и решениях ЦК. Поэтому мы не только имеем право, но обязаны знать. Мы можем верить водителю, летчику, машинисту, физику, химику как специалистам в своей, не всегда доступной для нас области. Так же, как водители, летчики, машинисты, физики имеют право верить нам, специалистам-философам. Без этого при современной дифференциации труда невозможно. Но верить в своей области, отказываться от знания, в пользу веры — это не доблесть, а преступление. — Не забы-

вайтесь, аспирант Шатов, — вспыхивает Валентин Ильич. — Все мы не только единомышленники, мы бойцы одной армии…

— Разные бывают бойцы, Валентин Ильич. — Голос Шатова вибрирует. — Совсем разные. Самая блестящая фигура в армии — полковой барабанщик. Незаменим при парадах. Только мне кажется, что место коммуниста-философа не в обозе и не в оркестре, а в разведке. И, как разведчику, философу не нужно бояться вымазаться в грязи, залезть в болото. Дело не в том, чтобы выйти сухим из воды, а в том, чтобы застраховать основные силы от неожиданностей. А парады, барабанный бой — это не по философской части, это и без философии можно…

— Прекратите, — не выдерживает Дмитрий Иванович. — Мы слишком далеко ушли от темы… Еще вопросы?..

Дмитрий Иванович ждет. Вспоминается почему-то сцена у бензоколонки, невесело идут мысли. Может быть, ты и прав, Шатов, но мы тебя все равно оштрафуем. И ни утешать, ни помогать не будем…

Коллеги молчат, и Дмитрий Иванович предлагает перейти ко второму вопросу. Валентин Ильич надеется на реванш и поддерживает. Викторина Никифоровна согласно кивает головой.

Шатов излагает официальную точку зрения на партийность в философии и науке, а затем переходит к критике некоторых несообразных, по его мнению, сторон официального понимания партийности.

— Следует различать партийность гносеологическую и партийность политическую. В пределах гносеологии есть лишь две позиции: материализм и идеализм, между ними эклектическое болото. Быть материалистом, вовсе не значит — принадлежать к той или другой политической партии. Более того, любая партия, в зависимости от характера задач, которые она реализует своей практикой, вынуждена стоять на позициях материализма. Другое дело партийность политическая. Здесь речь идет уже не о характере знания, а об использовании заведомо объективного знания для организации практики в интересах той или иной социальной группы. Этот второй вид партийности, о каких бы интересах ни шла речь, весь без остатка включен в материализм, т.е., чтобы действовать, нужно быть материалистом… Поэтому представляется неправомерным эклектическое смешение двух разнородных вопросов в одной формуле. Это даже опасно, так как порождает у коммунистов ничем не оправданные фантазии о монополии рабочего класса и его партии на знание. Опасно и тем, что разоружает рабочий класс и его партию перед лицом сильного и, это нужно подчеркнуть, знающего противника.

Дальше Шатову говорить не пришлось. Валентин Ильич осведомился:

— Вы знакомы с работой некоего англичанина «Догмы коммунизма»?

— Не читал, — чистосердечно признался Шатов.

— Если б вы прочитали книгу, вы бы по крайней мере знали, как не надо критиковать отдельные вопросы нашей теории. Это помогло бы вам избежать многих ошибок.

— Мне кажется, нельзя так ставить вопрос, — пробует протестовать Шатов. — Во всяком случае вовсе недостаточно сказать «да», где они говорят «нет», чтобы добраться до истины…

Дмитрий Иванович не принял этого протеста, он поддержал Валентина Ильича и, посоветовавшись с Викториной Никифоровной, прекратил экзамен. Шатов вышел…

Без споров выставили оценки двум первым. По Шатову мнения разделились. Валентин Ильич предложил двойку с примечаниями о завирательном характере идей аспиранта. Дмитрий Иванович не согласился. Он почувствовал вдруг вину перед Шатовым и Викториной Никифоровной за то, что не остановил аспиранта вовремя, поддался желанию разгадать Вален-

тина Ильича. Дмитрий Иванович предложил считать экзамен несостоявшимся. Викторина Никифоровна поддержала. Валентин Ильич обиженно уселся писать свое особое мнение…

Двое бессмертных смотрели, как и раньше. У одного только чуть злее обычного смешинка в глазах. Второй — прежний; холодный, величественный. А правее, в окне, наползала черная, с растрепанной проседью очередная гроза. Мир потемнел, притих…

3

Шатов не стал ждать решения комиссии, быстро спустился по лестнице.

На улице было безлюдно. Только ласточки суетились у карниза Музея изобразительных искусств. Волхонка нахмурилась. С угрюмой сосредоточенностью неслись машины. Торопливо сворачивали в подъезды прохожие. У Института языкознания милиционер разворачивал плащ.

Первые капли ударили в лицо, когда оставалось перебежать дорогу. Вбежав в вестибюль метро, Шатов оглянулся. За стеклом двери уже не было ни площади, ни заклеенного афишами забора. Было что-то серое, бурлящее, непроглядное.

Куда теперь? В общежитие? Станут расспрашивать, сочувствовать, советовать. А что можно советовать? С повинной идти? Не в чем пока виниться. Полумакаевские наскоки — это от слабости. Немного от глупости. Мог бы и поумнее придумать… Зря не дождался объявления результатов. Как-никак пятьдесят седьмой, не все в этом году делается просто.

Наверно, постараются замять. Сделают вид, что ничего не произошло. Еще раз назначат экзамены? Может быть. Но уж в следующую комиссию вряд ли удастся затащить Модестова и Победоносцеву. Полумакаев — этот сам полезет. Если Модестов откажется, Полумакаев — председатель, и он-то уж отыграется, поймает на полуслове. Такой звон поднимет, что честные скромники вроде Модестова затрепещут, скажут: «Да, оно того… Действительно…»

А Володьку надо бы предупредить. Сейчас, наверно, Полумакаев уже в парткоме. Требует обсудить, осудить, квалифицировать…

Автомат испорчен. Монета проскакивает без задержки. В соседней кабине говорит о чем-то девушка. Это надолго. В третьей — обстоятельный средних лет мужчина неторопливо объясняет, что монета, наверное, не провалилась, поэтому его не слышно. Приходится ждать. Первой, чему-то улыбаясь, появляется девушка…

— Владимир Николаевич вышел, — отвечает в парткоме женский голос. — Валентин Ильич?.. Нет, не заходил… Он знает адрес?.. Хорошо, передам. До свидания…

На Казанском люди толпятся у дверей, скапливаются у выхода на платформы. Не решаются пробежать десять-пятнадцать метров под проливным дождем. Шатов проталкивается к дверям. Мокрым проходит по вагонам. Сев на скамью, как-то сразу успокаивается. Успокаивается настолько, что берет порцию пломбира, с аппетитом принимается за него.

Жизнь, в общем-то, не так плоха. И ничего особенно страшного, в конце концов, не произошло. Утром, перед экзаменом, было хуже. Было, как в коридоре зубной поликлиники: сидишь, предлоги выдумываешь, чтобы подальше от бормашины. Страшно было бы сдаться, Еще раз промолчать, не договорить, а потом всю ночь ворочаться, сочинять, оправдываться перед совестью… И так раз за разом, шаг за шагом сползать в Валентины Ильичи, в философские Тартюфы, в обозные барабанщики… За право быть коммунистом-философом нужно драться. Драться, не гнушаясь мелочами. Но не оставляя в тени главного лозунга: наука должна быть связана с практикой, а практика должна быть научной. Без этого не будет философии, не будет и коммунизма, сколько бы мы ни кричали о всех дорогах, которые ведут будто бы в коммунизм… Это от лени, от глупости, от боязни думать.

Не все дороги ведут в коммунизм. Хуже того, на той, единственной, столько перекрестков, столько не обозначенных классиками поворотов, что нужно еще разобраться, не проскочили ли нужный поворот, не дали ли крюку, не следует ли нам, например, в вопросах семьи, быта, партмаксимумов и попятиться… А сделать это может только свободная от гипноза имен, свободная от авторитетов, связанная с практикой наука для миллионов и силами миллионов. За это мы и будем бороться…

Вряд ли обойдется без жертв, но нас много, будет еще больше… Всех из партии не выгонишь, не выселишь из науки соединенными усилиями президиума академии и паспортного стола… Мы не уйдем из партии и не поднимем на нее руку. Мы завоюем ее изнутри. А когда завоюем, сделаем ее тем, чем она должна быть, — орудием построения коммунизма. Партия станет не только направляющей и руководящей, но, в первую очередь, научной силой. Так будет, какой бы борьбы с Валентинами Ильичами всех рангов это ни стоило. Ради этого нужно быть философом. С дипломом или без диплома — это уже дело десятое…

Дождь кончился перед Люберцами. В Малаховке и сверху, и снизу — отовсюду светило солнце.

Выйдя в Удельной, Шатов не сразу смог уйти с платформы. Дымились доски настила, Пахло хвоей, и еще чем-то послегрозовым, бодрящим. Из прокуренной пивной вываливалась размягченная разговором стайка пенсионеров.

Идти было далеко, почти к самому совхозу. Шагалось легко, без мыслей. То воробей обрушит с ветки алмазную капель. То стайка мальчуганов заколдует у застопоренного нехитрой плотиной ручья. То как-то вдруг, на секунду, забьет все свежий запах сосны. Шатов и не заметил, как добрался до дома Василия Николаевича — дяди.

Василий Николаевич, отставник, охотник, любитель выпить, сыграть в преферанс по маленькой, поговорить на темы политические или охотничьи, года три назад, как он сам выражался, «удалился от дел». Перестроил дачу под зимнюю, завел собаку, перетащил с московской квартиры холодильник, телевизор, библиотеку. Навыписывал газет, журналов, прочно осел за городом. Особенно хорошо было зимой, когда жена с дочерью и зятем отсиживались на московской квартире и Василий Николаевич был сам себе хозяин: варил по утрам кофе, хлопотал с обедом. Иногда под вечер приходили поболтать о старом, обсудить за графинчиком новости друзья-охотники. А по пятницам Василий Николаевич выезжал в Москву на заседания охотколлектива, за впечатлениями, за продуктами… Племяш Юрий как-то сразу пришелся дяде по душе. Парень самостоятельный. И выпить, и поговорить не дурак, он приезжал на неделю-две писать. Как и хозяин, он вставал поздно, среди дня часика два-три отдыхал. А пока хозяин до середины ночи раскладывал пасьянсы, племяш уютно поскрипывал пером в соседней комнате. В три заваривался крепкий чай, из холодильника доставался припас, и начинался ночной перекур часа на полтора, на два. На отсутствие тем жаловаться не приходилось…

Когда Шатов подходил к запрятанному в сосняке темно-зеленому под красной черепицей дому, к дядиной даче, хозяин с друзьями-охотниками приканчивал пол-литровый графин калганной настойки под нехитрую закуску и волнующий разговор. Компания удобно расположилась в довольно несуразном и неясном по назначению строении из четырех столбов, толевого навеса и стола, окруженного скамьями. Из-под навеса вытекал, застаиваясь у кромок, гриб голубоватого дыма.

Собеседников было трое. Напротив худого, бледного, в домашнем, серого сукна халате, расстроенного чем-то и усердно дымящего дяди сидел разомлевший от калгана толстяк-весельчак Тимофеев, старый сослуживец Василия Николаевича и сосед их по даче. Слушали третьего — Афанасия Дмитриевича, человека солидного, хоть и худощавого. Афанасий Дмитриевич чисто выбрит, застегнут на все пуговицы генеральского мундира, как я подобает

быть одету генералу в отставке, ходоку по охотничьим делам. Генерал по пути домой не мог не зайти к Василию Николаевичу, не мог не поделиться неприятной новостью — полным провалом затеи с воздушной охотой на волков. Не спеша, попыхивая трубкой и организуя речь движениями вилки, Афанасий Дмитриевич рассказывает последние акты трагедии охотничьего общества.

— Выпей с нами, философ. — Василий Николаевич не стал тратить времени на приветствия. — Садись. Может, ты что-нибудь поймешь.

Тимофеев весело подмигнул, Афанасий Дмитриевич раскланялся и, выпив со всеми, продолжил:

— Пришел с расчетами в ДОСААФ. Смеются: «Откуда у вас миллионы убытков?» Может, не волки скотину режут, а кто руки на волках греет?» — «Помилуйте, — говорю, — факты проверенные». Еще больше веселятся: «У охотников факты проверенные…» — «Не в этом дело, — доказываю. — Пусть не на пятьдесят, пусть на десять миллионов гибнет скотины. Довольно и этого, чтобы попробовать». — «Дорого не дорого, — отвечают, — а около тысячи за час полета набегает…» Тут уж я удивился. «Что же, — спрашиваю, — воздух он или бензин винтами-то перекачивает?» Целый день проговорили без толку… Через неделю, значит, сделали нам вроде исключения: денег, говорят, у вас нет, а дело, может, стоящее. Так что командировочные, питание пусть оплатит Общество, а эксплуатацию оплатят как-нибудь они. Готовьте, говорят, группу охотников, а пока утрясем вопрос с Беловым… Сегодня с утра утрясали. Белов, как узнал о проекте, разом и отказал. Знаю, говорит, я охотников, сам — охотник. Напьются — костей не соберут…

Василий Николаевич возмущенно засопел, долил в графин настойки, наполнил рюмки.

— Ну, Юрий, что скажешь?

Шатову ни говорить, ни веселиться не хочется. От двух рюмок жарко. Тянет спать, а не спорить.

— Побольше согласовывать да справляться, глядишь, и стрелять запретят, — отзывается Шатов, не думая.

Охотники закипают благородным гневом от незаслуженной обиды. — В облаках витаешь, философ, — обижается дядя.

— А вы у Зверева ссуды под будущие шкуры попросите, — не дает уйти от темы Тимофеев.

— Пробовали, — хмуро отзывается Афанасий Дмитриевич. — Деньги дают, вертолет вот только не продают.

— Так ведь волк — это почти пушной зверь. А пушнина — валюта. Берите ссуду в валюте и покупайте хоть в Америке. Там продадут…

— А держать, умник, у тебя на огороде будем? — огрызается Василий Николаевич.

Оставив Тимофеева в одиночку воевать с охотниками, Шатов отправился в дом и, счастливо разминувшись с женской половиной, завалился в угловой комнате на диван…

Разбудили голоса в соседней комнате. Неустойчивый бас Володьки, иногда падая до шепота, напирал на необходимость в чем-то разобраться. «Приехал-таки», — удивился Шатов. Вторым собеседником был Василий Николаевич. «Видно, обо мне», — дошло до сознания, и тревога вытеснила сонливость.

— Никто не знает. Комиссия делает вид, что ничего не случилось. Сам исчез. Мне вот позвонил…

Василий Николаевич произносит что-то неясное, похожее на ругательство. Володька продолжает, прыгая с мысли на мысль:

— Хотел пораньше, а тут — бюро. Два часа парились. Еле до дому дозвонился… Получил на сутки отпуск от семейных дел, Юрку лечить…

«Ишь, доктор!» На душе у Шатова почему-то становится легко и весело. То ли от окна потянуло свежестью, то ли самое главное Володька уже сказал: комиссия ведет себя тихо…

Шатов входит в комнату явно не вовремя. Володька, бледный от табака я сидячей жизни, краснеет. Василий Николаевич смущенно переминается. Он в сборном туалете: тот же халат, брюки с лампасами, официальные, без застежек, ботинки. На стуле — свежая зеленая рубашка, черный галстук. На спинке другого стула — генеральский китель с погонами. «Полупарад», — определяет Шатов и смотрит в окно. Так и есть: шатаются между соснами, коротая время в ожидании занятий ребята-охотники.

Василий Николаевич явно медлит. С излишней пунктуальностью застегивает он пуговицы рубахи, заправляет ее в брюки, несколько раз поправляет помочи, тянет с галстуком.

Наконец выходит из комнаты, сердито хлопнув дверью.

— Ну, рассказывай… Чего звал? — изображает на лице озабоченное недоумение Володька.

— Чего звал? Полумакаев заходил в партком?

— Заглядывал. Вроде, по своим делам. О тебе речи не было.

— Что-то на него не похоже. Он «ничьих» не любит. Может, где-нибудь на собрании вылезет? Жаждет публичного удовлетворения? На экзаменах у нас с ним получилось… Боюсь, пролезет во вторую комиссию, тогда мне конец. А уходить из аспирантуры не хочется. Да и некуда.

— Давай лучше с начала, с экзамена.

— С экзамена? Ну, надоело мне говорить не то, что думаю, — забубнил нехотя Шатов. — Высказался. Модестов и Победоносцева вмешиваться не захотели. Чертих знает, почему… Полумакаев, конечно, не мог без указания и наказания, только начал невпопад, сил не рассчитал. Я тоже завелся. Тоже не лучшим образом.

Шатов начал было излагать ход дела, но вовремя опомнился.

— Идем на кухню, может, поесть дадут. Там и расскажу.

Выдали по тарелке щей, по котлете с макаронами, чаю в неограниченном количестве. Володька ел с аппетитом, но по ходу рассказа Шатова как-то скучнел. В конце, когда речь пошла о вере в ЦК, Володька совсем приуныл, потерял аппетит. Только за чаем раскрыл рот.

— Да… Наломал дров… Ума не приложу, чем помочь. Если Полумакаев поднимает скандал — в лучшем случае выговор.

— А ты уверен, что нужно помогать? — Голос Шатова звучит даже негодующе. — Что выговор давать нужно мне? Что Полумакаев прав?

— Допустим, не очень, — вяло отзывается Володька. — Так ведь дело, Юра, не в правоте, а в процедуре. Поднимет Полумакаев шум, придется собирать людей. А раз уж соберутся… Они ведь особенно разбираться-то не будут, у каждого своих дел по горло. Придут, посидят. И уж, будь уверен, времени даром не потеряют. Что-нибудь да решат. А решить можно только одно. Не в твою пользу.

— А если я подниму шум? Против Полумакаева… Тоже соберутся люди? Тоже решат?

— У тебя не выйдет. Тебя никто всерьез не примет. А высидеть по шутейному делу собрание — это тебе же боком. Скользкий он, Полумакаев. Такого не прихватишь, вывернется. «Со всеми», — скажет… Великое это дело, Юра, «со всеми». Со всеми-то и печаль не в печаль. И преступление не в преступление.

— Ну а если я «со всеми»?..

— Ты — другой разговор. Полумакаев обвинит в ревизии основ — раз. В клевете на партию — два. В клевете на действительность — три. В неуважении к классикам — четыре.

Любого обвинения хватит для выговора. И сколько бы ты ни оправдывался… Одним ничего не докажешь, другим докажешь, но не все пункты, у третьих просто жена или муж дома ждет. А голосовать будут единогласно. Я, может, поддержу, а только благодарить за этот случай не буду. Нет, не буду!

— А то поблагодари, — распаляется Шатов. — А тебе не ежится ночью, Володя? Спишь спокойно? Совесть тебя не кусает?..

— Не обо мне речь, теоретик недоделанный, — взрывается Володька. —Не твоя печаль, как я сплю.

— А чья? — зло осведомился Шатов. — Как ты спишь — не моя печаль, как я сплю — не твоя. Выходит, у каждого своя печаль? И все не спят. Все ежатся. Всех совесть кусает. И никому друг до друга дела нет?

— Может, хватит? — примирительно тянет Володька. — Делить вроде нечего. Не Полумакаева же? Возьми его себе, не возражаю.

— Делить? Делить, оно верно, не надо, а прижать надо.

— Потому что тебя обидел?

— Меня?.. А тебя? А всех нас? Не Полумакаев — полумакаевщина. То самое, о чем ты говоришь: «Не правота важна, а процедура»… И вот что, — Шатов перешел на шепот. — Ты, Володя, в мое дело не лезь. Вряд ли и будет дело. Полумакаев не дурак — без бумажки, на авось, не полезет… А полезет — и я полезу. Напролом. Сейчас пятьдесят седьмой год, Володя, собрание не только голосует.

— Это ты всерьез? — Володька грустно усмехается. — Ты что же, рассчитываешь в чем-то убедить собрание? Подготовленное собрание, я имею в виду, С подготовленным решением.

— А это смотря как готовить.

— Готовить?.. Ну, знаешь, выкинь это из головы. Здесь нам не по дороге. Да я не стоит того Полумакаев…

— А полумакаевщина? Ты не пугайся раньше времени, партийный бог. Одного-то всегда можно достичь — заставить подумать. Пусть даже после голосования, в коридоре. Пусть ночью в постели…

— На что же ты, Юра, надеешься? Неужели вправду рассчитываешь, что кого-то совесть замучает и он с огорчения помчится бить морды полумакаевым?

— Как знать, Володя, Совесть — тяжелая штука. Многих она сейчас мучает. Выход нужно подсказывать, чтобы не мучила. Плохо, Володя, когда одно думаешь, а другое говоришь, голосуешь…

— Меня-то уж не агитируй, ладно? — Володька начинает злиться. — Я-то тебя знаю. И кое-что из твоих мыслей мне нравится. А вот собрание… Собрание с твоим делом — это мне совсем не нравится. Это с любого бока хуже.

— А если все так и останется моими мыслями, которые тебе нравятся и о которых больше никто не знает? Если все это так и останется? Навсегда? Пока не переварим, не переживем, не скатимся в Валентины Ильичи? В чего изволите?

— Ну уж извини, Юрий Шатов. Твой способ — тоже не способ. С тем же успехом можешь идти на лобное место, плакаться, сопли размазывать, мол, прости, народ русский…

— Но доказывать-то нужно… Или, может быть, не доказывать? Побунтовать в кулак? Ругнуться про себя? Показать кукиш в кармане, да так всю жизнь, руки в брюки, и прошагать? Тебе, Вовочка, без скандалу хочется, без драки. Чтобы и нос дел, и совесть чиста. Семьянин в тебе сидит. Унылый, скучный семьянин.

— Это ты оставь, семья тут ни при чем.

— Не скажи… Поднимись у твоего сына температура на два градуса — день и ночь с высунутым языком бегать будешь. А ведь есть вещи пострашней детских болезней. Только это не для тебя. Не хочется тебе неожиданностей. Хочется вырастить ребят. Хочется и международного и служебного мира. А главное — семейного.

— А ты как хотел?

— Так я же ничего и не говорю. Все это объяснимо, естественно. Не ты один так… Посмотри, что в министерствах делается. Головой понимают, а желудком, жилплощадью, бытом все отрицают начисто. И ты туда же — «не способ»… Я вот до аспирантуры в журналы, газеты, в ЦК писал. Думаешь, помогло? Как бы не так. Раза два удалось пробиться через работников аппарата. На одном письме пометили «читал», второе вернули за смертью адресата. Везде, Володя, сидят люди, влюбленные в устойчивость. Для них каждое новшество должно идти сверху… А ты — «не способ». Мне вот кажется, открытый скандал — единственный способ. Тогда им придется реагировать, думать. Полумакаев не зря сразу в партком не побежал. Решил подумать. Может, подумав, вообще отмолчится. Но отмолчится или нет, а очищать партию-то от скверны все равно нужно. От бездумья. От привычки поспешно голосовать.

— Ты все-таки не обобщай. Есть ли еще из-за чего скандал-то поднимать? Подумать нужно. И лозунги, и способы…

— А что тут выдумаешь? Лозунгов много. Хоть отбавляй. Правильных лозунгов. А как их реализовать? Болтаем же о связи философии с практикой. А что толку? Одни твердят лозунги кафедр и спокойны. Другие вывешивают — белым по красному — на стену и тоже довольны. Третьи утешаются поездками в колхозы и вылазками на заводы. Один умник до того дошел, что обсудил свою диссертацию на заводе и гордится этим. Его и на собраниях упоминают как энтузиаста связи с практикой. А что это, как не обман? Наглый — да. Умный — нет. Если б на ученом совете МАИ взялись обсуждать диссертацию по агробиологии — было бы просто смешно. А когда философ связывается с практикой через курятник, это никого не удивляет. Хвалят, умиляются. Это уже не смешно. Это страшно. Страшна подлая изворотливость. Да и сам лозунг связи с практикой — ехидный лозунг. Ведь что значит сказать: философия не связана с жизнью, с практикой? Тут ведь две стороны. И вторая — наша практика: наше строительство лишено научной основы, ведется на глазок, как бог на душу…

О второй стороне говорить не принято, но если верно одно, то верно и другое… Бороться за этот лозунг? Поставить на повестку дня партсобрания? Выйдет маститый, просклоняет лозунг по всем падежам, приведет десяток цитат, свяжет с тезисами о Фейербахе. Выступит десяток любителей поговорить. Одни будут тянуть в курятник, другие — в цех, наглядную агитацию развешивать. А большинство предложит цикл лекций прочитать. Разлюбезное это дело — цикл лекций, гонорарных, разумеется. Через общество по распространению… Этим и кончится. Если даже, что вряд ли, собрание пойдет по-деловому — не будут торопиться домой, найдут время разобраться в вопросе до конца… Но ведь и здесь дальше первого шага не уйдем. Поймем, что силами философов вопроса не решишь. Можно решать только вместе с практиками, с ЦК. На этом пункте либо испугаемся и бросим, либо, что менее вероятно, создадим комиссию по подготовке общего собрания или конференции достаточно представительной… А в аппарате ЦК какой-нибудь подающий надежды скажет: «Идите-ка вы к черту, философы. Без вас дел хватает. От одних приемов да промышленности голова кругом идет…» Все и кончится. «Правда» и «Коммунист» будут регулярно бить нас за отсутствие связи с практикой. А мы будем слезы собирать в рукава… И публично каяться.

— Тут есть что-то. Рациональное, — задумался Володька. — Можно так подготовить собрание, что и с лозунгом разберемся, я комиссию создадим, я аппаратчиков пробьем. Если

без дежурного докладчика, а несколько докладов беспокойных. Ты согласишься доклад сделать?

— Что-то ты больно шустрым стал, Владимир Тихов. Я-то соглашусь, только ведь ты собрания не подготовишь…

— Ну, это как сказать, — храбрится Тихов. — Пойду в райком, поговорю с товарищами. Может, что и выйдет…

— Во-во, пойди. Оттуда тебя в горком. И так до дяди, который выругает и затею прекратит. Будешь потом шишки потирать, размышлять благородно: «Все сделал». Откуда это у нас завелось, а, Володя?

— Что завелось?

— Да вот это «пойду в райком, с товарищами посоветуюсь…» Откуда —на все разрешение спрашивать? Рабское что-то… Тебе бы, Володя, не секретарем, ходоком по охотничьим делам быть. Вот Афанасий Дмитриевич ходит, ищет, кто бы ему охоту с вертолета запретил. Нашел.

— Ты эту манеру брось, — злится Тихов. — Обидеться могу. Мы обязаны ставить райком в известность о собраниях, о повестках. И ничего плохого в этом я не вижу. Да и Афанасия Дмитриевича зря цепляешь. Человек дело делает, не развлекается.

— А ты не обижайся. Просто не надо забывать, что уважаемый Афанасий Дмитриевич — отставник, а мы в строю. Не все, что ему позволено, позволено и нам. Он в ответе за настоящее, а мы — за будущее. Нужно сделать его лучше настоящего. Давай попробуем готовить собрание. Вреда не будет.

— Давай попробуем. Пойдем-ка обмозгуем на вольном воздухе. Там прохладнее, ты охолонешь… Сказать бы в институте, какой ты скромник! Не очень-то представляю тебя на кафедре. Струсишь, поди?

— Пойдем на воздух…

Вступал в права вечер. Тянуло холодком от заболоченной речушки. Над открытыми окнами воды поднимались, затопляя долину, белые шапки тумана. Бессильно опустив ветви, жались друг к другу березы. Только голоствольные сосны еще ловили кронами лучи солнца.

Где-то звучала радиола, и на музыку, как завороженные, шли не спеша пары. Народ постарше и школяры устраивались у телевизоров. В мире стало по-домашнему уютно и просто. Как-то не хотелось разрушать этот покой деловым разговором. Не сговариваясь, пошли «к себе». Сюда редко заглядывали. Здесь и было «их место» — два старых, посеревших от времени и непогоды пня.

Сели плечом к плечу, закурили. На той стороне залитой туманом долины вспыхнули и погасли огни. Начиналась ночь.

— Вот, Володя, такие пироги, как говорит руководство…

— А любишь ты Таню? — не сразу отозвался Тихов.

— То-то и плохо… Мешает это… И вечер такой. Тоже мешает. Жить хочется, Володя. Понимаешь, жить, как все. Не задумываясь, чему-то веря, на что-то надеясь. И хоть знаешь, что нет того дяди, которому верить и за этой верой быть, как за стенами, все равно хочется жить. Хочется устойчивого. Чуть, может, мещанского. Умом видишь — трясина, а тянет. Так иногда тянет — сил нет. Боюсь я Тани. Не время. Какой я ей муж? Даже на экзаменах проваливаюсь. А впереди такое, что может смять тысячи таких, как я. Видел я соломенных вдов. Муж неизвестно где и какую руду копает. Дети растут. Молодость проходит.

— Ты хоть и последовательный, но дурак, — взрывается вдруг Тихов. — Подумаешь, революционер-подпольщик… И скорбь-то такую благородную развел: я, да для меня, да из-за меня. Разве так любят? Дилетант ты малаховский. Да любовь…

— …горы двигает, на небо возносит, сил прибавляет, одевает, обувает и на ночь укладывает, — зло перебивает Шатов. — Слышали, Володя, много раз слышали. Ты это своей жене скажи. Она тебе сил прибавит… Скорбь, говоришь, благородную… Да обернись ты, пень сосновый. Не просто все…

— А ей, думаешь, просто?.. Человек она, не категория. Красивый человек. Ждет, надеется. От родственников отбивается… А герой тоскливо прикидывает, как лучше. Как удобней… А может, устойчивость — не так уж и страшно? И вообще, ты что же, все хочешь сокрушить? И партию тоже?

— Нет. Но не потому, что она — партия, а потому, что без нее коммунизма не построишь. Попробуй меня понять. Володя. Партия нам нужна. Маленько не такая, как сейчас… Но строить эту партию можно только из материала нашей, славной когда-то партии, которая и теперь еще скрипит, а справляется с делом. И скольких бы тысяч покалеченных голов это новое ни стоило, оно будет. Война пойдет в области духа. Война со своими героями, жертвами, трусами, перебежчиками, неизвестными солдатами. И все, что способно мыслить, должно сделать выбор. Из той архаической машины, какой партия вышла из капитализма, мы сделаем гибкое, мощное оружие в руках общества, строящего коммунизм. Именно в руках общества, а не над ним и вне его. С каждым годом нас будет больше. Под знамена такой партии мы соберем все лучшее, все думающее, что способна родить наша страна. А чтобы герои битв за новое в партии не зазнавались, мы поставим над ЦК ученый совет партии. Будем выбирать туда всепартийным тайным голосованием. Будем выбирать победителей в борьбе идей. Именно идей, а не имен… Имена, авторитеты нам не нужны. Нужны идеи. Мы освободимся от имен. Запретим членам совета, пока они будут членами совета, иметь имя. И переизбирать их будем почаще, чтобы не засиживались. Добьемся, чтобы ученый совет был безымянной силой, сгустком человеческого знания и энергии… Сделаем выборными тоже по идеям, а не по именам, —все посты… Не будет партийных работников, каждый будет на своем месте. Где нельзя без учета, сводок — поставим машины. Начнем с актива. Превратим его из актива назначаемого в актив выборный. И будем строго спрашивать с активистов за те конкретные задачи, которые они взялись решать. Не будем, как сейчас, выдвигать по одному кандидату. Все будет построено на конкурсе делающих, на соревновании идей и способностей. Партия станет подвижной, гибкой, сильной. На первых порах, конечно, уменьшится: уйдут карьеристы, уйдут любителей тихой жизни. От этого партия не пострадает. Зато мы будем уверены: все, что есть в нашей стране честного, думающего, энергичного, — все будет в партии. Не станут зарывать таланта только потому, что какой-нибудь ответственный прикрикнул… О такой партии я мечтаю, Володя. Все силы положу, чтобы она была, такая партия…

— Ну и вознесся ты, Юра. Меня аж дрожь бьет. И кто это — мы? Ты? Я? Я, брат, впервые об этом слышу. Пока для меня приемлем только принцип: конкурс, активный актив, выборы по идеям. Все остальное — туман, в нем нужно еще разобраться. Пусть победят эти принципы, остальное будем определять не мы, не только мы…

— Ну, мы — это не мы с тобой. Таких, как мы, много. Вот разобщены страшно, не знаем друг друга. Нам с тобой дальше пропаганды этих принципов не пойти. А вот как подступиться к этому делу?..

Надолго замолчали, слева, из-за вершин далекого перелеска, поднималась, меняя цвет, луна. Доходил приглушенный грохот электричек.

4

Когда среди вновь вызванных на экзамен Викторина Никифоровна не обнаружила темноглазого, с растрепанной шевелюрой Шатова, ей стало как-то не по себе. И позже, в кабинете заместителя директора института и на заседании сектора, где ей приходилось разговаривать с людьми, ее не покидало непонятное беспокойство, не раз ловила она себя на непонятных ассоциациях, которые соединились наконец у нее в одно, четкое — Игорь!

Что-то неуловимо похожее было в манере говорить, в безразличии к мелочам одежды… Что-то близкое, роднящее было и в наивной вере в силу доказательств, в безрассудной, глупой смелости суждений. А тревожило а расстраивало то, что на этот раз ни Дмитрий Иванович, ни она не нашли сил осудить это мальчишеское трясение основ. Ушли, бросив все, как было. И теперь туманное, щемящее прозрение жгло стыдом, возмущало душевный мир Викторины Никифоровны… Не заглянув ни в бухгалтерию, ни в научный кабинет, она поспешила уйти из института.

…Бульвар, вымытый дождем, понемногу заполняли дневные обитатели. Неустойчиво покачиваясь на неокрепших ножках, загорелые, непропорциональные, пухлые, шли ребятишки с ведерками в сопровождении мам, бабушек, нянь. Шли к кучам песка и немедленно принимались за дело. Мокрый песок послушно принимал в их руках самые неожиданные формы… Обычно Викторина Никифоровна ненадолго задерживалась на скамейке, наслаждалась бездушными минутами. Но сегодня…

А так ли уж неправ был Игорь? На чем, собственно, стояло это многолетнее чувство правоты? Ее, Викторины Никифоровны, правоты? Почему сейчас оно пошатнулось? Кто кого, собственно, оскорбил на партийном собрании, когда судьба затравленного Игоря решалась его криком: «Не марксизм вам нужен, уважаемые со степенями и без степеней. Даже не свое место в нем. А только право быть подальше от науки! Право шантажировать народ! Пугаете всех: не дай бог, если мы возьмемся за дело… Чего пугаться? Держите нас за руки, платите нам за наше бездействие, и мы оставим все, как было, не тронем… Мелкие вы шантажисты, а не философы!»

Тогда оскорбились все, а сейчас?

Взяв себя в руки, Викторина Никифоровна кое-как выбралась в переулок, остановила такси и, разбитая, задыхающаяся, поехала домой.

Мамы не было. В пустой квартире стоял прогретый, пропитанный запахами духов и кофе воздух. В кухне забытый старинный «Рекорд» грустил: «…и два гу-у-ся». Через задернутые портьеры в спальню пробивались колючие игла солнца.

Выключив радио и открыв окна, Викторина Никифоровна села поработать.

На диване лежал раскрытый том воспоминаний о Пушкине — предположение Дмитрия Ивановича о печальной судьбе Натальи Гончаровой было не так уж далеко от истины.

Сегодня не работалось. Читать не хотелось. Думалось больше о другом. О своем, полузабытом… Вспомнился отец. Большой и сильный, он так и не поверил в Вику. Ехидно вышучивал философские устремления дочери, любил ловить на логических нелепицах и постепенно приучил ее если не летать, то хоть нормально передвигаться в мире мысли. Лет за пять до смерти он как-то на время потеплел, много говорил с Викой. Очень сошелся с Игорем, схватываясь с ним в спорах, обижаясь, негодуя, с нетерпением ожидая его прихода, чтобы с места поразить оригинальной мыслью или ткнуть носом в потрепанный фолиант. Когда Вика пришла с собрания расстроенная, больная, когда отец узнал, что Игоря исключили из партии, он не стал утешать, а впервые при маме и Вике грубо выругался и заперся в кабинете… Потом он справлялся об Игоре и, как подозревала Викторина Никифоровна, знал о нем больше, чем она сама. За несколько дней до смерти, измученный болезнью, он, к изумлению мамы,

попросил позвать Марию Ильиничну, мать Игоря. Седая, сухонькая старушка долго о чем-то говорила с отцом, вышла заплаканная, ушла, не простившись.

Что отец был прав в оценке ее деятельности, Викторина Никифоровна поняла давно: только на фоне общего застоя ее философские экзерсисы чего-то стоили, могли привлечь новизной…

А это, что мучит сейчас, началось с весны. С мелочей. Расклеили весной на заборах афиши: «Не сотвори себе кумира». Что это — кино, пьеса — Викторину Никифоровну не интересовало, но, странно, мысли тянулись к небольшой фотографии в ящике стола, к фотографии Дмитрия Ивановича Модестова.

Еще студенткой, слушая Дмитрия Ивановича, читая его статья. Вика привыкла видеть в нем высший авторитет. В аспирантуре, чувствуя, что ее научный руководитель пытается как-то организовать ее мышление, научить смотреть на вещи под, казалось, строго научным углом зрения. Вика не только не сопротивлялась, но с радостью отдавалась этой перестройке. Она с восхищением замечала, как из обрывков мыслей возникал четкий механизм, который сравнивает, анализирует, отбрасывает случайное, крепко удерживает крохи закономерного и, наконец, из сырой и серой массы фактов выталкивает на свет то главное, что движет ими. Чем больше чувствовала в себе Вика этой новой силы, тем больше росло ее уважение к Дмитрию Ивановичу.

Работая после защиты в соавторстве с Дмитрием Ивановичем над незначительными статейками, чуть не пропагандистскими листовками, Вика видела, как несколькими словами или даже перестановкой слов Дмитрий Иванович вдруг раскрывал с неожиданной стороны затертый, затасканный по кафедрам и учебникам «решенный вопрос». Тогда и обзавелась она фотографией. Дмитрий Иванович уже немолодой, но крепкий и веселый, в закатанных до колен брюках, выпрыгивает из лодки на берег, улыбаясь чему-то с зажатой в углу рта папиросой… Это любительское фото Вика похитила из семейного альбома Модестовых, когда еще бывала у них и в отсутствие Дмитрия Ивановича, подолгу засиживаясь с его женой, Людмилой Владимировной.

И вот с весны что-то изменилось. Накапливалось это давно, с того самого дня, когда Дмитрий Иванович вдруг назвал ее Викториной Никифоровной, стал тяготиться ее обществом. Было неприятно, но объяснимо: и солнце закрывают тучи. А с весны все обострилось. После смерти своего недруга Ивлева, после года борьбы с «культом», в котором Дмитрий Иванович старался не принимать участия — или ориентировку потерял, или просто постарел, выступал мало, ничего не писал, кроме предисловий, примечаний, ушел в работу, как в свое время Ивлев уходил в афоризмы. И вот сегодня на экзамене напрасно ждала она того модестовского слова, которое поставило бы все на свои места. Вместо этого какие-то экивоки неуверенного в своей правоте человека, увертки…

И вспомнилось из далекого-далекого… Отец с Игорем играют в шахматы. Вика вертится перед зеркалом. И вдруг резкий, на всю квартиру голос Игоря: «Таких подлецов, как Модестов, вешать мало. За растление малолетних расстреливают, а эти вивисекторы духа благоденствуют, кривляются на кафедрах». Показала она тогда Игорю «вивисекторов»! Недели три он от нее даже в институте бегал…

Вспомнила, каким пришел Игорь в аспирантуру — сбросивший погоны, удивленный и немного разочарованный тылом лейтенант-артиллерист. Восторженный и не очень грамотный. В институте говорили: «Что-то у них было с Игорем…». Все было. И очень хорошо, и плохо было. И дома, и в Москве, и за городом было. И так, что жить не хотелось. И так, что умереть боялась от счастья, — тоже. Только давно, очень давно. Было и кончилось. Остались желтеющие листки, и среди них самый обидный — последнее письмо Игоря:

«Родная моя, запутавшаяся. Не буду оправдываться — иначе я не мог. Нельзя иначе с модестовыми, полумакаевыми и их сворой. Попробуй простить и понять. Прощай. Игорь.

Как друг хочу только посоветовать: уйди из философии. Как враг — приглядись к революционерам пореформенной Руси. С модестовскими замашками есть где развернуться».

Простить — давно простила. А вот понимать… Кажется, начала и понимать. Все из-за этого экзамена…

Поплакав на диване, Викторина Никифоровна сложила бумаги, задумалась. Что же будет с Шатовым? Опять комиссия? Отказаться участвовать? Ведь а Дмитрий Иванович не пойдет. Полумакаев — председатель? Нет, не будет этого, хватит с вас Игоря… С Дмитрием Ивановичем стоит поговорить. Поздно, да раз за три года можно…

У Модестовых к телефону подходит Людмила Владимировна. — Здравствуйте, Вика. Давно, давно вас не слышала, узнала не сразу… А его нет. С утра… Вечером звонил, чтобы Алеша машину взял… Хорошо, хорошо, передам. Вы заходите. Рада буду.

Неужели Дмитрий Иванович тоже?.. Кто же кого экзаменовал?

5

Дмитрий Иванович хотел сразу же уйти из института, но уже на пороге кабинета наткнулся на группу поджидающих его сотрудников. Только с наступлением обеденного перерыва Дмитрий Иванович получил возможность беспрепятственно удалиться, чем немедленно и воспользовался.

Гроза кончилась. С неба неслась еще влажная пыль, моросил мелкий, затихающий дождь… Видавшая виды серая «Победа» подобралась, блестела и выглядела хоть куда. Он с удовольствием обошел ее, постукивая носком по шинам. Поворочался, устраиваясь на сиденье, включил зажигание. Трогаясь, заметил машущего рукой Валентина Ильича. Машинально притормозил, открыл замок правой двери. И уже когда грузный Валентин Ильич стал усаживаться поудобнее, вспомнился, сбил настроение сегодняшний экзамен… Подумалось неприязненно: не стоило тебя подвозить, прошелся бы, жирок согнал.

…От библиотеки Ленина медленно двигались автобусы, как на каблучках, вертелись на задних колесах «Москвичи». Из ворот Кремля выехал и торжественно, набирая скорость, вывернул на мост кортеж тяжелых черных «ЗИСов». Наконец тронулись и они…

— А что-то у него есть, у этого Шатова, — задумчиво проговорил Полумакаев и, помолчав, в конце моста добавил: — по женской части, кажется…

Приятно удивленный началом фразы, Дмитрий Иванович с последними словами вдруг покраснел и, прижимаясь к обочине, резко затормозил:

— Выходите!

Дмитрий Иванович произнес это слово необычайно тихо. Так тихо, что недоумевающий Валентин Ильич опомнился уже на пешеходной дорожке. С изумлением он увидел, как серая «Победа» резко рванулась к центральной линии, на глазах возмущенных милиционеров развернулась на мосту и исчезла за горбом асфальта…

Оказавшись под дождем, вдали от автобусной остановки, Валентин Ильич задумался. Исходное недоумение перешло сначала в сильнейшее удивление, затем в страстное желание поймать такси. Потом вдруг кинуло в стыд я сразу — в негодование на Дмитрия Ивановича. И, наконец, все это вылилось в твердое убеждение: чтобы разобраться, необходимо посидеть-пообедать в «Чайке».

В просторных залах ресторана-поплавка было пусто. Официанты мирно беседовали и появление Валентина Ильича встретили без особого энтузиазма.

Заказав «столичную», салат, лангет, пиво, Валентин Ильич обрел некоторую уравновешенность, способность думать. Не слишком ли он увлекся этим Шатовым? Модестов еще на экзамене вел себя подозрительно, а сейчас — по-хамски. Такого, как Модестов, вывести из себя трудно: привык всех и все оправдывать, позволять во имя широты взглядов ездить даже на собственной шее. Что же сейчас произошло?.. Тут было больше, чем вспыльчивость…

А «Догмы марксизма» придется прочитать. Не дай бог, мальчишка чего-нибудь там не обнаружит. Может, поэтому и Модестов?.. Вряд ли, некогда читать, редактировать не успевает… А разобраться нужно. Произошло, происходит что-то непонятое, таящее угрозу. Вывив, поковыряв вилкой в салате, Валентин Ильич отставил тарелку. Запил водку пивом, закурил… Перебирая мысленно подробности экзамена, он не нашел в своих действиях ничего криминального. Одно беспокоило: слишком уж прямолинейно шел. Не на мысли, а на Шатова. Опровергал, отвергал Шатова, а не то, что им говорилось. Нужно бы мысли… Впредь надо быть осторожнее. Может, на этом, на направлении удара, и поймал Модестов?..

Вспоминая прошлое, а это случалось довольно часто, Валентин Ильич делил свою жизнь на два этапа: стадный и сознательный… Вот и теперь вспомнилось детство, учеба, университет. Валентин Ильич жил тогда стадно, «как все». В кого-то влюблялся, бродил ночами по Москве, спорил. Идеи какие-то были. Больше о том, правда, как он, Валентин Ильич, оказывается «во главе». Знакомые боятся утратить его расположение. Обидчики, а были тогда и обидчики, сами себя казнят страхом. Были идеи. Мысли были. Вот друзей было мало. Все попадались какие-то принципиальные, похожие на этого сопляка Шатова. Этакие Сократы в драных брюках. Женщины вниманием не обижали. Но как-то не удерживались около, отходили, терялись. А потом появилась Лида…

Полумакаев вместе со всеми радовался победам на Хасане, в Монголии. Волновался за Громова и Чкалова. Негодовал у репродукторов, передававших стенограммы процессов. Скорбел о Кирове, Менжинском, Горьком. С облегчением вздыхал при разоблачении нового врага, народа. Аплодировал испанцам, распевал «Болотных солдат», смотрел «Профессора Мамлока». Зачитывался «Войной на Востоке». Проявлял бдительность. Ждал приказа. Был всегда готов. В периоде стадности случались вспышки сознания. Оттуда вынес и сохранил одно — Лиду.

Аспирантура стала первым шагом на пути к сознательной жизни. Диссертация была почти готова, когда его научный руководитель стал претендентом на пост директора института. Но тут произошло непоправимое. Научный руководитель исчез. Большая щука слопала маленькую, и осиротевшему щуренку, еще слишком слабому и беззащитному для свободных вод, пришлось призадуматься. В институте косились. Вокруг сразу стало как-то пусто. Только Лида не покидала. Навещала. Сначала засиживалась. А потом просто осталась с ним, перетащив из общежития нехитрый скарб…

И все же решился защищать диссертацию, построив защиту на полемике с научным руководителем. Стараясь не слишком перебарщивать на ученом совете (в совете были еще разные люди), Полумакаев две трети вступительного слова посвятил тому, что в диссертации противоречило взглядам научного руководителя. Такое почти научное отмежевание удовлетворило большинство. Степень присвоили при двух воздержавшихся и двух против. По тому времени почти блестящая защита. Став кандидатом, а вскоре и доцентом, Полумакаев чуть было снова не оказался в стаде, да помешала война. В армию не попал, отправился странствовать вместе с институтом в восточном направлении.

За годы эвакуации Валентин Ильич набрался ума-разума. Пирог был слишком мал, и, чтобы быть сытым, приходилось жить не как все, а как-то иначе: повыше всех и за счет всех. Искусство оказалось не таким хитрым, но потребовало ломки убеждений. Валентин Ильич сам удивился, до чего просто и безболезненно прошла эта ломка. Жить стало легче и много

спокойней, нужно было только не допускать быдло к кормушке и не слишком афишировать сытость.

Из эвакуации Валентин Ильич приехал обогащенный новыми понятиями: блат, кормушка, быдло. Приехал с солидным опытом в использовании этих понятий. Законности, совести, всенародной нужде было нечего противопоставить новым качествам Валентина Ильича. Уже в сорок шесть он освоил четырехкомнатную квартиру, зарабатывал на совместительстве чуть побольше министра, подвизался дежурным автором авторитетных газет и журналов, стал вхож к «большим людям». Совместительская ось Волхонка — Кудринка переросла в треугольник, а потом и в более сложные фигуры с вершинами на Волхонке, Кудринке, площади Ногина и в менее значительных местах…

Убедившись со временем, что всех денег на книжку не положишь, Валентин Ильич несколько умерил аппетиты, стал разборчив. Не сразу, а только после долгих уговоров брался даже за самое денежное дело. Дело обычно от этого выигрывало, а репутация становилась устойчивее. И все же это еще не был «сознательный» период. «Сознание» пришло в начале пятидесятых с каналами, лесополосами, дискуссиями и другими всемирно-историческими затеями хозяина. После смерти хозяина месяца два путался в мелочах, разбираясь в собственном душевном мире. Думалось о вещах, которые, наверно, и не снились щенку Шатову и чистоплюям вроде Модестова. А потом вдруг пришла успокоительная определенность, уже никогда не покидавшая Валентина Ильича. Сегодняшнее не в счет — осечка.

Однажды уже было так же, как сегодня: то гроза, то солнце. И, как сегодня, прижавшийся к берегу ресторан-поплавок пообещал спокойствие, определенность. Так же играли за окном блики солнца, сновали по реке нарядные катера. Как и сегодня, в залах было пусто. Валентин Ильич с удивлением подмечает, будто и расположился-то он за тем же столиком, с видом на мост и башня Кремля.

Валентин Ильич пришел тогда усталый, невыспавшийся. Просидел до закрытия, почти ничего не заказывая, не обращая внимания на красноречивые маневры официанта. Все, о чем думалось бессонными ночами, встало тогда с предельной ясностью. Выводы Полумакаева были страшными.

Нет науки, чтобы по ней строить коммунизм. Верхушка неспособна создать такую науку, да и вообще силами десятка, сотни такую науку не создашь. Нужны тысячи и миллионы голов, а верхушка целиком под гипнозом уклонов. Первый период борьбы за науку будет войной неорганизованных, обреченных на гибель одиночек с организованной, недоступной для удара силой — авторитетом верхушки. Одиночек будут душить на дальних подступах — в низовых организациях, в райкомах. Жертв будет много. Единственный шанс одиночек — организация сил — будет на долгое время пустой надеждой. Помешают предрассудки, боязнь завалить дело, уважение к партии, отвращение к нелегальщине, личное тщеславие.

Без науки о коммунизме общество не долго протянет. Тщеславие верхов, апатия низов, безнаказанная духовная и материальная коррупция средних посадят общественный корабль либо на экономические, либо на политические камни. Если даже одиночкам удастся организоваться, они будут невероятно слабы. Без анализа статистики невозможно найти ту, производящуюся из самих общественных условий силу, которая заменила бы рабочее движение, которая была бы доступна координации и управлению. Без такой силы любая теория — утопия, несбыточная мечта. А статистика в руках верхушки, которая с ней добровольно не расстанется. Умствующие одиночки будут либо создавать утопии, либо расшибать лбы о равнодушие привыкших к бездумной жизни партийцев. Борьба за коммунизм требует в качестве первого шага смелого, но почти незаметного подвига с фатальным исходом. Людей, способных на такой подвиг, мало, может быть, и нет вообще, а нужны тысячи, сотни тысяч…

К таким выводам пришел Валентин Ильич в тот день, но запомнился он все же другим. Тогда, в таком же, как сейчас, пустом зале Валентин Ильич впервые спросил себя: а зачем мне, мне персонально, коммунизм? Чего я в нем не видел? Что, кроме разбитого лба, даст мне борьба? Какое мне дело до миллионов, их будущего? Тем более до таких миллионов, которые сами не в состоянии отличить врага от друга, готовы линчевать первого, в кого ткнут авторитетным пальцем?.. Зарабатываю я столько, сколько мне нужно. Держу на всякий случай, вроде амортизатора, тысяч пятьсот на книжке. Ради каких особенно сладких пирогов лезть на рожон? Ради какой амброзии бить голову? Ради того, чтобы выпустить на волю тысячи духов, тысячи идей, которые будут досаждать тебе и верхам критикой, а может, поставят крест на твоем научном и служебном «я»? Благодарю покорно. Зачем мне коммунизм? Мне неплохо и при социализме…

Социализм — вроде переселенческого поезда, в котором тесно, душно, беспокойно, неуютно, плохо. Это терпят ради земли обетованной, ради конечной цели. Не у всех хватает терпения, и многие, потеряв веру, плетутся по шпалам обратно. Социализм можно пережить, как переживают долгую дорогу, походы, войны. Социализм можно преодолеть, как преодолевают водные рубежи, укрепленные районы. Но жить в социализме… Жить только в социализме нельзя… Это так же неестественно, как устраивать жизнь на потерявшем винты и рули пароходе! И если борьба за коммунизм обещает мне, Полумакаеву, шишки да затрещины, если я против коммунизма и как цели, если мне удалось неплохо, пусть временно, устроиться, чего мне бояться будущего? А если даже и капитализм? Что, собственно, произойдет, если все пойдет прахом и потерявшее ориентировку стадо повернет вспять? Что мне обещает этот поворот? Чем угрожает?..

В этот памятный день было решено и обосновано: поворот ему ничем не угрожает, напротив, был бы только к лучшему. При его знаний сильных и слабых сторон марксизма, при его знакомстве с подноготной событий поворот создаст условия самого пышного процветания. Капиталистом быть, конечно, ни к чему, хлопотное, неверное дело. Просто написать несколько книг по истории партии, заняться чтением лекций по истории философии, построить за городом особняк с гаражом и десятком лакеев. Стать хозяином-хлебосолом. Цветом русской интеллигенции, может быть, даже «прогрессивной»… Деньги будут. Может быть, меньше, чем сейчас, но в реальном выражении, по заключенной в них потенции, денег будет значительно больше. Денег хватит. Пока тебе не надоест восхищаться мудростью верхов, ничто тебе не угрожает и угрожать не может. В крайнем случае окажешься в приличной компании, ей простят коллективную ошибку. Только вот сегодня…

Странное что-то творится после Венгрии. Мечутся в верхах, а низы во всем разуверились. Пробуют «жать сок» из думающих, а получается какая-то ерунда. «Правда» и «Коммунист» бьют, а думающие не замолкают… Обиженная верхушка осуждает, а обидчики находят способы не соглашаться… Верхушка почему-то пятится. Что же это? Оттепель перед морозом или весенний заморозок? Оттепель или заморозок — вот в чем вопрос! Похоже, что Шатов и Модестов «играют» на заморозок, рассчитывают на весну… Если весна, нужно думать о тактике. Менять пока ни к чему, а подумать нужно…

Ход мыслей Валентина Ильича прерывает джаз. Ресторан ожил. Только несколько столиков еще пусты. За соседним трое: выбритый худощавый майор, штатский в новом костюме, судя по манерам, недавно демобилизованный, хорошо одетая девушка лет двадцати…

Майор не уверен, разрешено ли комендантом посещать рестораны. Штатский ведет себя уверенно. Девушка без особого интереса слушает разговор мужчин, наверное, друзей по службе, с любопытством разглядывает туалеты и манеры ресторанной публики. Разговор друзей все больше и больше начинает интересовать Валентина Ильича. Говорит майор, часто упоминая хорошо, видно, знакомые штатскому фамилии…

— У нас, Сашка, что ни день, то слухи. За зиму два раза правительство меняли, президиум перетасовывали. А на отчетно-перевыборном подняли шум вокруг речи Чжу Дэ, вокруг единоначалия и роли парторганизации… Не поверишь, рядовые поддерживают Чжу Дэ, а политотдельцы сами себя секут. Мартынов до того договорился, что чуть не предложил вообще организацию распустить, поставить армию вне политики. Бабич, окружной, кое-как вытащил Мартынова, сослался на указание Москвы считать речь Чжу Дэ для наших условий вредной… Сразу и успокоились. Спросили, правда, у Бабича, что он сам об этом думает, а тот отказался думать, сослался на приказ…

Друзья выпили. Штатский долго мял папиросу, майор задумчиво улыбался чему-то и вдруг, рассмеявшись, сказал:

— А в городе по-прежнему. Начальство меняется, порядки остаются. К вокзалу, как и раньше, не проедешь… Трамвайные остряки говорят: «Про наших сказано, будто решить не могут: вдоль или поперек мосты строить». А новый градоправитель философствует: пока моста нет, говорит, в городе спокойствие и порядок. У кого, говорит, живот заболит или демагогия одолеет — мост все отсасывает. Лиши, говорит, город этого вытяжного компресса, кто знает, какие метастазы даст рак критики. Он у нас и жилищный кризис решил. Занесло к нам делегацию, не поймешь какую, из себя черную, общительную. Первым делом — в горсовет. Удивились цифрам, спросили о том, о сем, а потом о жилищных условиях… Площадь города председатель знал, а о числе жителей догадывался по данным тридцать девятого года. Однако не растерялся. Строим, говорит, но криков все равно много. А должен, говорит, заметить, по ночам люди где-то спят. На улицах их нет, сам проверял… Переводчик раза три спрашивал, пока решился перевести, да и то в смягченном виде. Гости посмеялись, горожане тоже…

«Рак критики — это неплохо, при случае в статью можно», — думает, прислушиваясь, Валентин Ильич.

— Так и живем, Сашка, — говорит майор, поднимаясь. — Отцы города в поте лица, дети тоже. Только дети побеспокойнее стали, в возраст, что ли, входят. В пивных, в трамваях, в ресторанах создают общественное мнение, больше негде… Предыдущий пытался пресечь — пивные в молочные переименовал, но сам своей смелости испугался. Так что и в этом пункте у нас по-старому: пиво, раки, «три семерки», все в ходу. Провинция, что с нас взять…

Майор с девушкой пошли танцевать. Штатский задумчиво мял папиросу. Мысли Валентина Ильича потекли своим чередом… В словах «в возраст, что ли, входят» почудилась полуугроза, полунамек на объяснение сегодняшних событий. Может быть, поближе присмотреться к стаду? Диалектику-то мы получше верхов знаем. Ложкой сосну не перерубишь, топором щей не ухватишь… Если стадо изменилось, получило иммунитет, нужно изобретать новое… Стадо получит свой кнут. Смеяться последними и над стадом, и над верхушкой будем мы, сознательные… Кто его знает, может, и не стоило сегодня подниматься за Шатова? Может, полезней для дела не бить всех думающих без разбора? Не пора ли перейти к селекции? Взяться за воспитание неглупых, уверенных в своей правоте, энергичных и самолюбивых вожаков?.. Нужна тонкая работа, но работа до глупого безопасная. Энергичных вожаков вовсе не нужно насаждать. Достаточно «продергивать» потенциальных вожаков, как морковь на грядке. Оставлять подающих надежды, подбадривать, обеспечивать им поддержку верхов, помогать им формироваться… Нужно только знать этих кандидатов в великие поближе, знать их идеи, характеры, склонности. И к Шатову… К Шатову тоже надо приглядеться. Из таких чистых душой романтиков и придется делать героев последнего акта. Их много, и чем больше, тем лучше для селекции. Проще подобрать нужное…

Майор и девушка усаживаются к столу, Оба оживлены. Девушка отшучивается от комплиментов, обращаясь за поддержкой к человеку в штатском.

— Сбросил сутану, таинств не выдавай сосуду греха. Так-то, Александр, — весело выговаривает майор, но сразу же осекается, глядя на расстроенное лицо друга.

— Брось, Костя, не паясничай. — Александр ожесточенно вминает окурок в пепельницу. — И ты, Оля, подожди. Успеешь завертеть голову. Идемте отсюда… Идемте…

Штатский пробует подняться, но майор протестующе удерживает его за плечо, садится сам. У Александра зло прищурены глаза, правая рука скручивает погасшую папиросу.

— Вот ты, Костя, про рак критики говорил, про то, что люди где-то спят, — глухо и взволнованно говорит он. — А я вот услышал сегодня от какой-то сволочи, в трамвае: «За что боролись, на то и напоролись…» Сидит это во мне. Пить не дает, ножкой шаркать. К бабам не тянет… Напороться — напоролись, вот только на что? А, Костя?.. Напоролись на градоначальников, на Мартыновых, на тысячи таких, как они. Сижу и думаю: откуда плесень? Откуда у нее сила такая? Чем дышит? А?.. А что, Костя, если не просто так? Если это расчет, не простой, с загадом положен? Может, кому-то нужно, чтобы нас всю жизнь приятный вечер? Водка, танцульки, бабы? А чуть подумал, чуть попробовал сказать, сразу Мартыновы налетят руки крутить, рот затыкать! Может, кому это нужно, а? Общедоступная пивная… Градоначальники. Мартыновы… Общероссийский бардак с девизом: «Здесь не думают. Здесь пьют водку и щупают баб». А, Костя? Может, кто ножками сучит от удовольствия, на нас глядя? Как мы завязли в болоте и со смешками, с водкой, с бабами барахтаемся в тине? Чего молчишь, Костя?.. — Александр замолчал, налил, стуча о край бокала, пиво, выпил залпом, не дожидаясь ответа. — Может, ищешь, да проще? Двадцать пять лет оттрубишь в приятных вечерах. С фронтовыми — чепуха, лет пятнадцать календарных… Дадут тебе пожизненный стакан водки, пожизненную закусь… Сменишь ресторан на пивную. Наплодишь потомственных алкоголиков с громкими словами и мелкими делами. Бери вон Ольгу. Образованная, Лескова читала. Бери, хорошее от вас племя пойдет…

К разговору начинает прислушиваться весь зал. Покрасневший майор сует что-то официанту, мягко, но решительно тянет друга к выходу. Александр замолчал, смущен общим вниманием, смотрят вниз.

— Часто это с ним? — слышит Валентин Ильич чей-то вопрос.

— В первый раз, — отвечает Ольга…

«В первый раз», — мысленно повторяет Валентин Ильич. У всех бывают аи первые разы… Выбор делают позже. Много позже… Те, что пооткровеннее, честнее с собой, будут с нами, с сознательными. А остальным поможем. Увязнуть в тине поможем… А вот когда их трахнет: «А король-то голый!», когда потянет на болотный островок частного предпринимательства, вот тогда и посмеемся. И будем знать, что делать. Уберем препятствия на ретроградном движении стада…

Что ж, Шатов, Модестов и иже с вами… Переменим тактику. Сами удивитесь, каким внимательным стану к растущим кадрам, возьмусь за реферирование провинциальных гениев, за воспитание аспирантов. Попробуем «играть» на заморозок… И ничего-то вам со мной не сделать. Пока существует монополия знания для избранных, мы всегда останемся тенью. Знающей тенью. И избирать знающих будем мы. Задавать им тон будем тоже мы, Полумакаевы. Да кто, кроме нас, способен придать наукообразную форму творческим всплескам руководящего мышления?..

Мир в душе Валентина Ильича восстановлен. Далекими и смешными ка-жутся события сегодняшнего дня. Он с удовольствием разглядывает отраженное стеклянной перегородкой брезгливое оплывшее свое лицо. С ироничным равнодушием разглядывает соседей. А ресторан медленно приходит в себя от тихого скандала…

Не разберетесь? Шушукаетесь? Невелика перемена. Пожалуй, действительно не оттепель зимняя, а весенний заморозок… Пожалуй, заморозок. От стада покорно-бездумного

поднялись до стада покорно-запуганного. Шушукаетесь? Проклинаете шепотком? Шушукайтесь! Кукишем в кармане от нас не отбрыкаетесь…

На улице темно. Около «Ударника» толпа жаждущих достать билет. Идет что-то бразильское с любовью, песнями, выстрелами, экзотикой. «Тоже неплохо. Вроде общедоступной пивной», — отмечает Валентин Ильич.

В троллейбусе почти пусто. Кондуктор разъясняет молодому и горячему, который, видно, хотел выскочить через заднюю дверь, силу и мудрость действующих правил. Парень огорчен неудачей, но не огрызается. «Вот и мы так, только через переднюю дверь, только в болото».

Уже укладываясь спать, Валентин Ильич представляет себе непонимающее, потерянное лицо Шатова на будущем экзамене, улыбается.

6

Дмитрий Иванович, даже не удивился, что ни на мосту, ни дальше никто его остановил, не выругал, не оштрафовал. Выбросив Валентина Ильича в дождь и слякоть, он все еще пребывал в ярости. Неспокойные колючие мысли гнали Дмитрия Ивановича через Арбат, Можайку, гнали традиционным путем из Москвы вон… Только когда на столбах у обочины пошли трехзначные цифры, а раскидавшее тучи солнце с удвоенной яростью принялось сушить политую грозой землю, Дмитрий Иванович несколько отошел, сообразил: этак можно далеко заехать, бензин придется покупать у самосвалов.

Выбрав уголок поудобнее, Дмитрий Иванович развернул машину, съехал на обочину, вышел, прошелся носком башмака по желтым от налипшего песка шинам, закурил… Злость понемногу испарилась, подсыхала вместе с лужами на асфальте. В голову лилась, заполняя ее, послегрозовая чепуха: лужи, блики, мокрые сосны, бодрящие соки, белые грибы. Выплыло откуда-то полузабытое:

Я встретил вас, и все былое…

Когда мимо умытой, подтянутой на все болты «Победы» замелькали в обратном направлении перелески, болотистые низины, запрятанные в зелень дачи, обессиленное солнце больше светило, чем грело. Воздух стал прозрачным, предметы — четками.

Дмитрий Иванович тоже обрел усталую ясность духа, четкость мысли. Желание жить, действовать, драться искало рациональных оснований, трезвых исходов, реальных целей. Разум бродил в поисках, покуда не наткнулся на мягкий какой-то и неподатливый вопрос-опухоль: «А что такое Дмитрий Иванович Модестов в хороводе полумакаевых, победоносцевых, шатовых, делающих общее дело или имитирующих его вокруг объекта общественной значимости?..»

Тридцать лет прожил Дмитрий Иванович со спокойной совестью. Прожил жизнью партии, делами партии, взглядами партии. Тридцать лет не раз-личал «мое» и «наше», включая в «мы» далеко не всегда приятных ему людей. Философия представлялась ему коллективным делом, борьбой, в которой один не воин. И как бы ни разнились члены коллектива характерами, склонностями, это не сказывалось на конечном результате, скорее помогало, нежели мешало ставить на ноги советскую философию. Почему же сейчас все чаще приходит на ум: «А был ли мальчик-то?». Есть ли вообще советская философия? Есть ли результат?..

Шатов? Полумакаев? Ерунда, частности… Было такое и прежде. И раньше ошибались люди, и раньше находились в философской среде нечистоплотные. Почему убежденность в правоте просвечивает теперь только в словах и делах полумакаевых, шатовых, заставляет их драться, не стесняясь выбором средств? А с кем ты, Дмитрий Иванович Модестов? Или сам по себе с группой таких же, как ты, не определившихся, но способных еще определиться? В

чем, собственно, расходятся крайности? Не потому же в конце концов хочется к Шатовым, что Полумакаев антипатичен делами. Симпатия — это наносное. Хороша для дел сердечных. Путает в делах разума… Что-то прозевал ты, уважаемый товарищ Модестов. В очень уж неприглядной позиция плаваешь.

В пятидесяти километрах от Москвы стукнула мысль: «А ты, Дмитрий Иванович, не дезертир? Нет?»

На сороковом километре после многих «за» и «против» пришло и не захотело уходить совсем несуразное: «А ведь, пожалуй, откровенный враг в нашей обстановке мог бы действовать только так, как я и мне подобные»…

Занятый опровержением этой обидной мысли, чувствуя все большую опустошенность, Дмитрий Иванович едва увернулся от грохочущей громады самосвала. Дурманящая слабость заставила снизить скорость, остановиться у деревянного павильончика для проезжающих…

Дмитрий Иванович посидел, покурил на скамье, чувствуя, что в таком состоянии даже Минское шоссе, широкое, ровное, мирно несущее на себе пофыркивающие от удовольствия машины, может оказаться дорогой на тот свет. Он устроился поудобнее, твердо решив додумать, разобраться…

Так куда же делась уверенность в своей правоте? На чем она держалась?

Вспомнились двадцатые годы, начало тридцатых. Чего-чего, а мнений тогда хватало. Хватало и группировок со своими лозунгами, авторитетами. Почему в то время он, Модестов, сознательно, без колебаний примкнул к группе, которая оказалась победительницей? Приходилось выслушивать грязные намеки, терять своих друзей, встречать настороженную недоверчивость в глазах новых… И все же он не колебался в выборе. Видел, что одним философия в конце концов требовалась только для оправдания бегства. Только как дымовая завеса. Другим нужна была для борьбы, предвидения, для организации работы… Быть социализму или не быть…

Наука не оставляла сомнений в возможности, и, как коммунист, как ученый, Дмитрий Иванович, не колеблясь, занял свое место в строю. Без угрызения совести бил капитулянтов, бил путающихся под ногами. Задачи были ясны. Ясны были исходные положения. Дмитрий Иванович оправдывал монополизацию Сталиным права на разработку теории. Сознательно и убежденно Дмитрий Иванович ограничил свои задачи популяризацией сталинских идей. Пусть не всегда достаточно обоснованные, они били в одну цель, и опровергать их — значило бы только путать партийцев в деталях, во второстепенных оттенках…

Жизнь требовала единомыслия и единодействия любой ценой. И замораживание, догматизация теории была ценой еще сравнительно дешевой. Больно было, что вместе с капитулянтами в общую мясорубку попали честные, умные ученые, работавшие с загадом, с перспективой. Несвоевременные, преждевременные их идеи встречались в штыки близоруким разумом практиков… Некогда было разбираться в деталях, классифицировать идеи, поэтому классифицировали имена. Хорошие, полезные идеи на много лет дискредитировались подозрительным именем, гибли для науки. Честные, творческие умы выбрасывались навсегда из жизни вместе с их творческим наследством… Строили, строили спешно, расточительно, не смущаясь обилием щепок. В этом было мало научного, но обстановка не позволяла иначе. Казалось: придет время поспокойнее, разберемся. А пришла война…

После войны жизнь как-то милитаризировалась. Все и мыслилось, и делалось в военных аналогиях. Сознательное подчинение перешло в бездумную привычку, сознательная помощь — в исполнительность. Пока речь шла о восстановлении, Дмитрий Иванович не находил в обожествлении Сталина ничего опасного. Хотя его и коробили собственные статьи, пересыпанные после редакторской правки словами «гениальный», «гениальнейший», «вели-

чайший», «учитель», «вождь» — словами, совершенно не характерными для скупого, четкого, модестовского стиля.

Первые опасения вызвали кавалерийские наскоки Сталина на агробиологов и языковедов. Даже не сами эти налеты, а реакция на них ученого мира. Опасения перешли в тревогу, когда те же методы были перенесены в политику. Но все же и тогда Сталин оставался Сталиным — главой группы, которая не дала в тридцатых завалить строительство социализма. Подняла, даже погнала на строительство массы единственно пригодными в то время методами. Много было нарублено в спешке и усердии, слишком много было рубак. Историки когда-нибудь разберутся. Но пусть прикинут масштаб, условия работы, качество исходного материала, сроки. Пусть попытаются они обвинить признавшую авторитет Сталина, слепо подчиненную ему партию тридцатых-сороковых годов в излишней резкости, жестокости. Не выйдет! Это сегодня, задним числом видно. А без этой рубки и смотреть-то некому было бы…

Да, гибли сотни тысяч, и среди них тысячи волевых, умных, смелых. Да, покалечены, требуют лечения умы миллионов. Но сотни миллионов вызваны к сознательной жизни. Имеют все условия подняться до научного мышления, до творчества. Пусть кабинетные умники выискивают, высасывают из пальца более спокойные, умные, более мирные пути. После драки это не трудно. Драка-то кончилась. Кончилась? Сталин умер, и не сразу, не вдруг обнаружилась духовная смерть партии[1]. Да, именно духовная смерть. И ты прозевал ее, Модестов. Замаскированная сенсационными разоблачениями последних лет, экономическими откровениями нового руководства, заслоняемая переменами курса, мысль о духовной жизни партии, о работе на холостом ходу всего теоретического механизма как-то не сразу вошла в сознание. Не сегодня ли вошла?

Сколько бы ты ни скорбел, ни возмущался, ни крутил, никуда не уйдешь от факта: мышление партии парализовано смертью Сталина. Все, что логикой борьбы создавалось и обретало самостоятельное существование, обеспечивало единомыслие: отрицание дискуссий, отсутствие теоретических органов, тройная цензура, многоступенчатое обсуждение, реферирование, редактирование и другие средства дистилляции мысля, очистки, подгонки ее под классический стандарт. Все, что предполагало неограниченный суверенитет сталинского мышления, жило, плодилось, питалось этим. Все это осталось после Сталина работающими на холостом ходу социальными институтами, душит партийную мысль.

Раньше свободой мысли, правом разрабатывать теорию пользовался один человек. Сейчас никто ничего не может и не скоро, наверное, сможет. Средства очищения мысли превратились в средства подавления мысли. Сталин умер, а люда, подгоняющие всех и все под Сталина или под другой заданный образец, живут и здравствуют. Ходят на службу, выполняют планы, спят спокойно. Спокойно? Вряд ли. Лишенные эталона, они мечутся в поисках нормы, канонизируют мысль прошлого, опираются на прошлое. Решительно повернуты спиной к действительности… А ты? Ты куда смотришь? В прошлое или в будущее?..

Дмитрий Иванович зябко шевельнул плечами, поежился. Может, поэтому и обидело там, на экзамене, шатовское «философ-разведчик»?

Но, может быть, действительность и не требует живого мышления? Может, можно дотянуть до коммунизма на классическом наследстве? А что у тебя, Модестов, да и у партии есть, кроме веры в коммунизм? С чем воевать? С чем строить? В двадцатых-тридцатых у тебя было знание объективной возможности победы социализма. Было знание способов превратить нищее, темное, отсталое общество в социалистическое. Ты честно и сознательно шел на трудности такого превращения. Где это знание сегодня? Откуда его взять? Какой ге-

[1]При публикации повести М.К. Петрова в журнале «Дон» редакторы заменили выражение «духовная смерть партии» на «духовный кризис партии». В соответствии с «Письмом в редакцию» Г.Д. Петровой в текст внесено исправление, т. е. восстановлен оригинал. Примеч. — В.П. Макаренко.

ний даст его тебе? А если и попробует дать, что, кроме окрашенного в классические цвета сладенького сиропа, пробьется через фильтры подавления мысли? Да будь он трижды Марксом, напиши он десять «Социализмов», сотни «Критик» — все они исчезнут с копотью горящих архивов. Да и на каких материалах мог бы работать социалистический Маркс, если все они под надежным замком все того же аппарата дистилляции мысли? Практики? Руководство? У них своих дел хватает. Им не до ученых изысканий и перекапывания статистики…

А задачи огромны. Общество вступает в область, куда не могло проникнуть исторически ограниченное предвидение классиков. Здесь все ново, и каждый шаг должен быть научно обоснованным. Верой в энтузиазм здесь не возьмешь. Но если духовная смерть, если партия не готова к научному подвигу? А без подвига до коммунизма не добраться. Что из этого следует? К чему тебя, Модестов, это обязывает? Для коммуниста здесь нет выбора. Остается одно — разбросать препятствия, открыть дорогу мышлению в надежде на творческие искания вступающих в науку миллионов. Мальчишка Шатов увидел этот выход. Но для него, похоже, все предыдущее было ошибкой. Они, эти мальчишки, как с луны свалились. Видят плохое, в этом их сила. Но не видят, не хотят видеть исторической оправданности этого плохого. Оно для них печальный итог нерадивости одних, злого умысла других. И как все случайное, очень просто устранимо. Им кажется: крикни погромче — и все рассыплется. Не видят в этом плохом закономерного результата строительства в очень тяжелых исторических условиях… Так что же, целоваться с этим плохим? Молиться на него? Да нет, пожалуй. Условия-то изменились. Сейчас они требуют не монополии мышления для единиц, а координации мышления миллионов. Именно координации. Думать-то всех немного научили.

Но это никому не дает права обливать помоями прошлое. Сами-то вы, желторотые критики, появились благодаря этому прошлому. Без прошлого где бы вы были, молодые да горячие? Свиней пасли? Ваша правота оскорбляет, когда она, прежде чем подать здоровую мысль, считает себя обязанной проплясать пьяный канкан на священных могилах. И не обижайтесь, зеленые, если вас не гладят по голове, если получаете подзатыльники. Вы их заслуживаете и трескотней по поводу старого, и неумением взяться за нужное, правое дело. Духовная смерть партии — страшное, вредное, но, к сожалению, закономерное явление… И возрождение духовной жизни — не разовый, не мгновенный процесс. Партию еще придется учить думать, как выздоравливающих учат ходить. Впервые, поднявшись, больной не пробежит стометровку, сколько бы его ни подбадривали желторотые болельщики. Для начала могут потребоваться авторитетные костыли. Если, конечно, будет твердо установлено, что они только костыли — временное, хотя и необходимое явление. Только по достижении определенного уровня знаний и навыков их применения можно будет, станет необходимым сдать их на вечное, почетное хранение в пантеон революции.

Шатов, то ли издеваясь над Полумакаевым, то ли всерьез предлагал анонимную закрытую дискуссию как средство координации мышления. Идея неплохая. А основания шаткие… Способна ли партия сегодняшнего дня использовать такую дискуссию? Какими критериями будут руководствоваться члены партии при голосовании? Да и голосуют ли истину? Как определят они достоинство дискуссионных идей? Не окажется ли такое предприятие смертельной стометровкой для начинающего ходить? Подумать здесь нужно. Организацию продумать.

Наиболее безболезненным был бы, пожалуй, принцип встречного процесса, с одной стороны, постепенное расширение в пределах партия круга допущенных к развитию теории, а с другой — воспитание мышления рядовых членов партии на конкретных делах парторганизаций. Сверху поток шел бы как анонимная дискуссия по всем вопросам теории и практики, дискуссия, ограниченная все расширяющимся кругом членов партии. Начавшись с ЦК,

круг этот включил бы специалистов, сдавших какие-нибудь экзамены и т.д. Пока не соединился бы с потоком снизу, стал бы не только делом руководства, но и делом первичных организаций: снизу бы утверждались претенденты на участие в дискуссии.

Процесс снизу не мог бы на первых порах использовать анонимную дискуссию как основу. Проще бы учить рядовых думать на практике выборов в партийные органы, да и не только на этом. Конкурс? Да, пожалуй, конкурс… Конкурс по самовыдвижению, вменив выдвиженцам в обязанность предлагать конкретные задачи и обосновывать эти задачи перед собранием. Выбирая среди нескольких претендентов, обсуждая сильные и слабые стороны предложенных на конкурс мер, выслушивая взаимную критику претендентов, рядовые учились бы думать, применять теорию, знания к решению практических задач… А учеба по книжке? Партийная учеба? Тогда не пришлось бы ее организовывать, все бы хватались за книжки. Встретив процесс сверху в форме выдвижения и утверждения претендентов на участие в анонимной дискуссии, процесс снизу не остановился бы на этом, начал бы проводить принцип конкурса предлагаемых задач и способов их решения во все звенья партии. В конечном счете партия оказалась бы построенной на демократическом централизме, на выборности по конкурсу идей, на подчинении руководящим органам, на подчинении самих этих руководящих органов меняющимся итогам анонимной дискуссии. Это были бы те же принципы партийного строительства, но они учитывали бы особенности современной обстановки.

Такая работа требует нескольких лет, она трудна. Но она вооружила бы партию наукой. Живой, гибкой наукой, живущей творческой энергией, может быть, даже миллионов…

А стоит игра свеч? Что произойдет, если оставить все по-прежнему? Произойдет то, что происходит. Утерянной веры не вернешь. Останется скептицизм, настороженное отношение к руководству. А в худшем случае… В худшем случае духовно инертная партия дискредитирует себя, станет в глазах народа орудием субъективного произвола немногих, может быть, даже одного. Лишенный ясных целей, наученный на печальном опыте прошлого, потерявший веру народ может в конце концов воспринять партию как чуждую и враждебную ему силу, бесцельно экспериментирующую на нуждах и лишениях народа. Тогда все пойдет прахом. Прошлое действительно станет страшным, напрасным.

Не учитывать необходимости возрождать партийное мышление, слепо держаться за прежние методы поддержания чистоты классической мысли, когда источник мысли иссяк, — значит объективно вредить строительству коммунизма, искусственно, с какими бы благими намерениями это ни делалось, строить препятствия на пути к будущему.

А почему обязательно слепо? Почему с благими намерениями? Не такой уж я самонадеянный болван, чтобы считать эти мысли исключительно моим достоянием, моей монополией… Были герои и до Агамемнона, думали об этом и до Модестова. Каждому приходилось делать выбор. Но выбор-то здесь «или — или». Или ты сознательный коммунист, неспособный продать за похлебку сегодняшнего дня, за спокойную жизнь твоей партии, будущее твоего народа, или ты сознательный перебежчик, мещанин с партийным билетом, готовый ради безбедной жизни на предательство. Третьего нет, не дано…

Я сделал выбор. Дальше — тактика. Мало иметь правильные мысли. Они мертвы, пока не стали достоянием других, не получили инобытие в умах и действиях других. С этого и нужно начинать. Возможностей у тебя мало, но они все-таки есть. Для начала несколько докладов с главным: грань «или — или». Даже если после таких докладов… Все равно твой долг, долг коммуниста, будет выполнен. Мысли подхватят. Они из тех, что носятся в воздухе. В той или иной форме, рано или поздно — они пробьют дорогу. Хотелось бы, конечно, чтобы рядом имя — Модестов, только это уже чувства, вещь необязательная. Хорошо бы раскачать старую гвардию на откровенный разговор… Да и Ивлева жаль, тут-то мы нашли бы общий язык…

Пробуя достать очередную папиросу, Дмитрий Иванович, к своему удивлению и досаде, обнаружил, что пачка пуста. Это несколько нарушает ход мысли. Какое же мышление без папиросы? Но главное уже решено, и, выезжая на шоссе, Дмитрий Иванович победно мычит разбойничье — «Марш победителей».

Еще километра через четыре Дмитрий Иванович наткнулся на простенький с виду вопрос: «А что Полумакаев? Честный дурак или негодяй?» И сколько он над ним ни бился, с какой стороны ни заходил, вопрос оставался вопросом. Нельзя его было решить. Данных не было.

Пока ты, Полумакаев, искренно или со злым умыслом, учишь зеленых затрещинами. Сегодня на мосту ты зарвался. Но это не принципиально… Посмотрим, как ты поведешь себя, когда в дело вступит старая гвардия. Тогда и решим… Выше этого Дмитрий Иванович подняться не мог, совесть запрещала идти дальше фактов.

У Кутузовской слободы он купил пачку «Беломора» и заплатил штраф за стоянку на троллейбусной остановке. Папиросы пустил в дело, а квитанцию с многозначительной надписью: «За нарушение правил поведения в общественных местах» спрятал в карман для коллекции. В назидание сыну Дмитрий Иванович хранил все талоны, указывая на обороте, где и за что. Сын своих талонов не берег и отцу не показывал…

Теперь все события дня предстали в несколько ироническом свете. Потянуло посмотреть, послушать, душевно поговорить с незнакомым и этим уже интересным человеком. Но с кем? Прикинув возможности, Дмитрий Иванович в который уже раз огорчился. Приди такое желание в двадцатых годах, Дмитрий Иванович без труда нашел бы собеседников в любом клубе, в любом саду, не говоря уже о собраниях. А сейчас? Неужели место мало-мальски откровенных разговоров в коридорах, ресторанах, пивных? У Бородинского моста, не придумав ничего более подходящего, Дмитрий Иванович решил: «В ресторан, так в ресторан, в пивную, так в пивную», — и, кое-как выбравшись на набережную Москвы-реки, вдыхая ядовитую вонь, желтоватым туманом стекавшую из двух труб какого-то завода, поспешил через Ленинские горы на Калужское шоссе. Через несколько минут Дмитрий Иванович добрался до заставы.

Бросив машину у стоянки такси, Дмитрий Иванович позвонил домой. Подошла жена.

— Скажи Алексею, чтобы взял машину. Стоит на Калужской, у остановки такси…

И, не выслушав ответа, повесил трубку.

Пивной зал на Калужской жил обычной вечерней жизнью… Входили, садились, заказывали кружку пива с сосисками. Молча пили и ели, и уходили. За уставленными кружками и бутылками столиками шумели сложившиеся группы завсегдатаев. Дмитрий Иванович занял место у окна. Заказал пиво и сосиски. Закурил.

За соседним столиком горячо дискутировали старый, но жизненный вопрос Одутловатый от увлечения пивом человек лет шестидесяти отбивался от двух более молодых и энергичных противников.

— Что ж с того… Шпиков отменили! Воля вышла! Никто тебе не указ: хочу — пью пиво, хочу — свое суждение имею!.. Куриное твое рассуждение, Нефедыч… Мешали тебе те шпики? Глядишь, бывало, как краснорожий кружку пива два часа цедит, душой взыграешь. Подмигнешь — будто поговорил, будто какую опасность превзошел… водку, опять, давали. Вон Михалыч, буфетчик, не даст соврать. У него и список был — в долг давал. В доверии, значит, были, кто, конечно, правильный. А без хозяина все за угол бегаем, ситром глаза отводим… Я так раньше более ста грамм не потреблял, и был здоровый, дай бог каждому. А теперь лишка пью через твою свободу — пол-литра на троих. А сколько этой отравы, ситра, через живот пропустил! Свобода, шпики… Что ты, Нефедыч, понимать можешь? Хозяин, он понимал. Всех насквозь видел. Только в смущение войдешь, он тебе все объяснит: кем ты,

Хориков Иван, должен быть, чтобы, значит, соответствовать. И соответствуешь, гордость свою имеешь, не обсевок какой. Теперь даже в трамвае кондуктор не объясняет. Едешь, прости господи, как в темном лесу, вертишься, вроде как на шиле, чтоб лишнего не проехать. А скажешь — обижается, самостоятельность показывает. Не было этого при хозяине. Каждый соответствовал. Ежели кондуктор, так объясняй, Моду взяли советоваться. Пенсия — советоваться. Министерства — советоваться. Займы — опять советоваться. Что нам с тех советов? Одно сомнение, рушение веры. Вот теперь, куда ни глянь — все на волоске. У хозяина и кукурузу не сеяли, и министерства были, и займы в аккурате — март-апрель вроде престольного праздника. И с голоду не помирали, на пиво, на сто грамм всегда хватало… А теперь будто у тебя с утра душу вынимают, будто тебе на какое несоответствие пальцем грозят, а не объясняют. Живешь — как чужое ешь, в горло не идет. А ты заладил: свобода! Ты вот в рассуждение прими, какой от тебя толк, полезность какая государственности?

Принесли пиво и сосиски. Запах тушеной капусты напомнил Дмитрию Ивановичу, что он не ел с самого утра.

Соседний стол витал в сфере высшей политики, потом приземлялся на Среднем Востоке, перепрыгнул в пятьдесят третий год, надолго завяз, заглох в еврейском вопросе. Наткнувшись на единомыслие, озадаченные соседи помрачнели и послали Нефедыча куда-то с бутылкой.

«За ситро», — догадался Дмитрий Иванович…

В ожидании Нефедыча соседи завели чисто технический разговор про «сучок», «у-ну», «слезу», «шприц». Дмитрий Иванович с возрастающим интересом вникал в новую для него терминологию. Захотелось компании, спора ради спора, ради душевного уюта.

Победоносно-смущенно с бутылкой клюквенного сиропа в руке вернулся в зал Нефедыч. Соседи разлили по кружкам ярко-красный шипучий напиток, а потом каким-то сверхъестественным способом увеличили содержимое кружек за счет уменьшения яркости. Выпили до дна. Ошалело покрутили головами. Понюхали, блаженно закрывая глаза, корочку, взялись за вилки…

Дмитрий Иванович чуть было не совершил бестактность, очень уж хотелось к соседям — излить душу. Но, взглянув на дело со стороны, благоразумно воздержался, не стал портить компании.

Допивая пиво, он затосковал, совсем было собрался уходить, но к его столу подошли двое. Аккуратный, хорошо одетый старичок и парень лет двадцати в ковбойке, в широких брюках. Убедившись, что все столы заняты, старичок спросил:

— Разрешите, если не стесним? — Получив разрешение, объяснил: —Нужда поговорить. Дома не с руки, благоверная мысли путает.

Парень не без иронии посмотрел на старичка, принялся с интересом рассматривать обстановку пивного зала… Подозвав официантку, старичок заказал:

— Два пива с сосисками.

Отправив Леньку за «ситром», уселся поудобнее и наконец обратился в Дмитрию Ивановичу:

— Из бухгалтеров будете, или как?

Получив ответ, задумался, неопределенно покрутил головой.

— Выходит, книжки пишете?

— Бывает и книжки…

— А фамилия ваша, если не секрет, как будет?

— Модестов…

— Не слышал. Не читал, — огорченно сознался старичок и, видимо, не в силах отвлечься от чего-то своего, неожиданно добавил: — Я вот Ляпунов Иван Федорович. Я так

понимаю: каждому свое. Один столы работает, другой книжки пишет. Внук у меня из армии пришел. С придурью, вроде… В толк не возьму, чего вы работаете? — спохватился старичок, попытался вернуться к прежней теме, но своя боль пересилила. — Я вот по плотницкой части. Четвертый десяток. Сначала, значит, по деревням ходил. А в тридцатом попал в Москву — и шабаш. Жену привез, дочь с сыном в школу определил. Сейчас, конечно, все заводское. Рамы, двери, опять. Но работы хватает. Там уголок подобьешь, там лишнее снимешь — все полезностью оборачивается тебе и людям… И что это с Ленькой в армии поделалось, ума не приложу. Покосился парень, как гнилой сруб, куда упасть прикидывает. То в шофера, то в крановщика, а теперь пристал — в университет. Преимущество им там какое-то вышло. Ну, в институт, так в институт. Хоть он, инженер, не ахти что, да и деньгами слабоват выходит против плотника, а все образованный. О всякой вещи суждение иметь может. Так ведь инженер Леньке не по душе. Пойду, говорит, в университет. Пойду правды искать. А какая-такая ему особая правда понадобилась, что ее искать надо? Я вот всю жизнь одну правду знал: сделаешь хорошо — почет тебе и уважительность от людей. Сделаешь плохо — себя, вроде, обидишь. Всегда со мной моя правда была. На стороне не искал, да и сейчас не побегу… А Леньке скажешь — нос воротят. С такой правдой, говорит, и лошадь может. Старая, говорит, твоя, Иван Федорович, правда. Резиновая, говорит, она у тебя.

Иван Федорович смущенно почесал в затылке, помолчал. И вдруг, сообразив что-то, с некоторым ехидством в голосе осведомился:

— Философ… Это, по-старому если сказать, вроде как поп? О смысле жизни? Где правда, где грех?..

Застигнутый врасплох и несколько смущенный вопросом, Дмитрий Иванович начал было оправдываться, но, глядя на расплывшегося в насмешливой улыбке Ивана Федоровича, набрался смелости и, еще не зная, удастся ли ему пробиться в круг понятий ехидного старика, ответил прямо:

— Поп — не то слово. По нынешним временам вместо попа — газеты, радио… А что верно, то верно: работаем правду, правду для всех, как вы работаете двери, рамы. Только не всегда гладко идет дело. Правда-то хоть и одна, да что вчера было правдой, не всегда правда сегодня. Не рубите ведь вы сегодня пятистенок, времена не те? А мы, вроде, еще рубим…

— Оно и похоже, — хмуро сказал Иван Федорович, зло добавил: — Жмет ваша правда, как неразношенный сапог, в сомненье вводит… Взять опять Леньку. Да разве ж он от дела отбился бы, если правда по правильной мерке скроена? Рабочему человеку правду искать не с руки, шишки только схлопочешь. Будет болтаться: ни нашим, ни вашим. От нас отобьется, это факт. Мозоли с рук спустит, что и говорить. А наживет мозоли в голове? Это бабка надвое сказала. Может, наживет, а может, последнее потеряет. Не рабочее это дело — умствовать…

— Вот уж зря, Иван Федорович. Раньше потруднее жилось, об университетах я не мечтали. А и тогда бывали случаи, когда, рабочий человек искал и находил правду. Не пропадет ваш Ленька. Может, то, что он в университет собрался, и есть главная правда.

— Может, и так. Сомнение только имею: если все правду искать кинутся, кто работать-то будет? А без простой работы не проживешь. К правде руки нужны. Рабочие руки…

— Одно другому не мешает…

Разговор прервался с появлением Леньки. Иван Федорович аккуратно разлил «ситро», заколдовал под столом, поочередно опуская туда кружки… Несколько смущенный ритуалом, Дмитрий Иванович облегченно вздохнул, когда из-под стола появилась последняя, третья, кружка и в пепельницу полетела металлическая пробка от «московской».

— За правду! — Иван Федорович ехидно глянул на Леньку, потом на Дмитрия Ивановича.

В рот, в нос, в горло ударила сладковатая помесь сивухи с одеколоном.

— И где ты такую отраву разыскал? Специально, видать, выбирал, сукин сын, — покосился Иван Федорович на откровенно веселящегося Леньку.

Дружно приступили к закуске, время от времени делая по глотку пива. Уважительно и не спеша опорожнили тарелки, закурили.

— Значит, в университет за правдой? — обратился старик к Леньке. — Вечерами заниматься будешь или с работы уйдешь?

— Примут на очный, уйду с работы.

— Выходит, на полный кошт. Сколько тебе там положили?

— Немного. Пока хватит. Не хватит, буду подрабатывать.

— Много вас там, которые правду ищут?

— Искателей не знаю, а поступающих много. Конкурс большой. Могут и не принять.

— Правильно сделают. Эка драгоценность: надоело парню топором махать, за парту полез, — начал распаляться Иван Федорович. — А как ты думал? Ждут тебя, не дождутся? Правильно сделают, если не примут. Привык ты топором. Привык с плеча. А наука — она штука тонкая! Ступишь не так, стукнешь ненароком, и начинай сначала.

— Ну, что уж, Иван Федорович, из пустого в порожнее… Людям настроение, портим. — Ленька покосился на Дмитрия Ивановича. — Говорено уже, переговорено. Все равно ведь пойду, не отговорите.

— А ты человека не обижай. Он нашему разговору не помеха. Он, может, тебя в этом университете уму-разуму наставлять будет.

Ленька с недоверчивым любопытством посмотрел на Дмитрия Ивановича. Пришлось представиться. Иван Федорович любовался произведенным эффектом, Дмитрий Иванович чувствовал себя неловко. Ленька, приходя в себя, начинал, вроде, злиться.

— Вот ему и расскажи, какую ты правду искать собрался, — щурясь от удовольствия, озорно посоветовал Иван Федорович.

— Ни к чему это, — хмуро отозвался Ленька. — Ленина и Сталина мы без словаря еще в школе читать научились, а Дмитрий Иванович больше ничего не скажет. Разве что новыми словами.

— Может, и скажу, — не очень уверенно, задето сказал Дмитрий Иванович и, глядя на ухмыляющегося Ивана Федоровича, прибавил: — Ленина и Сталина рано в расход списываете. Есть у них чему поучиться и после школы. А если вам все уже известно, тогда не учиться, а учить нужно. Науку двигать.

— Во-во, — восхитился Иван Федорович. — Он у нас всему наученный. Сам себе голова. Все превзошел…

— Да погодите вы, дедушка, — досадливо поморщился Ленька. — Не о том я. Читаю одни книги — стоит на первой странице Ленин и Сталин. Читаю другие — другие фамилии, а мысли те же. Только у Ленина и Сталина пояснее и покороче. Зачем на такие книги бумагу тратить?

— Как тебе сказать, — загрустил Дмитрий Иванович. — Не в пивной это объяснять. И время нужно… Может, я сам сегодня спрашиваю, только по-другому. Было время, нельзя было иначе. А вот сейчас чувствуем: нужно новое.

Не такое новое, которое бы перечеркнуло все старое, но все равно — новое. Одними мыслями Ленина и Сталина сегодня не проживешь. Хороши они были для своего времени. Но есть и такое, о чем классики могли только догадываться, о чем им не приходилось думать с цифрами в руках и событиями перед глазами. Здесь и нужно новое, правду искать, как ты говоришь. Но очень трудно это, Леня. Трудно тебе будет… Так что, если ищешь, где полегче, философию обойди. Да и не в моде она…

— Хотел бы полегче, остался бы в армии на сверхсрочную. До коммунизма в казарме бы и дотянул… Поглядел я, как люди живут. Сами вроде не знают, чего хотят. И в армии, и на гражданке. Все больше мелочами интересуются: один хочет комнату побольше, другой — по «Москвичу» тоскует, третьему баян снится. А вон сестре моей — чтобы у дочки кругом «пять», да чтобы платье к булавке шло. А общего не видно… Чтобы и для меня, и для сестренки, и для Ивана Федоровича, и для вас… Куда идем? А? Слова-то есть: коммунизм, лучшее будущее… А что за ними, за словами? Как щенята слепые. Ведут — и идем. Топить ведут, к хорошей жизни ведут — нам все равно. А я не хочу, чтоб вели. Сам хочу идти. Еще и дорогу выбирать, чтоб проще и быстрее дойти. А может, погляжу, куда ведут, да и не захочу идти-то, а?

— Ну, Леня, с такими мыслями тебе университета не надо, — не выдерживает Дмитрий Иванович. — Правды для себя не бывает. Если уж искать, так правду для всех. А маленькую, скользкую, для себя — найти не трудно. Совесть только потерять надо.

— А я о чем? — зло вспыхивает Ленька. — Где она, общая? Не спорю, нужна. А где она? Нянчатся… У кого «Москвич», у кого баян в пеленках… раньше-то не так было. Дедушка, вон, советскую власть ставил. Начнет рассказывать — заслушаешься. Было ведь что-то, за что и жизни не жалели. А сейчас и он свою правду, трудовую, говорит, сочинил. Тюкай, говорит, с закрытыми глазами до усталости, а что вытюкается — не твое дело… Революцию он вроде вместе со всеми делал, а теперь…

— Не трожь революцию, щенок, — обиделся Иван Федорович. — Время-то было какое! Ты ж, молокосос, не видел от чего шли. Не знаешь, что такое с молодыми руками да топором, как с сумой ходить. Работу, как сухую корку, выпрашиваешь… У всех будто память отшибло. И среди нас, стариков, есть такие, забывчивые… Пожить бы тебе с годок при старом прижиме, успокоился бы. Все ему не так, все вверх ногами, все перевернуть охота. Есть, конечно, и плохое. Как без него.

— Да я знать хочу, что и для кого строим. Откуда вы, дедушка, знаете, что дом? А? Может, вовсе не дом, а всенародные Бутырки? Может, сами себе одиночки по вашей правде строим?..

— За это с тебя, стервеца, мало штаны спустить и на Калужской высечь! Бутырки… Слово-то какое подобрал, сукин сын. Как язык повернулся. Да за такое слово в семнадцатом на штыки бы подняли и хоронить не стали… Знать хочу! Были и поумней тебя люди. И сейчас есть. Им знать положено, они знают, А нам главное — веру не терять, правду свою беречь. Без веры не проживешь, нет…

— Это что ж, к бабке Парасковье идти? У нее веры хоть отбавляй. А уж знакомых попов… Революцию, говорите, не трогай? Кто за веру — против вас шли. Вы на сознательность опору делали, знали, ради чего и против чего. Скисла она у вас, что ли? Не хотел говорить, но раз о вере разговор… Люди, говорите, разные: одним знать, другим верить. А с каких пор это так стало? Одни пыжатся, в святые лезут. Другие лбы бьют в молитвах. А они, святые, может, как мы, грешные, ночами не спят. Бессонницей от дум мучаются. Может, во сне помощи просят. А может, и спят спокойно, и посмеиваются над вами, верующими. Откуда мы знаем? В Сталина как верили! А тоже вроде дома на Котельнической получилось. Разлаписто, гордо стоит. Издали видно. Вроде памятника стоит над всей Москвой. А чему памятник-то?..

Дмитрия Ивановича бросает, как на плохой дороге. И нравится ему Ленька — очень уж цепко ухватил главное: вера против знания. И хочется подзатыльника дать слишком уж вольному на язык парню. И говорить, и молчать неудобно. Пусть уж сам добирается до истины, университет поможет стать на ноги… Поможет?.. А вдруг как Игорю? А может, научит

подленько балансировать на грани дозволенного, маскировать мысли? Нет, хочется верить в хорошее…

Рассерженный Иван Федорович переводит спор на нейтральную почву.

Дмитрий Иванович решительно поднимается. Ленька глядит с ожиданием. Дмитрий Иванович чувствует, нельзя просто встать и уйти. Нужно что-то сказать. И это что-то важно я для Леньки, и для Ивана Федоровича: Но что он может сказать? Что?

— Спор ваш решать не берусь, — глухо, не очень уверенно говорит он. — Жизнь решит… К авторитетам-то все-таки присмотрись, не все на песке строится. Но и мысли свои береги, Леня, на сладкие пряники не променяй. Бывает и так… До свиданья. До свиданья, Иван Федорович.

Иван Федорович молчит, утопил глаза в пивной кружке. Ленька поднял потеплевшие глаза.

Что-то горячее поднимается в груди Дмитрия Ивановича, подбирается к горлу, глазам. Хочется сказать парню что-то доброе, обнадеживающее, просто ласковое. Но слов не находится…

…Москва засыпала. В Нескучном соловьями разливались свистки милиционеров. К мосту подлетали зеленые светлячки такси и гасли, выворачивая у Калужской.

Когда до Таганки осталось только мост перейти и воображение рисовало уже уют кабинета, удобный диван, внезапно пришла мысль: «Или — или» придется ставить в общенародном масштабе. Сколько их, мудрецов с соседнего столика, на свете? Куда шатнет Ивана Федоровича с его правдой? На что поднимутся в молодом задоре Леньки, Шатовы? Думать надо, дорогой Дмитрий Иванович. Думать…»

И Дмитрий Иванович стал думать, глядя на воду, дымя папиросой. Нервное напряжение прошло. Дмитрий Иванович оторвался от парапета, не спеша направился к лестнице моста. У гранитных перил незаметный в темноте милиционер попросил спичку, посмеиваясь, пожаловался:

— Час на вас смотрю… Вроде просто задумался человек. А кто ж его знает, может, сиганет в воду. Утонуть-то не утонет, метро здесь строили, горб намыли. Шею сломает, если… А все неприятность — непорядок это… Думаю, как шляпу снимет, так я ему и свистну. Страх как не любят свисту, которые от чувств. Охота, что ли, пропадает? Или дело лишних глаз не терпит? Бывает, одним свистом человека спасти можно. Придет в себя, застыдится, благодарить не приходит. И, удивительное дело, всякий норовит шляпу или там галоши снять, будто чем помешать могут. И почему как-то больше мужчины лезут?.. Я вот человек десять от беды отсвистел, а женщин не видел… Место, что ли, красотой не вышло?..

Дмитрий Иванович не нашелся, что ответить, только на середине лестницы позволил себе расхохотаться, но сразу почему-то осекся.

Стараясь не шуметь, на цыпочках пробрался в кабинет, зажег свет. На столе лежала газета, на ней записка жены: «В холодильнике вареное мясо, ветчина. Чай в термосе. Вика собирается в Сочи, комиссию прошла. Не договаривает что-то, а расспрашивать неудобно. Просила передать, что обязательно будет в комиссии. Хотела поговорить с тобой».

Вот именно: ветчина, две комиссии. Везет мне сегодня. А Вика молодец. Шатова вытаскивать нужно. Драть полезно, а голову-то отрывать ни к чему.

Со стопки книг выжидающе строго, чуть зло и насмешливо смотрит из простой деревянной рамки усталый, небритый Ленин. Вырванный из «Философских тетрадей», этот портрет принес в тридцать восьмом году Яков, Яшка… Яков погиб и знал, что погибнет. Пришел за неделю до ареста прощаться. Говорили долго, спорили. Расстались, не убедив друг друга. Остался вот портрет да слова друга. Грустные слова:

«Привет, Митя, время придет, и мы напомним о себе вам, живым. Никто вас не упрекнет. Объяснят, что ломалось по незнанию, ломалось в горячке боя. Но вам придется покопаться в обломках. По кусочкам подбирать из наших мыслей то, что годится в дело, что годится для будущего, для завтрашнего дня… Никто, кроме вас, уцелевших, этого не сделает. И когда пройдет пора авторитетов, встанут перед вами задачи, непосильные для одного или десятка, когда понятие «коммунист» будет означать не только «исполняю», но и «думаю», — выпей за нас, неопознанных в общей свалке. За нас, имевших несчастье заглядывать слишком далеко. Ты не бог, Митя, и друзья твои не боги. Но именно вам в свое время разбирать обломки боя, очищать идеи от пыли имен, копать и засыпать братские могилы. Не бросайте туда навалом, не все в этих могилах братья. Я, Митя, и после смерти хочу хоть пылинку, кирпичик внести в общее дело. А оно придет, это время, придет время, когда понадобятся наши кирпичики, пылинки… Ленин — тебе на память. Люблю его такого: думающего, строгого».

Вот, Яков, и наступает это время. Постараемся разобраться в обломках. Я-то за тебя выпью. Но решать будут миллионы. Может быть, и они не обойдутся без тебя на общем празднике. Очень может быть…

Дымя папиросой, Дмитрий Иванович долго глядит на светлеющую, сонную Москву. Улицы пусты. Люди спят. Как всегда, на посту ночные власти: прохаживаются метлой дворники. Думают свои думы участковые…

Прошел год… Прошло два… Три года прошли…

Жарко сегодня. Вода в Москве-реке, говорят, теплее, чем в Сочи. Если пройти под покосившейся аркой к солидному желтому дому на Волхонке, подняться на старомодном лифте на четвертый этаж, приоткрыть дверь аудитория, то можно встретить знакомые лица…

Потеет на кафедре, благодаря оппонентов, Юрий Шатов. Улыбается из зала Владимир Тихов. Викторина Никифоровна рисует на бумаге какие-то украшения к вечернему туалету: Шатов пригласил на банкет. Одобрительно поглядывает на диссертанта Дмитрий Иванович. Улыбается чему-то Валентин Ильич, вздрагивает, когда слышит с кафедры свое имя.

— Мне особенно хочется поблагодарить за помощь Валентина Ильича Полумакаева за очень ценные для меня советы по подбору литературы и освещению некоторых вопросов диссертации…

А вечером, теплым московским вечером, был банкет-вечеринка по случаю защиты. Пили, шумели, пели, качаясь вместе с рестораном-поплавком на волнах реки. А потом долго бродили по ночной Москве…

— Когда я тебя отучу руки в карманах держать? — с ласковой досадой спросила Таня, жена Шатова, когда они вышли на набережную и ей захотелось, чтобы он взял ее под руку.

— Он в кармане фиги показывает, — хохотнул Тихов. — Помнишь, Юра, Малаховку, совхоз… Экзамен еще ты сдавал?..

— Как же, — улыбнулся Шатов. — Странное было время… Смешное какое-то…

Июнь, 1960 г.

Отсканировано А.И. Субботиным.
Орфография и пунктуация публикации сохранена.

Ойкумена

АБХАЗИЯ: РЕЗЮМЕ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Г.М. Дерлугьян
Северо-Западный университет (г. Чикаго)

Аннотация: *Статья посвящена истории абхазской войны за независимость от Республики Грузия. Проблемы Абхазии структурно схожи с другими сепаратистскими конфликтами на Кавказе и на Балканах, но, по мнению автора, конфликт в Абхазии сродни революции и гражданской войне. Автор анализирует социальные процессы в Абхазии, её географическое положение и историю как конфликтогенные факторы, определяет основные тенденции и сценарии возможного развития этой республики. Перевод с английского осуществлён С.П. Поцелуевым.*

Ключевые слова: *этнический конфликт, национальная независимость, революция, гражданская война.*

Обычные трактовки абхазской войны за независимость от Республики Грузия не выходят за рамки сочетания местной застарелой ненависти и тайного вмешательства Москвы. Эта интерпретация столь же ошибочна, сколько и вредна политически. Однако что поделаешь, если ненависть настолько древняя, а Россия, как и любое государство, сталкивающееся с подобными проблемами, возможно, обречена на «вмешательство» в свое кавказское «подбрюшье»? Чтобы переосмыслить эти, по сути, пессимистические предположения, давайте вернемся к типичным аргументам и «фактам», которые можно услышать от участников конфликта в Абхазии. И это отнюдь не упражнение для педанта. Проблемы Абхазии структурно схожи с другими сепаратистскими конфликтами, тлеющими на всем Кавказе и на Балканах. Посредством прямых данных из Абхазии мы можем составить аналитическое резюме и о положении дел в Карабахе, Чечне или Косово.

Социальные процессы и исторические структуры обычно понимают как подоплеку конфликта, но я постараюсь продемонстрировать, что они вовсе не являются «фоновыми» факторами. Скорее, они образуют исторически сложную траекторию, которая в определенных своих точках может разжечь — или, напротив, погасить — конфликты. Последние обретают потом этнический способ выражения, как это, по-видимому, имеет место в случае столкновений между грузинским большинством и абхазским меньшинством, при вмешательстве России. Объяснять конфликты «застарелой ненавистью» или эффектом «path

dependent» — это примерно так же верно, как считать ответственным за насилие в Северной Ирландии давний богословский спор между двумя ветвями западного христианства.

Позвольте мне добавить некоторые упрямые «факты»: грузины — православные, и такими же, конечно, являются русские — по крайней мере, большинство из них таковыми себя считают, появляясь в церкви во время крещения, свадьбы, похорон, иногда также на Пасху, что в среднем составляет два с половиной раза в год[1]. Религиозные практики и верования абхазов могут быть описаны как агностически-синкретичные, а говоря более откровенно — как, в основном, языческие[2]. Я скоро объясню, как это произошло. Политизированные чеченцы, которые в течение краткого периода начала 1990-х гг. (но не ранее и не сегодня) страстно считали себя братьями с абхазами, судя по всему, являются более серьезными мусульманами-суннитами, чем успешно синкретизированные абхазы. И это главным образом потому, что чеченцы были в течение последних двух столетий регулярно задействованы в столкновениях с русской имперской машиной, жестко напоминавшей им об их особой идентичности[3]. В кавказских войнах XIX века грузины (или, скорее, грузинская элита), обычно стояли на стороне России, не столько потому, что они были христианами, но из-за того, что их православно-христианское происхождение культурно облегчало им доступ к карьере в русской империи. Любопытно, что три человека, которые в 1944 году санкционировали и организовали депортацию всего чеченского народа, были этническими грузинами, занимавшими высокие посты в Москве: полковник НКВД Гвишиани, начальник НКВД Лаврентий Берия и Иосиф Сталин[4].

Для того чтобы не запутаться в этом политическом лабиринте, давайте следовать мудрости великого историка Фернана Броделя[5] и начинать с основных структур, буквально со сказочной почвы и климата Абхазии.

География

Абхазия состоит из около 250 км великолепных пляжей и покрытых густой растительностью зеленых долин, восходящих к заснеженным вершинам Кавказа, что высятся вдали. В XX веке Абхазия была преобразована в одно из лучших мест отдыха на Земле[6]. Реликтовые сосновые леса и пышная субтропическая растительность прибрежной полосы напоминают Северную Калифорнию, только пляжи Абхазии омывает мягкое, умеренно соленое и спокойное Черное море. После того, как Сталин и Хрущев решили разместить здесь свои летние дачи, некоторые советские организации высшего ранга — такие как Министерство обороны, газета «Правда» и Союз писателей — выстроили на абхазском побережье импозантные здравницы для своих сотрудников. Кроме того, субтропический климат предоставляет Абхазии отличные условия для выращивания всевозможных товарных культур: от чая и мандаринов до грецких орехов и — с недавнего времени — киви. Прибрежная недвижимость и сельскохозяйственные внутренние районы Абхазии по относительной стоимости даже дороже, чем калифорнийские — ведь в огромных пространствах СССР не было умеренно влажных субтропических регионов.

[1]Фурман Д.Е. (ред.). Чечня и Россия: общества и государства. — Москва: Полинформ – Талбури, 1999.

[2]Абдушелишвили М.Г., Арутюнов С.А., Калоев В.А. Народы Кавказа: антропология, лингвистика, хозяйство. — Москва: Институт антропологии и этнологии РАН, 1994.

[3]Zelkina A. In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. — London: Hurst & Co, 2000.

[4]Lieven A. Chechnya, The Tombstone of Russian Power. — New Haven, CT: Yale University Press, 1998.

[5]Braudel F. Afterthoughts on the Material Civilization and Capitalism. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

[6]Ascherson N. Black Sea. — London: Jonathan Cape, 1995.

Так же, как в Калифорнии или Флориде, ценный абхазский ландшафт на самом деле сотворен человеком, причем совсем недавно. Исторически же Абхазия, как и большая часть Кавказа, состояла из бездорожных горных склонов, покрытых непроходимыми колючими лесами и нездоровыми болотами в низинах[7]. Экзотические пальмы и цитрусовые сады были посажены русскими колонистами в начале XX века, а побережье окончательно освободилось от эндемической малярии только в 1930-1950-е годы, благодаря многочисленным общественным проектам и распространению эвкалипта. Ценность построенной в Абхазии недвижимости принесла блаженство редкого изобилия в период 1950-1980-х годов, во времена позднего советского благополучия. Но споры за обладание этим рукотворным раем породили и проклятие, по-видимому, бесконечного разрушения вместе с крушением советского строя после 1989 года.

Лингвистика, археология, этногенетика

С лингвистической и антропологической точки зрения абхазы принадлежат к группе северокавказских народов, которая включает в себя также адыгов (адыгейцев, черкесов, кабардинцев), большинство дагестанцев и — в более отдаленном родстве — вайнахов (чеченцев и ингушей)[8]. Абхазский язык, к большой гордости его носителей, занесен в книгу рекордов Гиннеса как самый трудный в мире. Действительно, он имеет шестьдесят с чем-то согласных, и всего четыре или даже одну (в зависимости от диалекта) гласную. Согласно же вердикту патриотично настроенных грузинских ученых, абхазский язык является простым *говором*, диалектом грузинского языка. Сегодня, однако, сравнительная лингвистика считает доказанным, что языки северокавказской группы совершенно не связаны ни с какой другой языковой семьей в этом регионе мира, будь то индоевропейская, афразийская (семитская), тюркская семья, или картвельская языковая группа (небольшая эндемичная семья языков, состоящая из грузинского, собственно Сван, мингрельского и лазы).

Одна экстравагантная, но, по-видимому, серьезная современная гипотеза заявляет об открытии следов очень далекой (на уровне мета-семьи) лингвистической связи между северокавказскими и сино-тибетскими (китайский и др.) языковыми группами, а также языками на-дене, на которых в свое время говорили туземцы Калифорнии[9]. Но пока что это новейшее научное открытие не признается патриотичными абхазскими умами, постоянно занятыми поисками дополнительных союзников в их борьбе против Грузии. Однако это может быть всего лишь вопросом времени, учитывая, что президент-основатель Абхазии, доктор Владислав Ардзинба, сам является профессиональным лингвистом, который когда-то написал респектабельное исследование по хеттской мифологии.

Далекие предки народов Северного Кавказа населяли долины Северного Кавказа, по всей видимости, начиная с конца каменного века. Националисты бы, конечно, использовали (или яростно оспорили) эту научную теорию как политический аргумент, непосредственно связанный с предполагаемыми историческими правами[10]. Тем не менее, все это действительно говорит о том, что горная среда была настолько недоступной и ограниченной ресурсами,

[7]Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. — Bloomington: Indiana University Press, 2002; Kurtynova-Derluguian L. Tsar's Abolitionists. The Russian Suppression of Slave Trade in the Caucasus, 1801-1864. Ph.D. dissertation, — Binghamton University, Department of History, 1995.

[8]Абдушелишвили М.Г., Арутюнов С.А., Калоев В.А. Народы Кавказа: антропология, лингвистика, хозяйство. — Москва: Институт антропологии и этнологии РАН, 1994.

[9]Diakonoff I.M. The Paths of History. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[10]De Waal T. Black garden: Armenia and Azerbaijan through peace and war. — New York: New York University Press, 2003.

что миграции и завоевания шли в обход Кавказского хребта. Такое природное святилище сохранило на долгие века разнообразие изолированных языков и генофондов.

Изоляция, по-видимому, объясняет также знаменитое долголетие местных абхазов, многие из которых остаются живы и здоровы даже после ста лет. Междисциплинарное исследование абхазского геронтологического феномена, проведенное в 1970-1980-х советскими и западными учеными, выявило такие разнообразные факторы, как йогуртовую диету, климат, естественный радиационный фон, а также особое уважение и социальные роли, которые абхазская культура предоставляет пожилым мужчинам и женщинам[11]. Наиболее надежная гипотеза предполагает наличие полезной генетической мутации, которая стала доминировать в относительно небольшой и длительно изолированной местной популяции. (По любопытному совпадению, еще один, аналогичный генофонд горского долголетия был найден в Карабахе.)

История

Еще одно проявление долгосрочной изоляции — это беззаботный религиозный синкретизм абхазов. На протяжении веков сначала Византийская, а затем Османская империя утверждали свое господство на Кавказском побережье Черного моря, распространяя там соответствующие религии. Имперские претензии, однако, были в основном номинальными. Империи и местные абхазские князья не имели ни ресурсов принуждения, ни достаточных оснований, чтобы бороться за установление прочной власти над автономными общинами горцев, разбросанными по этой бедной и недоступной периферии Большого Средиземноморья[12]. В Абхазии, как и везде на Кавказе, традиционная социальная организация опиралась на самодовлеющие сельские общины, сплетенные обширной сетью родства. Запутанная феодальная политика княжеских семей, очень важная для монографий по истории, оставалась, однако, на протяжении веков ненужным довеском к автономному сельскому типу социальной организации. По умолчанию, большинство абхазов пребывали в забвении относительно своих далеких имперских правителей и по сути практиковали традиционное язычество под тонким слоем беспорядочной смеси из христианства и ислама.

Будучи в Абхазии совсем недавно, в 2004 году, я мог видеть, что священные рощи попрежнему используются там для ежегодных жертвенных пиров, мертвых же хоронят на заднем дворе после длительного погребального обряда, а не на кладбищах[13]. Я много раз слышал, что обычные абхазы высмеивают мусульманское рвение, продемонстрированное добровольцами из Чечни и Ближнего Востока, когда те бросились в 1992 году защищать независимость Абхазии против грузин-христиан. После тихого ухода иностранных добровольцев мечети, которые начали строиться, остались заброшенными. За исключением нескольких русских священников и Русской православной церкви, христианского присутствия здесь тоже не много.

Согласно учебникам, Абхазия стала частью Русской империи в 1810 году, когда одна из ветвей абхазского княжеского рода, — Чачба на абхазском языке или Шервашидзе на грузинском, — поклялась в вассальной верности царю. Князь Сефер-бея Чачба/Шервашидзе избавился от ислама, привнесенного про-османской ориентацией, а его наследники воссоздали свою идентичность православных христиан, вскоре приняв культуру грузинского дворян-

[11]Hewitt B.G., Khiba Z.K. The Abkhaz. — Amsterdam: North-Holland, 1979.

[12]Ascherson N. Black Sea. — London: Jonathan Cape, 1995; King C. The Black Sea: A History. — New York: Oxford University Press, 2004.

[13]См. замечательное литературное описание этого обряда у Искандера: Iskander F. Sandro of Chegem: A Novel. Translation by Susan Brownsberger. — New York: Vintage Books, 1983.

ства на императорской службе России[14]. Смены вассальной зависимости высшего сословия и соответствующие культурные преобразования имеет давнюю традицию в этом уголке мира. Современные грузинские националисты пытаются доказать свои претензии на Абхазию, отталкиваясь от средневековых прецедентов и обобщая, на деле, опыт XI-XIII веков, когда феодальное Грузинское царство было достаточно сильным, чтобы втянуть абхазских князей в свою политическую и культурную орбиту.

У нас нет достаточных исторических свидетельств, чтобы судить о том, насколько средневековые культурные связи проникли за пределы тонкой феодальной элиты Абхазии. Но для IX в. ситуация хорошо документирована, и можно видеть, что русское и, по доверенности, грузинское присутствие в Абхазии было явной дипломатической фикцией вплоть до окончательного военного поражения независимых горских общин Кавказа в 1864 году.

Демография и империя

До последней четверти XIX в. население Абхазии (а это, возможно, около ста тысяч человек — реальную численность очень трудно оценить из-за полного отсутствия в стране вплоть до 1890-х годов какой-либо государственной власти и, соответственно, переписи населения) состояла исключительно из этнических абхазов и некоторых этнически близких им народностей (к примеру, убыхов), которых теперь здесь нет. В 1864 году стремительный рывок русских войск в направление Черного моря вызвал среди горцев апокалиптическую панику, которая привела к массовому исходу горцев через море в земли Османской империи: на территорию сегодняшних Турции, Сирии, Иордании и даже Косово[15]. Паника охватила все пространство от Дагестана и Чечни на востоке Кавказа до черкесских земель и Абхазии в западной части региона. Так как Абхазия была расположена непосредственно на берегу Черного моря, эмиграция оттуда был особенно массовой. По крайней мере, половина или даже целых три четверти абхазов покинули свои родные места в ходе последовавших одна за другой волн эмиграции, а именно, после серии подавленных восстаний в период между 1864 и 1878 годами. Соседи абхазов на севере, убыхи и абадзеки, ушли полностью. Большинство из них ассимилировались в странах Ближнего Востока, помня только, что их предки пришли с Кавказа. Большая часть эмигрантов утратили связь с родным языком вследствие естественной ассимиляции и активной националистической политики Турецкой республики. Последний носитель языка убыхов (лингвистически родственных абхазам) умер в Турции в 1974 году. По счастливой случайности, известному фольклористу Жоржу Думезилю удалось записать язык убыхов до того, как он исчез навсегда[16].

Боль изгнания привила северокавказским «мухаджирам» (мусульманским беженцам, спасавшимся от угрожавших им «неверных») протурецкую, воинственно-исламскую идентичность, направленную против русских завоевателей. Недавние этнические войны в Абхазии, Чечне и бывшей Югославии в значительной мере возродили эти настроения. Сегодня почти три миллиона людей в Турции считают себя потомками абхазов, черкесов и чеченцев. Между тем, оставшиеся на родине абхазы стали настроенными весьма пророссийски, и это повергло в шок добровольцев из абхазских диаспор, когда те бросились восстанавливать землю своих предков в 1992 году. Национализм диаспоры всегда склонен видеть в своих этнических истоках кладезь незапятнанной национальной культуры. Но в прошлом веке в Абхазии произошли глубокие перемены, и они сделали абхазов этническим меньшинством в

[14]Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. — Bloomington: Indiana University Press (2nd ed.), 1994.

[15]Ascherson N. Black Sea. — London: Jonathan Cape, 1995; Lieven A. Chechnya, The Tombstone of Russian Power. — New Haven, CT: Yale University Press, 1998.

[16]King C. The Black Sea: A History. — New York: Oxford University Press, 2004.

17%, особый статус которого по сравнению с грузинским большинством в 45% может быть обеспечен только уравновешивающим фактором российских интересов[17].

Абхазская народная память преуменьшает последствия русского завоевания и не придает значения связи между приходом грузинских, армянских, греческих, даже нескольких сотен эстонских переселенцев с политикой колониального развития[18]. До 1917 года российская власть преследовала две цели в Абхазии: создать основу для доходов, стимулируя внедрение товарных культур (цитрусовых, табака, чая) и умиротворить неугомонных крестьян Западной Грузии, наделяя их землей в малонаселённой Абхазии.

Происходивший одновременно с этим демографический взрыв в грузинских селах был связан с распространением существенно более продуктивной американской кукурузы (заменившей собой традиционное просо) где-то в XVII — XVIII веках. Последовавшее затем в начале XIX века введение российского управления сдерживало разрушительные действия феодальных войн и работорговли. Но власть России в Грузии серьезно зависела от лояльности грузинской знати (включавшей тогда и абхазских князей), количество которой росло даже быстрее, чем число ее крепостных крестьян. При отмене грузинского крепостного права в конце 1860-х годов, русская администрация уступила желаниям местных дворян и наделила освобожденных крестьян еще меньшими земельными участками, чем в центральной России[19]. Несмотря на освоение земель и переселение в такие приграничные территории, как Абхазия, быстрое развитие денежной экономики, возделывание товарных культур, а также ускорявшийся рост населения значительно ухудшили в начале 20 века положение крестьянства на всем Кавказе.

Когда в 1905 году, а потом в 1917 году, Российское государство переживало революционные разломы, социальное давление повсюду переросло в деревенские восстания, захваты земель и бандитизм[20]. В многонациональной среде аграрные волнения дошли до многочисленных этнических столкновений с участием различных группировок грузин, азербайджанцев, армян, осетин, абхазов.

Проблемы демографии, землепользования и революционной политики того времени стали совершенно непостижимыми для кавказских мужчин и женщин, выраставших в радикально новой атмосфере советской эпохи. Историческая память народов Кавказа, отчасти сохранившаяся в семейных традициях и оформленная, в конечном итоге, националистически настроенными интеллектуалами, могла сказать об ужасных событиях 1905 и 1917—1921 годов лишь то, что «они нас убивали», однако это, безусловно, грубое упрощение повторялось с огромной эмоциональной верой. Когда в конце 1980-х годов советская власть начала рушиться, травматические воспоминания актуализировались и стали сознательно воспроизводиться в совершенно других исторических условиях.

Конечно, было бы крайне ошибочным соглашаться с утверждением местных националистов и их последователей (сколь бы многочисленными и многоголосыми они ни были), что последние конфликты — это просто возрождение вековой ненависти[21].

---

[17]Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. — New York: Cambridge University Press, 2002.

[18]Shnirelman V.A. The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. — Osaka, Japan: National Museum of Ethnology, 2001.

[19]Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. — Bloomington: Indiana University Press (2nd ed.), 1994.

[20]Классическое изложение причин, ведущих от демографического давления к революции, см.: Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. — Berkeley: University of California Press, 1991; а в случае русской империи — см.: Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. — Bloomington: Indiana University Press (2nd ed.), 1994, и Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.

Межэтнические отношения — это грубое обобщение, которое в действительности состоит из несметного числа повседневных взаимодействий, начиная от личностного уровня сотрудничества (дружбы, браков, коррупции при желании) до случайных конфликтов (карьерного соперничества или пьяных драк). Однако в нормальной обстановке эти конфликты разрешаются обычным способом, даже если в особых тяжелых случаях требуется вмешательство полиции[22]. Само ощущение того, что история повторяется, создается двумя факторами: культурно-обусловленной рационализацией всех видов конфликтов по линиям травматической исторической памяти и институционализацией этничности (по принципу path dependent) современными национальными государствами. Советский Союз и социалистическая Югославия дали яркие примеры изначально весьма успешной институционализации беспокойных этнических групп в рамках федеральных республик. Однако эта институционализация стала неуправляемой и разрушительной, коль скоро социалистические государства попытались ответить ограниченной либерализацией и рыночными реформами на снижение своей легитимности и надвигавшееся банкротство прежнего опыта индустриализации[23].

Политика

В 1918 году, когда Россия спускалась в ад гражданской войны, Грузия стала независимым государством и поспешила навязать свою власть этнически проблематичной периферии на своей территории, в том числе Абхазии[24]. Свойственное тому времени и, по-видимому, иррациональное насилие на этнической почве часто связывают с пороками, коренящимися в характере, классовой структуре и институтах Восточной Европы. Однако при этом не замечают главной роли Лиги Наций, с ее совершенно либеральным и юридическим дискурсом, в спонсировании националистических войн на обломках империи Габсбургов, Османской и Русской империй. В 1919 году великие державы, собравшиеся в Версале, поставили новым независимым странам — Армении, Азербайджану и Грузии — три стандартных условия, которые те должны были выполнить в течение одного года в рамках подготовки к получению полного признания в качестве государств-наций. Вот эти три условия: а) исторические права, б) культурная принадлежность населения, определяемая, при необходимости, посредством плебисцитов, и в) действующая оккупация[25].

Первый пункт подтолкнул новые режимы к созданию комитетов из национальных историков и антропологов, чьи патриотические «открытия» и по сей день подливают масла в огонь националистической пропаганды. Второе и особенно третье условия — требование действующей оккупации, напрямую заимствованное из решений Берлинской конференции 1885 по колониальному разделу Африки, побудили стремящиеся к независимости национальные государства поднять свой флаг и установить гарнизоны в максимально большем количестве спорных районов до истечения установленного срока и надвигавшихся плебисцитов. Чтобы компенсировать острую нехватку регулярных войск, были собраны и по ходу во-

[21]См. важный документ, написанный в начале 1920-х годов, но впервые опубликованный лишь спустя десятилетия: Лисициан С. Армяне Нагорного Карабаха. — Ереван: Издательство АН Армении, 1992; а также De Waal T. Black garden: Armenia and Azerbaijan through peace and war. — New York: New York University Press, 2003

[22]Mars G, Yochanan A. The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy // Soviet Studies. — 1983. — XXXV, no. 4 (October). — Pp. 546-60; Ledeneva A. Russia's Economy of Favors: Blat, Networking, and Informal Exchange. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

[23]Bunce V. Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State. — New York: Cambridge University Press, 1998.

[24]Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. — Bloomington: Indiana University Press (2nd ed.), 1994.

[25]Kazem-zadeh F. The Struggle for Transcaucasia, 1917-1921. — New York: Philosophical Library, 1951.

оружены местные ополчения и нерегулярные войска всех видов. Результаты оказались ожидаемо кровавыми[26].

Везде — в Карабахе, Аджарии, Южной Осетии или в Абхазии — появление на местах националистических вооруженных сил обострило этнически окрашенные аграрные конфликты и привело к прямой резне. Абхазские деревенские ополченцы (так называемые «киараз») искали альтернативные источники оружия у русских большевиков, которые, в свою очередь, рассчитывали на превращение разрозненных сельских сопротивлений в коммунистически организованные восстания против националистических режимов[27].

Окончательно заняв Грузию в 1921 году, большевики объединили ее вместе с Арменией, Азербайджаном и Абхазией в недолговечную Закавказскую Федерацию[28]. На данном историческом прецеденте, коренящемся в конституционных экспериментах ранней советской эпохи, в конце 1980-х делали акцент руководители Абхазии. Они утверждали, что все республики упомянутой федерации были равны по статусу с Грузией, а потому каждая из них имеет конституционное право на отделение и международное признание — не в меньшей мере, чем Молдова или Таджикистан, которые, как известно, недавно это сделали.

Мало будет сказать, что запутанная советская система национального федерализма могла функционировать только благодаря главному учреждению в виде Коммунистической партии и при поддержке тайной полиции[29]. Советская федеративная система функционировала в основном по общему взаимопониманию и через личные связи, пронизывавшие весь партийный аппарат. В 1921-1936 годах особый, выгодный статус Абхазии зависел от личности ее чрезвычайно популярного лидера Нестора Лакобы. Полуобразованный и в прошлом авторитетный бандит из поколения 1905-го, Лакоба к 1917 году уже провел годы в подполье или в царских тюрьмах, став большевиком, располагавшим хорошими личными связями со Сталиным[30]. По этой причине или, что вероятнее, из-за того, что Абхазия вообще считалась слишком отсталой и периферийной, Лакоба мог откладывать коллективизацию абхазского крестьянства вплоть до своей внезапной смерти в 1936 году. (Лакоба умер через несколько дней после того, как он попировал с Лаврентием Берией, тогдашним коммунистическим хозяином Грузии).

После устранения Лакобы, объявленного посмертно врагом народа, Берия начал грузинизацию Абхазии с присущей ему силой и жестокостью. Конституция 1936 года сделала Абхазию автономией в составе Грузинской ССР. Большое количество грузинских колхозников и специалистов были откомандированы в Абхазию в рамках кампании по борьбе с отсталостью[31]. Между тем абхазский язык, к тому времени лишь десятилетие как обретший свой собственный алфавит, был заменен в официальном использовании на грузинский, а нарождавшаяся абхазская интеллигенция была уничтожена в период репрессий. Политика насильственной грузинизации Абхазии (и параллельная с ней кампания в Южной Осетии) вливаются в конце 1930-х годов в общее русло сталинского курса на сокращение списка национальных автономий до более управляемого их количества, попутно ликвидируя при этом во-

[26]Mann M. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. — New York: Cambridge University Press, 2005.

[27]Цуциев А. Осетино-ингушский конфликт (1992- …): его предыстория и факторы развития. — Москва: РОССПЭН, 1998.

[28]Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. — Bloomington: Indiana University Press (2nd ed.), 1994.

[29]Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.

[30]Художественную версию этой истории, на основе местного фольклора, см.: Iskander F. Sandro of Chegem: A Novel. Translation by Susan Brownsberger. — New York: Vintage Books, 1983.

[31]Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. — New York: Oxford University Press, 1996.

ображаемые феодальные вотчины вроде той, что устроил себе в Абхазии Лакоба. Но тот факт, что и Сталин, и Берия были грузинами, не был не замечен ни в Абхазии, ни в Грузии[32].

После 1953 года выжившая абхазская интеллигенция (несколько писателей, историков, преподавателей — в основном, из более ранней советской эпохи), а также абхазские партийные кадры использовали смерть Сталина и казнь Берии, чтобы изменить общий ход событий. Этнический состав был изменен необратимо — без грузинской и, в меньшей степени, армянской и русской рабочей силы, современное сельское хозяйство и знаменитые курортные сектора Абхазии исчезли бы. Но абхазские лидеры успешно призывали Хрущева вернуться к «истинно ленинской национальной политике», а именно, к государственной поддержке абхазской культуры, предоставлению абхазам преимущественных прав при приеме в университет, а также к административному содействию им как титульной нации. Неудивительно, что это вызвало опасения и недовольство среди грузин, занимавших различные должности в Абхазии — от министра правительства до преподавателей вузов, руководителей колхозов и сотрудников милиции.

Обычно такого рода напряженность сдерживалась бюрократическими процедурами и ограничениями, налагаемыми официальной советской политикой по национальному вопросу[33]. В самом деле, после 1954 года бюрократическое сдерживание националистических нарушений стало нормой на долгие годы, заставив грузинское большинство приспособиться и научиться жить с этим. Но Грузия была во всех отношениях одной из наименее покладистых и спокойных советских республик[34]. История Грузии, а также ее аграрные социальные структуры, чем-то напоминали Польшу. Обе страны хвастались энергичным гражданским обществом, которое было сосредоточено вокруг первоклассной художественной и профессорской интеллигенции, чьи родословные уходили в прошлое непомерно многочисленного и амбициозного мелкого дворянства досоциалистической эпохи[35].

В период 1956—1989 годов непокорная Грузия была для Москвы не меньшей головной болью, чем Польша. Постсталинский режим испытывал постоянную тревогу перед лицом периодических вспышек протестов, руководимых грузинской интеллигенцией. Москва обычно отвечала смесью из кооптации во власть и репрессий против националистически настроенных интеллигентов, что непреднамеренно расширяло структурные возможности для дальнейшей мобилизации протеста[36]. Москва предложила щедрую помощь для грузинской экономики и культурных учреждений (которые никогда не были столь хороши, как при Брежневе), оставаясь при этом мишенью для всяческих обвинений. Абхазское население извлекало из этой ситуации еще бо́льшую пользу, учитывая, что в этот период его количество стабилизировалось на уровне в сто тысяч. Это составляло около 17% от общего числа населения полумиллионной Абхазии. Этнические группы русских, армян и греков составляли каждая по доле, сопоставимой с абхазским населением (то есть, по 12 — 17%), в то время как этнические грузины (в основном, носители мегрельского «диалекта», который отличается от грузинского примерно так же, как испанский от французского) сохраняли большинство в 40 —

[32]Grant B. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. — Princeton: Princeton University Press, 1995.

[33]Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.

[34]Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. — New York: Cambridge University Press, 2002.

[35]Bunce V. Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State. — New York: Cambridge University Press, 1998; King L.P. Making Markets: A Comparative Study of Postcommunist Managerial Strategies in Central Europe // Theory and Society. — 2001. — 30. — Pp. 493-538.

[36]Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. — Bloomington: Indiana University Press (2nd ed.), 1994.

46%[37]. Каждый цикл протеста оставлял после себя обновленные практики, расширенные сети и политические договоренности, которые обеспечивали повторение дальнейших протестов. И грузинские, и абхазские протестующие маневрировали, обращаясь к вопросам и темам, которые резонировали с национальными чувствами, но избегали прямых атак на основы коммунистической идеологии, ибо такие атаки не оставляли бы Москве иной альтернативы, кроме как реагировать резко[38].

До тех пор, как советское государство после 1956 года продолжало функционировать в режиме малых репрессий, протестный цикл открывал ценную возможность для переговоров для грузинских и абхазских чиновников. И те почти открыто потворствовали толпе и диссидентам. Циклы эскалации протеста в отношении статуса Абхазии случались каждое десятилетие: в конце 1950-х, конце 1960-х, в 1978—79, в декабре 1988 года, весной и летом 1989 года. Каждая кампания придавала все больше смелости протестующим, которые отстаивали в споре существенные преимущества, призванные успокоить массовые страсти. Как ни странно, но именно на пике горбачевской демократизации Москва, наконец, решилась использовать принуждение вместо обычного дарового умиротворения грузино-абхазских ритуальных конфликтов[39]. В апреле 1989 года в Тбилиси были направлены советские десантники, чтобы разогнать толпу протестующих, постоянно занимавших центральную площадь города[40]. Десантники были вооружены саперными лопатками из-за нехватки дубинок и, видимо, не были проинструктированы, как следует бороться с разгневанными гражданами. В результате, девятнадцать протестующих погибли, большинство из них женщины. Тбилисская «резня лопатками» положила начало первой антикоммунистической революции 1989 года. За одну трагическую ночь легитимность Коммунистической партии Грузии была разрушена, а сообразительный националистический диссидент Звиад Гамсахурдиа стал вдруг наиболее вероятным претендентом на власть в государстве.

Революция и война

Вот две типичные истории из Абхазии, которые иллюстрируют потрясения, вызванные событиями 1989 года[41]. Встречает как-то фермер-абхаз своего старого друга грузина, чтобы пропустить с ним пару стаканчиков, но вместо обычного разговора о футболе и планах выгодной продажи мандарин, грузин вдруг начинает страстно утверждать, что на Кавказе Грузия является наиболее цивилизованным древним народом, долгое время страдающим от русского господства. Но когда оказывается, что абхаз не разделяет эмоций своего друга, тот мрачно предлагает выпить за смерть всех абхазов.

В другом случае чрезвычайно харизматичный Джаба Иоселиани, чья колоритная биография включает в себя длительный тюремный срок за ограбление банка, докторскую степень в области истории искусства, а также несколько добротно написанных романов, приходит в Абхазию вербовать местных грузин в свою националистическую военизированную организацию «Отряд национального спасения» (*Мхедриони*). Иоселиани имел большой успех в группе грузинских сел рядом со знаменитым курортным городом Гагры. Эти села возникли в

[37]Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. — Bloomington: Indiana University Press (2nd ed.), 1994; Grant B. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. — Princeton: Princeton University Press, 1995.

[38]Nodia G. Conflict and Regional Security in the Caucasus // Paper presented at the Yale Center for the Study of Globalization. — 2002. — 22 September.

[39]Об общей теории демократизации как причине насилия на этнической почве см.: Mann M. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. — New York: Cambridge University Press, 2005

[40]Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. — New York: Cambridge University Press, 2002.

[41]Это — личные полевые заметки, записанные мной в 2000 году.

ходе организованной Берией в конце 1930-х годов кампании переселения грузин в Абхазию, и память об этом продолжала беспокоить местных жителей. Иоселиани решительно настаивал на том, что Гагры — не меньше грузинская земля, чем любая другая, называя при этом абхазов подгруппой отсталых грузин, чье непомерное эго намеренно поддерживается стремлением Москвы господствовать в Грузии. Кроме того, он объявил близкую приватизацию земли и курортов Абхазии в соответствии с постсоциалистическими реформами независимого грузинского государства и намекнул, что членство в его военизированном движении будет в значительной мере засчитываться при приватизации советских активов. Приободренные такими обещаниями, местные жители стало в массовом порядке присоединяться к Мхедриони, получая значки организации, предварительно заверенные перечни объектов собственности, а также несколько стволов оружия. Через два года эти деревни будут дотла сожжены совместными вооруженными силами абхазов и чеченцев во главе с тогда еще мало известным Шамилем Басаевым, который в 1995—2004 годах организовал захваты заложников в городской больнице Буденновска, в московском театре и в школе Беслана.

Абхазское население в чуть менее 100 тыс. человек чувствовало себя осажденным в перспективе обретения Грузией независимости. Их опыт жизни в государстве, основанном на местном покровительстве (которое мы обычно называем коррупцией) совершенно обоснованно наводил на мысль: у кого этническое большинство — у того и альтернативные выборы, а у кого победа на выборах — у того и собственность[42]. Кроме того, пожилые лидеры абхазских коммунистов потеряли свой политический вес, когда Горбачев отстранил от власти в Москве высших представителей номенклатуры, покровительствовавших абхазской элите[43]. В этой ситуации смятения, организация абхазской «антимобилизации» передается в руки более молодого и менее скованного поколения национальной номенклатуры. Новые лидеры преследовали две цели: во-первых, сохранить советскую систему этнических квот, которая мешала местным грузинам автоматически набрать большинство в Абхазском парламенте; во-вторых, привлечь внешних союзников (русских, чеченцев, армян, или выходцев с Ближнего Востока) для того, чтобы уравновесить превосходящие силы противника — грузинского большинства.

Компактность населения Абхазии сделала его политическую мобилизацию относительно легкой[44]. В отличие от абхазской, становящаяся политическая сцена Грузии страдала от крайней фрагментации, напоминавшей феодально-родовые распри[45]. В советские времена, когда коммунистическая партия предлагала общие объединяющие цели, унаследованная грузинами культура мелкого дворянства, встроенная в сети высокостатусной интеллигенции и свободных профессионалов, помогала сохранять яркое и активное гражданское общество. Но

[42]Holmes L. The End of Communist Power: Anti-Corruption Campaigns and Legitimation Crisis. — Oxford: Oxford University Press, 1993; Urban M. An Algebra of Soviet Power: Elite Circulation in the Belorussian Republic, 1966-86. — New York : Cambridge University Press, 1989; Vaksberg A. The Soviet Mafia. — New York: St. Martin's Press, 1991; Volkov V. Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.

[43]Zaslavsky V. Success and Collapse: Traditional Soviet Nationality Policy // Bremmer I., Taras R. (eds.). Nation and Politics in the Soviet Successor States. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — Pp. 29-42

[44]См. впечатляющую базу данных ивент-анализа, составленную Бессинджером: Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. — New York: Cambridge University Press, 2002.

[45]Отличный анализ семейно-родовой политики представлен в работах: Humphrey C. "Icebergs", Barter, and the Mafia in Provincial Russia // Anthropology Today. — 1991. — Vol. 7, No 2 (April 1991); Solnick S.L. Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998; Hislope R. Organized Crime in a Disorganized State // Problems of Post-Communism. — 2002. — (May/June 2002) vol. 49, issue 3; Фисун А. Политико-режимная трансформация Украина: дилеммы неопатримониального развития. — Киев: Стилос, 2002. — С. 4-14; Ganev V. Ballots, Bribes, and State Building in Bulgaria // Journal of Democracy. — 2006. — Vol. 17, n. 1. — Pp. 75-89.

когда советская власть рухнула, «приличные семьи» Грузии позорно перессорились между собой за статус и трофеи империи. Кроме того, социальные навыки и привычки, культивировавшиеся в интеллектуальных салонах и во время знаменитых грузинских застолий, оказались совершенно недостаточными для решения задач государственного и военного строительства. Первый посткоммунистический грузинский президент Звиад Гамсахурдиа, пришедший к власти во многом благодаря своему генеалогическому «достоинству» (он был сыном известного национального писателя), уже в течение года был свергнут своими бывшими союзникам[46]. Затем в растущем беспорядке призван был разобраться Эдуард Шеварднадзе — пожилой государственный деятель советской поры, наделенный легендарной хитростью. Шеварднадзе в конце концов достиг определенной степени умиротворения. Но это могло произойти не раньше того момента, когда Джаба Иоселиани и Тенгиз Китовани, — два полевых командира, которые привели его к власти, — опозорили себя военным поражением в Абхазии.

Происхождение и ход войны 1992—93 годов окутаны грязными тайнами. Абхазскому руководству удалось в 1991 году заключить сделку по разделу власти с Гамсахурдиа, который вероятно, стремился избежать войны на слишком многих фронтах. Абхазское этническое меньшинство смогло сохранить свою непропорционально большую долю в областном парламенте и государственном управлении. Но после свержения первого президента Грузии, Китовани и Иоселиани, видимо, захотели добиться еще одного военного успеха, или, возможно, им нужно было занять самую богатую часть грузинской территории, чтобы вознаградить свои войска за счет ее разграбления. Используя в качестве предлога многочисленные и, в действительности, весьма безответственные заявления Абхазского парламента, грузинские военачальники начали свой блицкриг в августе 1992 года. Их кампания почти сразу же застопорилась — либо из-за угрозы русских войск, по-прежнему размещённых в Абхазии, либо, как предполагают многочисленные очевидцы, из-за того, что грузинские оккупанты начали грабеж. Вероятно, это была комбинация обоих факторов. Абхазская сторона получила передышку, чтобы организовать оборону.

Не может быть никаких сомнений в том, что абхазы получали помощь от российских военных. Несмотря на романтические истории о чеченских и кабардинских добровольцах, героически перешедших через горы, чтобы помочь своим абхазским братьям, бóльшая часть северокавказских и казачьих добровольцев набирались на территории России, перевозились автобусами до абхазской границы, обучались и вооружались российскими офицерами. Чеченский отряд Шамиля Басаева обучался на бывшей даче Хрущева в Пицунде, которая до сих пор принадлежит Администрации президента России. Менее ясны мотивы и институциональные пружины скрытой российской помощи. Журналисты предлагали ряд оснований этой помощи, начиная от сложных геостратегических расчетов и заканчивая местью в отношении Шеварднадзе, которого русские генералы обвиняли в продаже Восточной Германии НАТО[47].

Как и во всех теориях заговора, сомнение здесь вызывает предположение о существовании какого-то единого учреждения, способного к долгосрочным расчетам в условиях большой неопределенности и к непрерывной реализации замыслов[48]. Война в Абхазии совпала с войной президента Ельцина против его парламента, где, кстати, у абхазского руко-

[46]Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. — Bloomington: Indiana University Press (2nd ed.), 1994.

[47]De Waal T. Black garden: Armenia and Azerbaijan through peace and war. — New York: New York University Press, 2003.

[48]В развитие этой критики см.: Derluguian G. Why Adjaria Is Not Like Bosnia: Historical Determinants, Human Agency, and Contingency in the Chaotic Transition // Katsiaficas G. (ed.) After the Fall: 1989 and the Future of Freedom. — New York: Routledge, 2001. — Pp. 103-124.

водства было много друзей среди антиельцинских националистов. Далее, обычно не обращают внимания на то, что летом 1992 года в Кабардино-Балкарии свершилась успешная националистическая революция по образцу чеченской, Северная Осетия оказалась на грани войны с Ингушетией, адыги на побережье Черного моря сплотились для восстановления своего национального анклава, упраздненного в середине 1950-х годов. Так что проект Всекавказской Горной Республики не казался таким уж невозможным. На этом фоне мы должны либо предположить, что Москва тайно руководствовалась гениальной реализацией дьявольски сложного плана, либо — что представляется более экономной гипотезой — события следовали по хаотической траектории, состоящей из множества противоречивых действий и мотивов, что в конце концов пошло на пользу Москве, до сих пор еще самому сильному игроку в регионе.

Война за независимость Абхазии 1992-93 состояла из спорадических и незавершенных сражений, продолжительных периодов застоя и мирных соглашений, которые постоянно нарушались той или другой стороной (или даже отдельным полевым командиром), видевшей шанс одержать победу. Это сопровождалось грабежами и зверствами в отношении гражданского населения, и совершали их все военные. А позади обеих армий, грузинские и абхазские гражданские лица — каждый раз, когда мертвый боец доставлялся домой для погребения — совершали параноидальные акты поджога домов, казней, линчевания подозреваемых шпионов и предателей или просто акты символической мести[49].

Следует признать, что, прожив нескольких поколений бок о бок друг с другом, абхазы и грузины сформировали общую культуру, общую территорию, общие связи на основе брака и совместного труда. Для них было обычным делом говорить, по меньшей мере, на двух, а то и, как правило, на трех языках (абхазском, грузинском и русском). И, тем не менее, разделение, вызванное войной, было чрезвычайно травмирующим и привело к социально-психологическим последствиям, знакомым нам по антропологической литературе на темы ритуальной мести и охоты на ведьм. С точки же зрения политической науки С. Каливас[50] убедительно показал, что очевидное безумие на самом деле следует логике управления в спорных районах во время гражданской войны.

Шальные зверства стали главным элементом организованного насилия в конце войны, в сентябре-октябре 1993 года, когда совместные силы абхазских и иностранных добровольцев обманом захватили столицу Сухум (на грузинском языке произносится «Сухуми») и всю остальную Абхазию. До войны только 7% населения Сухума были абхазами, и в то же время самый богатый сельскохозяйственный район в южной части округа Гали был полностью грузинским[51]. Очевидно, что лидеры абхазских войск подсчитали, что при их ограниченных людских ресурсах невозможно будет контролировать области с преимущественно грузинским населением. Поэтому они решили не оставлять там вообще никого населения. Этнические чистки следуют своей извращенной логике[52]. Злодеяния осуществляются для продуцирования волны паники, вынуждающей большие группы населения бежать от небольшого отряда бойцов, которые в противном случае оказались бы не в состоянии предотвратить сопротивление в своем тылу. Простая максимизация результативности усилий, приводящая к еще одной банальности зла[53].

---

[49]Bourdieu P. The Algerian Subproletariate // Zartman I.W. (ed.) Man, State, and Society in the Contemporary Maghreb. — London: Pall Mall, 1973. — Pp. 83-89.

[50]Kalyvas S. The Logic of Violence in Civil War. — New York: Cambridge University Press, 2006.

[51]Nodia G. Conflict and Regional Security in the Caucasus // Paper presented at the Yale Center for the Study of Globalization. — 2002. — 22 September.

[52]Mann M. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. — New York: Cambridge University Press, 2005; Kalyvas S. The Logic of Violence in Civil War. — New York: Cambridge University Press, 2006.

[53]Arendt H. Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil. — New York, Viking Press, 1964.

Будущие возможности

Излагая свое видение того, чего должны достигать социальные науки, Артур Стинчкомб[54] пишет, что ключ к успеху лежит в возможности отследить социальные механизмы и образующиеся пути, с помощью которых общества движутся из прошлого в будущее. Где, с учетом предыдущего анализа, мы могли бы найти те структурные элементы, которые могут определить будущность Абхазии? Мой главный тезис состоит в том, что конфликт в Абхазии сродни революции и гражданской войне. Конфликт был «заморожен» возможностями абхазских вооруженных сил и их российскими покровителями, с одной стороны, а с другой, дипломатической способностью Грузии — как интернационально признанного суверенного государства с надежным местом в Организации Объединенных Наций — заклеймить восстание абхазов как сепаратистское и нелегитимное. Противопоставление военной мощи и дипломатических норм породило один из «замороженных» конфликтов, которыми изобилуют сейчас бывший советский Кавказ. С 1993 года Абхазия существует как «государство де-факто» (под непризнанным российским протекторатом), подвергаясь международной экономической и политической блокаде из-за непреклонного отказа грузин признать абхазскую сецессию.

В другой своей работе Стинчкомб[55] высказал предположение, что революции заканчиваются, когда степень политической неопределенности уменьшается благодаря встраиванию достаточного количества соглашений в структуру власти, способной эти соглашения выдержать. Похоже, что Абхазия, как и многие другие мятежные провинции на территории бывшего СССР (и Югославии) еще не достигла конца своей революции. Иными словами, «замороженный» конфликт есть гражданская война, лишенная завершения. Стинчкомб суммирует перечень структур, ведущих к окончанию революции и гражданские войны, в виде следующего аналитического континуума: консервативный авторитаризм («термидор»), тоталитаризм, каудилизм, оккупационное управление, демократия и национальная независимость. Рассмотрим теперь вероятность каждого из этих вариантов.

Тоталитаризм — это не вариант для Абхазии по двум основным причинам. Международные нормы, противодействующие сегодня тоталитарной диктатуре, имеют, скорее, второстепенное значение. В конце концов, до сих пор еще существует Северная Корея и существовал бы принудительно единый Ирак, если бы американское правительство не манипулировало международными нормами в своих целях. Основная причина, почему тоталитаризм не является реалистичным вариантом, заключается в том, что для поддержания такого режима необходимо функционирующее государство. Но очевидно, что этого нет ни в Абхазии, ни в Грузии.

По иронии судьбы, демократия не является реалистичным вариантом в значительной степени по той же причине — такой тип политического режима требует достаточно мощного государства, чтобы быть устойчивым. В отсутствие сильных государственных институтов[56] самой распространенной, если не единственной формой правления в данном регионе может быть то, что Стинчкомб назвал «каудилизмом»: режимом личной власти, осуществляемым посредством системы лояльности, скрепленной продажностью, сообщничеством, непотиз-

[54]Stinchcombe A. Tilly on the Past as a Sequence of Futures // Roads from Past to Future by Charles Tilly. — Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 1997.

[55]Stinchcombe A. Ending Revolutions and Building New Governments // Annual Review of Political Science. — 1999. — 2. — Pp. 49-73.

[56]Фисун А. Политико-режимная трансформация Украина: дилеммы неопатримониального развития. — Киев: Стилос, 2002. — С. 4-14; Ganev V. Ballots, Bribes, and State Building in Bulgaria // Journal of Democracy. — 2006. — Vol. 17, n. 1. — Pp. 75-89.

мом и этнической принадлежностью в её наиболее локализованных — «племенных» и региональных — формах. Но в случае Абхазии каудилизм сам по себе конфликта не решит.

Мы остались с национальной независимостью и ее противоположностью — иностранной оккупацией. По другой типичной иронии, то, в чем одна сторона конфликта видит национальную независимость, другая сторона усматривает иностранную оккупацию. После грузинской «революции роз» 2003 года новый энергичный президент страны Михаил Саакашвили сделал ставку на помощь и политическое покровительство Америки. Действительно, грузинские войска носят сегодня американскую военную форму, они служат вместе со своими американскими товарищами в Ираке, а Пентагон — демонстрируя чувство юмора — поручил подготовку грузинских вооруженных сил Национальной гвардии американского штата Джорджия. Как и следовало ожидать, Абхазия и Россия смотрят на все это с подозрением, опасаясь нового витка военных приготовлений. Конфликт был «незамороженным», и к концу 2006 года он достиг точки, за которой открытая война оказалась очень вероятной.

Помимо личного тщеславия нового молодого президента Грузии, пообещавшего своим избирателям скорое воссоединение грузинской территории, главным фактором в размораживании конфликта в Абхазии стало приближающееся признание независимости края Косово. В связи с этим, можно представить три исхода грузино-абхазского противостояния. Абхазия будет завоевана заново отстроенной грузинской армией и интегрирована в Грузию. Но тогда грузинские войска должны будут противостоять абхазам, которым, вероятно, к этому времени будут открыто помогать русские. Москва при президенте Путине стала более националистической и напористой в международной политике. И причиной тому не служит непредвиденная валютная выручка от экспорта энергоносителей; скорее, последнее стало ресурсом в политических стратегиях Путина. Основная причина в том, что российские элиты больше не купишь разговорами о глобальной интеграции. Вместо этого, они настроены цинично в отношении международных норм, которые рассматривают теперь как простое прикрытие для американских имперских амбиций. В глазах московской политической элиты руководимые американцами «гуманитарные интервенции» в Косово, как и вторжение в Ирак, доказали, что отношения на мировой арене формируются с позиций калькулируемой силы, и что Москва не может рассчитывать на любезное приглашение вступить в клуб союзников Америки. Это делает более вероятной аннексию Абхазии (как и Южной Осетии) — в той или иной форме — Россией. Между перспективой отвоевания Абхазии Грузией и российской аннексией Абхазии исторической серединой может выступить знакомое положение «ни войны, ни мира»: замороженный этнический конфликт.

Перевод с английского — *С.П. Поцелуев*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Л.Г. Берлявский
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

Аннотация: *Изучение политических процессов в странах Ближнего и Среднего Востока представляет значительный интерес в связи с тем, что данный регион находится вблизи южных границ России, других постсоветских стран и не может не затрагивать их политические, экономические и гуманитарные интересы. В ряде стран региона существуют нестабильные политические режимы (Ирак, Афганистан и др.), их конституционное развитие заторможено и испытывает воздействие системы международных санкций (ООН, Евросоюза) либо государственного права ведущих государств Запада. На политическое развитие ряда стран (Исламская Республика Иран, Ливанская Республика, Алжир и др.) существенное, если не решающее воздействие оказывает исламский фундаментализм.*

Ключевые слова: *конституционное право, Ближний и Средний Восток, исламский фундаментализм, государственная религия, эволюция конституционализма, форма правления, конфессиональная система, «арабские революции».*

Конституционные революции и перевороты конца XX в., охватившие практически все континенты, но особенно бурно проявившие себя в Восточной Европе и России, заставили исследователей обратиться к системному анализу конституционной динамики. Очевидна теоретическая и практическая значимость этих вопросов для всякого, кто интересуется не только описанием реальности, но и возможностью прогнозирования и корректировки социального развития[1].

Начало XXI века ознаменовано волной так называемых «арабских революций», прокатившихся по ключевым странам региона Ближнего и Среднего Востока, обострившейся политической нестабильностью в Сирии и Ливане, усилением политического веса исламских партий на выборах, устойчивым стремлением Исламской Республики Иран получить доступ к ядерным технологиям, обострением проблем безопасности Израиля.

[1]Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. — М., 2005. — С.7.

Изучение политических процессов в странах Ближнего и Среднего Востока представляет значительный интерес. Во-первых, данный регион находится вблизи южных границ России, других постсоветских стран и не может не затрагивать их политические, экономические и гуманитарные интересы. Во-вторых, в регионе сосредоточены значительные запасы углеводородов, зависимость от которых оказывает влияние на государственные институты и политические процессы в США, странах Западной Европы, Японии. В-третьих, в ряде стран региона существуют нестабильные политические режимы (Ирак, Афганистан и др.), их конституционное развитие заторможено и испытывает воздействие системы международных санкций (ООН, Евросоюза) либо государственного права ведущих государств Запада. В-четвертых, на конституционное развитие ряда стран (Исламская Республика Иран, Ливанская Республика, Алжир и др.) существенное, если не решающее воздействие оказывает исламский фундаментализм[2].

В настоящее время ислам признается государственной религией более чем в 30 странах (ст.2 Конституции Иордании, ст.7 Конституции ОАЭ, ст.1 Конституции Катара и др.). Так преамбула Конституции Королевства Марокко гласит: «Королевство Марокко — суверенное мусульманское государство». В ряде стран (Саудовская Аравия, Иран, Пакистан) мусульманское право — шариат обладает более высокой юридической силой, чем закон и даже конституция. По мнению специалиста по политически и правовым системам региона А. Эль-Обейда, определение характера большинства арабских стран представляет значительные трудности, поскольку их режимы «репрессивны и персонализированы». Принятие избирательных законов, становление избирательных систем могут рассматриваться как обнадеживающие сдвиги, связанные с сокращением репрессивных оплотов власти в ряде стран региона[3].

Эволюция конституционализма в регионе имеет ряд существенных особенностей. Первые конституции в регионе были приняты сразу после первой мировой войны и отражали значительное влияние бывших метрополий и держав-мандатариев: Конституция Египта 1923 г., Ирака 1924 г., Ливана 1926 г., Иордании 1928 г., Сирии 1930 г., Кувейта 1939 г. В данных основных законах наблюдалась рецепция европейского права. Так конституция Египта повторяла целый ряд установлений Конституции Бельгии 1831 г., на Конституцию Ливана существенно повлияла Конституция Франции 1875 г.

В большинстве арабских стран конституционное развитие начинается только после второй мировой войны с закрепления в первых конституциях, принятых в 50—70-х годах, факта достижения политической независимости (Алжир, Тунис, Марокко, НДРЙ, Ливия и др.). В феодально-абсолютистских монархиях первые конституции были приняты сравнительно недавно (в Саудовской Аравии в 1992 г., в Омане в 1996 г.).

---

[2]Берлявский Л.Г. 1) Проблемы изучения конституций стран Ближнего и Среднего Востока в курсе конституционного права зарубежных стран // Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. /ред. колл.: Марченко М.Н. (отв. ред.), Липунов В.И., Рукавишникова И.В., Побежимова Н.И., Орлова Н.Е., Лях С.М. — Ростов н/Д, 2009. — С. 118; 2) Конституция Палестины: «государство в пути» //Современный конституционализм. Международный научно-практический журнал. — 2007. — № 2. — С. 73—81; 3) Конституционный строй Исламской Республики Иран: опыт консервативной модернизации // Современный конституционализм. Международный научно-практический журнал. — 2009. — № 2. — С. 72—85; 4) Государственная власть Исламской Республики Иран в условиях консервативной модернизации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2010. — № 12. — С. 41—45; 5) Избранные труды по конституционному праву. Конституционное право России и зарубежных стран. — Lambert Academic Publishing. Saarbrucken (Deutschland), 2011; 6) Конституционный процесс в регионе Ближнего и Среднего Востока //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2011. — № 8(14). — С. 32—41; 7) Государственная власть и местное самоуправление в Израиле // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 1. — С. 39—46.

[3]IFES Arab Election Law Compendium / ed. by L. Marulanda, El Obaid A. El Obaid, L.Aloui. — Tuxedo, 2003. — P. 9.

Бурные события декабря 2010 — февраля 2011 гг. в арабских странах с особой остротой поставили вопрос о конституционных реформах в них, существенной модернизации политической системы и избирательного права, в частности. Как отмечает обозреватель издания «Al Khaleej» (Объединенные Арабские Эмираты) С.Мехио, после того, как в 90-е годы возросла роль Интернета в общественно-политической сфере, возникло понятие «электронной демократии». Такая демократия использует современные средства коммуникации, чтобы помочь народному волеизъявлению. До сих пор такая демократия существует в очень ограниченном виде, и применяется она лишь в Швейцарии и Швеции. Однако если смотреть на определение, то такой вид прямой электронной демократии как раз и используется молодежью в Тунисе, Египте и Иордании, только не для того, чтобы участвовать в управлении, а для того, чтобы сменить власть в стране или направить политический процесс в другое русло[4].

При этом стремление к переменам ощутимо в большинстве арабских государств. В западной печати указывается, что риски для арабских стран существуют похожие: это экономический спад на начальном этапе, гражданская война и усиление новых авторитарных режимов, которые могут подпитываться идеями исламизма. Идеальных стран не бывает. Однако то, что мы видим сегодня в Тунисе и Египте, и что можем увидеть в других местах, это величайшее по своей сути освобождение не только от диктатуры, но и от многолетней коррупции и отчаяния[5].

С точки зрения форм правления для региона исторически типична монархия, однако его уникальность состоит в максимальном их разнообразии в настоящее время. На Ближнем и Среднем Востоке существуют абсолютные монархии (Саудовская Аравия, Оман), конституционные монархии (Катар, ОАЭ,), дуалистические монархии (Иордания, Марокко), республики (Ливан, Египет, Тунис, Алжир, Судан, Мавритания, Сирия, Ирак), теократическое государство Исламская Республика Иран, а также государство с нетипичной формой правления — Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия.

Значительный интерес представляет опыт функционирования политических институтов в условиях монархической формы правления (Иордания, Марокко и др.). Остальные страны, являясь республиками, предусматривают различные способы формирования высших органов государственной власти. В частности, уникальной является конфессиональная система построения государственного аппарата Ливана[6]. В Египте огромное влияние на формирование системы государственной власти оказывают принципы, привнесенные европейскими державами-колонизаторами. С другой стороны, свой отпечаток накладывает провозглашенный этой страной социалистический путь развития. Государственная система Израиля является уникальной для ближневосточного региона: некоторые наблюдатели называют это государство «единственной демократией на Ближнем Востоке»[7]. В этой стране успешно сочетаются черты государственно-правового механизма западных и восточных стран.

Наряду с общими принципами формирования высших (центральных) органов государственной власти особенности избирательных правоотношений обусловливают специфику их полномочий, а также существенно влияют на политическую организацию общества. Особенности исторического развития ближневосточных стран привели к созданию в них уникального государственного механизма, сочетающего в себе черты как европейской, так и восточной

[4] **الديموقراطية المباشرة سعد محيو** // http://www.alkhaleej.ae (на арабском яз., дата доступа — 28 января 2012 г.).

[5] Gwynne Dyer. Déjà vu in Egypt and the Arab world // Fast Forward Weekly. — 2011. — 4 Fabruary.

[6] Рассадин П. Ливанский конфессионализм и политические кризисы // Международная жизнь. — 2007. — № 10. — С. 76.

[7] Берлявский Л.Г. Конституционное право Государства Израиль: обзор исследований // Государство и право. — 2009. — № 4. — С. 56.

модели власти. Для многих стран этого региона характерно сосредоточение власти в «одних руках», отсутствие оппозиции правящему режиму и т.д. Избирательное право здесь призвано обеспечить именно такое функционирование государственного аппарата.

Российские и зарубежные ученые считают неоспоримым тот факт, что арабское общество не знакомо с понятием его гражданской организации. Государство в подавляющем большинстве арабских стран имеет почти абсолютистские прерогативы, которые не легитимизированы коллективной волей граждан и которые не признают никакого гражданского начала. Поэтому гражданин в арабском обществе не может быть наделен правами, в европейском понимании этого понятия, не имеет четко определенных прав и обязанностей, слабо вписан в систему представлений о демократических принципах построения государства и в связи с этим не наделен понятием ответственности, кроме той, что ассоциируется с ответственностью перед лицом семьи, клана. Влияние кланово-племенной системы арабского общества на избирательное право и избирательные системы трудно переоценить. Наиболее ярко это влияние проявляется в ближневосточных монархиях[8].

При этом мусульманские политики и правоведы весьма чувствительны, когда в западных странах затрагиваются не только основы, но и детали мусульманского вероучения. В частности, французскому писателю Мишелю Хеллебеку недавно было предъявлено обвинение в нарушении французского Закона Плевена, в соответствии с которым высказывания, «провоцирующие дискриминацию, ненависть или жестокость в отношении какого-то человека или группы людей» по признакам этнической или национальной принадлежности, расы или религии, запрещены. Хеллебек назвал Коран «заурядным» и заявил, что, «в конце концов, самой глупой религией является ислам». Его оправдали на том основании, что высказанное им мнение «представляло собой обычную критику мусульманской доктрины»[9].

Существенное воздействие на политические процессы в арабских государств оказывают факторы, связанные с формой правления, кланово-племенными пережитками, влиянием исламских обычаев, в частности, принципа «аш-шура», который предполагает совещательность лишь как форму выражения мнения. Решение же, в соответствии с этим принципом, в любом случае принимается единолично. Данные факторы в значительной мере влияют на формирование избирательных систем в странах Ближнего Востока.

В системе высших органов государственной власти в республиках Ближнего Востока традиционно одно из ведущих мест занимает президент. Одним из показателей влиятельности президента является способ его избрания. В арабских республиках приняты в основном две формы избрания президента. Первая, наиболее демократичная, когда президент избирается на всеобщих выборах путем тайного голосования на альтернативной основе (Тунис, Алжир, Мавритания и др.). Но даже в этом случае между кандидатом и избирателями может быть образована конституционно закрепляемая промежуточная инстанция. Вторая форма избрания президента связана с тем, что кандидатуру президента называет парламент страны (Египет, Сирия). В Ливане, несмотря на то, что президент республики обладает достаточно широкими полномочиями, он избирается парламентом. Законодательство Сирии и Египта прямо говорит о проведении безальтернативных выборов, употребляя слово «кандидат» в единственном числе. Кроме того, для избрания президента в этих странах, согласно конституции, применяется не процедура выборов как таковых, а референдум[10].

---

[8]Абу Джабаль Джамиль Салман. Избирательное право и избирательные системы в отдельных странах Ближнего Востока: Вопросы теории и практики: автореф. дисс.… канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 20.

[9]Пост Р. Религия и свобода слова: изображения пророка Мухаммеда //Сравнительное конституционное обозрение. — 2006. — № 3. — С. 66.

[10]Абу Джабаль Джамиль Салман. Указ. соч. — С. 26—27.

Избирательная система в регионе далека от того, чтобы быть признанной свободной и справедливой. В таких республиках Ближнего и Среднего Востока, как Египет и Сирия, до последнего времени институты народного представительства были предназначены лишь для осуществления контролируемой сверху процедуры принятия законов. Что касается нефтяных монархий аравийских государств, то здесь (Катар, ОАЭ) наметились робкие сдвиги в сторону модернизации политических структур и большей открытости[11]. Несмотря на то, что в феодально-абсолютистских монархиях региона первые конституционные акты были приняты (в Саудовской Аравии в 1992 г., в Омане в 1996 г.), избираемые должностные лица в них единичны.

В качестве примера можно привести Королевство Марокко. Специалист по избирательному праву этой страны С. Кабил указывает, что закон о всеобщих выборах был разработан министерством внутренних дел без какого-либо участия политических партий и парламента. При этом устанавливались законодательные ограничения для реализации свободы слова и деятельности прессы. Определение границ избирательных округов противоречит принципу равенства. Правительственные доклады о соблюдении прав человека в ряде случаев не отражают положения дел в этой области. Нормой стали фальсификации во время проведения выборов[12].

Несмотря на значительный прогресс в либерализации политической системы Туниса, его наилучшие показатели в мусульманском мире в сфере предоставления политических прав женщинам, в этой стране до последнего времени оставалось значительным число писаных и неписаных ограничений для осуществления подлинной свободы выбора[13].

В арабских странах было предпринято несколько попыток организации системы органов государственной власти на конфессиональной основе. В Сирии и Ираке до 1950-х годов в Палату депутатов избиралось определенное количество представителей от различных религиозных общин. В Ираке 6 мест в парламенте резервировалось за христианами; в Сирии в парламент избиралось 86 мусульман, 15 христиан, 1 иудей и 6 представителей бедуинских племён.

Классическим образцом конфессиональной системы, которая на уровне высших постов государственной власти продолжает действовать до настоящего времени, является Ливанская республика. На принципах конфессионализма строится избирательная система этой страны, а также внутренняя структура парламента, который избирается по принципу представительства от религиозных общин, и где соотношение христиан и мусульман должно было составлять 6:5[14]. Опыт конституционного развития Ливанской республики является очевидным свидетельством неэффективности конфессионализма как государственно-правового принципа. Закрепление преимуществ на этнорелигиозных основах чревато глубочайшей политической нестабильностью, нарушением избирательных прав граждан, права на равный доступ к государственной службе.

В странах Ближнего Востока созданы специфические сочетания республиканской и монархической формы правления, олигархических и социалистических политических тенденций, мусульманской концепции государственности, совмещенные с большим европейским влиянием[15].

---

[11]Аксененок А. Большой Ближний Восток: не навреди // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 5. — С. 18.

[12]IFES Arab Election Law Compendium /ed. by L. Marulanda, El Obaid A. El Obaid, L. Aloui. — P.143.

[13]Ibid. P. 235.

[14]Берлявский Л.Г. Конституционное развитие Ливанской республики // Государственная власть и местное самоуправление. — 2009. — № 7. — С. 46.

[15]Муромцев Г.И. Конституции арабских государств социалистической ориентации // Правоведение. — 1980. — № 4. — С. 64.

Показателен в этом плане Алжир, переживающий переход от однопартийного режима социалистической ориентации к многопартийной демократии, сочетающей ценности ислама и западного конституционализма. После принятия в июле 1989 г. Закона о политических ассоциациях началась активная легализация партий различной ориентации. В январе 1991 г. состоялись первые в истории страны выборы в Парламент на многопартийной основе, на которых наибольшего успеха добились радикальные исламисты. Для предотвращения полной исламизации страны военные совершили государственный переворот, ответом на который стал террор исламистов. В ноябре 1996 г. в ходе национального референдума в действующую Конституцию внесены изменения, в результате которых окончательно утвердилась такая форма правления, как суперпрезидентская республика. На выборы 90-х годов в этой стране оказывали влияние постоянный политический кризис и репрессии со стороны государства.

Возрастание роли радикального ислама, в частности, влияния «Исламского движения» в современном Алжире арабские комментаторы объясняют воздействием двух факторов. Во-первых, неудачами системы «арабского социализма» в достижении экономической стабильности. Они были усилены ближневосточным кризисом 1967 г., который был первым ударом по «арабскому социализму» и привел к падению политической морали. Во-вторых, коррупция, которая проникла во всю государственную систему и ухудшила экономические условия жизни в стране в целом[16].

Интерес к политическим процессам в Государстве Израиль обусловлен целым рядом обстоятельств. Прежде всего, в этой стране отсутствует привычная конституция в виде моноакта, что сближает ее с английской государственно-правовой традицией. В-вторых, в Израиле утвердился демократический политический режим, ни разу не отменялись выборы в органы власти. Некоторые специалисты называют это государство «единственной демократией на Ближнем Востоке». В-третьих, особенность его государственно-правового развития заключается в том, что основы были заложены решениями международной организации — ООН[17].

Уникальность конституционной системы Израиля характеризуется отсутствием единой писаной конституции в качестве основного закона государства. Хотя термин «основной закон» используется в конституционном праве Израиля, он предполагает совокупность многих законодательных актов, принимаемых парламентом порядке обычной законодательной процедуры. Определенное воздействие на израильское законодательство оказала практика конституционного права Великобритании, в которой также отсутствует единая писания конституция, а также негативное мнение ортодоксальных религиозных кругов, опасавшихся снижения своего влияния на общественную и государственную жизнь[18].

Некоторые исследователи справедливо указывают, что Израиль относится к странам с многопартийной системой без доминирующей партии, что ключевой фигурой всего государственного механизма страны является премьер-министр, что система местного самоуправления способствует дальнейшей демократизации общества. Отсутствие писаной конституции объясняется тем, что в первые годы становления новой государственности принять надлежащим образом оформленную конституцию было невозможно в силу становления политической системы и публичного провозглашения лишь общих целей государства, находящегося в состоянии непрекращающейся войны с арабскими странами, являющегося объектом массо-

[16]IFES Arab Election Law Compendium /ed. by L. Marulanda, El Obaid A. El Obaid, L.Aloui. — P. 9.

[17]Берлявский Л.Г. Государственная власть и местное самоуправление в Израиле // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 1. — С. 40.

[18]См., напр.: Конституционное право зарубежных стран /под ред. М. Баглая, Ю.Лейбо и Л. Энтина. — М., 2008. — С. 805, 806 (автор статьи — М.А. Сапронова).

вой международной иммиграции, не имевшего четко установленной территории, так как сам Израиль воздерживался от определения своих границ.

Израильский метод разработки конституции уникален и отличается, с точки зрения М.А. Сапроновой, определенным отсутствием логики. Под действие основных законов подпадают вопросы, связанные с государственной собственностью, в то время как такие основополагающие законы, как Закон о возвращении (1950 г.) и Закон о равноправии женщин (1951 г.) вообще не входят в понятие основных законов. Права граждан признаются судебной практикой, хотя юридическая основа их расплывчата и в отличие от других демократических государств не закреплена в каком-то едином акте.

С последним трудно согласиться, во-первых, потому что Основной закон «О государственной экономике», в котором имеются всего пять статей, содержит исключительно правовые основы взимания государственных налогов и сборов (ст.1), а также порядка принятия госбюджета (ст.ст. 3—5). Что касается государственной собственности, то в самой короткой статье 2 этого основного закона указано только, что управление этой собственностью возложено на того, кому это вверено законом[19]. Во-вторых, права человека признаны двумя основными законами: «О достоинстве человека и его свободе» (1992 г.), и «О свободе деятельности» (1994 г.)[20], которые, собственно, и составили фундамент «конституционной революции» начала 90-х годов. В-третьих, судебная практика, в том числе, в сфере прав человека, играет совершенно особую роль в Израиле — стране прецедентного права[21].

В основных законах о свободе деятельности (1992 г., вторая редакция в 1994 г.) и о достоинстве человека и его свободе (1994 г.), экс-председатель Верховного суда А.Барак усмотрел «конституционную революцию», так как права человека в Государстве Израиль, ранее рассматривавшиеся судами на основании прецедентов, впервые юридически закреплены в законах, принятыми в соответствии с установленной процедурой. Другие правоведы (Д. Кречмер и др.) констатируют существенное различие между «мягкими юридическими принципами», источником которых служит Декларация независимости Израиля или постановления суда, и основными законами, «защищенными» в той или иной форме. Вместе с тем, существует немало законов, проблематичных с точки зрения общепринятых демократических свобод, в частности, Постановление о мерах по обеспечению безопасности на период чрезвычайного положения в сфере безопасности и Закон о порядке судопроизводства раввинских судов в сфере религии.

Обобщающие оценки современного этапа политического развития региона Ближнего и Среднего Востока весьма различны. Как считает видный российский специалист по мусульманскому праву Л.Р.Сюкияйнен, в последние годы в арабском мире наблюдаются заметные процессы демократизации. В Кувейте в 2005 г. женщины получили избирательные права после 25 лет дебатов по данному вопросу, вот-вот будут признаны политические партии. В Саудовской Аравии впервые в истории страны прошли муниципальные выборы. Однако есть и оборотная сторона данного процесса. «Братья-мусульмане» имеют 33—34% голосов после последних выборов в Египте, усиливаются позиции радикальной исламистской организации ХАМАС. Поэтому демократические процессы могут и должны происходить, но особая проблема — при каких условиях и как, в том числе и в соотношении с исламом.

---

[19]Основной закон «О государственной экономике» // Законы Государства Израиль. /отв. ред. Ц.Прейслер. — Иерусалим, 1997. — С. 670—671 (на иврите).

[20]Основной закон «О достоинстве человека и его свободе»; Основной закон «О свободе деятельности» // Законы Государства Израиль. — С. 672 (на иврите).

[21]См.: Публичное право: конституционное и административное. Сборник прецедентов /сост. А.Бренер, Ц.Зах. — Тель-Авив, 2000 (на иврите).

Скептическая точка зрения по данному вопросу обоснована Ш.Авинери, который считает, что в результате открытости Западу в арабском мире были испробованы практически все разнообразные идеологии и институциональные системы, существовавшие на Западе в XIX и XX веках: либеральный конституционализм, будь то монархический или республиканский, был апробирован в таких странах, как Египет, Сирия и Ирак, и потерпел там неудачу; в 1930-х и 1940-х годах политические элиты иракцев, сирийцев и палестинцев заигрывали с фашизмом — из этого не вышло ничего хорошего. Впоследствии испытывались различные течения светского национализма, марксизма и идеологий третьего мира (наиболее сложным сплавом их всех был, наверное, насеризм) — все они закончились неудачно. Как утверждают некоторые арабские писатели и публицисты, такие как Фуад Аджами или Садик Джелаль аль-Азм, в арабском мире были испробованы все западные идеологии — и все они потерпели крах. Именно поэтому в возвращении к истокам ислама нет ничего удивительного[22].

Оптимистическая позиция высказана ведущим российским специалистом по этому региону, академиком РАН Е.М. Примаковым. Он утверждает, что «ни в одной арабской стране перемены не произошли под религиозными знаменами»[23].

Однако, с нашей точки зрения, есть существенные основания для критики оптимистического сценария развития. «Братья-мусульмане» уже сейчас принимают участие в разработке новой конституции Египта, после выборов 2011 г. имеют большинство в парламенте и активно участвуют в избирательной кампании по выборам президента. Под давлением ХАМАС ушло в отставку светское правительство Ливана. В Тунисе в начале марта 2012 г. прошли массовые демонстрации с требованием включить нормы шариата в конституцию государства. Противоречия между суннитами и шиитами стали причиной бурных событий в одном из самых благополучных «нефтяных королевств» — Бахрейне, в котором ВВП на душу населения почти в два раза превышает аналогичный показатель Саудовской Аравии.

Причина динамичных политических процессов состоит в том, что светские и одновременно автократические режимы в странах региона за долгие десятилетия правления создали неконкурентые политические системы, репрессивный аппарат, коррумпированную среду, — подлинный вакуум, который может вполне быть заполнен исламскими фундаменталистами и радикалами.

Серьезной проблемой политического развития остается недемократический характер большинства политических режимов стран Ближнего и Среднего Востока, в частности, отсутствие действенных механизмов переизбрания глав государств в республиках либо передачи полномочий монарха. В частности, в Королевстве Марокко король Мохаммед VI находится у власти с 1999 г., королевская династия правит с 1957 г.; в Саудовской Аравии король Абдалла ибн Абдель Азиз ас-Сауд находится у власти с 2005 г., королевская династия Саудитов правит с 1932 г.; в Саудовской Аравии король Абдалла ибн Абдель Азиз ас-Сауд находится у власти с 2005 г., королевская династия Саудитов правит с 1932 г.; в Иорданском Хашимитском Королевстве король Абдалла II находится у власти с 1999 г., королевская династия Саудитов правит с 1946 г.

Нисколько не лучше ситуация в государствах с республиканской формой правления: в Сирии президент Башир Асад с 2000 г. является преемником отца, правившего с 1971 г.; в Йемене Али Абдалла Салех — президент с 1978 г.; в Судане Омар аль-Башир — президент с 1983 г.; в Алжире А. Бутефлика — президент с 1999 г. В Ливии — стране с особой формой правления — М.Каддафи являлся главой государства («лидером ливийской революции») с 1969 г.

[22]Авинери Ш. Неудавшаяся модернизация арабского мира? // Сравнительное конституционное обозрение. — 2001. — № 4. — С. 61.

[23]Примаков Е.М. Ближний Восток: на сцене и за кулисами // Российская газета. — 2011. — 2 февраля.

«Арабские революции» начались в Тунисе, где президент З.Бен Али находился у власти с 1987 г. и продолжились в самой населенной стране Арабского Востока — Египте (79,7 млн. чел.), президентом которого с 1981 г. являлся Х. Мубарак. В целом, из 11 стран Арабского Востока исключением является только одно небольшое (3,4 млн. чел.) государство Мавритания, президентом которой в 2009 г. стал М. Абдель Азиз.

Стоит также учитывать, что в этих государствах традиционно велика политическая роль вооруженных сил, армии, которая может стать решающей.

В регионе не завершен процесс государствообразования. После референдума, проведенного в начале 2011 г., начат процесс обретения независимого статуса Южным Суданом. В начале марта 2012 г. сецессия Киренаики ознаменовала начало распада Ливии как единого государства. На протяжении 12 лет, с большим трудом, в ситуации постоянного вооруженного противостояния с соседним Израилем происходит становление правосубъектности Палестины. В настоящее время не исключен распад Йемена на два независимых государства, что уже имело место в недавнем прошлом.

Мораль и политика

От редакции

В 2012 г. исследовательский коллектив[1] под руководством д.полит.н. С.П. Поцелуева выиграл грант РГНФ № 12-03-00401а на тему «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа». Первые результаты этого проекта с необходимыми методологическими комментариями публикуются в данном номере журнала «Политическая концептология» в рубрике «Мораль и политика». В данной статье, выполненной в соавторстве С.П. Поцелуевым и М.С. Константиновым, описана методология и базовые категории исследования. В статье В.П. Макаренко представлен подход к анализу взаимоотношений морали и политики с позиций политической концептологии. В статьях М.С. Константинова и В.И. Николаева реализован интегративно-когнитивистский подход к исследованию моральных фреймов политических идеологий феминизма и анархизма соответственно.

МОРАЛЬНЫЕ ФРЕЙМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ[2]

С.П. Поцелуев,
М.С. Константинов
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье описывается категориальный аппарат и методология исследования моральных фреймов политических идеологий. Авторы предлагают интегрировать концептологический и фрейм-анализ с деятельностным подходом к изучению политических и моральных феноменов. В результате сформулированы базовые методологические положения и основные понятия интегративно-когнитивистского подхода.*

Ключевые слова: *мораль, политика, идеология, методология, деятельностный подход, фрейм, концепт.*

[1] В состав коллектива, кроме руководителя проекта, вошли следующие учёные: д.филос.н., д.полит.н., проф. В.П. Макаренко, д.филос.н., доц. Т.В. Беспалова, к.полит.н. М.С. Константинов, асп. Н.В. Николаев.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа», проект № 12-03-00401а.

Традиционно взаимоотношения между моралью и политикой рассматриваются как отношения между параллельными, внешними друг к другу «мирами», конфликтные противоречия между которыми приходится разрешать в политической практике. Из этой посылки следует ключевой вопрос дискуссий по проблеме «мораль и политика», который обычно формулируется следующим образом: «*Как, на каких условиях, в каком виде* политическая практика должна принимать к сведению моральные аргументы и в *какой мере* она должна (и может) опираться на них?»[3]. Если не принимать во внимание сугубо инструменталистский подход[4], представляющий политику как этически нейтральную сферу и потому нерелевантный для настоящей работы, то можно выделить три базовых ответа на данный вопрос, как они обозначились в истории политической мысли:

- традиционный нормативистский подход к политике. Он отталкивается от идеальных представлений о морали (как сферы «чистых значений»[5]), рассматривая политическую мораль как проекцию универсальных этических норм на политическую практику;

- деятельностный подход, исследующий способы вхождения морали в мотивацию и целеполагание политического действия[6]. В рамках данного подхода политическая деятельность не оценивается с точки зрения соответствия абстрактным моральным нормам, но морально ориентированное действие политических акторов представлено в качестве конституирующего саму политическую реальность;

- концептологический подход, акцентуирующий способы становления и функционирования базовых концептов политических идеологий и их воплощения в политических институтах и практиках[7].

Однако во всех перечисленных подходах обычно упускается из виду, что сам вопрос о «вхождении» моральных аргументов в политическую практику идеологически контекстуален, то есть ставится, осмысливается и решается по-разному, в зависимости от того идеологического контекста, в котором он артикулируется. Действительно, если в качестве исходной принять идею Б.Г. Капустина о необходимости изучения того, каким образом моральная проблематика «встроена» в политическую практику и конституирует политическую деятельность, то это исследование с необходимостью будет включать анализ способов моральной мотивации и целеполагания политического действия, которые есть функция политических идеологий[8]. Это, в свою очередь, ставит перед исследователем задачу разработки ин-

[3]Прокофьев А.В. Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» публичной сферы и её альтернативы) // Этическая мысль. Вып. 6. — М.: ИФ РАН, 2005. — С. 141.

[4]Обычно выделяют два противоположных варианта ответа на этот вопрос: — нормативистский подход, распространяющий нравственный закон на всех представителей рода человеческого и все виды человеческой деятельности, включая политику; и — инструменталистский, разводящий сферы морали и политики по причине «искусственности» первых и необходимости следовать императиву функциональности последней. По мнению представителей последней точки зрения, более важное, чем нравственные качества политиков, значение имеет механизм системы политических институтов для разрешения социальных конфликтов. Ключевым отличием политической сферы от моральной полагается насилие в качестве атрибутивного признака политики, как сферы реализации властных отношений.

[5]См., например: Hösle V. Über das Verhältnis von Moral und Politik // Hösle V. Moral und Politik. Grundlagen einer politischen Ethik für das 21. Jahrhundert. — München: Beck, 1997. — S. 94—125. Публикация перевода этой работы Витторио Хёсле планируется в следующем номере журнала «Политическая концептология».

[6]См., например: Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. Учебное пособие. — Москва: КДУ: Изд-во МГУ, 2004. — 496 с.; Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000. — 437 с. и др.

[7]Подробнее см. в статье В.П. Макаренко «Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода» в настоящем номере журнала «Политическая концептология».

[8]Косвенно это признаёт и сам Б.Г. Капустин: «…Конечно, под „принципами“ можно понимать только повторяющиеся элементы нравственных оценок, т. е. использование самих категорий должного и недолжного, добра и зла и т. д., и на этом основании рассуждать об „общности принципов“. Но тогда… это понятие невозможно без его содержательной и логической конкретизации. Логическая конкретизация подразумевает выяснение *свя-*

тегративно-когнитивистского подхода, сочетающего деятельностный подход к феномену политической морали[9] с анализом когнитивно-концептуальной и аксиологической структуры различных политических идеологий.

Подобный подход предполагает исследование моральных фреймов, определённым образом организующих влияние идеологических концептов на восприятие и осмысление акторами актуальных политических проблем и, как следствие, на их мотивацию и целеполагание в политической деятельности. С другой стороны, интерпретация и, соответственно, модификация базовых концептов политических идеологий, ограничены ассоциированными с концептами моральными фреймами[10]. На этой своеобразной диалектике строится специфическая — интегративная — трактовка политической идеологии, акцентирующая когнитивно-концептуальные и аксиологические её функции в рамках деятельностного подхода к анализу данного феномена. Суть этой трактовки состоит в следующем.

Для любой идеологии большое значение имеет восприятие главных её постулатов и ценностей массами людей, т. е. отражение базовых идеологических концептов в массовом сознании. Это особенно важно в процессе пролиферации идеологий в конкурентном политическом пространстве. Именно в этом — когнитивно-концептуальном поле — разворачивается противостояние пропаганды и контрпропаганды, различных форм воздействия на сознание потенциального сторонника/избирателя и манипуляции им. Так, если образ анархиста в массовом сознании прочно ассоциирован с терроризмом и другими формами нелегальной деятельности, тогда вряд ли анархистская идеология приобретёт большое число сторонников, способных стать значимой политической силой.

Обычно критики идеологии ограничиваются фиксацией этой манипулятивной природы идеологических феноменов, абстрагируясь от смыслополагающих их функций, положенных в основу мотивации политической деятельности. Характерным для подобной критики является постулирование разрыва между «объективной» политической реальностью, и преломлением различных её аспектов в сознании под «искажающим» воздействием идеологии. Этим обусловлено приписывание идеологии некоему «ложному» сознанию, противопостав-

---

зи элементов нравственных оценок, а многообразие схем таких связей и ведёт к появлению разных „моделей“ нравственной рациональности… Содержательная же конкретизация необходима потому, что никакие мыслительные процедуры не могут быть полностью свободны от „материи жизни“.., как она дана разным общественным группам, — в противном случае терялся бы плюрализм „конститутивных“ политических позиций, а связанная с ними политическая мораль переставала бы быть *политической*» (см.: Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике… — С. 273).

[9]Вполне удовлетворительным представляется определение политической морали, предложенной Стивеном Льюксом и уточнённое Б.Г. Капустиным: под политической моралью подразумевается «совокупность принципов, описываемых на весьма абстрактном уровне, которые лежат в основе различных частных политических позиций, занимаемых теми, кто разделяет эти позиции одновременно или в разное время. Они… являются „конститутивными“: это — те „политические позиции, которые ценятся сами по себе“, так что „любая неудача в обеспечении такой позиции или снижение уровня её обеспеченности равнозначны (для группы, занимающей эту позицию, — Примеч. Б.Г. Капустина) *pro tanto* понижению ценности всего политического устройства“. Производные позиции, напротив, ценятся лишь как стратегии или средства для обеспечения конститутивных позиций» (цит. по: Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике… — С. 272). Б.Г. Капустин добавляет к этому, что «для политики нет предпосланного ей „морального консенсуса“» (там же, с. 274) и по этой причине возникает необходимость говорить о различных моделях нравственной рациональности, которые, добавим от себя, идеологически контекстуальны.

[10]Например, возможности интерпретации и, соответственно, содержание концепта «свобода» будут по-разному ограничиваться в различных политических идеологиях, в зависимости от моральных фреймов, ассоциированных с данным концептом: в классическом консерватизме представление о свободе индивида ограничено (в числе прочих) традиционным убеждением, запрещающим убийство себе подобных, из чего логически следует частный запрет на аборты; а в либертарианстве подобная жёсткая ассоциация отсутствует, из чего следует право женщины на собственное тело и, соответственно, право на аборт.

ляемому сознанию «истинному», т. е. формируемому под воздействием «истинной» научной теории. При этом открытым остаётся вопрос об онтологическом статусе как самой «объективной» реальности, так и научной теории, эту реальность описывающей. Не отрицая, в целом, известную справедливость подобной критики, более адекватным представляется деятельностный подход к феномену идеологии, разрабатываемый в отечественной политологии Б. Г. Капустиным. В рамках данного подхода идеология понимается функционально в качестве символической системы, опосредующей социальную действительность и производящей смыслы и идентичности действующих (коллективных или индивидуальных) акторов[11].

Но для того, чтобы идеология была способна реализовывать свои функции[12], знание о мире и самих себе должно быть организовано в концептуальные системы, связывающие уровень повседневных взаимодействий с ценностно-символической структурой идеологии. При анализе подобных концептуальных систем в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, в исследованиях по искусственному интеллекту используется теория фреймов, получившая развитие в трудах М. Минского[13], И. Гофмана[14], Т. А. ван Дейка[15] и др.[16]

Исходным постулатом этой теории является тот факт, что «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ)…, с таким расчётом, чтобы путём изменения в ней отдельных деталей сделать её пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов»[17]. Подобные структуры данных, или единицы знания для представления стереотипной ситуации[18], называются фреймами. Структурно фреймы организованы вокруг определённого концепта: «…В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом»[19].

Концепт в таком контексте выступает в роли «основной ячейки культуры в ментальном мире человека»[20], т. е. «„пучка“ представлений, понятий, знаний, ассоциаций,

[11]Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? (II) // Полис. — 1997. — № 1. — С. 152; см. также Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур. — Москва: РОССПЭН, 2004. — С. 225—267.

[12]В качестве таковых функций Б.Г. Капустин обоснованно, на наш взгляд, выделяет следующие: «а) смыслообразование действительности (обеспечение „понятности“ ситуации… для данного „мы“ и через это — обоснование его политического действия); б) интеграция „мы“ в политический субъект посредством экспликации, систематизации, обоснования убеждений, ценностей, символов, присущих данному „мы“, превращения их из достояния частных лиц в явление публично-политической жизни, чем достигается формирование идентичности политического субъекта; в) выработка — в той или иной мере формализированных — каналов коммуникации внутри данного политического субъекта (утверждение некоторого набора „ключевых“ символов и знаков, позволяющих составляющим „мы“ людям узнавать друг друга и общаться посредством манипулирования этими символами и знаками); г) легитимация или делегитимация некоторых форм власти, уже существующих и господствующих, либо только возникающих и оспаривающих имеющийся режим господства». См.: Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? (II)… — С. 152.

[13]Минский М. Фреймы для представления знаний. — Москва: Энергия, 1979. — 152 с.

[14]Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — Москва: Институт социологии РАН, 2003. — 752 с.

[15]Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.

[16]Между представителями теории фреймов существуют важные различия в понимании фреймов, их функций, способов изменения и т. д., нерелевантные для настоящей работы.

[17]Минский М. Цит. соч. — С. 7.

[18]Там же.

[19]Ван Дейк Т.А. Цит. соч. — С. 16.

[20]Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — Москва: Языки русской культуры, 1997. — С. 41.

переживаний»[21] и т. д. Применительно к политическим идеологиям, принципиальным является отличие концепта от понятия. «В отличие от понятий в собственном смысле термина…, — замечает Ю.С. Степанов, — концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений»[22]. Невозможно понять всю мощь влияния политической идеологии на умы людей, если упускать из виду взаимосвязь фреймов с базовыми концептами идеологии: фреймы организуют представления людей об актуальном и потенциальном поведении «своих» и «чужих», и связывают эти представления с долженствованием в виде основных концептов идеологии.

С учётом упомянутых выше (по Б. Г. Капустину) функций идеологии, можно сказать, что в рамках идеологических систем фреймы решают следующие задачи.

1) Фреймирование политической реальности посредством создания или трансформации уже существующих фреймов[23]. Фреймы существуют для ориентации в политическом пространстве[24]. Так, если индивид принимает утилитаристский фрейм о принципиальном эгоизме человека, выражающийся в утилитарно-либеральной догме о преследовании собственных интересов, он будет подгонять под этот фрейм и всё своё восприятие политических субъектов; даже самым искренним и бескорыстным побуждениям участников политики он будет приписывать корысть и коварство. И наоборот: если человек основывает своё восприятие мира политики на христианских моральных максимах самопожертвования и любви к ближнему, то он, видимо, будет склонен наделять участников политики такими же качествами; а когда реальность его будет разочаровывать, он будет мечтать о «морально чистых» и достойных политиках, которые либо были в прошлом (миф), либо будут в будущем (утопия).

2) Фреймы, описывая специфику поведения сторонников идеологии, способствуют формированию некоего «мы», с которым субъект идентифицирует себя или которому он себя противопоставляет[25]. В частности, расхожее утверждение «феминистки хотят стать на равных с мужиками[26], поэтому и ведут себя, как мужики[27]» определённым образом маркирует и стигматизирует участников политики, задавая возможности идентификации индивида в качестве сторонника/противника (анти)феминистского движения.

3) Однако в идеологиях гораздо более важным представляется особый вид фреймов — моральные фреймы, в которых когнитивное содержание имеет функцию долженствования. Этим фреймам также свойственны функции ориентации и идентификации[28], однако они приобретают здесь важную компоненту мотивации политического действия. Ведь сами по себе

[21]Там же, с. 40.

[22]Там же, с. 41.

[23]Ярким примером такого рода является транспонирование (термин И. Гофмана, хотя и адаптированный применительно к сфере политики; см.: Гофман И. Цит. соч. — С. 102, 140) фреймов из одной сферы, к примеру, из частной сферы отношений между матерью и ребёнком («материнская забота») в сферу публичной политики (в виде «этики заботы»). Подробнее см. статью Константинова М.С. «Этика заботы в феминистской политической философии» в данном номере журнала «Политическая концептология».

[24]По аналогии с ориентацией в пространстве, например, в комнате, как это описывается у М. Минского (см.: Минский М. Цит. соч. — С. 22—33). Индивид усваивает такие фреймы, как «либералы — это такие-то и такие-то», «консерваторы выступают за то-то и то-то» и ориентируется с помощью этих фреймов в политическом пространстве.

[25]Подобные допущения не всегда артикулируются и ещё реже происходит их осмысление на концептуальном уровне. Но если человек, публично позиционирующий себя в качестве сторонника классического консерватизма, вдруг в своём поведении демонстрирует признаки, характерные для поведения представителей сексуальных меньшинств, выступая за легализацию гомосексуальных браков, он выглядит, по меньшей мере, странно. Другими словами, в рамках идеологии фреймы «определенным образом организуют наше поведение и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей…» в сфере политики (см.: Ван Дейк Т.А. Цит. соч. — С. 17).

[26]В первой части этого высказывания выявляется концепт равенства.

[27]В этой части высказывания говорится о совокупности фреймов, ассоциированных с базовым концептом.

усвоенные индивидом характеристики носителей той или иной идеологии, а также их целей, не могут привести к политическому действию. Для того, чтобы когнитивное отношение трансформировалось в политическую практику, необходимо превращение «морали-как-оценки» в «мораль-как-мотив и форму цели»[29], а именно, в виде конфликта между реальностью и представлениями индивида о должном. Политическая идеология не только ищет себе сторонников, но и подвигает их на определённые политические действия. Наиболее ярко эта функция иллюстрируется случайно выбранными из российского сегмента Интернета высказываниями: «настоящий патриот жертвует жизнью за Родину»; «истинный русский не знает середины и всегда идёт до конца»; «мужчина — это тот, кто умеет брать ответственность на себя»; «настоящая женщина заботится о ближних» и т. д.

4) Поэтому моральные фреймы очень удобно использовать в политической борьбе, навешивая ярлыки аморальности на своих противников, и одновременно позиционируя своих сторонников в морально выгодном свете[30]. Лишь в этом аспекте можно говорить о манипулятивных функциях моральных фреймов политических идеологий.

5) И, наконец, именно фреймы, маркируя и стигматизируя участников политики, вырабатывая специфический язык, создают каналы коммуникации между ними. Результаты исследований в когнитивной лингвистике свидетельствуют, что «существует особый язык, выражающий мораль, санкционирующий специфический способ отношений между людьми, отличный от иных типов нормативной регламентации межличностных связей, складывающихся в сфере общепринятых обычаев, права, политики и т. д. Мораль, как форма общественного сознания и вид общественных отношений, получает свою экстериоризацию через язык и вербализованное содержание»[31].

На этой теоретико-методологической базе в рамках поддержанного РГНФ проекта «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа» (грант № 12-03-00401а) авторским коллективом под руководством д.полит.н. С.П. Поцелуева планируется исследование моральных фреймов, ассоциированных с ключевыми концептами основных политических идеологий современности: либерализма, консерватизма, марксизма и социализма, коммунитаризма, экологизма, феминизма, национализма и анархизма. С первыми результатами этого исследования можно ознакомиться на страницах данного и последующих номеров журнала «Политическая концептология».

[28]В виде классического противопоставления: «их мораль и наша» (см.: Троцкий Л.Д. Их мораль и наша // Вопросы философии. — 1990. — № 5. — С. 105–126).

[29]Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике… — С. 247.

[30]Ярчайший пример — «женская этика заботы» в феминизме, противопоставляемая «мужской этике справедливости».

[31]Звада О.В. Мораль в языке и лексические единицы, выражающие содержание фрейма «morality» // «Magister Dixit» — научно-педагогический журнал Восточной Сибири. — 2012. — №. 2 (06).

МОРАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ: СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА[1]

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Статья посвящена описанию концептологического подхода к исследованию моральных концептов политических идеологий. Специфика этого подхода, по мнению автора, состоит в анализе отношений между абсурдом, моралью, политикой и идеологиями.*

Ключевые слова: *мораль, политика, идеология, методология, концепт.*

Момент оглядки

XX век обычно определяют как эпоху Гулага и Освенцима, Хиросимы и красных кхмеров. В первом случае государство осуществляло насилие над обществом под прикрытием ленинско-сталинской версии марксизма, во втором — под знаком национального социализма, в третьем — для защиты демократических ценностей от «желтой угрозы», в четвертом — ради построения общества по рецептам маоистской версии марксизма. Значит, разные политические идеологии могут обосновывать государственное насилие. В XX веке оно стало тотальным. За неимением места я не рассматриваю здесь ситуацию в других странах Азии, Африки, Латинской Америки, но и там существуют свои варианты обоснования насилия с помощью политических идеологий («чучхе», исламского социализма, негритюда, перонизма и пр.)[2].

Эта проблема меня занимает давно. Ссылаться на свои работы — дурной тон. Но невозможно начать исследование поставленной проблемы «с самого начала», пренебрегая прежними выводами. Скажу о них предельно кратко.

Двадцать лет назад я опубликовал книгу, в которой проанализировал теорию Карла Маркса и ее интерпретации в трудах В.И. Ленина, И.В. Сталина, Мао Цзедуна, Ж. Сореля, Э. Блоха, Д. Лукача, А. Грамши, Л. Гольдманна, К. Корша, Г.В. Плеханова и др. Показал, что

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа», проект № 12-03-00401а.

[2]См.: Кальвокоресси П. Мировая политика 1945—2000. В 2-х кн. — М.: Изд. «Международные отношения», 2003.

связь идей марксизма с властью оказалась губительной для теории Маркса. В заключении я отмечал, что официальный марксизм в наше время пытается создавать идеологические гибриды с либерализмом, национализмом, этатизмом и анархизмом. Любыми способами он пытается сохранить оптимистическую веру в то, что все человеческие проблемы могут быть решены немедленно. И только злонамеренность тех или иных «врагов» не позволяет применить эти решения на практике. Марксизм уже не в состоянии ни объяснять, ни изменять мир. Он все более становится вспомогательным средством для идеологий, которые служат для организации различных интересов. Эти интересы не имеют ничего общего с интересами пролетариата, с которым идентифицировался марксизм в период своего возникновения. Шансы создания такого движения, которое было бы в состоянии защищать интересы угнетенных людей во всем мире и в каждой отдельной стране, сегодня практически нулевые. В марксизме было выражено традиционное стремление людей и классов к самообожествлению. Вслед за другими индивидуальными и коллективными иллюзиями марксизм оказался фарсовой стороной невежества и бед человечества в XX веке[3].

Затем я применил эти положения к анализу русской власти в ее монархической, советской и современной формах[4], а также проанализировал политические идеологии либерализма, консерватизма, марксизма, социализма, феминизма, экологизма, коммунитаризма, национализма и анархизма. Показал, что ни одна из современных идеологий не дает окончательных ответов ни на вопросы сегодняшнего дня, ни на мировоззренческие поиски. Каждая идеология содержит недоказанные посылки, сомнительные аргументы, неразрешенные проблемы и двусмысленные ответы. Все идеологии стремятся упорядочить мир и место человека в нем. Все предлагают банальную истину: «Где посадят, там и сиди». Сидеть сиднем можно в девяти главных идеологических резервациях. Если же комбинировать посылки, аргументы, проблемы и ответы с потребностями политической коньюнктуры, то возрастает число идеологических гибридов. Однако любое стремление к окончательному порядку заканчивается крахом идеологии. Любая идеология имеет смысл лишь в том случае, если толкает каждого индивида установить свой порядок во всех существующих и мыслимых правилах, канонах и каталогах.

Каждый может сделать выбор в пользу одной или нескольких идеологий, а может отбросить их все. Ведь сама идеологема выбора базируется на недоказанных посылках и сомнительных аргументах. Если на свой страх и риск выбор все же будет сделан, возникает следующий вопрос: способен ли я с помощью слова, дела, творческих усилий и даже жизни быть последовательным и бескомпромиссным в одобрении или отрицании конкретной идеологии или всех вместе взятых? Ведь компромиссы ведут к вырождению не только идеологии, но и человека[5].

Теперь конкретизируем эти выводы применительно к названию статьи. В начале XX в. в мире существовало 65 государств, в конце XX в. более 240 государств. За сто лет их число возросло вчетверо. Значит, значительно увеличилась сфера применения принципа «Хороша или плоха, но это моя страна». Каждая из стран имеет писанное и неписанное право на сочинение и реализацию своего варианта политической идеологии для обоснования внутренней и международной политики. Но каждый человек лучше знает свою страну. Поэтому приведу примеры из истории России.

---

[3]См.: Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. — Ростов-наДону: Изд. РГУ, 1992. — С. 463—464.

[4]См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. — Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ, 1998.

[5]См.: Макаренко В.П. Главные идеологии современности. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. — С. 457—458. О деморализующем влиянии компромиссов на личность см.: Фаге Э. Культ некомпетентности. — М.: Evidentis, 2005.

В массовом сознании, публицистике и научной литературе распространен шаблон: в отличие от западного индивидуализма Россия выработала коллективизм[6]. Однако А.Г. Бесов показал, что коллективизм, благоденствие, безопасность, тишина, спокойствие, порядок, благочиние были не столько реальными, сколько декларированными (официальными) моральными нормами. Эти нормы закреплялись в законах Российской империи XIX в. и привели к важным последствиям: приоритету моральных норм над официальной идеологией «православия-самодержавия-народности», религиозной морали — над экономикой, обязанностей — над правами, исполнительной власти — над законом, исключению прибыли и конкуренции, тотальной бюрократизация экономики (любой казенный завод тратил 40% всех расходов на содержание управленческого аппарата) и блокировке экономического развития[7].

Кроме того, уже в начале XIX в. в процессах внутренней колонизации страны интересы Русской православной церкви переплелись с действиями армии и полиции[8]. На этой основе возникли имперские внешнеполитические идеологии России[9]. Если понимать идеологию как систему идей о политике, обществе, поведении класса (группы), которая оправдывает действия государственного аппарата, то русская дипломатия в Азии ориентировалась на несколько идеологий:

Конкистадорский империализм — руководство Российской империи рассматривало Азию как объект завоевания ради завоевания. Наиболее последовательным приверженцем этой идеи был Н.М. Пржевальский. Свои изыскания в Центральной Азии он считал «научной рекогносцировкой», предлагая повторить в этом регионе подвиги Кортеса с деньгами в кармане, штуцером в одной руке и нагайкой в другой руке, присоединить Монголию, Синьцзян и Тибет, воспользовавшись слабостью Китая[10 11].

Восточничество — вариант славянофильской идеологии, в котором подчеркивалось азиатское наследие России. Идеологом этого движения был князь Э.Э. Ухтомский. Он считал, что два века владычества монголов сблизили Россию с Востоком. Русская душа ориенталистична, отторгает грубый материализм и одобряет автократическую власть. Русский царь — это современный хан. Ухтомский предлагал: воссоединить Россию с Китаем, поскольку Восток является слабым, отсталым и зависимым, а Запад воплощает зло республиканизма, атеизма и революции; отвергал военные средства, полагая, что народы Азии сами тянутся к

---

[6]Литература такого рода громадна. Показательной может считаться работа: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. — М., 1991, т. 1,2. См. также: Ермаков С.С., Ким И.Е., Михайлова Т.В. и др. Власть в русской языковой и этнической картине мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004; Хоскинг Д. Россия и русские. Кн. 1—2. — М., 2003 и др.

[7]Бесов А.Г. Социокультурные нормы российской государственности Х1Х века // Вопросы истории. — 2005. — № 6. — С. 19—33.

[8]См.: Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // НЛО. — 2001. — № 49. — http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/etkind.html

[9]См.: Схиммелпеннинк ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // Ab Imperio:теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. — 2001. — № 1—2. — С. 211—226.

[10]Например, при описании первого путешествия в Центральной Азии Пржевальский приводит такой эпизод. При встрече с местным князем тот начал расспрашивать про Россию: «Какая у нас религия, как обрабатывают землю, как делают стеариновые свечи, как ездят по железным дорогам и, наконец, каким образом снимают фотографические портреты. «Правда ли, — спросил князь, — что для этого в машину кладут жидкость человеческих глаз? Для такой цели, — продолжал он, — миссионеры в Тянь-дзине выкалывали глаза детям, которых брали к себе на воспитание; за это народ возмутился и умертвил всех этих миссионеров… Поэтому местное население резонно подозревало русского путешественника в тайных целях путешествия, определяя всех европейцев без различия наций как «заморских дьяволов». В свою очередь Пржевальский сообщал, что местное население крестится исключительно из-за материальных выгод, а «…репутация хорошего стрелка производит на азиатцев чарующее впечатление». Пржевальский Н.М. Путешествия. — М.: Детгиз, 1958. — С. 177, 96.

[11]Там же, с. 177. См. также с. 109, 248.

династии Романовых (в Азии для России нет границ, кроме необъятного синего моря); призывал к неограниченной экспансии России на Восток ради единства России с Востоком перед лицом Запада. Эта идеология ушла под воду вслед за Балтийским флотом в Цусиме. Но после революции она возродилась в закордонном «евразийстве», которое затем перекочевало в Россию и сегодня благоденствует в нашей стране.

Мирное проникновение — рост влияния России на Востоке мирными экономическими средствами. Главным идеологом был Витте С.Ю., который навязывал свое мнение силой и определял политику Петербурга в Азии. Его идею экономики как движущей силы внешней политики возродил В.И. Ленин после 1917 г. Сегодня та же идея пропагандируется русскими либералами.

Имперское видение военного министра А.Н. Куропаткина. По его мнению, империи должны заниматься не столько завоеваниями, сколько самозащитой. Аннексия чужих территорий не исключалась, но только ради укрепления границы против потенциальных нападений со стороны соседей. Он объединил в своей концепции европейские представления о противостоянии рас, культурный пессимизм и социальный дарвинизм с традиционной идеологией пограничья. Предупреждал о «желтой опасности» (трактовку которой тоже позаимствовал на Западе), сближая расу и религию. Он предлагал в XX в. создать «…союз народов белой расы против народов желтой расы и чернокожих. Деление на эти две группы будет близко отвечать и делению на две группы по религиозным верованиям. В одном лагере будут христиане, в другом язычники. По причинам религиозным и политическим, особенно если столкновение белой и желтой рас ознаменуется первоначально успехами желтолицых, магометане могут соединиться с язычниками, чтобы общими усилиями свергнуть иго белолицых христиан. Тогда на каждого христианина будет приходиться два врага не христианина»[12]. Эта идеология сегодня тоже воспроизводится в публикациях об угрозе «исламского фактора».

Короче говоря, достаточно прочесть первую попавшуюся сотню публицистических или «научных» статей или книг по проблемам идеологии современной России, чтобы убедиться: перечисленные идеи до сих пор определяют российское сознание и политику[13]. Естественно, что внешняя политика воплощает элементы разных идеологий в зависимости от личных пристрастий, коньюнктуры и изменения политического курса. Отсюда следует, что внутренняя и внешняя политика не сводится к одной идеологии.

Как подчеркивал Г.П. Федотов, «…народы — по крайней мере в наше время — живут не разумом, а страстями. Они предпочитают резню и голод под собственными флагами»[14]. Действительно, на протяжении XX века резня и голод шли в ногу с ростом числа государств, которые способствовали развитию экономической эксплуатации, идеологической манипуляции и тотальной бюрократизации общества и политики.

Возникли и новые явления. Например, приватизация государственных функций по применению военной силы[15]. Для многих бывших колоний суверенитет являлся удобной юридической фикцией. Логика холодной войны требовала от сверхдержав массированной военной

[12]Куропаткин А.Н. Русская армия. — СПб.: Полигон, 2003. — С. 351.

[13]Показательной может быть книга: Шапталов Б. Русская экспансия: бей первым или погибнешь! — М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. Заглавие говорит за себя. Автор считает главными врагами России азиатов (Кавказ, Азия) и маргиналов (с. 349—401). Под маргиналами он имеет в виду лиц с разными отклонениями генетического, психического и пр.характера. В этом контексте он ссылается на «подпольного человека» Ф.Достоевского и опыт Гитлера по уничтожению всех групп лиц с девиациями (с. 376—401).

[14]Федотов Г.П. Судьба империй // Он же. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т.2. — СПБ.: София, 1992 — С. 322.

[15]См.: Балуев Д. Приватизация военно-силовых функций государства: каковы перспективы? // МЭИМО. — 2004. — № 3 — С. 64—70.

помощи этим государствам, что позволяло им выживать даже при отсутствии внутренней легитимности. После окончания холодной войны и прекращения военной помощи со стороны метрополий многие бывшие колонии обратились к услугам частных подрядчиков для борьбы с повстанцами, которые могут обладать современным оружием, но не имеют профессиональных навыков, дисциплины и организации. Основные недостатки частных военных формирований состоят в следующем: стремясь к прибыли, они не соблюдают правила ведения боевых действий и ведут их с крайней жестокостью; использование наемников затягивает конфликты и не приводит к желаемым результатам, поскольку частные формирования получают больше денег, чем государственные военные формирования; частные формирования ведут боевые действия независимо от потерь.

Использование частных вооруженных формирований в вооруженных конфликтах и в мировой практике — устойчивая и долгосрочная тенденция. Это ведет к ряду *одновременно положительных и отрицательных последствий для системы международной безопасности*: по мере развития приватизированной военной индустрии акторы международных отношений могут пользоваться возможностями всего военного спектра — от отрядов коммандос до боевых самолетов; неограниченный доступ к военным услугам увеличивает влияние негосударственных групп; частные военные компании могут использоваться как для поддержки интересов государства, так и против них; любая группа внутри слабого государства может получить военные возможности и снижать пределы для создания угроз статус-кво; старые концепции баланса сил потеряли свою аналитическую ценность; использование таких подрядчиков доступно не только государствам.

Указанная тенденция необратима и связана с изменениями в системе международной безопасности и международных отношений. Она приводит к трансформации роли государства в этой системе. Деятельность частных военных формирований пока не регулируется ни какими-либо системами морали (в том числе военной), ни корпоративным и действующим международным правом.

Все перечисленные тенденции требуют всестороннего осмысления, в том числе с точки зрения морали. Для реализации этой цели я разрабатываю политическую концептологию. Она базируется на использовании аналитической политической философии в качестве главного метода исследования. Особенно важной является идея о сущностной спорности (оспариваемости) всех моральных, политических и идеологических концептов[16]. Политическая концептология основана также на выводах моих исследований государственного аппарата, русской власти и главных идеологий современности. Один из таких выводов — квалификация государственной власти и политики как сферы воплощенного абсурда. Политические идеологии я понимаю в традиции Макса Вебера — как определенную целостность экономики, морали и политики, направленную на достижение более или менее трансцендентных и надындивидуальных целей. Эта целостность может выступать как производная от традиционализма (при котором традиция считается конституирующим элементом социального бытия), экономикоцентризма (при котором конституирующей полагается экономика), кратоцентризма (при котором власть рассматривается как определяющее начало) и идеократии (когда главной считается определенная система идей, направленная на достижение более или менее отдаленных целей — от божьего царства до коммунизма или большой зарплаты, личного здоровья и бесконечной жизни)[17]. В любом случае эту фактическую или вымышленную

[16]См.: Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. — М.: РОССПЭН, 2001.

[17]См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. — М.: Праксис, 2002; Он же. Политическая концептология: обзор повестки дня. — М.: Праксис, 2005; Он же. Политическая концептология. Учебное пособие. — Ростов-на-Дону: Изд. ЮФУ, 2011.

производность можно рассматривать как легитимацию абсурда. Для дальнейшего обоснования этого вывода приведу новые теоретические и эмпирические аргументы.

Теория абсурда

Представление об абсурдности бытия обычно связывают с экзистенциалистской традицией философии XX века. Однако на протяжении последних 20-ти лет произошла *универсализация абсурда*. Недавно вышла на русском языке первая коллективная монография на эту тему[18]. Теория абсурда включает разработку методологических проблем: абсурд и общество; репрезентация абсурда в визуальных искусствах; грамматика абсурда; абсурд в науке; абсурд и философская мысль; абсурд и мистическая мысль; абсурд в фольклоре; абсурд на исходе XX века. Из этой проблематики вычленю несколько выводов, существенных для дальнейшего изложения.

Понятие *абсурда* происходит из контаминации латинских слов absonus (какофонический) и surdus (глухой). Начиная с античности, понятие *абсурда* выступало в трояком значении: эстетической категории, выражающей отрицательные свойства мира; логического абсурда — отрицание логики как центрального компонента рациональности; метафизического абсурда — выход за пределы разума как такового. На рубеже XIX-XX вв. Ницше и Шестов квалифицировали абсурд как реакцию на ситуацию отчуждения индивидов, порожденной острыми противоречиями между интересами индивида и условиями его существования, утратой жизненного смысла. У экзистенциалистов абсурд есть индекс разлада человеческого существования с бытием (Хайдеггер, Камю, Сартр). Понятие абсурда *вневременно*, возникает по мере зарождения теоретической мысли и присутствует в различных культурных феноменах, от античности до постмодернизма.

Абсурд — это констатация смыслового, логического, бытийного и языкового бессилия обнаружить организующее начало в окружающем мире. Абсурд как предвестник конца света и вселенского хаоса связан с кризисом культуры и проблемой интерпретации данного кризиса. Актуализация феномена абсурда в современном обществе происходит под влиянием феминизма, исходный постулат которого гласит: господствующей культурной схемой сегодня стала *мужская идеология* и ее составляющие (логика, рационализм, упорядоченность мысли.

В славянских странах абсурд обращен к природе конкретной личности, к ее мифологическому сознанию, а не к социальным или политическим связям. Семантически абсурд близок словам абракадабра, бред, бессмыслица, вздор, заумь, нонсенс, чепуха, чушь. В таком понимании абсурд есть явление, развившееся на почве восточного христианства, где уже с эпохи Византии была известна традиция апофатического богословия. Религиозно-богословская традиция Византии подготовила предпосылки для абсурдного творчества в русской культуре и литературе (творчество Д. Хармса и обериутов). Она противостоит рационалистическому систематизму и допускает много парадоксов и противоречий. В целом абсурд как мировоззрение и элемент поэтики охватил все сферы культуры XX в. (литература, философия, наука, искусство, язык).

В настоящее время абсурд рассматривается как междискурсивный универсальный транскультурный феномен, характерный для Запада и России[19]. Но в общей теории абсурда тема абсурда в морали, политике и политических идеологиях еще не разработана. Обходит эту тему и Б.Н. Капустин в своих работах[20].

---

[18]См.: Абсурд и вокруг. Отв.ред. О. Буренина. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

[19]См.: Абсурд и вокруг. — С. 5—59.

[20]См.: Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. Учебное пособие. – Москва: КДУ: Изд-во МГУ, 2004.

Для движения в этом направлении можно опереться на общие положения теории абсурда: советское общество есть абсурдная социальность, технологическая цивилизация есть цивилизация экзистенциального абсурда, а абсурдность постсоветской реальности уже проиллюстрирована на примере России и Украины, у которых много общих абсурдных свойств.

В той и другой стране развертывается драма перекрестка, на котором трудно обрести свой путь. Постоянное обращение «назад к истории» и стремление к самоутверждению рождают новые химеры. Повседневная жизнь не поддается логическому анализу и есть цепь абсурдных фантасмагорий. История в обоих странах стала объектом идеологических манипуляций. Поэтому для каждого гражданина России и Украины крайне важно приобрести *опыт недоверия к реальности, включая политику и политическую идеологию.* Основная максима человеческого существования «Быть или не быть в мире» в обоих странах заменяется новой максимой «Быть или не быть показанным в прямом эфире». В конечном счете сходство России и Украины состоит в том, что страна репрезентируется как коллективная несчастная женщина, территория всеобщего предательства и современная постколониальность[21].

Указанные характеристики обеих стран можно рассматривать одновременно как моральные и политические[22]. С этой точки зрения для политической концептологии важны те литературные и публицистическо-журналистские тексты, в которых фиксируется всеобщая абсурдность постсоветского бытия. Приведу пример.

В цитируемом издании уже осуществлен анализ творчества В. Пелевина в контексте абсурда[23]. На этой основе сформулированы выводы, значимые и для политической концептологии. Если для Камю абсурд — неизбежная судьба человека в мире, то для Пелевина утверждение такой логики — дело философии, которую надо критиковать и дезавуировать; в корне пелевинского недоверия к философии лежит неприятие любых философских концепций; в отличие от сакрального абсурда в христианстве у Пелевина абсурд есть неизменное свойство повседневного мира (линия сборки водородных бомб квалифицируется как «цех плюшевой игрушки средней мягкости»); Пелевин квалифицирует вся русскую культуру как подлог, который художник должен раскрыть по принципу «клин клином вышибают»; абсурд свойствен естественному, а не сверхъестественному; абсурд отрицает любую попытку утверждения единства смысла в межкультурной коммуникации путем абсолютизации одной из культур или отстаивания универсальной семиотической системы; каждая культура пока еще не может выявить собственную абсурдность[24].

На мой взгляд, последний вывод излишне категоричен. Надо поискать материал для приобретения опыта недоверия к реальности и выявления абсурдности политики и политической идеологии как элемента русской культуры.

---

[21]См.: Абсурд и вокруг. — С. 167—177.

[22]Проблема различия между политикой России и Украины здесь не рассматривается из-за недостатка места. См.: Пастухов В.Б. Украинскачя революция и русская контрреволюция // Полис. — 2010. — № 5.

[23]Речь идет об изучении творчества В. Пелевина в контексте общих идей: диалогика абсурда; смысл и значение, нонсенс и абсурд; в христианстве абсурд приобретает социальную ценность; смысл и интеркультура (на раннем этапе абсурдными считались особенности других культур; в эпоху Просвещения на место представления об иерархии культур приходит постулат равнозначности культур в постижении смысла; абсурд как противоречие универсальному смыслу может характеризовать любую, даже высокоразвитую культуру; концепт Бога — образец того, что происходит с другими понятиями; абсурд показывает свободу человека от семиотических систем); соотношение понятий абсурда и нонсенса видно из определений: абсурд связан с глубинными структурами человеческой личности; не поддающийся общему определению человек попадает в распоряжение произвольного нонсенса. См.: Абсурд и вокруг. — С. 349—362.

[24]Там же, с. 362—369.

Воплощение абсурда

Уже существует классификация всей истории России в XX в. по датам (от 1 января до 31 декабря) газетных публикаций, фиксирующих абсурдные явления и события отечественного бытия и сознания[25]. Приведу только некоторые факты 1990-х гг. за один месяц — сентябрь: 1 сентября 1994 г. «Общая газета» опубликовала статью о председателе Комитета РФ по печати Б. Миронова, который назвал интернационализм «адской затеей», а себя — «русским националистом»; 2 сентября 1999 г. «Общая газета» опубликовала статью А. Плутника, в которой показано, что современная Россия — правопреемница СССР с точки зрения государственной лжи, поскольку администрация отмывает деньги на Западе; 4 сентября 1997 г. «Комсомольская правда» опубликовала слова и.о. премьера В. Черномырдина, который назвал оппонента (С. Кириенко) «кудрявым и цветным»; 6 сентября 1997 г. «Комсомольская правда» опубликовала список генералов, замешанных в уголовных делах; 7 сентября 1994 г. в «Известиях» опубликовано интервью с лауреатом Нобелевской премии академиком А. Прохоровым. Он сказал: «Сами ученые из уважаемого обеспеченного слоя общества превращаются с люмпенов. Близорукие власти способны любить ВПК, а не фундаментальную науку»; 10 сентября 1996 г. в «Независимой газете» опубликована статья, в которой показано: в российском сознании наметился откат к средневековью; этим объясняется громадный спрос на услуги колдунов, шаманов и прочих кудесников; в середине 1990-х гг. заговорили: России нужен свой генерал Пиночет; 10 сентября 1998 г. «Независимая газета» опубликовала статью экономиста Н. Петракова: «Вместо обещанных миллионов собственников страна получила миллионы обманутых вкладчиков»; 10 сентября 1999 г. в результате предательства или ошибки российской армией уничтожен армавирский отряд спецназа внутренних войск МВД России; 11 сентября 1996 г. в «Независимой газете председатель Верховного Совета Республики Беларусь С. Шарецкий заявил: «Я надеюсь, что тоталитарная Белоруссия России не нужна»; однако некоторым людям из руководства России очень мил А. Лукашенко с замашками диктатора; 12 сентября 1995 г. на первой полосе «Известий» опубликована статья «В Думе бьют женщину (фото, как депутаты Н. Лысенко и В. Жириновский умело чередовали болевые приемы с удушением и таскание за волосы Е. Тишковской); 12 сентября 1996 г. «Комсомольская правда» сообщает пример верноподданности: жительница Беслана З. Волиева готова отдать президенту самое дорогое — свое сердце; 17 сентября 1999 г. премьер Путин заявил: «Гадину необходимо задушить на корню!»; мочат и душат до сих пор, но никак не поймают; 23 сентября 1997 г. «Известия» привели слова генерала Рохлина: «Отстранить от власти президента и его камарилью», но в конечном счете убили генерала; 25 сентября 1999 г. «Независимая газета» обратила внимание на рекламу на ТВ и СМИ, которая делает ставку на агрессию, антифеминизм и всеобщий идиотизм; 28 сентября 1998 г. «Комсомольская правда» объясняет назначение на должность политического лидера нового политического блока «Единство» С. Шойгу тем, что он человек военный — что прикажет Верховный главнокомандующий (т. е. Президент), то и сделает.

Абсурд в России нулевых годов систематически описан В. Шендеровичем в его комментариях к событиям российской жизни, которые он публиковал, начиная с 118 номера журнала «Континент». Полный анализ этого материала (включая рефлексию В. Шендеровича об этом жанре)[26] выходит за рамки этой статьи. Приведу наиболее яркие комментарии к событиям сентября-декабря 2004 года[27].

---

[25]См.: Безелянский Ю. Огненный век. — М.: Пашков дом, 2001.

[26]См.: Шендерович В. Комментарий к событиям российской жизни (январь-декабрь 2010 г.) // Континент. — № 146.

10.09.2004. В Грозный вошли боевики, целую ночь расстреливали людей. По всем телеканалам ничего этого не было, поскольку предстояли выборы в Чечне. За две недели до выборов президента Чечни одной из столичных улиц присвоили имя Ахмата Кадырова. Одновременно московские власти не дали назвать улицы в честь Булата Окуджавы и академика Харитона. Последние умственные силы силовики потратили на распиливание промеж собою ЮКОСа.

В Беслане полностью повторилась ситуация с Назранью, где таксисты отказывались везти пассажиров в центр города еще за пять часов до прибытия боевиков. Никто из местного начальства, приглашенного на переговоры, к бандитам не пошел и к народу не вышел, — тогда бандиты перестали давать детям воду. Зато через пару дней Путин завел свой органчик. Органчик сказал все, что уже много лет говорит про мировой терроризм. На второй день после захвата школы в Беслане зам.генпрокурора С. Фридинский заявил, что среди бандитов, входящих в банду, присутствуют представители около десятка национальностей, и что речь идет о полном интернационале. «Раз поставлена задача, чтобы это был мировой терроризм, будет мировой терроризм!».

Федеральные войска берут в заложники членов семьи А. Масхадова. Оцепление в Беслане держал местный ОМОН, который пускал внутрь всех желающих родственников с автоматами, что дало результат с массовой гибелью детей, уличными боями, исчезновением части боевиков и линчеванием невиновных.

Путин говорил: «На создание новых, современных и реально защищенных границ уйдут многие годы и потребуются миллиарды рублей».

Власть ведет бой со СМИ. Журналисты отрезаны от информации (приведен ряд фактов). Министр обороны России С. Иванов считает оправданным нанесение превентивных ударов по базам боевиков, в том числе за пределами России. Одновременно десятый год не могут поймать Басаева на 50 кв. км. На митинги, объявляемые властью, свозят народ автобусами и грузовиками. Дают разнарядку по учреждениям, раздают на месте майки и транспаранты. Путин пять лет назначал на главные посты своих главных лизунов, прикормил дивизию ворья с силовым уклоном.

17.09.2004. Сочетание злобы с бессилием — идеальный вариант для политики, особенно на Кавказе. После событий в Беслане Путин заявил о коренной перестройке системы исполнительной власти, предложил поставить раком избирательное право. Каким образом жизнь россиян станет безопаснее оттого, что у них отберут право голосовать? Главы местных администраций одобряют кандидатуры, представленные Путиным. В. Яковлев назначен министром региональной и национальной политики и тут же заявил: «Мы берем на себя контроль над религией, межбюджетными отношениями, федеральными целевыми программами». За время после Беслана Путин отменил выборы губернаторов, прекратил индивидуальную депутатскую деятельность, пересадил Козака, создал новое министерство и положил туда Яковлева контролировать религию и межбюджетные отношения. Но не отправил в отставку ни одного руководителя спецслужб: «Тут президента можно по-человечески понять. Спецслужбисты — ребята злопамятные».

Как отмечают СМИ, в бюджете на 2005 г. 40% уйдет на содержание силовиков и оборону, и лишь чуть более 15% на образование, здравоохранение, культуру и социальную политику.

«По данным газеты «Русский курьер», силовое начальство в России получает ежемесячное содержание в размере 12 должностных окладов, так что, путем умножения, доходит это дело у них до двухсот тысяч в месяц! В СССР было 900 генералов. После распада СССР

[27]См.: Шендерович В. Комментарий к событиям российской жизни (сентябрь-октябрь 2004 г.) // Континент. — № 122. — С. 171—213.

территория государства, численность населения и армии значительно уменьшилась, а число генералов выросло на треть. Сегодня их только в системе министерства обороны 1200 человек. Кроме того, в России имеется еще 36 ведомств, руководство которыми осуществляют военные.

На собрания дискуссионного клуба «Валдай» приглашаются журналисты крупнейших западных изданий, всем гостям конференций оплачивается перелет самолетом в бизнес-классе и номера в «Метрополе» (самый дешевый номер — 300 долл. в сутки). В федеральном бюджете существует закрытая строка, предусматривающая финансирование мероприятий, направленных на улучшение имиджа России.

24.09.2004. В первые дни после Беслана Путин категорически высказался против создания независимой комиссии по расследованию обстоятельств трагедии, сказав, что это будет не расследование, а политическое шоу. Сам назначил комиссию. В нее вошли 7 человек от фракции «Единая Россия», по 1 человеку — от КПРФ, «Родины» и ЛДПР. Ни один независимый депутат Госдумы в состав комиссии не был включен.

В России полстраны ходит в хаки и каждый второй генерал. После Беслана глава ФСБ Патрушев заявил в Совете Федерации о необходимости принять меры для того, чтобы работа добровольных агентов ФСБ воспринималась в обществе позитивно, а не как стукачество, и предложил привлекать к популяризации их работы деятелей культуры.

Дума подготовила пакет законопроектов по борьбе с терроризмом и внесение поправок в закон «О средствах массовой информации»: запрет для радио и телевидения на информацию о терактах с захватом заложников и на освещение хода контртеррористической операции по освобождению заложников до ее завершения. В Комитете по конституционному законодательству и госстроительству готовится новый закон, призванный восстановить советскую практику контроля за миграцией: граждане не могут менять место жительства без разрешения властей. А глава комиссии по законодательству и безопасности Мосгордумы Ю. Попов предложил регионам дать право закрывать свои административные границы без объявления чрезвычайного положения. Под эту сурдинку власти запрещают митинги оппозиции и бьют участников дубинами по ребрам (в Калмыкии). Одновременно конторам Москвы заказали генплан развития города Беслана, поскольку денег под такие проекты не жалеют. На заседании Совета Думы принят к рассмотрению законопроект, фактически восстанавливающий право министров на занятие руководящих постов в партии «Единая Россия». В образовательные учреждения направлены циркуляры о новом изучении книг Николая Островского.

01.10.2004. В. Шендерович называет нынешнюю команду «кремлевские татаро-монголы». Выступая перед зарубежными журналистами, Путин сказал: «Мы должны иметь единый понятийный аппарат. Вот у нас есть слово «терроризм». Оно во всех словарях имеет одинаковое значение. Террор — это подавление политических противников насильственными методами». По этому критерию В. Шендерович выделяет чеченских, лубянских и кремлевских террористов. Путин объявил о создании Международного правозащитного центра. Это первый случай в мире, когда власть открыто пытается контролировать правозащитников не только с финансовой, но и с идеологической точек зрения. На прошлой неделе более 20 политических и общественных организаций Воронежа направило Путину обращение, в котором выражалось беспокойство по поводу его последних инициатив. В ответ председатель Общественной платы Воронежской области Прасолов назвал происшедшее «безответственным гражданским поведением». А замглавы президентской администрации Сурков сказал: «Единство власти — необходимое условие единства нации».

Пенсионеры из Южно-Сахалинска попали под обстрел ракетой «земля-воздух». Супруги копали картошку, а реактивный снаряд был запущен с полигона. Никто не пострадал, но

полопались банки с вареньем. Возмещать ущерб в 2,5 тыс. рублей военные отказались, объясняя все это случайностью. Суд города Ровно «не запретил» певцам Н. Королевой, В. Меладзе и И. Кобзону выступать с концертами в поддержку кандидата в президенты Украины В. Януковича. Это решение суд мотивировал тем, что нет достаточных доказательств того, что они являются гражданами РФ.

08.10.2004. «Сначала спровоцировать террор, а потом с ним бороться — лучший способ сохранить любовь населения, которое пока не собирается становиться народом». Народный артист А. Ливанов собрал пресс-конференцию и объявил о создании Всероссийского общественного движения «Россия-антитеррор». Инициативную группу возглавил бывший сотрудник ФСБ Божков. Предлагается организовать по всей стране сеть домовых комитетов, которые будут пристально следить за лицами из других регионов, с криминальным прошлым и аморальным поведением. По парламентским коридорам с подачи Генпрокуратуры уже гуляют предложения об отмене принципа презумпции невиновности: бремя доказательства собственной невиновности должно ложиться на самих подозреваемых в совершении преступлений, подпадающих под стать УК о терроризме и коррупции. Фонд поддержки «Единой России» предложил ввести идентификационные карточки для всех школьников столицы. Эта инициатива успешно решает личные политические задачи руководства «Единой России».

В Санкт-Петербурге сто человек вышли на улицы с перечеркнутым портретом земляка и словом «Хватит!». Президент подписал очередной указ об очередном повышении денежного довольствия военнослужащих, а также сотрудников центральных аппаратов министерств и ведомств «силового блока» и их руководителей. Входит в решающую фазу дележ российской нефтянки между питерскими чекистами. Будущие покупатели «Юганскнефтегаза» связаны с кремлевской администрацией. Основным интересом высокопоставленных представителей российской власти является фактически бесплатная приватизация остатков государственной собственности и создание собственного бизнеса. Одновременно Верховный суд РФ оставил в силе решение отказать в компенсации морального вреда пострадавшим и членам семей погибших во время захваты театрального центра на Дубровке в октябре 2002 г.

15.10.2004. Депутаты Госдумы приняли поправки к закону «О правительстве», разрешающие министрам занимать в политических партиях руководящие должности. А местные власти систематически сужают права местного самоуправления. Под маской экономии на выборах президента России в марте 2004 г. сэкономленные деньги пойдут на помощь детям и ветеранам. В армии процветают неуставные отношения и продажа солдат в рабство (с этим связано 60% суицида). После проигрыша футбольной команды России Португалии член политсовета «Единой России» и по совместительству тренер сборной товарищ Ярцев первым делом обвинил футболистов в отсутствии патриотизма.

22.10.2004. Существуют параллели между подготовкой к выборам в третий раз А. Лукашенко и В. Путина: за пять дней до референдума на участках выставлены по всей стране урны для голосования; в Минске оппозиционных журналистов вовсю месят ногами. В администрации Путина практически завершена подготовительная работа по созданию новой прокремлевской партии либерального направления для противовеса бюрократической «Единой России» и левонационалистической «Родине». Это дрессированны либералы с прикормленными патриотами. Половина россиян убеждена, что суды чаще выносят несправедливые приговоры. Путин заявил о необходимсти «сделать судебную систему соответствующей требованиям рыночной экономики». В Грозном скоро появится аквапарк, стадионы, концертные залы и Диснейленд. Депутат Госдумы Алкснис обвинил Союз комитетов солдатских матерей в выполнении политического заказа по стороны Запада по ослаблению обороноспособности России.

29.10.2004. Во вторую годовщину событий на Дубровке столичная власть надула по мелкому родственников погибших (до этого отразила десятки судебных исков). Представители столичного правительства приехали на панихиду за час раньше, не предупредив об этом организаторов, провели перед телекамерой официозный митинг и уехали, прежде чем к зданию подошли родственники погибших. Московские власти приобретают опыт проведения митингов отдельно от населения. Одну из матерей погибшего Татьяне Карповой за несколько дней до траурных дней пригласили в кремлевскую администрацию, дали готовый текст выступления и платежное поручение на 1500000 рублей от общероссийской общественной организации «Молодежное единство». Но она послала тех и других куда надо. Губернатор СПБ В. Матвиенко отвергла идею республики как форму государственного устройства России: «По менталитету русскому человеку нужен барин, царь, президент, словом, единоначалие». Для поддержки реформы власти студентов свозят на заказные митинги. В начальных школах Щелковского района Московской области родителей предупредили об обязательном нулевом уроке для детей, на котором детям будут включать гимн России. Для этого родителям преложили вскладчину купить музыкальный центр. Патриотическое воспитание в России курируют генералы.

Отец всех туркмен С. Ниязов отказался принять шестую звезду героя Туркмении и вступил в борьбу с культом собственной личности, пытался назначить в стране президентские выборы. В ответ группа делегатов, сидящих в президиуме, бросилась к трибуне. Герой Туркмении председатель концерна «Туркменнефть» С.Валиев сказал: «Нам вас дал Бог, вы пожизненный президент и должны руководить Туркменистаном пожизненно». Другой герой Туркмении М. Сопыев сказал: «Народ не даст вам провести президентские выборы».

Теперь приведу наиболее показательные события и рефлексию о них за январь-март 2005 года[28]. В республике Марий-Эл выстроена жесточайшая феодальная вертикаль экономической зависимости органов муниципального управления и бизнеса от президента Маркелова. Нормой стали избиения оппозиционных журналистов и уголовные дела против противников президента. Близкие к Кремлю политологи получают информацию из первых рук и сразу обнюхивают хозяйские руки. Путин внес на рассмотрение законодательного собрания Приморского края кандитатуру Сергея Дарькина в губернаторы. Он раньше трудился распорядителем на похоронах криминальных авторитетов. Журналистам сверху заказывают участие в политических кампаниях за или против. Союз комитетов солдатских матерей регулярно насчитывает потерь в три раза больше, чем МО; поэтому МО выступает против них. Сыновья министров (обороны, премьера) назначаются руководителями финасово-промышленных фирм (банков, пароходств и пр.). Россия занимает первое место в мире по числу убийств на душу населения. Одновременно МВД и прокуратура выступают против публичной критики самих себя. На Лубянке уже вовсю функционирует храм Софии Премудрости. Раньше это помещение было проходной 5 Управления КГБ, мочившего свободомыслящих. Существует параллель между современной эпохой и «великим переломом»: гримасы нэпа уходят в прошлое, оппозиция разгромлена и частично уже за границей, укрепление руководящей роли президента и «Единой России» повсеместное, начались показательные процессы.

Разумеется, жители Дона всех переплюнули. В ноябре 2003 г. в Волгодонске прошли соревнования по скоростному употреблению водки. Победитель выпил два с половиной литра и умер. На суде выяснилось, что никаких претензий к магазину (организатору олимпиады) у вдовы нет, поскольку руководство магазина оплатило похороны, поминки, ежемесячно выплачивает семье покойного победителя 1000 руб., а уцелевшему сыну предоставило работу в магазине.

[28]Шендерович В. Комментарий к событиям российской жизни (январь-март 2005 г.) // Континент. — № 124. — С. 202—238.

Стало быть, требуется разработка множества морально-политических концептов, которые бы систематизировали накопленный эмпирический материал и одновременно удовлетворяли критериям концептов национальной самокритики и когнитивного сопротивления[29]. Эта задача уже решается[30]. Но надо учитывать сложности, возникающие на этом пути.

Агония мира и замкнутый круг ошибок

Все политические идеологии стремятся сформулировать строгую систему постулатов и целей, которым придают общеобязательность. Эта тенденция противоречит реальному состоянию вещей и знанию о мире. В настоящее время формируется новое сознание, которое направлено на пересмотр всей системы существующего социального порядка и знания о нем. Дам краткий очерк уже осознанных проблем[31].

Современное знание распределено по разным дисциплинарным областям. Оно неадекватно и не отвечает требованиям постижения сегодняшних реальностей и проблем, которые становятся все более глобальными, транснациональными, полидисциплинарными, многомерными и планетарными. Разъединение и закрытая специализация знания становятся непреодолимым барьером познания мира[32].

Для разрушения этого барьера современная философия и наука использует категорию неопределенности. Первоначально эта категория была сформулирована для познания физического мира. Теперь она применяется для описания социально-исторического мира и включает несколько разновидностей.

Историческая неопределенность. В настоящее время будущее непредсказуемо, а «человеческая история была и остается неведомой нам авантюрой». Примеры исторической неопределенности бесконечны: кто думал весной 1914 г., что Сараевское убийство развяжет мировую войну, которая продлится четыре и года и принесет миллионы жертв? кто думал в 1916 г., что русская армия распадется на части, а крохотная маргинальная марксистская партия в России совершит (вопреки собственной доктрине) коммунистическую революцию в октябре 1917 г.? кто думал в 1918 г., что Версальский мирный договор в Версале несет в себе зародыши второй мировой войны, разразившейся в 1939 г,? кто думал в 1930 г, что Гитлер законно придет к власти в 1933 г.? кто думал в 1943 г., в ситуации крепкого альянса между СССР и Западом, что три года спустя эти союзники внезапно превратятся во врагов и начнется холодная война? кто думал в 1980 г. (за исключением нескольких ясновидцев), что советская империя взорвется в 1989 г.? На эти вопросы не может ответить никто.

Креативная и деструктивная история. Все социальные изменения обычно начинаются с локальных микроскопических творений. Они возникают в среде, ограниченной несколькими индивидами, и кажутся отклонениями от статус-кво[33]. Все ныне существующие религии и идеологии родились в нескольких маргинальных умах в то время, когда главным в истории

---

[29]См.: Макаренко В.П. Проблема когнитивного сопротивления // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. — 2012. — № 2. — http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/05.pdf

[30]См.: Олейник А. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: РОССПЭН, 2011.

[31]См.: Морен Э. Принципы познания сложного в науке XX1 века // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв. ред. Удумян Н.К. — М.: Наука, 2004 — С. 5—25.

[32]Например, экономика математизирована в наибольшей степени по сравнению со всеми социальными науками. Но в социальном и гуманитарном отношении она оказывается самой отсталой наукой, поскольку абстрагируется от социальных, исторических, политических, психологических, экологических условий, неотделимых от экономической активности. В результате ошибка в экономической практике становится прямым следствием отсталости экономической науки.

было разрушение: «Фактически, на протяжении человеческой истории случилась колоссальная потеря приобретенного опыта и знаний»[34]. Все религии, системы морали и политические идеологии не смогли предотвратить этот процесс. Поэтому ради сохранения мира возникает проблема тотальной критики и пересмотра сложившихся религий, идеологий и систем морали.

Неопределенный мир. В настоящее время происходит пересмотр картины безупречно упорядоченной вселенной. Она заменяется образом, в котором вселенная предстает игрой и ставкой в диалогической игре между порядком, беспорядком и организацией. Требуется переосмысление всей системы конституирующих концептов, включая моральные нормы.

Навстречу неопределенностям. Моральное воспитание и система образования должны учитывать принципы: церебрально-ментальной неопределенности, который вытекает из процесса перевода/реконструкции, свойственного всякому познанию; логической неопределенности, который был строго сформулировал сформулирован Паскалем: «Противоречие не свидетельствует о ложности, так же как и отсутствие противоречия не свидетельствует об истинности»; рациональной неопределенности (если рациональность не поддерживает свою самокритичную бдительность, она превращается в рационализацию); психологической неопределенности: невозможно полностью осознавать то, что происходит в машине ума, в работе которого всегда остается нечто фундаментально неосознаваемое. Критический самоанализ всегда труден. Искренность тоже не является гарантией определенности, поскольку существуют пределы для любого самопознания.

«Мир находится не только в состоянии кризиса, — пишет Эдгар Морен, — но и в таком насильственном состоянии, где сталкиваются силы смерти и силы жизни, которое можно назвать агонией. Мы пока не знаем, имеем ли мы здесь дело только с агонией старого мира, которая возвещает о новом рождении, или же стремительной агонией. Появляется новое сознание: человечество вовлекается в неизвестную и непредсказуемую историческую авантюру»[35].

Авантюризм существующего положения вещей включает: неопределенность реальности (идеи и теории не отражают, а переводят реальность, перевод может быть ошибочным; поэтому реальность есть не что иное, как наша идея о реальности); неопределенность познания (познание — это плавание в океане неопределенностей через архипелаги определенностей); неопределенность экологии действия (едва индивид начинает любое действие, оно начинает ускользать от его намерений). Поэтому требуется пересмотреть все существующие критерии оптимальности: «Невозможно установить алгоритм оптимизации в решении человеческих проблем, ибо поиск оптимизации выходит за пределы всей мощи имеющихся в нашем распоряжении средств поиска, поиск оптимума превращается в конечном счете в неоптимальное, даже наихудшее, действие. Обнаруживается новая неопределенность между поиском наибольшего добра и поиском наименьшего зла»[36]. Такая неопределенность не фиксируется ни в одной системе моральных норм и политических идеологий.

Из экологии действия вытекает замкнутый круг ошибок: петли риск-предосторожность, цели-средства, действие-контекст. По классификации Альберта Хиршмана, любое действие имеет три типа непредвиденных последствий: извращенный результат (неожиданный пагубный результат важен, чем благоприятный результат, на который возлагались надежды); тщетность нововведений (чем больше изменений, тем в большей степени степени все остает-

[33]Так были совершены все технические изобретения: сцепление, компас, книгопечатание, паровая машина, кино, компьютер. Так установился капитализм в городах-государствах в эпоху Возрождения. Так распространились все всемирные религии (буддизм, иудаизм, христианство, ислам, протестантство).

[34]Морен Э. Указ. соч. — С. 19.

[35]Там же, с. 21.

[36]Там же, с. 22—23.

ся по-прежнему); опасность успехов и достижений (хотели улучшить общество, но в результате удалось только подавить свободу и упразднить системы безопасности. С учетом долгосрочной непредсказуемости «Ни для какого действия нет гарантии, что оно будет осуществляться в направлении, совпадающем с намерением»[37]. В результате сегодня даже с помощью науки воспроизводятся утопии[38].

Обращение в «научную веру»

Под влиянием успехов биологии и генетики в массовом сознании, СМИ и политических кругах преобладает представление о том, что генетические, а не социальные детерминанты играют ключевую роль при объяснении природы и поведения человека. Произошло массовое «обращение в генетическую веру». На этой почве место социальных утопий заняли утопии индивидуальные. Объектами индивидуальных утопий является будущее самого утопающего, его детей и близких. Вожделения нынешних небокоптителей направляются на крепкое здоровье, способность к высшим достижениям и успехам в определенных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная (в пределе — бесконечная) жизнь. Стало быть, биология и генетика сегодня стали источником утопического мышления.

На этой основе возник концепт постгуманистического будущего, разработанный Ф. Фукуяма. Тот описывает четыре биотехнологических пути к постчеловеческому будущему: расширение знаний о мозге и биологических основах человеческого поведения; нейрофармакология и манипулирование эмоциями и поведением; продление жизни; генетическая инженерия. Все эти пути ведут к возрождению евгеники на индивидуальном уровне. Распространение психотропных препаратов в США демонстрирует три тенденции: желание людей как можно больше медикализировать свое поведение ради снижения личной ответственности за свои действия; давление экономических интересов; расширение сферы терапевтических воздействий: «Никто, никакая тоталитарная власть, — саркастически замечает Б.Г. Юдин, — не загоняет людей в этот новый мир. Он будет (если будет) построен путем свободных решений, множества актов свободного и добровольного выбора, осуществляемых самими людьми»[39].

Б.Г. Юдин анализирует проекты конструирования человека. Он рассказывает факт, имевший место в Москве. Группа состоятельных родителей обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Родители обеспокоены тем, что существующая в России система образования воспроизводит детей с определенным набором личностных черт, таких как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства. По мнению этих родителей, дети с такими чертами личности будут недостаточно приспособленными и успешными в будущей самостоятельной жизни, где необходимо проявлять противоположные свойства. Таким образом, на уровне семейного воспитания воспроизводится проект создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только речь идет не о биологическом и генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании.

Нынешнее общественное мнение сегодня оказывается падким на посулы пропагандистов генно-инженерных технологий. Таков результат социально-психологической обработки

[37]Там же, с. 24.

[38]См.: Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв. ред. Удумян Н.К. — М.: Наука, 2004. — С. 261—280.

[39]Юдин Б.Г. Указ. соч. — С. 272.

населения. СМИ почти каждую неделю сообщают об открытии нового гена, ответственного не просто за ту или иную болезнь, но и за привычку или черту поведения.

В заключение Б.Г. Юдин отмечает, что принципиальные различия между прежними и нынешними проектами «улучшения человеческой природы»: прежние основывались на концепциях, описывающих реальность в терминах детерминации (типа законов истории или генетической конституции), современные — на конструировании и ре-конструировании человеческого существования; прежние акцентировали внимание на сущность индивида, современные — на детали и технологию, игнорируя более глубокие уровни человеческой жизни и существования.

Вывод и вопросы

Таким образом, в настоящее время рухнули критерии различия между поиском наибольшего добра и наименьшего зла; поэтому ни одна система морали и политической идеологии не может считаться предпочтительнее других. По крайней мере, мне неизвестна политическая идеология, которая базируется на идее агональности существующего мира и систематизации под таким углом зрения всего накопленного знания. Эта идея может служить исходным пунктом при обсуждении специфики концептологического подхода к политическим идеологиям. Требует особого анализа вопросы: с учетом перечисленных тенденций и фактов нельзя ли полагать, что рухнуло восходящее к Марксу разделение на идеологию и науку, а также вытекающее из текстов Макса Вебера разделение на факты и ценности? Не следует ли то же самое сказать о восходящем к Карлу Мангейму разделении социального знания на идеологию и утопию, политику и науку? В какой системе морали учитываются эти тенденции и факты, мне тоже неизвестно. Это лишний раз свидетельствует о возможности анализа отношения между абсурдом, моралью, политикой и идеологиями.

ЭТИКА ЗАБОТЫ В ФЕМИНИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ[1]

М.С. Константинов
Южный федеральный университет

Аннотация: *Статья посвящена исследованию моральных фреймов феминистской политической философии. Автор прослеживает историю развития феминизма и эволюцию системы фреймов, ассоциированных с базовыми концептами этой идеологии. Специально анализируется этика заботы как составная часть современного феминизма.*

Ключевые слова: *мораль, политика, идеология, этика заботы, фрейм, концепт, феминизм.*

Несмотря на всё многообразие видов феминистской политической философии[2], что отнюдь не способствует выработке чётких классификаций в «аккуратные философские школы»[3], несмотря на атрибутируемую ему междисциплинарность, выражающуюся в многочисленных «inter-» — «interdisciplinary, intersectional, and interlocking»[4], — многие исследователи феминизма выделяют три волны этой политической философии, каждая из которых обладает своей собственной содержательной спецификой. И в каждой из этих волн можно определить базовые концепты и ассоциированные с ними моральные фреймы.

Феминизм первой волны: универсальные фреймы равенства в различии

Моральная проблематика появляется в феминизме очень рано. Уже в протофеминистских работах Кристины де Пизан и Корнелиуса Агриппы можно обнаружить моральное не-

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа», проект № 12-03-00401а.

[2]Так, Розмари Тонг выделяет восемь типов феминистского мышления: либеральный, радикальный (который, в свою очередь, подразделяется на либертарианский и культурный), марксистский/социалистический, психоаналитический, ориентированный на заботу (care-focused), мультикультурный/глобальный/постколониальный, экофеминизм, постмодернистский/феминизм третьей волны (см.: Tong R. Feminist Thought: A More Comprehensive Introduction. — Boulder: Westview Press, 2009. — 417 p).

[3]Tong R. Op. cit. — P. 1.

[4]Ibid.

годование по поводу несправедливого отношения общества к женщине[5]. Однако вплоть до конца XVIII в. навряд ли имеет смысл говорить о феминизме как систематической политической идеологии. Первую волну феминизма обычно связывают с именами таких его представителей, как Олимпия де Гуж, Мэри Уоллстоункрафт[6], Абигайль Адамс, Джон Стюарт Милль[7], Хэриетт Тэйлор, Теодор фон Гиппель и др. и датируют концом XVIII — началом XX вв. Первая волна практически отождествляется с либеральным феминизмом и находится под сильным влиянием рационалистической философии эпохи Просвещения, с одной стороны, и религиозных течений Реформации — с другой[8]. Оба этих интеллектуальных влияния приводят к базовой идее раннего феминизма — идее равенства. При этом, что важно, речь идёт не о фактическом равенстве как тождестве мужчины и женщины, но о должном равенстве в правах и возможностях[9]. Так, в одном из самых ранних документов феминизма — «Декларации прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж (1791 г.) заявляется следующее: «Женщина рождена свободною и по правам равною мужчине»[10].

О равенстве говорит и Мэри Уоллстоункрафт, когда критикует приписываемые женщинам качества и добродетели («фреймы») — лукавство, покладистость, пассивность, покорность, легкомысленность и т. д.: «Мягкость манер, покорность и долготерпение — столь милые ангельские качества, что в возвышенной поэзии ими наделяют богов… Мягкость, рассматриваемая с этой точки зрения, имеет все характеристики величия в сочетании с обаянием милой снисходительности; но другим аспектом этого будет зависимость, опора слабого существа, молча сносящего унижения, с улыбкой, не смея роптать, съёжившегося под занесённой плетью»[11]. То есть, навязывание женщинам фреймов «мягкости, покорности, собачьей преданности», есть не что иное, как стремление мужчин закрепить своё господство: «Женщина же создана быть игрушкой для мужчины, его весёлой погремушкой, к которой он может обратиться всякий раз, когда, устав от дум, захочет, чтобы его развлекали…»[12].

Этому М. Уоллстоункрафт противопоставляет идею морального равенства, которая, признавая фактическое неравенство женщин и мужчин «от природы», тем не менее, утвер-

[5]История женщин на Западе: в 5 т. Т. II. Молчание Средних веков. — СПб.: Алетейя, 2009. — С. 11—12; 418—423; Де Бовуар С. Второй пол. Т. 1 и 2. — Москва-Санкт-Петербург: Прогресс-Алетейя, 1997. — С. 144—146. Валери Брайсон указывает, что ранняя феминистская теория появляется задолго до трудов М. Уоллстоункрафт и Дж. Ст. Милля. Уже в XV в. протофеминистские идеи можно обнаружить в трактатах Кристины де Пизан и Корнелиуса Агриппы (см.: Брайсон В. Политическая теория феминизма. — Москва: Идея-Пресс, 2001. — С. 17; см. также: Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. — Москва: Эдиториал УРСС, 2003. — С. 18). Более систематическая критика социального положения женщин появляется в трудах авторов XVII в. Анфры Бенн, Мэри Эстелл и др. Однако, «придерживаясь преимущественно консервативной позиции социальной и политической точек зрения, эти первые феминистки обращались почти исключительно к женщинам высшего и среднего класса, и не предпринимали попыток увязать ситуацию женщин с другими угнетенными группами в обществе. Они видели основной путь независимости женщин от мужчин в получении образования и упражнении разума…» (см.: Брайсон В. Цит. соч. — С. 22). Судьба этих идей как нельзя лучше иллюстрирует подход к идеологии с точки зрения теории моральных фреймов: «…Доводы в пользу женской рациональности стали менее популярны, нежели убеждение в присущей им слабости и зависимости от мужчин. Идеи Эстелл и её современниц, и сами их имена были забыты» (там же, с. 22—23).

[6]Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman. — London: St. Paul`s Church, 1796. — 452 c.

[7]Милль Дж.Ст. Подчинённость женщины. — Санкт-Петербург: Издательство книгопродавца С.В. Звонарева, 1869. — 255 с.

[8]Воронина О.А. Цит. соч.

[9]Позднее это получит название «равенство в различии», суть которого сводится к следующему: наблюдаемые различия между мужчинами и женщинами не оспариваются, но общество, не предоставляющее женщинам равные с мужчинами права и возможности, признаётся аморальным и несправедливым, поэтому выдвигаются требования равноправия (см.: Воронина О.А. Цит. соч. — С. 18—21).

[10]Цит. по: Брайсон В. Цит. соч. — С. 27.

[11]Wollstonecraft M. Op. cit. — P. 64—65.

[12]Ibid., p. 65—66.

ждает равенство в сфере должного: «Если женщины по своей природе и ниже мужчин, однако их добродетели должны быть одинаковыми с мужскими, пусть не по степени, но по качеству, в противном случае добродетель является идеей относительной[13]; следовательно, и поведение женщин должно быть основано на тех же принципах [что и мужское] и иметь ту же цель»[14]. Добродетель основывается на человеческом разуме, который одинаков для мужчин и для женщин.

Тем не менее, сама Мэри Уоллстоункрафт признаёт, что «моральный облик дочерей, жён и матерей определяется тем, как выполняют женщины свои естественные обязанности»[15]. То есть, женщина должна стать равной мужчине *помимо* своих «естественных обязанностей»: «Великой целью её устремлений должно явиться раскрытие внутренних возможностей и обретение достоинства для осознания своих добродетелей»[16]. Она должна стать чем-то ещё, кроме того, чтобы быть «дочерью, женой и матерью»; если же женщина этого сделать не может или не хочет, то она сама в этом виновна: «Если всем своим сознанием женщина настроена на подчинение мужчине, если с обретением супруга женщина достигает своей жизненной цели и покойна, испытывая мелочную гордость и удовлетворение, заполучив столь заурядный венец, то пусть себе влачит безмятежное существование на уровне пресмыкающегося. Но если в борьбе за высшее своё предназначение взгляд женщины устремлён в будущее, пусть она совершенствует свой разум, не оглядываясь на нрав того, кто дан судьбой ей в супруги»[17].

Таким образом, постулируемое М. Уоллстоункрафт равенство добродетелей мужчин и женщин в основе имеет некую псевдоуниверсальную мораль, фактически следующую моральным стандартам мужчин[18]. Рецепты достижения этого состояния также традиционны для конца XVIII в.: надлежащее образование и разностороннее развитие, которые должны позволить женщине «достойно вести независимую жизнь»[19].

Примерно той же логике следует и другой классик раннего феминизма первой волны Джон Стюарт Милль, когда в работе «Подчинённость женщины» («The Subjection of Women», 1869 г.) утверждает, что «принцип, которым управляются общественные отношения между обоими полами, т. е. легальная подчинённость одного пола другому, по самой сущности своей ложен и составляет ныне одно из главных препятствий к прогрессу человечества, и что его следует заменить принципом полного равенства, не допускающим власти, ни преимуществ с одной стороны, ни воспрещений с другой»[20]. Фактическое неравенство женщин с мужчинами обусловлено, по Дж. Ст. Миллю, особенностями морального воспитания: «Всех женщин с самых ранних лет воспитывают в вере, что идеал женского характера есть противоположность мужского; что для них идеал заключается не в том, чтобы иметь собственную волю, не в том, чтобы управлять собою и распоряжаться своими поступками, а в покорности и уступчивости посторонней власти»[21].

[13]Любопытно, что в конце XX в. круг замкнётся и феминисты придут именно к идее неуниверсальности, относительности добродетели в феминистской концепции этики заботы. Однако уже на других концептуальных основаниях — не на основании разума, а на принципах чувств.

[14]Wollstonecraft M. Op. cit. — P. 48.

[15]Ibid.

[16]Ibid.

[17]Ibid., p. 62.

[18]Примечателен в этом плане и весьма прагматический аргумент, который М. Уоллстоункрафт адресует мужчинам: «Неужели пассивность и лень женщин делает из них лучших жён? […] Обладают ли женщины, рано усвоившие понятие пассивного повиновения, достаточным характером для управления домашним хозяйством и воспитания детей?» (Ibid, p. 67—68).

[19]Ibid., p. 63.

[20]Милль Дж. Ст. Цит. соч. — С. 1—2.

[21]Там же, с. 36.

Дж. Ст. Милль выделяет те же фреймы, на которых основывается мужское господство, что ранее выделила М. Уоллстоункрафт: «Все нравственные правила, которым их [женщин] учат, внушают им, что долг женщины и притом природное душевное влечение её — жить для других, предаться полному самоотречению и не иметь жизни, кроме в своих привязанностях — а под „своими привязанностями“ разумеют только те привязанности, которые им позволяют иметь — привязанность к мужчинам, которым они близки или к детям, которые составляют положительную и несокрушимую связь между ними и одним мужчиной»[22].

Однако, Дж. Ст. Милль воспроизводит все стереотипы эпохи, когда требуя равенства прав женщин и мужчин, тем не менее, поддерживает разделение труда по половому признаку, а также разделение частного и публичного[23].

В целом, равенство в первой волне феминизма аргументировалось различными способами — как религиозными аргументами равенства всех людей перед Богом[24], так и рациональными аргументами, апеллирующими к равенству интеллектуальных способностей мужчин и женщин[25]; активно используется моральная аргументация, осуждающая подчинённое положение женщин и констатирующая аморальность общества, не предоставляющего женщинам возможностей для личностного развития. Однако, в раннем феминизме ещё практически нет осознания ключевых конфликтов феминизма с другими идеологиями — классическим либерализмом и социализмом, — и выражающихся в трёх основных проблемах, присущих этим идеологиям: универсализме, игнорирующем взаимозависимость людей и специфику женского отношения к ближнему[26]; дихотомии публичного и частного, недооценивающей проблемы семьи и исключающей женщин из сферы публичного[27] и культа рациональности, «определяющей разум в терминах *преодоления женственности*»[28].

---

[22]Там же, с. 36—37.

[23]«Когда пропитание семейства доставляется не состоянием, а заработком, обыкновенный порядок, при котором муж зарабатывает деньги, а жена ведёт домашний расход, кажется мне самым подходящим разделением труда между супругами» (там же, с. 118). В целом, можно присоединиться к мнению О.А. Ворониной: «Милль, подобно гуманистам эпохи Просвещения и Мэри Уоллстоункрафт, критиковал двойной этический стандарт общества в отношении женщин, их подавление в семейной жизни и узаконенную власть мужей над женами. Милль полагает, что с помощью правовой реформы необходимо превратить семью из „школы деспотизма“ в „школу понимания равенства, добродетели и свободы“. Выступая весьма радикальным поборником эмансипации женщин, Милль тем не менее считал женщин и мужчин „равными, но различными“ существами» (Воронина О.А. Цит. соч. — С. 19).

[24]Авторы «Декларации чувств», подписанной 19 июля 1848 в городе Сенека-Фоллз: «Мы считаем, что эти истины являются самоочевидными: что все мужчины и женщины созданы равными, что они наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью…» (цит. по: History of Woman Suffrage. Vol. I. 1848—1861 / Stanton E.C., Anthony S.B., Gage M.G. (ed.). — London, New York, 1889. — P. 70). Любопытную религиозную аргументацию, доказывающую *превосходство* женщин над мужчинами приводит С. де Бовуар: «Женщина выше мужчины, а именно: *Материально*; ибо Адам был создан из глины, а Ева — из ребра Адама. *Из-за места:* ибо Адам был создан вне рая, а Ева в раю. *Из-за зачатия:* ибо женщина зачала Бога, а мужчина этого не мог. *Из-за явления:* ибо Христос после смерти явился женщине, а именно — Магдалине. *Из-за вознесения:* ибо женщина воспарила над хором ангелов, а именно — благодатная Мария…» (цит. по: Де Бовуар С. Цит. соч. — С. 139). По утверждению С. де Бовуар, к этим аргументам апологеты слабого пола будут обращаться вплоть до XVII в.

[25]Мэри Эстелл: «Поскольку Бог наделил женщин, как и мужчин, разумной душой, почему им возбраняется пользоваться ею?» (цит. по: Брайсон В. Цит. соч. — С. 20). Мэри Уоллстоункрафт: «…Я буду говорить немудрёным языком истины, который обращён больше к разуму, нежели к сердцу» (Wollstonecraft M. Op. cit. — P. 50).

[26]Jaggar A. M. Feminist politics and human nature. — Sussex: Rowman & Allanheld, 1983. — 408 p.

[27]MacKinnon C. A Feminism Unmodified. Discourses on Life and Law. — Cambridge: Harvard University Press, 1987. — 315 p.

[28]Брайсон В. Цит. соч. — С. 19.

В результате, несмотря на утверждение Валери Брайсон о том, что «политический феминизм того времени не являлся простым перенесением либеральных принципов на проблемы женщин»[29], оригинальных концептов и фреймов феминизм первой волны не предложил. Он использовал аргументы и термины либерализма и социализма, распространив логику этих идеологий на женщин и нередко предлагая женщинам «дотягиваться» в своём развитии до моральных и интеллектуальных стандартов, задаваемых мужчинами. Это очень хорошо прослеживается в содержании первых документов раннего феминизма — «Декларации прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж и «Декларации чувств», подписанной в г. Сенека-Фоллз 19 июля 1848 года, которую авторы «Истории женского суфражизма» назвали «первой конвенцией прав женщины»[30]. Первоначальный текст «Декларации чувств» и по стилю аргументации, и по базовым ценностям не просто напоминает «Декларацию независимости США» 1776 года, он был точной её копией, составленной посредством прямой замены в тексте «Декларации независимости США» некоторых выражений[31]. «Декларация прав женщины и гражданки» составлялась по такому же принципу, но за основу была взята «Декларация прав человека и гражданина»[32] 1789 года.

Таким образом, несмотря на фиксацию отличия женщин от мужчин, выражающегося в специфическом отношении женщины к ближнему и особых свойствах «женской натуры», базовым концептом для первой волны феминизма был концепт равенства и ассоциированные с ним фреймы универсальной морали: «Провозглашённое либеральной философией *абстрактное равенство означало не более, чем декларацию общей человеческой сущности людей*. Либеральная идея равенства прав мирно сосуществовала с идеей материнского *предназначения женщин*. […] Большая часть феминисток XIX в. поддерживали доктрину „раздельных, но равноценных сфер“ жизни для женщин и мужчин, выступая при этом за равенство гражданских и политических прав»[33]. Это вылилось в борьбу за избирательные права женщин, имевшей целью преодоление формально-юридического неравенства по половому признаку. Результаты этой борьбы весьма противоречивы: с одной стороны, феминисты добились декларации целого ряда базовых прав для женщин — права на образование, избирательных прав, права на равнооплачиваемый труд и т. д.; с другой стороны, сами женщины с подозрением относились к предписаниям моральных фреймов феминизма, поскольку нередко в них транслировалось подражание поведению мужчин. В итоге сами феминисты стали ассоциироваться с «пожирательницами мужчин, фуриями в брюках, размахивающими зонтом, как мечом»[34]. Конечно, этот стереотип совершенно не соответствовал действитель-

[29]Там же, с. 42.

[30]History of Woman Suffrage. Vol. I. 1848—1861… — P. 64.

[31]См.: History of Woman Suffrage. Vol. I. 1848—1861… — P. 69. Например, выражение «все люди созданы равными» в тексте «Декларации независимости США» было заменено на «все мужчины и женщины созданы равными», а обвинения в адрес короля Великобритании Георга III были заменены обвинениями в адрес всех мужчин.

[32]Используемое в «Декларации прав человека и гражданина» французское слово «homme» переводится и как «мужчина», и как «человек», но первоначальный текст «Декларации…» относился исключительно к мужчинам, на что и обратила внимание Олимпия де Гуж, заменив это слово на «femme».

[33]Воронина О.А. Цит. соч. — С. 19.

[34]См.: Фридан Б. Загадка женственности. — Москва: Прогресс-Литера, 1993. — С. 133. Бетти Фридан признаёт, что основания для возникновения подобного стереотипа были заложены самими ранними феминистками, пытавшимися подражать мужчинам: «Некоторые первые феминистки коротко стригли волосы, носили спортивные брюки и старались подражать мужчинам. Глядя на жизнь, которую вели их матери, исходя из собственного опыта, эти страстные женщины имели все основания отвергнуть общепринятый женский образ. Некоторые из них даже отказывались от замужества и материнства» (там же). Распространению этого стереотипа, в немалой степени, способствовала манера одеваться: «Образ феминисток, снимающих с мужчин брюки, в определённой степени возник в связи с появлением костюма „блумер“, состоящего из жакетки, юбки до колен и брюк до щи-

ности[35], но был порождён стремлением ранних феминисток универсализировать мораль с целью разрешить противоречие: примирить наблюдаемое различие в поведении женщин и мужчин с требованиями равенства[36]. Однако, потребуется ещё не одно десятилетие, чтобы найти приемлемое решение этой проблемы в контексте гендерных исследований и «этики заботы».

Феминизм второй волны: специфичные фреймы различия в равенстве

Вторая волна (Симона де Бовуар во Франции, Бетти Фридан в США и др.) радикализировала борьбу женщин за свои права, показав, что формально утверждённое равенство женщин отнюдь не является таковым на практике. Вторая волна феминизма также разделяет идеи равенства[37], однако здесь мы наблюдаем существенное смещение акцентов: теперь феминисты уже не предлагают женщинам следовать моральным фреймам мужского поведения, напротив, они пытаются выяснить, в чём состоит специфика самой женщины, в её отличии от мужчины, какими моральными фреймами она руководствуется в повседневной жизни, а также как примирить идеалы равноправия со спецификой женской морали.

Следует отметить, что первые акценты на отличии женщин от мужчин появились уже на втором этапе суфражистского движения: «…На ранней фазе суфражизма (1848—1890 гг.) его лидеры делали акцент на общности мужской и женской человеческой сущности. Позже — в 1890—1920 гг. — наоборот, акцентировались отличия женщин как матерей и использовались доводы о необходимости внесения „материнского влияния в политику“»[38]. Об этом же пишет и Валери Брайсон: «К концу [XIX] века особенно в Америке в некоторых течениях суфражистского движения стала преобладать идея о том, что женщины — потенциальные спасительницы нации и им следует дать политические права для реформирования и оздоровления общественной сферы. В этом направлении акцент ставился не на рациональности женщин, а на их специфических добродетелях. Утверждалось, что одно из важнейших различий

колоток. Элизабет Стэнтон вначале носила его с удовольствием, ей удобно было в нём делать домашнюю работу… Но когда феминистки стали появляться в этих костюмах на людях как символ эмансипации, грубые шутки газетчиков, уличных бездельников и мальчишек были просто невыносимы для их женской чувствительности. […] Большинство женщин, в частности Люси Стоун, перестали носить его из чисто женских соображений: он не очень удачно подчёркивал их фигуру» (там же, с. 141).

Это подтверждает и Валери Брайсон: «Вызов власти также состоял в отказе следовать традиционным нормам и юридическим правилам. В этом контексте мы можем понять требование некоторых феминисток оставить за собой в браке хотя бы часть собственного имени и их эксперименты с „блумерским костюмом“ в начале 50-х гг. XIX в. Отказываясь от рабского положения, обусловленного утратой собственного имени, Стэнтон запрещала называть себя „Миссис Генри Стэнтон“, а также утверждала своё право одеваться в соответствии со своими представлениями об удобстве, а не для мужского одобрения. Однако „блумерский костюм“… вызвал столько неприязни и насмешек, что суть требований осталась в стороне, и она вскоре отказалась носить его на людях» (см.: Брайсон В. Цит. соч. — С. 51).

[35]Так, Бетти Фридан приводит забавный казус, произошедший с Люси Стоун: «Как-то в одном городе пронёсся распространённый в то время слух о том, что в город читать лекции приехала большая мужеподобная женщина, которая носит сапоги, курит сигару и ругается как извозчик. Дамы, которые пришли послушать это чудище, не могли скрыть своего удивления, когда увидели, что Люси Стоун небольшого роста, изящна, одета в чёрное атласное платье с белым кружевным рюшем вокруг шеи, что она „воплощение женской грации… свежая и светлая, как утро“» (см.: Фридан Б. Цит. соч. — С. 134).

[36]«У феминисток была только одна модель, один образ полноценного и свободного человека, о котором можно мечтать, — образ мужчины» (см.: Фридан Б. Цит. соч. — С. 127).

[37]Так, С. де Бовуар анализировала феномен «второго» пола, т.е. пола вторичного, по отношению к мужскому полу, а Б. Фридан критиковала так называемую «загадку женщины», которую навязали американским домохозяйкам с помощью фреймов «женской доли», «женской судьбы», «женского долга» и т.д.

[38]Воронина О.А. Цит. соч. — С. 20.

между полами состоит во врождённом женском пацифизме, контрастирующим с предрасположенностью мужчин к войне…»[39]. В своей аргументации феминисты утверждали самоценность моральных фреймов материнства, заботы и воспитания, традиционно приписываемых женщинам.

Тем не менее, эти идеи касались, в основном, проблем разделения труда и юридического равноправия, практически не найдя своего выражения в последовательной моральной теории: «Равенство понималось как предоставление женщинам одинаковых с мужчинами гражданских прав, однако это вовсе не предполагало, что *равенство обозначает и идентичность функций женщин и мужчин*. Такая позиция позволяла суфражисткам… требовать избирательного права и потому, что женщины „такие же, как мужчины“, и потому, что они „отличны от них“: женщины такие же граждане, как и мужчины, но имеют специфические женские (материнские) качества, которые должны быть представлены в мире политики»[40]. В результате, как только суфражистское движение достигло основных поставленных целей, стала очевидна противоречивость этой позиции, пытающейся примирить специфичные фреймы мужского и женского с политическим идеалом равной ценности мужчин и женщин[41].

Обозначенную проблему удалось решить лишь позднее — представителям второй волны феминизма и, особенно, Симоне де Бовуар, провозгласившей, что «женщиной не рождаются, ею становятся»[42], т. е. никакой предзаданной от рождения «сущности» женщины нет, есть только «существование» как реализация в поступках проекта свободы, выхода за пределы имманентности «в мир». Критикуя психоанализ, С. де Бовуар делает важное заявление: «…Мы совершенно иначе поставим проблему женской судьбы: мы расположим женщину в мире ценностей и рассмотрим её поведение в масштабах свободы. Мы считаем, что ей предоставлен выбор между утверждением своей трансцендентности и отчуждением в объекте… Она принимает решения, между которыми существует этическая иерархия»[43].

В таком контексте — с позиций экзистенциализма — С. де Бовуар поставила проблему подлинности бытия женщины и возможности осуществления её свободы. С точки зрения экзистенциализма, человек есть существо, способное к трансценденции — деятельности по конструированию целей и смыслов своей жизни, а также их реализации. Только таким способом человек может «найти подступы к миру» и «выйти в мир». Женщина же, по С. де Бовуар, обществом обрекается на имманентность, поскольку цели её существования определяются чужими — мужскими — целями, а сама она выступает в роли Другого[44], т. е. объекта, а не субъекта целеполагания: «…Быть женщиной — это быть объектом, *Другим*; Другой остаётся субъектом в пределах своего отречения от навязываемой роли. Настоящая проблема для женщины — это, отказавшись от предлагаемых уловок, осуществить себя в своей трансцендентности: речь идёт о том, чтобы осознать, какие возможности предоставляет ей так на-

[39]Брайсон В. Цит. соч. — С. 95.

[40]Воронина О.А. Цит. соч. — С . 21.

[41]Брайсон В. Цит. соч. — С. 95.

[42]Де Бовуар С. Цит. соч.. — С. 310. Этот тезис приобрёл скандальную известность, поскольку, вырванный из контекста, он звучит весьма провокационно, якобы отрицая физиологические различия между мужчинами и женщинами. Однако нельзя забывать, что полемически этот тезис был направлен, прежде всего, против радикального заявления З. Фрейда: «Анатомия решает судьбу» (см.: Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. — Мн.: БелСЭ, 1990. — С. 144). С. де Бовуар не отрицала физиологической специфики женщины, она лишь отказывалась признавать детерминистскую обусловленность экзистенциальных различий физиологией (см., например: Де Бовуар С. Цит. соч. — С. 81).

[43]Де Бовуар С. Цит. соч. — С. 82. Светлана Айвазова метко выразила суть концепции С. де Бовуар в формуле: «этика подлинного существования» (см.: Айвазова С. Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Де Бовуар С. Второй пол. Т. 1 и 2. — Москва-Санкт-Петербург: Прогресс-Алетейя, 1997. — С. 5—20).

[44]Отсюда и название книги — «Второй пол».

зываемое мужское и женское поведение»[45]. Перефразируя С. де Бовуар, можно сказать, что суть данной проблемы состоит в том, что фреймы, в которых общество воспринимает женщину и сама женщина осознаёт себя, содержат экзистенциальное противоречие: «…Отчуждение рассматривается как женское поведение, а мужским считается то, при котором субъект полагает свою трансцендентность»[46]. В результате, любые попытки женщины осуществить в трансценденции свою свободу, вызывают обвинения в мужеподобности: «…Мужчина определяется как человек, а женщина как представительница женского пола: и каждый раз, когда она ведёт себя как человек, говорят, что она подражает мужчине»[47]. Как мы видели выше, именно с этой проблемой столкнулся ранний феминизм.

С. де Бовуар скрупулёзно разбирает культурные, юридические и экономические феномены, приведшие к возникновению этой системы фреймов, определяющей смысл существования женщины, — мифы, религиозные системы, юридические акты, формы собственности и т. д. Но особенно важное значение применительно к целям данной статьи имеет оценка С. де Бовуар предыдущих форм эмансипации женщин. Задолго до возникновения идеологии и движения феминизма женщины искали способы вырваться за рамки, устанавливаемые обществом и реализовать свой потенциал. С. де Бовуар специально останавливается на анализе римского примера «ложной эмансипации»: по мере укрепления государства, римское право в I — II вв. сделало женщину независимой от семьи — «центральная власть сама берёт её под свою опеку»[48]. Однако это освобождение было исключительно негативным, поскольку процесс эмансипации не предложил позитивных возможностей социальной активности: экономическая самостоятельность женщин не породила политической правоспособности; общественные добродетели оставались для них недоступными, а частные добродетели в ситуации кризиса семьи оказались невостребованными. В итоге, римлянки были вынуждены соперничать с мужчинами в основном в пороках и развлечениях[49]. Это, по-мнению С. де Бовуар, характерно для ложной эмансипации в целом: в обществе, не предоставляющем женщине возможностей для личностного развития, наиболее свободными оказывались проститутки, гетеры, куртизанки и т. д. — «служение любви открывало для женского индивидуализма больше возможностей, чем жизнь „честной женщины“»[50]. За всю историю человечества женщина не знала других форм освобождения, кроме непослушания, порока и греха: «Негативность остаётся уделом женщины до тех пор, пока негативно её освобождение»[51].

Этому ложному, негативному освобождению С. де Бовуар противопоставила свою концепцию подлинного существования, к которому должна стремиться женщина: только активная производительная деятельность, создание и реализация своих собственных проектов, соотнесение деятельности с поставленными целями позволят женщине самоутвердиться в качестве реального субъекта, испытать чувство ответственности и обрести свою трансцендентность.

Эти идеи, в терминах «самореализации», «самоосуществления», «присвоения собствен-

[45]Де Бовуар С. Цит. соч. — С. 82—83.
[46]Де Бовуар С. Цит. соч. — С. 83.
[47]Там же.
[48]Де Бовуар С. Цит. соч. — С. 124.
[49]«…Их воспитания недостаточно, чтобы поставить перед собой более высокие цели; впрочем, никакой цели им и не предлагается; действие им по-прежнему запрещено. Римлянка старой Республики имеет своё место на земле, но из-за отсутствия абстрактных прав и экономической независимости она к этому месту прикована; римлянка периода упадка являет собой пример ложной эмансипации: в мире, единственными реальными хозяевами которого остаются мужчины, она имеет только пустую свободу — она свободна „просто так“» (см.: Де Бовуар С. Цит. соч. — С. 126).
[50]Де Бовуар С. Цит. соч. — С. 137.
[51]Там же.

ной жизни» и т. д. были восприняты феминизмом второй половины XX в.[52] и, в частности, Бетти Фридан, обратившей внимание на проблему: получая образование, сами женщины добровольно замыкаются в узком мире домашнего хозяйства и отказываются от дальнейшего личностного роста[53]. Несмотря на формально-юридические возможности для самореализации, женщины отказываются их использовать. Этим был обусловлен исследовательский интерес теоретиков феминизма к феномену: «Что есть женщина? Каковы её цели и перспективы? Почему она сама отказывается от предоставляемых возможностей?». Б. Фридан возложила ответственность на СМИ, навязывающих фреймы «настоящей женщины, следующей своему призванию», «женской доле», «женской судьбе», «женскому долгу» и тем самым закрепляющих господство мужчин: «Суть мистификации в том, что наивысшей ценностью и единственным долгом женщины провозглашается реализация женских качеств и исполнение своего предназначения. […] В соответствии с этой концепцией корень всех женских бед прошлого — в том, что женщины завидовали мужчинам, пытались брать на себя их роль вместо того, чтобы принять то, что дано природой, которая находит свое воплощение лишь в сексуальной пассивности, доминировании мужчин и материнской любви»[54].

Проблема, по Б. Фридан, состоит не только в том, что женщины под влиянием образов, транслируемых женскими журналами, отказываются следовать фреймам мужского поведения, предпочитая мистифицированную «новую женственность», но и в том, что эта «новая женственность» есть не более, чем романтизированный и возведённый в долженствование набор фреймов домохозяйки: «Прикрываясь изощренными словесными ловушками, она [«новая женственность»] просто возводит некие конкретные домашние аспекты женского существования — такого, каким оно было у женщин, чья жизнь в силу необходимости ограничивалась приготовлением пищи, уборкой, стиркой, вынашиванием детей, — в религию, схему, по которой сегодня должны жить все женщины, а если они ей не следуют, значит, они отказываются от своей женственности»[55]. Решение этой проблемы, предложенное Б. Фридан, во многом следует С. де Бовуар: она развенчивает «мистику женственности»[56], полагая необходимым для женщин учиться самостоятельности, независимости, продолжать саморазвитие и самообразование[57], а также не отказываться от работы вне семьи[58]. Как видим, несмотря на известную оригинальность и глубину социальной критики, в позитивном смысле эти рецепты немногое добавляют к пожеланиям теоретиков феминизма первой волны.

Феминизм третьей волны: универсализация специфичного (моральные фреймы концепта различия)

Но на рубеже 80-х гг. XX века ситуация радикально меняется. На смену «феминизму равенства» приходит «феминизм различия»[59]. Основы этого подхода были заложены ещё Си-

[52]Айвазова С. Цит. соч. — С. 17.

[53]Фридан Б. Цит. соч. — С. 110.

[54]Фридан Б. Цит. соч. — С. 81.

[55]Фридан Б. Цит. соч. — С. 82.

[56]«Женщина должна сказать решительное „нет“ мифу о женском предназначении, только тогда она сможет осознанно сделать усилие, которого требует серьезная профессиональная работа» (см.: Фридан Б. Цит. соч. — С. 424).

[57]«…Последняя и самая решающая битва должна произойти в умах и душах самих женщин. […] Должны быть приняты решительные меры, чтобы заново обучить женщин, введённых в заблуждение и обманутых загадкой женственности» (см.: Фридан Б. Цит. соч. — С. 444).

[58]«Единственным способом для женщины найти себя… является самостоятельная творческая работа. … Только такая работа, которая будет частью её жизненной программы, работа, которая обеспечит её духовный и общественный рост» (см.: Фридан Б. Цит. соч. — С. 417—418).

[59]Destabilising Theory: Contemporary Feminist Debates. — Stanford: Stanford University Press, 1992. — 226 p.

моной де Бовуар и получили развитие в так называемом «радикальном феминизме», в рамках которого исследовались следующие проблемы: «женщина как Другой», «патриархат и сексуальная политика», «государство и публичная сфера», «семья и приватная сфера», «сущность женщины», «феминистская эпистемология», «женский опыт» и др.[60] Эти исследования послужили базой для проблематизации специфики морального развития женщины и экспликации с последующим анализом особой «женской этики заботы», альтернативной «мужской этике справедливости»[61]. Обоснованию концепции «этики заботы» были посвящены следующие работы: «Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщин» Кэрол Гиллиган[62], «Забота: феминный подход к этике и моральному воспитанию» Нел Ноддингс[63], «Материнское мышление: к политике мира» Сары Раддек[64], «Границы морали. Политическая аргументация в защиту этики заботы» Джоан Тронто[65], «Этика заботы: персональная, политическая и глобальная» Вирджинии Хелд[66] и др.[67]

Исходным импульсом к становлению феминистской этики заботы послужила публикация в 1982 году книги Кэрол Гиллиган «Иным голосом…»[68]. В этой работе К. Гиллиган критиковала подход Лоуренса Кольберга к исследованию становления моральной личности[69], полагавшего, что человек в процессе морального взросления проходит шесть стадий, последовательно достигая трёх уровней морального развития[70]. Важной особенностью концепции Л. Кольберга была постулируемая им корреляция между моральными и интеллектуальными способностями, поскольку моральные действия, согласно Л. Кольбергу, есть отражение интеллектуальных способностей к вынесению суждений. Из этого вполне можно вывести два неприятных следствия: а) учитывая традиционно приписываемую женщинам эмоциональность в отношениях с другими людьми, моральные способности женщин оказываются под вопросом; б) если женщина стремится достигнуть «мужского» уровня морального развития, ей следует преодолевать свою женственность, развивая рациональные способности к вынесению суждений. Таким образом, хотел этого Л. Кольберг или нет, но в своей концепции мо-

[60]Воронина О.А. Цит. соч. — С. 33—50.

[61]Held V. The Ethics of Care: Personal, Political, and Global. — New York: Oxford University Press, 2006. — P. 3.

[62]Gilligan C. In a Different Voice. — Cambridge: Harvard University Press, 2003. — 184 p. Русск. перевод фрагментов из книги, выполненный О.В. Артемьевой см.: Гиллиган К. Иным голосом (Фрагмент из книги) // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А. А. Гусейнова. — М.: Республика, 1992. — С. 352—372.

[63]Noddings N. Caring: A Feminine Approach To Ethics and Moral Education. — Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1984. — 216 p.

[64]Ruddick S. Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace. — Boston: Beacon Press, 1995. — 292 p.

[65]Tronto J.C. Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care. — New York: Routledge, Champan and Hall, Inc., 1994. — 226 p.

[66]Held V. The Ethics of Care : Personal, Political, and Global. — New York: Oxford University Press, 2006. — 211 p.

[67]Блестящий анализ феминистской «этики заботы» см.: Артемьева О.В. Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии // Этическая мысль: Ежегодник. — М.: ИФ РАН, 2000. — С. 195—215.

[68]Gilligan C. Op. cit.

[69]Подход Л. Кольберга оказал сильнейшее влияние на политическую философию второй половины XX в. В частности, Дж. Ролз в своей знаменитой книге «Теория справедливости» опирается на концепцию морального развития Л. Кольберга (см.: Ролз Дж. Теория справедливости. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. — С. 404—417).

[70]- предконвенциональный уровень характеризуется вынесением моральных суждений на основе мотивации страхом перед наказанием (стадия 1) либо желанием поощрения (стадия 2); - конвенциональный уровень, на котором возникают уже социальные аспекты моральных суждений — нежелание потерять лицо в социальном окружении (стадия 3) или стремление не нарушить равновесие конвенциональных правил, т. е. поступать определённым образом потому, что «так принято» (стадия 4); - постконвенциональный уровень, по достижении которого субъект выносит моральные суждения, исходя из своих принципиальных представлений о «правильном» (стадия 5) и «должном» (стадия 6).

рального развития он вернулся к той же дилемме, с которой столкнулся ранний феминизм. Не менее важно в этом контексте, что базой для исследований Л. Кольберга выступали мальчики и мужчины, а не девочки и женщины; т. е., по сути, Л. Кольберг эксплицировал специфику морального взросления мужчин, полагая её универсальной.

К. Гиллиган показала, что девочки в процессе взросления вырабатывают свои собственные представления о нравственности, характеризующиеся концептом «забота». Таким образом, вместо подчёркивания и обосновывания морального равенства, акцент делается на отличии женщин и самоценности их представлений о морали.

Ключевые фреймы этики заботы также описаны Кэрол Гиллиган. Один из них — «не причинять другим боль»[71]. В соответствии с этим моральной личностью считается тот, кто помогает другим людям, а добродетелью — ответственность и выполнение обязательств перед другими. Здесь возникает серьёзная проблема, на которую обращает внимание, в частности У. Кимлика, называя её «проблемой перегрузки»[72]. Действительно, до каких пределов распространяются наши обязательства перед другими? Если исходить из представления о том, что женщина, следуя предписаниям этики заботы, должна жертвовать своими собственными интересами во имя интересов своих близких, то не послужит ли этот моральный фрейм для оправдания эксплуатации женщин? Не эти ли фреймы женской жертвенности критиковали теоретики феминизма — от М. Уоллстоункрафт до С. де Бовуар и Б. Фридан?

Сама К. Гиллиган хорошо понимала эту проблему, пытаясь «уравновесить» фреймы непричинения боли и ответственности перед другими противоположными фреймами ответственности перед собой и поддержания связи: в таком случае «концепция отношений изменяется от обязательства продолжающейся зависимости к динамической взаимозависимости. Тогда понятие заботы расширяется от парализующего запрета на причинение боли другим до предписания действовать ответственно по отношению к себе и другим и таким образом поддерживать связь. Осознание динамики человеческих отношений тогда становится центральным в моральной отзывчивости, связывая… деятельность мышления с деятельностью заботы»[73]. Тем самым фрейм «выполнять обязательства перед другими» дополняется существенной оговоркой: «если возможно, не жертвуя собой»[74].

Такое изменение акцентов позволяет отличить феминистскую «этику заботы» от традиционно приписываемой женщинам «этики самопожертвования»: «Чтобы считаться феминистской этикой, для этики заботы недостаточно ценить деятельную заботу женщин, нужно также обеспечить, чтобы эта деятельность не осуществлялась ценой свободы и равенства женщин. Этика заботы должна гарантировать, чтобы забота не приводила к изоляции, неблагополучию или эксплуатации женщин, чтобы проявление заботы не препятствовало женщинам полноценно и на равных участвовать в общественной и политической жизни, чтобы женщины в равной степени контролировали цену и условия оказания заботы»[75]. Эти идеи получили развитие в трудах последователей К. Гиллиган.

---

[71]Gilligan C. Op. cit. — P. 65.

[72]Кимлика У. Современная политическая философия: введение. — Москва: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — С. 523.

[73]Gilligan C. Op. cit. — P. 149.

[74]Gilligan C. Op. cit. — P. 65. Тем не менее, сложность этой проблемы вынуждает теоретиков заботы постоянно к ней обращаться. Так, Н. Ноддингс в разделе «Ассиметрия и взаимность заботы» также обращает внимание на этот момент: «Очевидно, что тот, о ком заботятся, зависит от того, кто заботится. Но и тот, кто заботится, тоже, как ни странно, зависит от того, о ком заботится. … Каждый из нас зависит от другого в заботе и моральных отношениях» (см.: Noddings N. Op. cit. — P. 48).

[75]Кимлика У. Цит. соч. — С. 523.

Исследование К. Гиллиган вызвало большой резонанс. Уже через несколько лет появились работы, которые как подтверждали результаты, полученные К. Гиллиган[76], так и опровергали их[77]. Однако применительно к эволюции идеологии вопросы истинности/ложности имеют весьма косвенное отношение. Идеи К. Гиллиган оказались востребованы в феминизме и получили столь широкое распространение, что Розмари Тонг в третьем издании своей энциклопедической книги «Feminist Thought: A More Comprehensive Introduction» даже сочла нужным выделить специальное направление феминистской мысли — «феминизм, ориентированный на заботу (Care-Focused Feminism)»[78]. Для последователей К. Гиллиган исходной стала проблема традиционного для политической мысли приписывания женщинам телесных, интуитивных, эмоциональных и партикуляристских наклонностей, в то время как мужчины ассоциируются с разумом и мышлением. Из этого следует разделение на «две морали»: мораль справедливости и прав, с одной стороны, и мораль заботы и отзывчивости — с другой[79]. Они выражаются и в различиях комплексов моральных фреймов как на бытовом уровне, так и на уровне теоретической этики. С концептом «женщина» связываются моральные фреймы «взаимозависимости», «коммуникабельности (sociability)» и «связей», в то время как с концептом «мужчина» ассоциированы фреймы «независимости», «индивидуальности» и «автономии».

Таким образом, кантовской рационалистической этике феминисты противопоставили этику заботы, основанную на чувстве: «Если Юм подчёркивал коммуникативность (sociability) обычая и привычки, Кант идеализировал мнимый индивидуализм, разрывающий человеческие связи. Если Юм одобрял чувство как основание этики, Кант эмоцию сделал причиной крушения добродетели»[80].

По мнению сторонников этики заботы, нормы разума, в отличие от ценностей заботы, не являются универсальными, поэтому им не следует отдавать приоритет в вопросах этики. В частности, Вирджиния Хелд утверждает, что этика заботы основана на действительно универсальном опыте заботы. Эта универсальность обусловлена тем фактом, что в детстве каждый человек испытывал на себе заботу, иначе он просто не смог бы выжить. В то время как нормам разума человек следует не всю жизнь и далеко не во всех жизненных ситуациях. Поэтому вместо псевдоуниверсальных норм разума в качестве оснований этики предлагается опыт заботы, как имеющий отношение ко всем человеческим существам: «…[Этика заботы]

---

[76]См., например: Belenky M.F., Clinchy B.M., Goldberger N.R., Tarule J.M. Women`s Ways of Knowing. — New York: Basic Books, 1986. — 256 p.

[77]См., например: Friedman W.J., Robinson A.B., Friedman B.L. Sex Differences in Moral Judgments? A Test of Gilligan`s Theory // Psychology of Women Quarterly. — 1987. — № 11. — P. 37—46.

[78]«В предыдущих изданиях этой книги, — поясняет Р. Тонг, — таких теоретиков, как Кэрол Гиллиган и Нел Ноддингс, я отнесла к психоаналитическим феминистам по причине их интереса к женской психологии. Но теперь я понимаю, что Гиллиган и Ноддингс нельзя причислять к тому виду мыслителей, которые я классифицировала как психоаналитических феминистов. Что отличает Гиллиган и Ноддингс от психоаналитических феминистов, и что, в свою очередь, связывает их с такими феминистскими мыслителями, как Сара Раддек, Вирджиния Хелд и Ева Киттей, так это концентрация их внимания (focus) на природе и практике заботы» (см.: Tong R. Op. cit. — P. 7).

[79]Как отмечает Вирджиния Хелд, «этика справедливости сосредотачивается на вопросах справедливости, равенства, частных прав, абстрактных принципов и последовательного применения их. Этика заботы сосредотачивается на чуткости, доверии, удовлетворении потребностей, нюансах нарративов, на которых строятся отношения заботы. Принимая во внимание, что этика справедливости ищет справедливое решение между конкурирующими личными интересами и правами, этика заботы рассматривает тех, кто заботится, и тех, о ком заботятся, как в значительной степени взаимосвязанных, а не как конкурирующих. Принимая во внимание, что справедливость защищает равенство и свободу, забота способствует социальным связям и сотрудничеству. Это — совсем другие акценты в том, что должна рассматривать этика» (см.: Held V. Op. cit. — P. 15).

[80]Nye A. Feminism and Modern Philosophy: An Introduction. — New York, London: Routledge, 2004. — P. 111.

развивается на основе опыта, его осмысления [reflection] и обсуждения [discourse], на понимании самых основных и самых фундаментальных [comprehensive] ценностей»[81].

Таким образом, мы видим тенденцию к универсализации специфического опыта материнства и заботы о детях. Преодолевая традиционную для европейской культуры дихотомию частное/публичное, феминисты транспонируют в публичную сферу фреймы материнской и сестринской заботы, заботы об инвалидах и т. д., которые традиционно локализовались в сфере частного. И, действительно, если сама Кэрол Гиллиган считала, что существуют два относительно независимых друг от друга вида этики — этика справедливости и этика заботы, — то у Сары Раддек, Нел Ноддингс, Вирджинии Хелд и др. её последователей чётко прослеживается универсализация этики заботы на всю сферу человеческих отношений посредством приписывания этике заботы бóльшей ценности, чем этике справедливости[82]. Так, Сара Раддек пишет: «Чтобы описать материнскую заботу как работу, в процессе которой возникает специфическое мышление, я развиваю несколько необычный способ идентифицировать „матерей“. Кратко, мать есть лицо, которое берет ответственность за детские жизни и для которого обеспечение заботы о детях является значительной частью её или его срока службы. Я *имею в виду* „её или его“. Хотя большинство матерей было и есть женщины, материнская забота потенциально является работой для мужчин и женщин»[83].

Схематично транспонирование фреймов заботы из частной жизни в публичную сферу производится в несколько приёмов, развёрнутое описание которых можно обнаружить у Н. Ноддингс. Для Н. Ноддингс одним из базовых постулатов является различение «естественной» и «моральной» заботы[84]. Механизм трансляции практик «естественной» заботы в отношения «моральной» заботы иллюстрируется Н. Ноддингс с помощью метафор «концентрических кругов» и «цепей»: «Мы находимся в центре концентрических кругов заботы. Во внутреннем, близком кругу мы заботимся просто потому, что любим»[85]. Опосредованная чувством любви и привязанности забота в кругу семьи, родственников и близких друзей, является естественной и возникает спонтанно. Она редко нуждается в моральных регуляторах, хотя, как признаёт Н. Ноддингс, «мы даже здесь можем действовать, руководствуясь этическим смыслом»[86].

Говоря иначе, фреймы этого круга обусловлены личной привязанностью и спонтанно складывающимися взаимными ожиданиями; поэтому они редко имеют моральную модальность долженствования, хотя и не исключают её. Личные проблемы, усталость, скверный характер, которым может обладать объект заботы, приводят к тому, что любовь оказывается «изношенной», и в таких случаях «мы напоминаем себе о местоположении других в нашей системе кругов: он — мой друг; она — мой ребёнок; он — мой отец»[87]. Мы не просто любим своих близких и заботимся о них, мы *должны* это делать, этого от нас ждут и наши близкие, и социальное окружение. И эти ожидания, как правило, оправдываются, независимо от действительной интенсивности нашей любви[88]: «Заботливое отношение (engrossment) остается, хотя его оттенки меняются, и мы можем колебаться между однажды возникшей естествен-

[81]Held V. Op. cit. — P. 3.

[82]На этот момент обращает внимание, в частности, Розмари Тонг: «…Каковы бы ни были объяснения мужских и женских различий в гендерных идентичностях и поведении, ориентированные на заботу феминисты расценивают женскую гипотетически бóльшую способность к заботе как человеческое достоинство, так что они, как правило, склонны превозносить (privilege) феминистские подходы к этике заботы, по сравнению с господствующей в западном мире этикой справедливости» (см.: Tong R. Op. cit. — P. 7).

[83]Ruddick S. Op. cit. — P. 40—41.

[84]Noddings N. Op. cit. — P. 79—103.

[85]Ibid., p. 46.

[86]Ibid.

[87]Ibid.

ной заботой о другом, и возрастающей озабоченностью своими собственными проблемами»[89].

Более широкий «концентрический круг» охватывает личные отношения с коллегами и знакомыми. Здесь мы руководствуемся тремя соображениями: своими чувствами, ожиданиями других и требованиями ситуации. Транслируемый в этот круг опыт личной заботы, переживаемый нами в кругу близких друзей и родственников, обусловливает ожидания других относительно поведения взявшего на себя обязательства заботится. Вне этих обязательств от нас обычно не требуют того, что требуют наши семьи и близкие друзья; в этих ситуациях складываются свои собственные правила поведения: «Мы вписываемся в эти круги, если соблюдаем правила игры»[90].

На первый взгляд, здесь Н. Ноддингс следует классической дихотомии частного/публичного, на базе которой развивалась этика справедливости. Однако, это не совсем так. По её мнению, эти правила действенны только до тех пор, пока не возникают критические ситуации, т. е. исключительно в «беспроблемных событиях»[91], в тех ситуациях, в которых, собственно, не требуется морального регулирования. Функция этих правил — изоляция в защите от других. Институционализируя социальные связи, эти правила не гарантируют возникающие на их основе социальные отношения. Поэтому они не будут иметь значения в критических ситуациях, но вполне могут быть общепризнанны в качестве некоего рода экономии. Тем не менее, Н. Ноддингс особенно подчёркивает разрушительный для отношений характер этих правил и принципов[92].

Самый широкий круг включает потенциальных других. Эти другие могут быть связаны с внутренними кругами личных или формальных отношений, в которых мы приобретаем опыт заботы. В таком случае этот опыт проецируется во взаимоотношения с этими новыми знакомыми: «Там, в этом круге, есть молодой человек, который будет мужем моей дочери; [по отношению к нему] я готова признать транзитивность моей любви к дочери. Он входит в мою жизнь с потенциальной любовью. Там также те, кто будет моими студентами; они связаны формально с теми, о ком я уже забочусь, и они тоже войдут в мою жизнь в качестве потенциальных объектов заботы»[93]. Но главное, что этот опыт может проецироваться на совершенно незнакомых людей, потенциальных других, поскольку «я „подготовлен заботиться“ посредством признания этих цепей» [94].

Таким образом, фреймы любви и заботы оказываются транзитивными: приобретённый в близком кругу родственников и друзей опыт естественной заботы транслируется в круг знакомых и коллег, где возникает потребность в моральных регуляторах, поскольку в этом круге чувство привязанности менее интенсивно, и затем уже в виде моральных требований транспонируется в круг потенциальных других, забота о которых опосредована моральным долженствованием.

Благодаря этой процедуре транспонирования фреймов в модусе долженствования из повседневной в жизни в публичную и ассоциирования этих фреймов с базовыми концептами феминизма, сам феминизм, как политическая идеология, оказывается в позиции репрезентан-

[88]Нередки случаи, когда матери находят различные оправдания и отказываются от морального осуждения своих детей, совершивших тяжкие преступления. О многом говорит также и бытовой фрейм «злая свекровь», характеризующий непростые отношения между свекровью и невесткой: мать чаще всего становится на сторону своего сына во внутрисемейных конфликтах.

[89]Noddings N. Op. cit. — P. 46.

[90]Ibid.

[91]Ibid.

[92]Ibid., p. 46—47.

[93]Ibid., p. 47.

[94]Ibid.

та повседневного женского опыта взаимоотношений с другими, а феминистски неожиданно становятся узнаваемыми «своими» — такими же матерями, сёстрами, жёнами и т. д., а не «бесчеловечными, огненными пожирательницами мужчин»[95], «озлобленными, сексуально неудовлетворёнными старыми девами, кастрированными, несексуальными, неженственными существами»[96].

Заключение

На основе проведённого анализа можно сделать следующие выводы. В феминизме, как политической идеологии, чётко выделяется суперфрейм «отношения между полами», выражающий наличное положение дел, характеризующийся различными фреймами («подчинение», «угнетение», «неравенство» и т. д.) и конкретизирующийся целым спектром субфреймов, которые описывают как самих участников этих отношений, так и способы их взаимодействия. В истории феминизма зафиксированы следующие фреймы, сквозь призму которых традиционно воспринимаются женщины: мягкость, покорность, долготерпение, заботливость, коммуникативность, эмоциональность, взаимозависимость и т. д. Соответственно, мужскими фреймами традиционно считаются: агрессивность, стремление к доминированию, независимость, рациональность, автономия и т. д. Эта система фреймов ассоциирована в феминизме с несколькими базовыми концептами, в которых выражено долженствование применительно к самим фреймам (т. е., какими *должны быть* отношения между полами, какими характеристиками *должны* обладать участники этих отношений и т. д.) — это, прежде всего, концепты равенства и различия и их многообразные конкретные сочетания с фреймами. Особое значение в этом контексте приобретают моральные фреймы, характеризующие нормативно-ценностные аспекты взаимоотношений между мужчинами и женщинами: женщина не просто *является* (от «природы») «мягкой», «заботливой», «терпеливой» и т. д., она реализует в своём поведении эти фреймы, *предписываемые* общественной моралью, соответственно, для того, чтобы изменить реальное положение дел, недостаточно изменить политические институты, необходимы глубокие реформы всего общества.

Этот «зазор» между тем, что есть «от природы», и тем, что должно быть, и составляет пространство для развития политических идеологий. Поэтому описанная выше система фреймов и концептов претерпела определённую эволюцию: от экспликации и критики фреймовых различий между полами и требований равенства, аргументируемых моральным и интеллектуальным тождеством мужчин и женщин, — к анализу действительных гендерных отличий в моральном развитии и требованиям перестройки всей системы общественных отношений, включая социальные, экономические и политические, на принципах учёта этих различий («программа-минимум»), либо же их полного уничтожения («программа-максимум»).

Безусловно, ни ранний феминизм, ни современный, не избавлены от специфических эксцессов и крайностей, которые выбиваются из общей тенденции[97] и, к сожалению, работают на поддержание и воспроизводство обывательских стереотипов по поводу этой идеологии и её представителей[98]. На каждый из рассмотренных в данной статье примеров можно приве-

[95]Фридан Б. Цит. соч. — С. 132.

[96]Фридан Б. Цит. соч. — С. 126.

[97]Весьма примечательны в этом плане биография Валери Соланас и её провокационная работа «Манифест Общества полного уничтожения мужчин» (см.: Solanas V. Scum Manifesto. — Verso, 2004. — 15 p.).

[98]Ярким, хотя и далеко не единственным, примером собрания подобных стереотипов и пошлостей можно считать «труд» одиозного журналиста Александра Никонова «Конец феминизма», выдержавший уже два переиздания: Никонов А.П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. 3-е изд. — СПб.: Питер, НЦ ЭНАС, 2010. — 368 с.

сти контрпример, опровергающий сделанные автором выводы. Но таково общее свойство всех идеологий: они всегда развиваются крайне противоречиво и, характеризуя идеологию в целом, можно говорить только о тенденциях её развития, а не о качествах, присущих всем её модификациям.

Подводя итог, можно сказать следующее. Благодаря обоснованной в рамках феминистской политической философии специфической «этике заботы», не только (и не столько) решаются теоретические проблемы раннего феминизма[99], но и проблемы аксиологические. Стереотипный образ феминистки — мужеподобной, распущенной в моральном плане, неразборчивой в сексуальных связях, курящей, злоупотребляющей алкоголем и т. д. — противоречит современному феминизму; тем не менее, он достаточно распространён и сегодня, отталкивая от этой идеологии её потенциальных сторонников. Этика заботы, с её моральными фреймами мягкости, коммуникативности, нежелания причинять боль и т. д., вполне способна изменить этот стереотип. Современные феминисты чаще говорят о детях, стариках, инвалидах и о необходимости заботиться о них; о расовой, гендерной, классовой и прочих формах дискриминации и о необходимости их преодоления, чем о фактическом равенстве женщин с противоположным полом: «…Ориентированным на заботу феминистам удаётся превосходно объяснить, почему практически во всех обществах женщины как группа берут на себя непропорционально бóльшее бремя заботы, в то время как мужчины как группа обычно не участвуют в практиках заботы. Наконец, ориентированные на заботу феминисты предлагают принципы и методы сокращения женского бремени заботы, так чтобы женщина имела столько же времени и энергии, сколько и мужчина, для саморазвития в качестве полноценной личности»[100].

[99]Как показывает Уил Кимлика, феминистская этика заботы скорее добавляет теоретических проблем феминизму, чем решает их (см.: Кимлика У. Цит. соч. — С. 516—537). Собственно, и сами феминисты неоднозначно оценивают противопоставление «двух этик» — этики справедливости и этики заботы; ряд авторов утверждает, что принятие этой концепции только легитимирует существующую дискриминацию по половому признаку.

[100]Tong R. Op. cit. — P. 7.

МОРАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ КРИТИКИ ГОСУДАРСТВА В АНАРХИЗМЕ[1]

И.В. Николаев
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье анализируются моральные фреймы анархистской политической идеологии. Автор рассматривает ключевые концепты анархизма, ассоциированные с этими концептами фреймы и выявляет базу для моральной критики государства.*

Ключевые слова: *мораль, политика, идеология, критика государства, фрейм, концепт, анархизм.*

Актуальность моральной проблематики в анархизме

Этическая проблематика выступает одним из главных оснований критики института государства в анархизме, наряду с экономической. Представление о государстве как насильственном органе, с одной стороны, и личности, как лице, обладающем самодостаточностью и высокой нравственностью, делает идеологию анархизма антагонистичной. Борьба между личностью, а также обществом, являющимся солидарной группой личностей, и государством - гипертрофированным Гоббсовским Левиафаном, является предметом анархической идеологии и практики.

Обращаясь к проблеме моральной критики государства в анархизме, следует уделить внимание вопросу о правомерности применения моральных категорий к этой идеологии. На протяжении всей истории развития идеология анархизма подвергалась критике, в первую очередь, за ее аморализм. Анархистские организации не отличаются особой нравственностью в выборе средств достижения политических результатов. Так заведено еще со времен ярчайшего представителя этого крыла общественной мысли, М. Бакунина. В этом аспекте наиболее интересными представляются внутренние моральные противоречия анархизма: в то время, как цель политической деятельности (безгосударственное свободное общество) обосновывается моральными категориями, к средствам не предъявляются столь высокие требования. Допускается и террор, и массовые убийства, и бандитизм, и обман, и заговоры — все,

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа», проект № 12-03-00401а.

что ведет к ослаблению государства. Этим принципом многие политические субъекты, называющие себя анархистами, продолжают руководствоваться по сей день.

Именно эти противоречия являются причиной широко распространенного мнения об анархизме и анархистах как об источнике беспорядков, волнений и террора, вершителе хаоса и социальной дезорганизации. Данный образ сложился под влиянием не столько самих анархических движений, сколько информационного поля, окружающего эти движения. Масс-медийный анархист ходит в черной одежде с черным флагом, выступает против государства и власти во всех ее проявлениях, совершает террористические акты и строит заговорщические планы свержения диктата меньшинства. Однако стоит ли отождествлять масс-медийного анархиста с реальным? И столь ли различны их позиции?

Безусловно образ, получивший массовое распространение, в той же степени анархист, сколь и университетский профессор, пишущий многотомную историю анархизма. Однако, обращаясь к этическому содержанию анархизма, необходимо заблаговременно их разделять. Популярный анархизм семантически связан с беспорядком, хаосом и формами девиантного поведения. Этот образ искусственно навязывается посредством масс-медиа субъектами, критикующими анархические идеи и противопоставляющими себя им. В этом аспекте идеология анархизма находится в угнетенном состоянии, так как, отрицая государство, она дает повод для полемики не только этатистам, но и всем идеологиям, признающим необходимость государства, начиная от либерализма с его концепцией минимального государства и заканчивая коммунизмом, предлагающим «диктатуру пролетариата» (государственную организацию, по мнению анархистов) в качестве переходного этапа к бесклассовому и безгосударственному обществу. Анархизм, описываемый в СМИ, призван компрометировать саму идею возможного общественного строя без института государства, столь привлекательной и справедливой, если вчитываться в работы анархистов. Другой функцией отрицательного образа является внесение дезорганизации и раскола в ряды самих анархистов, среди которых и без того отсутствует согласие и общая программа.

Проблема определения анархизма

В ведении к своей книге «Сущность анархизма» П. Эльцбахер[2] приводит несколько десятков мнений об анархизме, многие из которых диаметрально противоположны, и ставит своей целью выявление инварианта идеологии посредством научного осмысления и классификации. Рассматривая классические теории, которые большинство людей, занимающихся наукой, называют анархистскими, исследователь выделяет несколько классификаций по следующим основаниям: базовая основа (генетические и критические (эгоистические, альтруистические, идеалистические)); отношение к праву (номистские и аномистские); по отношению к постгосударственному устройству (федералистские и самопроизвольные); отношению к собственности (индоминистские и доминистские); а также по принципу осуществления политической программы (революционные и реформистские). В итоге П. Эльцбахер приходит к выводу, что анархизм не является политической идеологией в традиционном виде, а представляет собой «ветвь философии, которая отрицает государство». Проанализировав классические теории, «признанные анархистскими», В. Годвина, П.-Ж. Прудона, М. Штирнера, М.А. Бакунина, В.Р. Тукера, П.А. Кропоткина, исследователь находит только одно общее основание — отрицание государства, что позволяет ему говорить об анархизме как о философском течении нежели о политической идеологии.

[2]Эльцбахер П. Сущность анархизма. - М.: АСТ, 2001. - 2001. - 270 с.

Однако нельзя отрицать, что философия, вышедшая на улицы, становится идеологией. Наличие социальных групп, готовых к политическим действиям ориентированным на достижение анархических идеалов, дает право говорить об идеологии, главная характеристика которой — способность мотивировать, безусловно присутствует в анархизме.

Обращаясь к проблеме места анархизма в политическом спектре, следует отметить, что расположение его слева или справа ошибочно. Благодаря наличию значительного числа течений и противоречиям, анархизм имеет внутреннее разнообразие, формирующее собственный спектр (от анархокоммунизма и анархосиндикализма до анархокапитализма, экоанархизма и анархофиминизма). Следует признать, что анархизм не вписывается в ряд традиционных политических идеологий и формирует альтернативу их совокупности, отличаясь по ключевому базовому основанию — отношению к государству. Если традиционные идеологии признают необходимость существования государства (даже как «необходимого зла»), то любой из видов анархизма выступает за безгосударственное общество, основанное на солидарности, а не насилии и принуждении.

Однако в сущностных аспектах различных теорий анархизма отсутствует инвариантный компонент. Нет единства ни в целях (что будет представлять собой безгосударственное общество), ни в средства. Этот факт представляется самой значительной проблемой для исследователя анархизма в целом. Поэтому обращаясь к этическим характеристикам этой идеологии, мы можем вычленять их только по принципу отношения к государству.

Ключевые концепты анархической мысли

Взаимодействие морали и идеологии происходит в плоскости взаимодействия идеологических концептов в реальных ситуациях. В анархизме мы склонны выделять два ключевых концепта, на противопоставлении которых формируется содержательное этическое учение. Эти концепты суть государство и личность. Рассмотрим их подробнее.

Личность

Проблема личности, вероятно, центральный вопрос идеологии анархизма. Из понимания личности и ее характеристик вытекает критика насилия и принуждения над человеком. Одним из первых в анархической традиции личность охарактеризовал У. Годвин, английский мыслитель рубежа XVIII-XIX вв. Он рассматривал личность в единстве с обществом, в качестве элемента общества. Опираясь на признание изначальной благости разумной человеческой природы, похожести и равенства людей, исследователь отрицает любые формы регламентации и отчуждения суверенитета личности. В отношении к государству личность представляет собой его антипод, так как «государство развращает, подавляет и усредняет личность, деформирует ее естественные склонности и развивает в ней эгоистические и низменные инстинкты»[3]. Личность для сохранения своей самобытности и свободы противостоит государству, стремится к децентрализации общества и экономики. Свобода в этом случае выступает не только целью, но и средством ее достижения.

У. Годвин провозглашает абсолютную разумность личности. В его философии личности присутствуют несколько базовых понятий: справедливость, разум, истина, польза, общественное благо. Они соотносятся следующим образом: «Разум познает ту Истину, что Человек, стремясь к Общему Благу, как к высшей цели, одновременно получает наибольшую Пользу для себя и утверждает в обществе Справедливость. При этом человек понимается как

[3]Рябов П.В. Проблема личности в философии классического анархизма. - [Электронный ресурс: http://an-com.org/]. - [Режим доступа: http://an-com.org/component/content/article/321-2012-08-10-11-31-38/873---q-----q]. - Дата обращения: 17.10.12.

нечто универсальное и безличное, а Благо, Польза, Истина, Справедливость и т.д. – как единственные и единые для всех, универсальные и неизменные понятия»[4].

Теория личности У. Годвина стала прообразом представлений о человеке всех последующих анархистов-социалистов. Представляя личность гармоничной частью общества, сливая равенство и свободу, частное и общественное, он не подавляет личность, но и не превозносит ее. Личность становится самоценностью, но без отрыва от общества. Этой концепции в целом придерживались в дальнейшем Ж.-П. Прудон и П.А. Кропоткин.

Свое максимальное развитие идея о свободе и самодостаточности личности находит у М. Штирнера. В своей работе «Единственный и его собственность» он дает многоликое понимание личности и ее граней («ничто», «я», «собственник», «Единственный»). Фактически обожествляя личность, сравнивая человека с христианским Богом, М. Штирнер возводит ее определение к «Ничто». «Ничто – вот на чем я построил свое дело» - этим гетевским высказыванием он начинает и заканчивает свой труд. В концепции «ничто» прослеживается глубочайшее абстрагирование личности, за что М. Штирнера впоследствии критиковали. «Я ничто не в смысле пустоты: я творческое ничто, из которого я сам как творец все создал»[5]. Личность в его понимании обладает такими ключевыми характеристиками, как реальность, творчество, целостность и единственность. В идее Единственного достигает апофеоза уникальность личности. М. Штирнер не только превозносит Единственного и ставит его выше всех остальных. Высший уровень развития Единственный получает благодаря собственности, под которой исследователь понимает не экономическую, а философскую категорию, ключевой элемент которой — это обладание самим собой, а уже в последующем обладание имуществом. Таким образом, М. Штирнер сформулировал теоретическую базу для индивидуалистических течений анархизма.

Другой подход к определению личности разработан в философии М.А. Бакунина, который основывает свое понимание человека на детерминированности его существования. При этом он противопоставляет вытекающие из нее фатальность и конформизм свободе, творчеству и бунту личности. Человеческое общество произрастает из природы, из общества происходит личность. И цель личности — это постепенное отторжение животного компонента. «Человек может таким образом стать до определенной степени своим собственным воспитателем, своим собственным инструктором и как бы творцом самого себя»[6]. В отличие от У. Годвина, М.А. Бакунин уделяет больше внимания бессознательным аспектам человеческого бытия: «революционной страсти», «народным инстинктам» и т.п. Однако русский теоретик анархизма ничуть не умалял значения мысли.

М.А. Бакунин также акцентирует внимание на порабощении отдельной личности «богом и государством». Широко известно высказывание русского анархиста, лаконично выражающее его отношение к религии: «Если бы Бог действительно существовал, следовало бы уничтожить его...»[7]. Столь же пагубно влияние государства на личность: «Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности. Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных»[8].

Государство

Размышление о проблеме государственного угнетения лежат в основе анархического учения. Однако необходимо для начала рассмотреть понятие государства в качестве концеп-

[4]Там же.
[5]Штирнер М. Единственный и его собственность. - Харьков: Основа, 1994. - 560 с. - с. 398.
[6]Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. - М.: Мысль, 1987. - с. 364.
[7]Там же. - с. 461.
[8]Бакунин М.А. Философия, социология, политика. - М.: Правда, 1989. - с. 92-93.

та анархического дискурса. Так, П.А. Кропоткин начинает свой анализ государства с разделения понятий: государство, правительство и общество. Государство, по его мнению, является только одной из форм, которые принимало общество, в то же время оно не сводится к правительству, которое определяется как абстрактный орган управления и регулирования. Уже П.А. Кропоткин подчеркивает ложность мнения о том, что анархисты выступают за свержение любого правительства, а не исключительно государственного учреждения[9]. В отличие от русского теоретика, У. Годвин еще не разделяет понятия правительства и государства и признает всякое правительство тиранией[10]. Кропоткин в свою очередь дает следующее определение государству: «Понятие о государстве обнимает собою не только существование власти над обществом, но и сосредоточение управления местною жизнью в одном центре, т. е. территориальную концентрацию, а также сосредоточение многих отправлений общественной жизни в руках немногих или даже всех»[11]. Проводя анализ роли государства в истории и развитии человеческого общества, П.А. Кропоткин выделяет такие негативные свойства государства, как:

1. налогообложение, служащее, чтобы «держать под властью массы населения, доставлять выгоды своим сторонникам, разорять большинство в угоду правящему меньшинству и поддерживать старые общественные деления, старые касты»[12];
2. война, без которой «государство не может ни образоваться, ни существовать»[13];
3. образовательная система, которая «так извращает наш мозг, что само понятие о свободе в нас исчезает и заменяется понятиями рабскими»[14]. И многое другое.

Заключая свои размышления о государстве, П.А. Кропоткин называет его «учреждением, которое на протяжении всей истории человеческих обществ служило для того, чтобы препятствовать развитию местного почина, душить уже существующие вольности и мешать возникновению новых»[15].

В свою очередь У. Годвин акцентирует внимание на несоответствии принципов государства общественному благу и человеческой самостоятельности. «Государственные учреждения, - пишет исследователь, - всегда в некоторой степени имеют своим результатом сокращение подвижности нашего духа и ограничение его прогресса»[16]. При этом он отмечает различие: в деспотических обществах насилие проистекает напрямую, в то время как в республиках посредством общественного мнения.

Современный исследователь Э. де Ясаи следующим образом характеризует цель государства: «Государство стремится максимизировать свою дискреционную власть. Дискреционная власть позволяет государству заставлять подданных делать то, что хочет оно, а не то, чего хотят они. Оно осуществляет это, забирая их собственность и свободу»[17]. При этом автор указывает на то, что государство изначально не может поддерживать интересы своих граждан, так как они неоднородны, а внутригражданские конфликты вынуждают его принимать ту или иную сторону[18].

---

[9]Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории // Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. - 864 с. - с. 619.

[10]Эльцбахер П. Сущность анархизма... - с. 50.

[11]Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории... - с. 619.

[12]Там же. - с. 668.

[13]Там же.

[14]Там же. - с. 669.

[15]Там же. - с. 670.

[16]Цит. по: Эльцбахер П. Сущность анархизма... - с. 50.

[17]Ясаи Э. де Государство. — М.: ИРИСЭН, 2008. - 410 с. - с. 348-349.

[18]Там же. - с. 343

Таким образом, по мнению теоретиков анархизма государство создано как репрессивный орган, исходящий из посылки о заведомой негативной природе человека. Концепция государства базируется на предположении недостаточного уровня рационального мышления, доминирования корыстных намерений и отсутствия морально-этической базы человеческого сосуществования. Государство в данной ситуации призвано посредством силы и принуждения объединять общество и выполнять коллективные функции, которые, по мнению этатистов, не могут быть исполнены обществом (оборона, войны, социальное перераспределение).

Рассматривая личность как базовый элемент безгосударственного общества, анархисты не предполагают искомой внутренней предрасположенности человека к добру, но и не признают его негативной природы. Анархическая теория рассматривает человека как данность, в том его институциональном и этическом состоянии, в котором он прибывает. В этом контексте примечательна идея Г.Д. Торо, утверждавшего, что «в обязанности человека не входит искоренение любого, даже самого вопиющего, зла, - здесь каждый волен руководствоваться своими взглядами на этот счет, но необходимо, по крайней мере, умыть руки, чтобы если уж отстраняться от борьбы, то хотя бы никак не поддерживать зло»[19].

Самостоятельность как моральный суперфрейм идеологии анархизма

Опираясь на разработки М. Минского, мы попытаемся проанализировать моральное учение анархизма в соответствии с фреймовой структурой коммуникации, предложенной исследователем искусственного интеллекта. Коммуникация (и информация вообще) представляется ученому фрагментированной и распределенной по иерархической системе. Фреймы в качестве актов предполагания делятся на суперфреймы, фреймы и субфреймы и объединены в систему фреймов[20]. Прилагая эту схему к анархической теории, системой фреймов выступает морально-этическое учение данной идеологии.

Если предпринять попытку сконцентрировать весь блок морально-этических представлений анархиста, то можно вывести одну идею — самостоятельность. Данная категория может выступать в качестве морального суперфрейма анархической идеологии. Значение самостоятельности в анархизме амбивалентно: с одной стороны, существует установка на самостоятельность личности, с другой стороны, - на самостоятельность общества.

Идея личностной самостоятельности находит свое ярчайшее отражение в концепции индивидуализма М. Штирнера, а именно в идее «своеобразия». Говоря о свободе как об инструментальном явлении, он подразумевает склонность людей стремиться к свободе «от» чего-либо, при этом свобода есть право обладания, которое не является правом собственности. «Свобода обладания, - пишет автор, - еще не дает их (*благ — И.Н.*) на самом деле – ты хочешь их фактически иметь, хочешь называть их своими и владеть ими как своей собственностью»[21]. М. Штирнер фактически противопоставляет человека свободного и человека своеобразного. Своеобразный человек ставит во главу угла, в начальную точку системы координат собственное Я. «"Своеобразный" изначально свободен, так как он ничего не признает, кроме себя, ему не нужно сначала освободить себя, так как он с самого начала отвергает все, за исключением себя, так как он выше всего ценит, выше всего ставит себя, короче, так как он исходит от себя и "к себе приходит"»[22]. Таким образом, по М. Штирнеру свобода проистекает из уровня самодостаточности, из того насколько человек уважает собственное Я и при-

[19]Торо Г.Д. О гражданском неповиновении. - [Электронный ресурс: http://antimilitary.narod.ru]. - [Режим доступа: http://antimilitary.narod.ru/antology/thoreau/o_nepovinovenii.htm]. - Дата обращения: 22.10.2012

[20]См.: Минский М. Фреймы для представления знаний. Пер. с англ. - М.: Энергия, 1979. - 152 с.

[21]Штирнер М. Единственный и его собственность... - с. 145.

[22]Там же. - с. 153.

знает за ним право собственности на материальные и духовные блага. «Всякая свобода, в сущности, – самоосвобождение, то есть, что я могу иметь лишь столько свободы, сколько добуду себе благодаря моему своеобразию»[23]. Провозглашая Единственного вершиной развития человека, он превозносит индивидуальность и отрицает любые формы господства, регламентации и управления. Личность самодостаточна настолько, что способна существовать и развиваться независимо от того, имеет ли она коллективную поддержку и общественные законы. Личность целостна и не нуждается в дополнении какими-либо общественными или государственными элементами. Она свободна от всего общечеловеческого, универсального или навязанного сверху.

Представляя радикальный индивидуализм, М. Штирнер подвергался широкой и конструктивной критике со стороны анархистов. Однако он озвучил важную этическую аксиому анархической теории: природа государства кроется именно в отсутствии полноценного уважения Я к самому себе. Только личность, не обладающая в полной мере развитым своеобразием, то есть не самодостаточная личность, может допустить господство и согласиться на подчинение чьему-то Эго.

Идее Штирнера о внутренней свободе вторит и Г.Д. Торо. Однажды посаженный в тюрьму за неуплату подушного налога, он впоследствии писал: «Я не мог не поражаться глупости того общественного устройства, что рассматривало меня просто как кусок плоти с кровью и костями, который можно запереть. Я полагаю, они наконец-то решили, что нашли мне наилучшее применение, но жаль, что они не додумались воспользоваться моими услугами каким-либо иным образом»[24]. Отсутствие инструментов влияния на внутренний мир личности — залог развития свободы. Человек несвободный изнутри попадает в подчинение, только свободные личности могут противопоставлять себя правительству. «Сила правительства, - даже такого, которому я с готовностью бы подчинился, такого, которое знает и может действовать лучше, чем я, а уж, тем более, такого, которое не слишком хорошо знает и действует, - совершенно недостаточна, если у правительства нет поддержки и согласия управляемых. У него нет никаких прав на мою личность и собственность, кроме тех, которые я ему передам». Признание внутренней свободы и права на собственность являются по Г.Д. Торо главными атрибутами самодостаточного человека. При этом он провозглашает единственно возможными ненасильственные методы противостояния господству государства.

П.А. Кропоткин рассматривает проблему самостоятельности человека с педагогической точки зрения. Русский анархист представляет историю идей цикличной. Идеи свободы и нивелирования господства возникают в определенные периоды, «моменты пробуждения». Однако заинтересованные стороны — правительство, закон и религия, противостоят возрождению свободной мысли и берут реванш посредством воспитания нового поколения. Извращая природную добродетель человека, репрессивные институты навязывают покорность. «Ложь становится добродетелью, пошлость — обязанностью. Приобретать богатства, ловить минуты наслаждения, расточать сокровища ума, чувства и энергии как попало — вот что становится лозунгом достаточных классов, так же как и большинства бедняков, которые видят свой идеал в том, чтобы казаться буржуа»[25]. Закон, церковь и государство выступают адептами невежества и рабства мысли, способствующих эффективному управлению обществом. Таким образом, П.А. Кропоткин полагал, что человек изначально самодостаточен в обществе. Солидарность как залог коллективного существования, обеспечивает самостоятельность общества, которое не нуждается в государственных установлениях.

---

[23]Там же. - с. 156.

[24]Торо Г.Д. О гражданском неповиновении...

[25]Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма // Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. - 864 с. - с. 793

Близкие идеи высказывает и Б. Блэк, утверждая, что способность мыслить формируется в процессе перерастания веры в идеологию. «Если бы мы не думали когда-то в терминах готовой идеологии, то не дошли бы до той точки, когда можем думать самостоятельно»[26]

Р.П. Вольф в свою очередь акцентирует внимание на моральной автономии человека, представляющей собой способность самостоятельно устанавливать индивидуальные моральные нормы. «Поскольку ответственный человек принимает моральные решения, которые он выражает для себя в форме императивов, мы можем сказать, что он создает законы самому себе, или самозаконодательно. Короче говоря, он является автономным»[27]. Однако человек в зависимости от обстоятельств и степени контроля со стороны власти может терять свою автономию на определенный срок или на всю жизнь.

Идея самостоятельности прослеживается лейтмотивом во всех анархических теориях и направлениях. Если в индивидуалистических формах анархизма акцент делается на индивидуальную самостоятельность и самодостаточность, то в коллективистских — на самостоятельность общества в решении всех общественных проблем, на самостоятельность человека как части свободного общества.

Базовые моральные фреймы идеологии анархизма

В полифонии анархических теорий выделение инвариантных элементов этического учения представляется практически неосуществимым. Предпринимая подобную попытку, следует осознавать условность выделенных моральных фреймов и их разнообразные вариации в различных направлениях анархизма. Понимая под моральным фреймом процессуальные рамки взаимодействий концептов, мы выделили следующие: свобода, равенство, солидарность, плюральность, критицизм и борьба. Обратимся более подробно к каждому из них, экстраполируя представления классиков на сознание гипотетического анархиста - носителя идеологии.

Свобода

Основополагающим в системе фреймов анархизма выступает идея свободы. Анархистское понимание свободы часто сводится к провозглашению права делать все, что угодно, кому угодно и когда угодно. Однако классический анархизм не так плоско характеризует эту философскую категорию.

Один из родоначальников анархизма У. Годвин выделяет свободу, исходящую из природы человека. «Естественная независимость, - пишет исследователь, — это свобода от всякого принуждения, кроме доводов разума и доказательств, предъявленных сознанию, она чрезвычайно существенна для благополучия и совершенствования разума»[28]. Однако он отрицает моральную независимость, объявляя ее губительной для коллективного сосуществования людей. У. Годвин тесно связывает понятие свободы и моральной ответственности. У него, как и у других приверженцев идей анархизма, свобода является неотъемлемым элементом природы человека. Однако М.А. Бакунин излагает свободу как сложное, положительное и всецело социальное явление, которое реализуется через равенство и солидарность людей

[26]Блэк Б. Анархизм и другие препятствия для анархии. - М.: Гилея, 2004. - 218 с. - с. 86.

[27]Wolf R.P. In Defense of Anarchism. Los-Angeles: University of California Press , 1998. - 87 p. - p. 13-14.

[28]Годвин У. О собственности. - [Электронный ресурс: http://avtonom.org/]. - [Режим доступа: http://avtonom.org/sites/default/files/store/%20собственности.pdf.pdf]. - Дата обращения: 22.10.12.

между собой[29]. Уважение свободы другого — есть обязательный элемент анархии. «Любить эту свободу и служить ей – вот единственная добродетель. Это – основа всякой морали»[30].

По М.А. Бакунину, свобода — это в первую очередь борьба с физической сущностью человека. Главной задачей человека социального является подавление естественной природы, агрессии, низменных потребностей и т. п. Однако анархист признает невозможность полноценного выполнения этой цели: «Без полного или частичного самоубийства ни один человек никогда не освободится от своих естественных желаний, но он может их регулировать и модифицировать»[31].

Каким же образом реальный анархист видит свободу и как свобода проявляется в его (как личности) отношениях с государством? Безусловно, что в отношении к государству фрейм «свобода» выступает главным определяющим фактором всех действий. Признание себя в качестве свободной самодостаточной личности является первоначальным этапом приобщения к идеологии анархизма, моральной базой идеи. С точки зрения анархистской свободы «власть по своей природе — консервативный, не продуктивный и не творческий фактор»[32]. Предустановка к свободе от государственных законов и заведомой порочности государственных институтов порождает негативный образ массмедийного анархиста, борца против общества. Однако анархистами признается ответственность, подразумеваемая под свободой. Моральный фрейм свободы предполагает не безграничную «волю», а право на рациональное использование своих способностей на благо себе и обществу. Анархисты понимают степень важности свободы, так как именно на этом моральном установлении будет базироваться безгосударственное общество.

Вспомним штирнеровскую дихотомию свободы и своеобразия. Своеобразие - внутренняя свобода, как право собственности на себя самого, свое сознание и убеждения — это исключительно моральная категория. Ее связь с внешней свободой (свободой «от») находится в прямо пропорциональной зависимости: чем выше уровень своеобразия, тем больше свобод. Именно этот постулат делает моральными любые взаимодействия личности и государства. Борьба с государственным господством становится по определению нравственной проблемой, так как затрагивает вопрос внешней свободы, которая имеет своей природой свободу внутреннюю, то есть развитие личности в интеллектуальном и этическом плане.

Равенство

Из нравственного императива «Не делай другим того, чего не желаешь себе» П.А. Кропоткин выводит универсальное требование «равноценности всех членов данного общества, а следовательно, их равноправия, их равенства в требованиях, которые они могут предъявлять другим членам общества»[33]. При этом признание императива ведет за собой отказ от претензий ставить себя выше других. Таким образом, будучи моральным, человек не находит смысла в накоплении благ для достижения более высокого социального статуса. Вертикальная мобильность перестает быть самоцелью в анархическом обществе, где иерархические принципы перестают доминировать. Такое представление господствует в головах анархистов коллективистского толка, стремящихся к эгалитарным формам общественного устройства.

---

[29]Гнилицкая Т.А. Свобода как моральное содержание анархистской модели жизнеустройства в философии М.А. Бакунина // Гуманитарный вектор. - 2008. - № 3. - с. 37.

[30]Бакунин, М.А. Анархия и Порядок: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. - с. 312.

[31]Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика... - с. 68.

[32]Неттлау М. Власть и свобода и их вековечная борьба // Неттлау М. Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам. - [Электронный ресурс: http://lib.znate.ru/]. - [http://lib.znate.ru/download/docs-112736/112736.doc]. - Дата обращения: 20.10.12.

[33]Кропоткин П.А. Справедливость и нравственность// Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. - 864 с. - с. 146.

На противоположном фланге находятся представители анархо-индивидуализма и в частности Р. Нозик. Он указывает на технологический вопрос выбора средств, эквивалентных высокоморальной цели. Р. Нозик утверждает, что существует только два варианта достижения равенства: «непосредственно ухудшить положение тех, кто обладает наибольшими возможностями, или улучшить положение тех, у кого меньше возможностей. В последнем случае нужно задействовать какие-то ресурсы, следовательно, этот метод тоже связан с ухудшением положения некоторых людей — тех, у кого отбирают принадлежащее им, чтобы улучшить положение других»[34]. Оба варианта не являются этичными, так как в той или иной степени затрагивают интересы либо бедных либо богатых. Р. Нозик говорит только об одном морально нейтральном пути достижения равенства, заключающемся в осознании необходимости перемен всеми сторонами, посредством образования и убеждения. Признавая утопичность подобного проекта, исследователь отказывается от идеализации равенства как основополагающей идеи анархии.

Анархо-индивидуалист видит большую пользу для себя и для общества в возможности достижения новых социальных статусов и благ, чем в равенстве членов сообщества. Принцип равенства ограничивает личность в саморазвитии, что опосредованным образом тормозит развитие общества.

Солидарность

М. Неттлау отмечал, что для эффективной революционной борьбы общества с гнетом государственных институтов, необходимо «пробудить в народе сознание свободы и личного достоинства, взаимной солидарности и желание жить согласно этому сознанию»[35]. Современный строй с его диктатурой государства, этатизмом и патриотизмом есть порождение солидарности невежественных масс. Движение к безгосударственному обществу должно происходить через солидарность людей сознательных, индивидуальных и свободных. Понимание близости и связи членов сообщества обеспечивает позитивное истолкование свободы и индивидуальности и оберегает от перерастания индивидуальных действий в корыстные.

По М. Неттлау взаимная солидарность в борьбе — это нравственная опора революционных классов. Солидарность располагается на границе сознательного и бессознательного. Чувство «братского плеча» в анархизме есть залог консолидации и агрегации интересов. Именно на основе принципа солидарности разрозненные анархисты артикулируют общие интересы. Солидарная анархическая группа представляет собой сплоченный коллектив индивидуалистов, объединенный не только общим интересом, ради которого собрано это сообщество, но и ощущением причастности к общему делу, т. е. чувством солидарности.

П.А. Кропоткин выводит подобное чувство из естественных свойств человека и его «инстинкта общительности». Религиозная категория «любови к ближнему» неверно выражает, по мнению русского анархиста, чувство, движущее человеком. Человек, жертвуя своими личными интересами ради других, не думает о жертве или высокоморальном отношении к людям, он поступает так «в силу непреоборимого внутреннего побуждения»[36]. Признавая за солидарностью и самопожертвованием моральную природу, П.А. Кропоткин не связывает их напрямую с религией или общим интересом. Солидарность — это внутреннее самосознание пользы, которую человек может принести обществу. Солидарность, таким образом, выступает и ограничением абсолютной свободы, провозглашенной в безгосударственном обществе. Неправильно истолкованная идея свободы личности «в среде, где понятие солидарности

[34]Нозик Р. Анархия, государство и утопия. — М.: ИРИСЭН, 2008. - 424 с. - с. 294.

[35]Неттлау М. Власть и свобода и их вековечная борьба...

[36]Кропоткин П.А. Справедливость и нравственность... - с. 151

недостаточно вошло в учреждение, - ведет к поступкам, возмущающим общественную совесть»[37].

Современные анархисты видят в солидарности инструментальное явление. Принцип солидарности выступает поводом для установления символической коммуникации. Различные группировки проводят акции неповиновения (в т.ч. и террористические акты) в поддержку политики других групп, демонстрации общего интереса. Моральный компонент солидарности теряется за дискурсивным преобладанием демонстративной взаимной поддержки анархических групп. На индивидуальном уровне фрейм солидарности сохраняет свои позиции и участвует в формировании социального капитала анархиста и моральной базы его убеждений и действий.

Плюральность и критика

Анархизм, как уже было сказано, не имеет единой идейной платформы, поэтому его неотъемлемой чертой является разнообразие, которое признается высшим достоянием анархического общества. «Кто поймет, - пишет П.А. Кропоткин, - что в разнообразии и даже в борьбе заключается жизнь и что единообразие есть смерть, тот потрудится не для будущих веков, а для ближайшей революции»[38]. Наличие большого количества идейных направлений обуславливает признание плюрализма в качестве базового принципа анархической идеологии. Так, П.Н. Ткачев, анализируя направления русского анархизма в европейской эмиграции в конце XIX века, рассматривал обилие теоретических подходов к анархии сугубо положительным явлением. При этом он настаивает на необходимости широкой критики произведений теоретиков. «Если мы, революционеры, пользуясь здесь всеми удобствами свободной прессы, будем стыдливо воздерживаться от высказываний нашего откровенного мнения о продуктах нашей революционной мысли, - то от кого же она его услышит?»[39]. П.Н. Ткачев декларирует важность внутреннего обсуждения различных подходов, то есть обмена мнениями, интеллектуального диалога.

Существенную роль критике отводил и М. Штирнер. «Тем, что "критика" предъявляет человеку требование быть "человечным", она выражает необходимое условие всякого сожительства, - пишет теоретик, - ... Этим она обнаруживает свою социальную цель: созидание "человеческого общества"»[40]. Критика нивелирует социальные различия между людьми, обесценивает все, что разъединяет общество, благодаря чему она в полной мере не вписывается в теорию эгоизма М. Штирнера. Однако существование анархических групп доказывает признание критики и плюрализма мнений в качестве одного из базовых постулатов этического учения анархизма.

Разнообразие — это принцип живой природы, в нем закладывается способность к адаптации. Плюральное общество более устойчиво к потрясениям и изменениям. Провозглашение свободы личности предполагает и право быть уникальным, поощряя развитие плюрализма. Эта идея должна гарантировать уважение и самоценность оппонентов в споре анархических направлений, проявляющееся в праве создавать ассоциации и группы и отказе от идеи создания общего центра анархистов.

---

[37]Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал // Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. - 864 с. - с. 247.

[38]Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал... - с 247.

[39]Ткачев П.Н. Анархия мысли // Кладези мудрости российских философов: Ткачев П.Н. - М.: Правда, 1990. - 670 с. - с. 176.

[40]Штирнер М. Единственный и его собственность... - с. 126.

Борьба

Из правила разнообразия следует и естественный принцип конкуренции. Моральная установка к борьбе может быть рассмотрена в идеологии анархизма с нескольких точек зрения. Во-первых, борьба представляет собой закономерную форму сосуществования атомизированных субъектов. Она является способом не только личного обогащения, но и установления специфических правил и традиций ведения личного хозяйства. При этом, как отмечал П.А. Кропоткин, этические принципы индивидуалистического общества, имеющие в своей основе абсолютизацию борьбы, в истории человечества играли меньшую роль, чем коллективистские ценности солидарности, взаимопомощи, сотрудничества[41]. Однако представители анархо-индивидуализма и, в первую очередь, М. Штирнер придают этим элементам человеческих отношений минимальное значение, выдвигая на передний план персональный интерес личности, ее стремление к «своеобразию» и обладанию собственности. На почве столкновения устремлений возникает борьба (или конкуренция) выполняющая позитивную функцию и стимулирующая индивидуальное развитие.

М. Штирнер также выделяет иную форму борьбы, нацеленную на достижение внутренней свободы, то есть на отвоевывание своеобразия у собственных пороков и слабостей. «Победить или пасть – между этими двумя противоположностями колеблется исход борьбы. Победитель становится господином, побежденный – подданным: победитель приобретает величие и пользуется правами величия, подданный исполняет благоговейно и почтительно обязанности подданного»[42]. Таким образом, теоретик заявляет о простейшем классовом конфликте между теми, кто победил и самоутвердился в своем сознании и в обществе, и теми, кто пал. Идее М. Штирнера об обретении внутренней свободы через борьбу вторит М.А. Бакунин, представляющий достижение личной свободы посредством борьбы с естественной сущностью, отторжения физических потребностей и выдвижения на главенствующие роли свойств рационального сознания человека.

Достижение реальной свободы от господства правительства большинство теоретиков анархизма видят в социальной революции. «Нужна революция, - пишет П.А. Кропоткин, - которая … не только разрушила бы политические учреждения, построенные на владычестве тех немногих, кто успеет захватить власть путем лжи, хитрости и насилия, - но также расшевелила бы всю умственную и нравственную жизнь общества»[43]. Следует, однако, разделять понятие социальной революции в анархизме и в других идеологических направлениях. Анархическая революция направлена на все, что ущемляет личность и создает неблагоприятные условия для самосовершенствования. В анархизме природа социальной революции в большей степени этическая и берет свое начало в индивидуальном стремлении к свободе. А. Бананно - представитель анархо-инсуррекционизма (или повстанческого анархизма), предостерегает: «никогда не отделяйте мысль от действия, нельзя отделять свои знания, свое понимание от того, что мы делаем и как мы это делаем»[44]. Истоки сопротивления господству государства лежат в моральных предустановках личности, во внутренней борьбе за свободу личности.

---

[41]Арефьев М. А., Довыденкова А. Г., Осипов И.Д. Этика русского анархизма // Мысль. - 1999. - № 3. - с. 146-161. - с. 147.

[42]Штирнер М. Единственный и его собственность... - с. 10.

[43]Кропоткин П.А. Речи бунтовщика // Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. - 864 с. - с. 11.

[44]Bonanno A.M. The Anarchist Tension. - [Электронный ресурс: http://theanarchistlibrary.org/]. - [Режим доступа: http://theanarchistlibrary.org/library/alfredo-m-bonanno-the-anarchist-tension]. - Дата обращения: 5.11.12.

Заключение

Анархистские представления о сущности человека и формах сосуществования людей в целом позитивные, что привлекает идеалистически настроенных личностей. Идеи о кардинальных изменениях в сторону справедливого и солидарного общества являются ресурсом, обеспечивающим социальную поддержку анархизма. Подобные теории наиболее популярны в периоды кризисов и нестабильности как политической, так и моральной, когда происходит смена этических нормативных систем. Анархия как идея нравственного общества становится антагонизмом существующему аморальному обществу, основанному на насилии и принуждении. Человек же, относящийся к носителям идеологии анархизма, принимает определенные нравственные принципы, которые не являются обязательными, однако имеют сущностный характер, благодаря которому происходит идентификация анархиста.

Гипотетический анархист формирует свое представление об окружающей социальной действительности через призму нескольких моральных фреймов, базисом которых выступает предустановка об изначальной самостоятельности личности и общества. Идеальное анархическое общество — цель деятельности анархиста, - это солидарное сообщество свободных самодостаточных индивидуумов.

Исследователь Л.С. Мамут[45] представил оппозицию анархического и этатистского в качестве двух форм политического сознания, различающихся по основанию отношения к государству. Признавая справедливым подобный подход, считаем важным отметить следующее. В сознании анархиста присутствует фреймированная система моральных представлений, которая позволяет относить человека именно к этой идеологии. А именно: признание свободы в качестве естественного свойства личности, неотъемлемого и неограниченного; равенство как продукт взаимодействия свободных индивидуумов; солидарность как способ взаимодействия и взаимопомощи; плюральность и критика как культура отношений между свободными и самодостаточными субъектами; и наконец, борьба как форма достижения установленных моральных целей. Эти постулаты формируют специфический способ мышления, отличающий анархиста от представителя других идеологий.

На базе заявленных фреймов основывается этическое учение о неприятии государства - института, противоречащего всем моральным предустановкам анархиста. Столкновение личности как носителя высшего права и государства как узурпатора свободы - центральная проблема анархизма, которая должна разрешиться, по мнению приверженцев этой идеологии, полным падением государства через осознание аморальности его природы. Политические средства также напрямую связываются с моральными нормами, при этом если одни направления признают только этичные способы достижения цели, то другие — допускают аморальные средства. Примером могут служить повстанческие формирования или террористические группировки. «Анархизм - это просто бунт, - заявляет А. Бананно, - это борьба, это качество жизни, это сила, которую мы обретаем, это способность изменить окружающую действительность. Анархизм - это целый проект трансформации, который начинается с перемен внутри нас»[46]. Общим для большинства направлений анархизма является признание в качестве мотива к действию индивидуальной внутренней потребности в изменении, в нежелании мириться со существующим порядком вещей. Именно в сознании человека зарождается идея справедливого сосуществования, не ограниченного рамками закона и давлением государства.

---

[45]См.: Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. Домарксистский период. - М.: Наука, 1989. - 255 с.

[46]Bonanno A.M. The Anarchist Tension...

Переводы и комментарии

АНАРХИЧНАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ. ПИСЬМО, ДРУЖБА И ОНТОЛОГИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА В ПОЭТИКЕ МОРИСА БЛАНШО[1]

Дж.Л. Брюнз
Университет Нотр Дам (США)

Аннотация: *Джеральд Л. Брюнз, профессор университета Нотр Дам. В этом эссе автор затрагивает проблематику онтологии произведения искусства на основании работ Мориса Бланшо. В данном случае онтологический вопрос направлен на поиск основания — благодаря чему возможно произведение искусства? Хайдеггерианский поворот из области пространства в область времени погружает исследователя в анархичную темпоральность.*

Ключевые слова: *французская философия XX века, онтология произведения искусства, анархичная темпоральность, промежуток.*

«Существует ли литература?»
Малларме «Музыка и словесность».

«Стих — это истина поэта, поэт — это возможность стиха;
и, тем не менее, стихотворение остается неоправданным,
остается невозможным, даже реализовавшись».
Бланшо «Рене Шар».

Поэзия как несчастное сознание

Хорошо известно, что в раннем критицизме Мориса Бланшо письмо является скорее движением саморефлексии, чем продуктивной активностью. Например, в начале работы «Литература и право на смерть» (1947—48) он пишет, что литература начинается, когда ставит себя под вопрос.[2] Конкретно, какая разновидность вопроса? Очевидно, не разновидность Жана-Поля Сартра — «Что такое литература?», которая как все вопросы типа «что?» требует

[1]Пер. Короткова И.С. выполнен по изданию Gerald L. Bruns *Anarchic Temporality. Writing, Friendship, and Ontology of the Work of Art in Maurice Blanchot's Poetics.* Ed. by Kevin Hart and Geoffrey H. Hartman. The John Hopkins University Press, Baltimore and London, 2004. (Прим. переводчика.)

[2]Maurice Blanchot, "Littйrature et la droit a la mort", *La Part du feu* (Paris: Gallimard, 1949) — далее *PF*); "Literature and the Right to Death", trans. Lydia Davis, в *The Work of Fire*, trans. Charlotte Mandell (Standford: Standford University Press, 1995) — далее *WF*.

оправдания. Вопрошание вне природы вещей — это способ постановки вопроса, почему вообще есть такая вещь, то есть по принципу Лейбница — ничего нет без причины (ибо сущность есть причина и любая вещь — это нечто). Или это вновь вопрошание к литературе, чтобы идентифицировать ее, поместив в систему вещей? Например, как поэзия соотносится с прозой? — где проза, по описанию Сартра, в своей основе это протез субъективности. Писатель, говорит Сартр, «окружен словами. Они являются продолжением его намерений, его мучений, его щупалец, его очков. Он манипулирует ими изнутри, он чувствует их как часть своего тела, он окружен вербальным телом, которое с трудом осознает и, которое распространяет его действие на мир».[3] Как сказал Гегель: «индивид не может знать, что он такое, до тех пор, пока не сделает себя реальностью посредством действия».[4] Проза — это способ действия. Сарт говорит: «Слово является определенным моментом действия и не имеет смысла вовне его». Проза является (как это, очевидно, было для Сартра) некоей альтернативой для совокупности действий. Проза выступает как способ схватывания индивидуумами мира и его оформления в нечто для других.[5] Проза осознает себя через знание того, что она может сделать: это проект созидания мира, в котором писатель, прежде всего, делает себя реальным (если слово «себя» здесь подходит) посредством перенесения вовнутрь результатов своих действий. В тоже время, поэзия не использует слова, она созерцает их со стороны, как будто они вещи — но для чего? Вполне возможно, что поэзия, не знает, что они такое, еще меньше — для чего они. Она (анархично) ближе к причине и разуму. Вполне вероятно, что она подпадает под состояние, которое Гегель называл «несчастное сознание»[6]: она существует в форме вопроса, недоступна к теории или искуплению, отделенная от себя (без тождества), непроницаемая, необоснованная и *unwirklich*[7]. Если кто-либо войдет в это состояние, то он войдет в абсолютно исключительный способ бытия, который не может быть разделен на до и после или отнесен к какому-либо контексту, категории, или тотальности какого-либо рода. Итак, кто назовет ее реальной?

Невозможность письма

Далее я попробую разъяснить это положение вещей и извлечь из него некую концепцию онтологии произведения искусства Мориса Бланшо (или, пожалуй, онтологическую специфику). Моя мысль заключается в том, что любое, что принимает участие в этой онтологии — не важно, насколько оно тривиально или банально или как угодно фактически возникло — может притязать на статус произведения искусства. Сложность состоит в том, что тогда исключается слишком мало, почти ничего, не исключаются даже люди. Итак, по меньшей мере, мы оказываемся перед старым модернистским вопросом: что считать в качестве произведения искусства. Бланшо говорит о «вызове брошенном искусству наиболее выдающимися произведениями искусства последних тридцати лет» (*PF294/WF301*). «Un coup de dйs» — это стихотворение, а «Поминки по Финнегану»[8] — это роман? Коллаж кубиста — это картина или «Фонтан» Дюшама — скульптура? С помощью какого критерия мы это определили? Работы модернистов открыто определяют себя через отказ от критерия (и они зачастую лишь «работы» или «вещи», не подпадающие под родовое определение). Бланшо упоминает «сюрреализм как мощное отрицающее движение», отвергающее все определения, с помощью ко-

[3]Jean-Paul Sartre, *Qu'est-ce que la littйrature?* (Paris: Gallimard, 1948), 19—20; "*What is Literature?*" *and Other Essays* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988), 30.

[4]*Phdnomenologie des Geist*, ed. Hans-Friedrich Wessels and Heinrich Clairmont (Hamburg: Felix Meiner, 1988), 284 (V.C.a); *Hegel's Phenomenology of Spirit*, trans. A.V. Miller (Oxford: Oxford University Press, 1977), 238.

[5]*Qu'est-ce que la littйrature?*, 26 / *What is Literature?*, 35.

[6]*Phdnomenologie des Geist*, 144—45 / *Phenomenology of Spirit*, *126—27*.

[7]Нереальный (нем.). (Прим. переводчика.)

[8]«Un coup de dйs jamais n'abolira le hazard [удача никогда не упразднит случая]» — поэма Малларме, «Поминки по Финнегану» — роман Дж. Джойса. (Прим. переводчика.)

торых нечто зачисляется в искусство. Однако, это не просто нигилизм «потому что если литература хоть на мгновение совпадает с ничто, то она тотчас становиться всем и это всё начинает существовать» (*PF294/WF301—2*). Возможно, это все, что модернизм означает: все критерии отрицаются и все возможно; ничего не может быть исключено — все может трактоваться как произведение искусства. Модернизм — это анархия эстетики, момент чистой негативной свободы, где принимается все. Тем не менее, в этих анархичных условиях, в которых нет никаких условий — нет задания, нет правил или принципов, нет моделей или жанров, короче, нет логической предпосылки вероятного — как возможна литература?

Начиная с эссе «Как возможна литература?» (1941), этот вопрос занимает значительную часть ранних критических работ Бланшо.[9] От Малларме Бланшо унаследовал идею о том, что поэтическое письмо является не неким типом лиризма, но упражнением языка, где язык — это инструмент, не находящийся под моим контролем (не *темп*[10] Сартра, не протез). Так и сюрреалисты пришли к тому, что «слова обладают своей собственной спонтанностью. Долгое время язык претендовал на определенный тип существования: он отказывал простой прозрачности, это был не просто взгляд, пустое средство способности видения; он существовал, он был конкретной вещью, даже вещью раскрашенной. Сюрреалисты понимают… что язык — это не инертная вещь, он обладает своей собственной жизнью и не проявленной властью, которая избегает нас» (*PF93/WF89*). Итак, письмо — это не чистая возможность, ограниченная или неограниченная, но всегда в некотором смысле или в некоторой степени невозможность. Идея заключается в том, что язык ограничивает мою власть в тот самый момент, когда я пытаюсь его нарастить и это то, что происходит в литературе: «литература состоит в попытке говорить, когда высказывание становится наиболее трудным» (*PF25/WF17*).[11]

Можно помыслить поэзию как опыт *сопротивления* языка проекту, который мы накладываем на него. Это рассматривалось в «Сущности языка» (1957): то, что Хайдеггер зовет «опытом *с* языком» имеет место не тогда, когда мы говорим, а когда нам не хватает слов. «В опыте, который мы испытываем *с* языком, язык сам себя к себе приводит. Можно подумать, что это происходит в любом случае, в любой момент, когда кто-либо говорит. Итак, когда бы, как бы мы не говорили с помощью языка, язык сам по себе не имеет права слова». Только когда язык перестает быть формой опосредования, опыт с языком становится возможен: «язык сам говорит как язык… когда мы не можем найти должное слово для чего-либо, что нас беспокоит, увлекает нас или подавляет нас. Тогда мы оставляем непроговренным то, что у нас в голове и, без того чтобы достаточно это продумать претерпеваем моменты, в которых

[9](Paris: Josй Corti, 1942); reprinted in *Faux Pas* (Paris: Gallimard, 1943), 92—101) — далее *FP*. Особенно см. стр. 97: «Это факт, литература существует. Она продолжает существовать, несмотря на имманентную абсурдность, в которой она обитает, которая ее разделяет и делает ее действительно непознаваемой. В сердце каждого писателя есть демон, который толкает его к умерщвлению всех литературных форм, к осознанию чувства собственного достоинства в качестве писателя в такой степени, что он порывает с языком и литературой, в слове, ставит его под вопрос таким образом, что непонятно кто он и что он творит. Как при таких условиях, может существовать литература? Как писатель, отличающийся от других людей единственным фактом того, что он оспаривает действительность языка, и работа которого заключается в том, чтобы противодействовать возникновению написанного произведения, заканчивает тем, что создает некое литературное произведение? Как возможна литература?».

[10]Иммеется в виду скорость, темп работ Сартра, когда для того чтобы работать все средства подходят, в том числе, например, амфитамин, который он принимал. (Прим. переводчика.)

[11]И не только литература. Большинство работ Бланшо — это исследование странного онтологического состояния, когда язык становится требованием невозможным. *L'attente l'oubli* (Paris: Gallimard, 1962, далее *AO*; *Awaiting Oblivion*, trans. John Gregg [Lincoln: University of Nebraska Press, 1997], далее — *AwO*) — это текст составленный их нарративных фрагментов и кусочков разговоров, одержимо (если не косвенно) имеет дело с этим состоянием: «Выражать только то, что не может быть выражено. Оставлять его невыраженным. (*AO*35/*AwO*6). ««- Да, говори теперь со мной». –«Я не могу». –«Говори, вне способности делать это». — «Ты так спокойно просишь меня о невозможном» (*AO*86/*AwO44*). «Желая, но быть не способным говорить, не желая и быть не способным избежать разговора, так говоря — не говорить, так в одном движении ее собеседник обязан был действовать. / Говоря, не желая, желая, но быть не способным к этому» (*AO*93/*AwO93*).

сам язык сдержанно и мимолетно прикасается к нам своим существом». Кроме того, обладание этим опытом — это то, что учреждает поэта. Поэт, говорит Хайдеггер «это тот, кто своим путем — поэтически — переводит в язык опыт, который он испытывает с языком».[12] Но если эта несостоятельность языка является условием данного опыта, то как возможна поэзия? Или это то, по поводу чего сетовал Сартр: «поэзия — это выигрыш неудачника»?[13]

Письмо — это возможность, которая никогда не будет испытана в опыте.[14] Это не означает, что мое намерение не может быть реализовано, так как эта возможность превосходит мои способности — это не так, что она слишком грандиозна. Это даже не означает, что я не могу написать что-нибудь. Скорее, в письме я всегда обнаруживаю, что я не могу быть всецело собой: моя субъективность, в определенном смысле, это не изобилие, имеется некий недостаток, слабость там, где должна быть сила, нужда там, где должна быть власть. Сартр скажет, что именно язык позволяет мне встретиться со слабиной субъективности и сделать из этого что-нибудь. Но Бланшо ответил бы, что в этом событии, когда Я говорю, Я не могу больше говорить «Я» без нечистой совести, так как это не только «Я» говорит, но также часть моей субъективности, принадлежащая языку (и кто знает чему еще кроме этого?). В письме часть моей субъективности мне не принадлежит, другими словами, я испытываю *malheur*[15] разделенного сознания (я — это я и также другой), состояние в котором, как показал Гегель, Я впадает в нехватку бытия в мире.[16] Для Бланшо locus classicus[17] этого состояния будет найдена в «Дневниках» Кафки, где бытие в мире и бытие в письме выступают несоизмеримыми формами жизни — два различных порядка существования, два различных пространственных и временных регистра, в которых я, тем не менее, вынужден согласовывать себя. Можно было бы сказать, что письмо требует перехода от одного порядка существования к другому, но это движение не принадлежит более времени действия, которое я мог бы предпринять (эра излучения возможности, где одна вещь следует за другой по определенной причине). Скорее, это движение, где «Я» вывернуто наизнанку и не занимает более позиции силы. Бланшо говорит (утверждение, повторяемое вновь и вновь в его раннем критицизме): «Кафка ухватил плодовитость литературы… с того момента, как он почувствовал, что литература была переходом от *Ich* к *Er*, от Я к Он» (*PF28—29/WF21*). Впрочем, войти в этот переход в конечном счете не означает перемещение от одной точки к другой. Пожалуй, это означает войти в область, где ничего не происходит. Писатель находится вне времени возможности. Переходы — это теперь, скорее, комнаты, чем коридоры, а комнаты более не являются местами обитания («Невзрачная комната, ты когда-нибудь жил в ней?» [*AO13/AwO4*]).

---

[12]*Unterwegs zur Sprache* (Pfullingen: Gьnther Neske, 1959), 161—62; *On the Way to Language*, trans. Peter Hertz (New York: Harper and Row, 1971), 59.

[13]*Qu'est-ce que la littйrature?*, 43 / *What is Literature?*, 334.

[14]См. "L'expйrience-limitie" (1962), где Бланшо толкует идею Батая о том, что «возможность является не единственной областью нашего существования», «может быть Нам дано «прожить» каждое собственное событие через двойное отношение. Единожды мы проживаем его как что-то, что мы можем понять, ухватить, нести и управлять… с помощью отнесения его к некоей пользе или к некоей ценности, то есть, в конечном счете, с помощью отнесения его к Единству. В другой раз мы проживаем его как нечто, что избегает использования [*emploi*] и любой цели и, более того, что избегает самой нашей способности перенести его, но от чьего испытания мы ускользнуть не можем. Да, как будто невозможность, благодаря которой мы более не способны быть способными, всегда поджидает нас за тем, что мы проживаем, думаем и говорим». *L'entretien infini* (Paris: Gallimard, 1969), 307—8 — далее *EI*, *The Infinite Conversation*, trans. Susan Hanson (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993), 207 — далее *IC*). Через разделение времени на две темпоральности я пытаюсь разъяснить последующее.

[15]Несчастье, беда (фр.). (Прим. переводчика.)

[16]*Phдnomenologie des Geist*, 144—45 / *Phenomenology of Spirit*, 129.

[17]Классическая цитата, применяемая в данном случае (лат.). (Прим. переводчика.)

Вне Субъекта

В «Дневниках» Кафки Бланшо обнаруживает внутреннюю связь между письмом и умиранием. Это движение, где Я теряет способность сказать «Я» — теряет самообладание, господство, исчезает в событии самом по себе. «Я умираю» [I am dying] обладает грамматикой выражения «идет дождь» [it is raining] и модусом бытия *il y a*[18]. В любом случае я выдворен из своего дома. Мне никогда не дано сказать «Я мертв» или «Я прикончен».[19] И письмо, и существование безысходны — таков, говорит Бланшо, был опыт Кафки: «Существование безысходно, оно ничто кроме неопределенности, мы не знаем, исключены ли мы из него (поэтому мы напрасно ищем в нем нечто основательное, чтобы уцепиться) или мы навечно заключены в его тюрьму (и тогда мы отчаянно нацеливаемся к внешнему). Это существование является изгнанием в его наиболее полном смысле: мы не там, мы где-нибудь в другом месте и мы всегда будем где-то там» (*PF17/WF9*). Беспредельность — это одно из лиц анархии, где анархия понимается этимологически как то, что ближе всего к началу, *an-archɜ* где вещи возникают, только чтобы возникать снова без возможности достигнуть какой-либо точки. Малларме спросил: «Есть ли необходимость в письме?» (*Trus avant, au moins, quant au point, je le formule: — A savoir s'il y a lieu d'ŭcrire?*[20]).[21] Равно как и Бланшо: «Что мы хотим понять так это, почему мы пишем?» (*PF25/WF17*). Но правда в том, что письмо без «почему», оно больше событие, чем действие — также как прерывание дискурса это его вид, вот почему фрагмент (который не является формой) становится для Бланшо инстанцией и событием письма par excellence.

В «Парадоксе Эйтре» (1946) Бланшо спрашивает: «Где начинается литература?» (*PF73/WF68*) и, отвечая, он приводит историю Жана Пулена о сержанте Эйтре, который должен был вести вахтенный журнал в ходе колониальной экспедиции, когда они проходили по территории Мадагаскара. «Ничего экстраординарного в этих записях нет: мы приезжаем, мы уезжаем, курица стоит семь су, мы запаслись медикаментами, наши жены заполучили журналы и так далее» (*PF73/WF68*). Но затем «письмо меняется»: «Описания оказываются более долгими. Эйтре начинает уходить в свои идеи о колонизации, он описывает женские прически, сзади, за ушами их локоны вьются как змейки, он говорит о странных ландшафтах, он долго говорит о характере мадагаскарцев и так далее. В конечном итоге записи становятся бесполезными. Что случилось?» (*PF73/WF68*). Внезапно письмо стало беспричинным, непроизводственной тратой, превышением пределов жанра (жанр всегда целенаправлен и оправдан, письмо допускает формальное описание и дифференциацию относительно единого альтернативных возможностей). Во всяком случае, письмо более не находится под контролем Эйтре, теперь оно возникает из себя, без причины и без цели (в принципе Эйтре мог бы до сих пор писать (как Неназываемый Беккета, прототипом которого Эйтре собственно и является)). Стоит отметить, что как бы беспричинно не было письмо Эйтре, его письмо не перестает быть описательным, оно создано из предикатов. Здесь нет шизофренической бессмыслицы. Можно сказать, что его письмо не переставало быть истиной мира, ведь только такие категории как истина и ложь, определяющие мирской дискурс, могут более не иметь некоего логически последовательного применения. Какие категории следует применить к письму Эйтре? На самом деле, это совершенно обычное письмо, но оно более не принадле-

[18]Имеется (фр.). (Прим. переводчика.)

[19]См. "La Mort possible" (1952): «Ты можешь писать, когда остаешься сам себе хозяином перед лицом смерти, ты должен был установить со смертью независимо равные отношения. Если ты потеряешь лицо пред смертью, если смерть это предел твоего самообладания, тогда она сдует слова из под пера, вмешается и прервет». L'espace littŭraire (Paris: Gallilmard. 1955), 110 — далее *EL*; *The Space of Literature*, trans. Ann Smock (Lincoln: University of Nebraska Press, 1982), 91 — далее *SL*.

[20]«Намного раньше, по меньшей мере, касаясь настолько, я сформулировал: — Ведомо ли, есть ли необходимость в письме?» (фр.). (Прим. переводчика.)

[21]*Oeuvres complutes*, ed. Henri Mondor (Paris: Gallimard, 1945), 645 — далее *OC.*

жит миру, который оно описывает с такой исключительной точностью. Письмо сугубо единично, стойко к любым категориям: вне всех возможных миров.

Анархичная темпоральность

Какую грань перешел Эйтре? Один ответ в том, что он вошел в то, что Бланшо называет «существенным одиночеством», которое является темной областью существования, выворачивающей субъективность наизнанку, перемещающей полярности, если можно так сказать, так, что писатель, держащий перо внезапно «схвачен» им, поэтому Эйтре не может остановить письмо:

> «Писатель вроде бы господин своего пера, он может обрести великую власть над словами и над тем, что он хочет, чтобы они выразили. Но его господство только вкладывает его в, поддерживает связь с фундаментальной пассивностью, где мир не более чем его видимость — тень мира — никогда не может быть подчинена и когда-либо постижима. Она остается непостижимой, что означает также и нерасторжимой, колеблющееся мгновение очарования.
> Господство писателя не в руке, которая пишет, — это «больная» рука, не позволяющая перу двигаться, не способна заставить его двигаться, потому что то, что она держит, на самом деле она не держит, то, что она держит, принадлежит царству теней и она сама — тень. Господство всегда характеризует другую руку, которая не пишет и способна вмешаться в нужный момент, чтобы схватить перо и отложить его в сторону. Таким образом, господство заключается во власти остановить письмо, прервать то, что было написано, тем самым восстанавливая для настоящего мгновения его права, его окончательную ясность» (*EL19/SL25*).

Господство: способность остановить письмо! Определенно, здесь Сарт был бы против, то есть против письма, которое переворачивает вверх тормашками мир свободы и предписание работы. Как говорит Бланшо в одном из своих текстов о Кафке: «дело не в том чтобы посвятить время работе, проводя время за письмом, но в том чтобы провести нас в другое время, где более нет какой-либо работы, это вопрос приближения к той точке, где время потеряно, где мы впадаем в очарование и одиночество отсутствия времени» (*EL67/SL60*). Что это за другое время — это время вне времени? Бланшо поясняет: «Отсутствие времени не есть чисто негативное состояние. Это время где ничего не начинается, когда начинание невозможно… Чем чисто негативное состояние, скорее, это, напротив, время без негации, без решения, когда здесь также и нигде, и каждая вещь изымается в свой образ, в то время как «Я» само по себе мы распознаем, когда оно погружается в нейтральность бесцветного третьего лица» (*EL19/SL25*). Сартреанство предложило бы нам представить дыру в существовании, через которую время вытекает, вместо того чтобы двигаться в направлении будущего, в своем обычном режиме. Или, возможно, время теперь пассивно, оно не остановилось или пришло к концу, но просто сделало паузу, не известно на сколько, как в ожидании. В этом событии, время более не влечет за собой будущее. Фокус в том чтобы понять, что это не совсем плохая вещь.

Позвольте мне разъяснить эту темпоральность с помощью ряда пояснений:

1. Возможно, это Малларме открыл зияние, где время перестает протекать (без упоминания какой-либо вечности). Вспомним «Игитур или безумие Эльбенона», где молодой человек испытывает потребность (в полночь) спуститься в склеп своих предков с целью совершить ритуальный бросок игральных костей. Выход за пределы порога помещает его в иной порядок вещей. Игитур говорит: «Я всегда жил с душой, прикрепленной к часам», «часы часто делали мне много хорошего».[22] Но полночь в этом случае не принад-

[22]Stйphane Mallarmй, *Selected Prose, Poems, Essay, Letters*, trans. Bradford Cook (Baltimore: John Hopkins Press, 1956), 97 — далее *SPP*.

лежит графику часов. Полночь это «комната времени», а не его течение [passage][23] (*OC438/SPP92*). Когда Игитур спускается по ступенькам, он входит в иную темпоральность, момент «чистого времени или *ennui*[24]», бдение, в котором, в конце концов, ничего не происходит. Полночь это чистое настоящее. Она исчезает в себе, опорожняет себя, вместо того чтобы двигаться вперед (фигура — это полночь, проходящая сквозь зеркало). Итак, здесь нет перехода будущего в прошлое, нет какого-либо *Aufhebung*[25] прошлого в будущее (*OC440*). Такой же момент есть в «Мимике» Малларме, где представление мима происходит в каком-то отсутствующем настоящем, совершенной цезуре между любым прежде и затем: «Вот — Сцена иллюстрирует только идею, но не реальное действие, реализованное в брачной песне (откуда и проистекает Мечта), порочной, но сокровенной, находящейся между желанием и его исполнением, между прегрешением и памятью: то ожидая, то вспоминая, находясь то в будущем, то в прошлом, но всегда *под ложным обличьем настоящего*. Вот как действует мим, деяние которого приковано к вечной иллюзии, не разбивая лед или зеркало: таким образом, он учреждает условия, подлинные условия для художественного произведения» (*OC310/SPP69*). Эта сцена выступает преградой мимесису как проекту, обретающему нечто вновь или как-либо в настоящем: это мимесис без интенциональности (он не *о* чем-то). Точнее говоря это чистое представление, где мим подражает подражая [mime mimes miming]: имитация сама по себе является вещью, которую имитируют. (Мы вернемся к этому).

2. В тексте, относящемся к 1927, явно неоконченной второй части «Бытия и Времени», Хайдеггер занимается концепцией времени Аристотеля, центральным моментом которой является парадоксальная темпоральность «теперь» — парадоксальная потому что «теперь» служит основанием и для показаний часов и для неудержимости внутри них. «Теперь» — говорит Хайдеггер «обладает характерным двойственным внешним обликом… Время скрепляется внутри себя благодаря теперь, специфичная континуальность времени коренится в теперь. Но также, по отношению к теперь, время разделено, выражено в более не теперь, ранее и еще-не-теперь, позднее». Другими словами, теперь — это ничто в себе. Это складка во времени: «теперь, которое принимаем во внимание, следуя за движением, есть *в каждое мгновение другое теперь*». То есть, «теперь — всегда другое, продвижение от одного места до другого. В каждом теперь теперь уже другое, но каждое другое теперь все еще теперь, всегда теперь. Всегда отличные теперь все же, как отличные, всегда совершенно одно и тоже, а именно, теперь». Но эта тождественность есть всегда различие в себе: ««теперьность» [nowness], бытие-теперь это всегда инаковость, бытие-иначе».[26] Можно допустить, что «теперь» — это время несчастного сознания.

3. Эммануэль Левинас в работе «Реальность и ее тень» (1948) отмечает, что в общепринятой феноменологии образ понимается как способ размышления над моделью знака, символа или понятия, предполагается, что он будет ясным зеркалом, отражающим мир вещей. Но по Левинасу образ является лишь событием сходства, где сходство это не просто отношение между образом и его источником, это *событие* — «само движение, которое порождает образ»: «Бытие не только само по себе, оно бежит себя… Вот привычная повседневная вещь, совершенно приспособленная к руке, которая приучена к ней, но ее качества, цвет, форма и положение в тоже время таковы, как будто она позади своего бытия, как «старые одеяния» души, от которых эта вещь избавилась, как «натюрморт». И в конечном счете это… вещь. В таком случае здесь имеется двойствен-

[23]Игра слов. Passage (англ.) — это проход, коридор и т.п, но также и течение (событий). (Прим. переводчика.)

[24]Тоска, опустошенность (фр.). (Прим. переводчика.)

[25]Aufhebung — снятие (нем.). (Прим. переводчика.)

[26]*The Basic Problems of Phenomenology*, trans. Albert Hofstadter (Bloomington: Indiana University Press, 1982), 247—48.

ность в… этой вещи, двойственность в ее бытии. Она то, что она есть и она чужая для себя, и здесь имеется отношение между этими двумя моментами. Мы скажем — вещь это она сама и ее образ. И что отношение между вещью и ее образом это и есть сходство».[27] Вещь это то, что она есть и также то, как она является. Она обладает чем-то вроде двойной онтологии: она то, «что есть, что открывает себя в своей истине и, в тоже время, она похожа на себя, как свой собственный образ. Оригинал преподносит себя, как будто он был на расстоянии от себя, как будто он был отозван от себя». Хорошим примером образа в этом смысле мог бы быть труп. Образ, так сказать, это материализация бытия: это событие, в котором сущность вещи изымается из нее, оставляя позади нечто, что не принадлежит более порядку вещей, но что, конечно, не совсем ничто. Можно сказать, что труп это бытие, которое потеряло свое основание для бытия. Его существование ничем не оправдано. Его время остановилось: его прошлое более не продолжается в будущее, так как он отныне не имеет будущего. Но он не есть ничто.

Левинас хочет знать: какова «онтологическая значимость» материальности образа, этого бытия без сущности, этого «простого» сходства, этой остановки времени? Статуя выглядит так, как будто принадлежит этому порядку вещей: «Статуя претворяет в жизнь парадокс мгновения, которое длится без будущего. Ее длительность на самом деле не мгновение. Она не выдает себя как бесконечно малый элемент длительности, как вспышка, она обладает некоей своей собственной квази-бесконечной длительностью… Навеки исключенное будущее скитается вокруг застывшей статуи, как будущее forever to come. Неотвратимость будущего длится в мгновении, избавленном от существенного признака настоящего — его исчезновения. Оно никогда не исполнит своей задачи в качестве настоящего, как будто реальность была извлечена из своей реальности и оставила ее бессильной».[28] Темпоральность статуи похожа на темпоральность смерти: «В смерти, горизонт будущего обозначен, но будущего как обещания нового настоящего там нет, этот некто в интервале, навечно в интервале». В этой темпоральности бытие вещи было прервано. Не так, что ничто существует, но так, что существующему не хватает бытия — оно остается, ни этой вещью, ни другой, в некотором роде, на ближайшей стороне бытия в междумирье, в темпоральности чистого *сейчас*, которого в тоже время нет, и не будет. Левинас называет это «между тем» (entre-temps): «никогда не законченное, все еще длящееся — нечто бесчеловечное и чудовищное». Этот промежуток в бытии — то, что искусство осуществляет: произведение искусства существует в этом меж-временье или *теперь*, которое движение времени не способно преодолеть.[29] «Между тем» — время бодрствования, ожидания, умирания и искусства.

4. Движение времени (то есть время часов) не может преодолеть этот промежуток бытия потому что, как говорит Бланшо, время в этом событии более не диалектично. Это «время без негации». Среди всего прочего это означает, что оно вне порядка концептульной детерминации, где простая естественная вещь трансформируется в что-то существенное — объект сознания, духовный предмет, подлинность или универсальность: объект как наиболее полная объективность (pour soi)[30]. Однако, несмотря на то, что Левинас рассматривает этот промежуток смерти как нечто «бесчеловечное и чудовищное», Бланшо видит его как нечто позитивное или, если более точно, как утверждение вне диалектических альтернатив позитивного и негативного, то есть это приостановка «смерти», в которой мы понимаем вещи, объективируя их в той или иной форме утверждения. В «Литературе и праве на смерть» Бланшо цитирует гегелевские строки:

[27]*Les Imprŭvus de l'histoire* (Montpelier: Fata Morgana, 1994), 133 — далее *IH*; Collected Philosophical Papers, trans. Alphonso Lingis (The Hague: Martinus Nijhoff, 1987), 6 — далее *CPP*.

[28]*Les Imprŭvus de l'histoire*, 138 / Collected Philosophical Papers, 9.

[29]*Les Imprŭvus de l'histoire*, 143 / Collected Philosophical Papers, 11.

[30]Сознательное существо, субъективное (фр.). (Прим. переводчика.)

««Первое действие Адама, которое сделало его повелителем над животными, было именование их, то есть он уничтожил их в их существовании (как существующих тварей)»» (*PF312/WF323*). Размышление — некий тип убийства: «Когда я говорю, смерть говорит во мне. Моя речь это предупреждение о том, что когда я говорю, в этот самый момент смерть выпущена на свободу, что она внезапно появилась между мной и бытием, к которому я обращаюсь: она там между нами, как расстояние, разделяющее нас, но это расстояние, также не позволяет нам и отделиться друг от друга, так как оно содержит в себе условие для любого понимания. Только смерть позволяет мне ухватить то, чего я хочу добиться, она существует в словах, как единственный способ, благодаря которому они могут иметь смысл. Без смерти все утонуло бы абсурде и небытии» (*PF313/WF324*). Говорить — то есть, выводить одно из другого, подводить вещи под нормы тождества — значит уничтожать их единичность или различие как вещей существующих, интегрируя их в порядок однообразия.

Однако, литература (можно сказать письмо) не структурирована по модели «Я говорю». Переход от *Я* к *он*, делающий письмо возможным, не является диалектическим движением: «Отныне это не вдохновение в работе, не отрицание, утверждающее себя, не идея, вписанная в мир, как будто она была окончательным горизонтом мира в его полноте. Оно не за пределами мира, но и не мир сам по себе: это наличие вещи *до того как* мир существует, ее непоколебимость после того как мир исчез, упорство того, что осталось после того как все пропало и ошеломление от того, что является, когда ничего нет» (*PF317/WF328*). Литература — (по Бланшо) убежище для единичного и неразложимого. «Это забота о реальности вещей, об их неизвестном, свободе и молчаливом существовании, литература — это их невинность и их запрещенное присутствие» (*PF319/WF330*). Однако, такое присутствие теперь принадлежит промежутку между прошлым и будущим: время отсутствия идентичности, «теперь», которое, как говорит Хайдеггер, «*всегда отличие, бытие другим*», несводимое к отслеживанию это-как-то.

5. Литература принадлежит темпоральности *различия в себе*, то есть области сингулярности вне логики дифференцирования, распределяющей вещи в плоскости тождества и различия. В «Логике смысла» (1969) Жиль Делез называет это темпоральностью Эона: противоположность хронологическому ходу «связанных настоящих», событие, которое разбивается *ad infinitum*[31] в «растянутые прошлые и настоящие», то есть, область, которая скорее разделяет, чем соединяет в некое единство, протяженность или целое. Делез пишет (и обратим внимание, что он цитирует «Мима» Малларме, как пример того, что он имеет в виду):

«Эон непрестанно разделяет событие, отторгая от себя как то, так и другое, никогда не меняя к ним своего отношения. Событие — это когда никто не умирает, а всегда либо только что умер, либо вот-вот умрет в пустом настоящем Эона, — то есть в вечности. Описывая, как должно выглядеть убийство в пантомиме — как чистая идеальность, — Малларме говорил: «Здесь движение вперед, там воспоминание, то к будущему, то к прошлому — в ложном облике настоящего. Именно так действует Мим, чья игра — непрекращающаяся иллюзия, без битья зеркал». Каждое событие — это мельчайший отрезок времени, меньше минимума длящегося мыслимого времени, ведь оно разделяется на только что прошедшее прошлое и наступающее будущее. Но оно же, при этом и самый долгий период времени, более долгий, чем максимум длящегося мыслимого времени, потому что его непрестанно дробит Эон, уравнивая со своей безграничной линией».[32]

[31] До бесконечности (лат.). (Прим. переводчика.)

[32] *The Logic of Sense*, trans. Mark Lester (New York: Columbia University Press, 1990), 63. (Цитата приведена по Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр.- Фуко М. Д 29 Theatrum philosophicum: Пер. с фр.-М.: "Раритет", Екатеринбург: "Деловая книга", 1998. Прим. пер.)

Эон — это чистое событие, несводимое к звену в цепи. Это время абсолютной единичности — то, к чему в другом месте Делез и Гваттари отсылают как к *этости* [haecceity],[33] которая никогда не является этапом чего-либо, но является собой: например, бывает пять часов дня, но жизнь некоего существа может длиться так долго, что оно не может и представить такого состояния, — как у Аристотеля, тотальность содержащая фабулу[34]. Скорее, это абсолютно произвольное и случайное событие. Это историчность сама по себе. «У нас у всех пять часов дня, или иное время, или скорее два времени одновременно, наилучшее и наихудшее, полночь-полдень, но распределенное различным образом… *Этость* не имеет, ни начала, ни конца, ни истока, ни назначения, она всегда посередине. Она состоит не из точек, а из линий. Она — ризома».[35] (Ризома означает: организованное скорее как ползучий сорняк, чем дерево). Значит *этость* — это всегда фрагмент — не часть, отколотая от целого, но нечто неудержимое в пределах любой тотальности или структуры, доказательство онтологии, не объединенной в целое, в которой случайное — происходящее вне какой-либо очередности (или короче, анархия) — дает определение реальности или, в любом случае, определение только той реальности, в которой когда-либо обитали человеческие существа (реальность сложных систем).

6. В «Двойственном сеансе» (1970) Деррида толкует «Мима» Малларме, сопоставляя его с некоторыми отрывками из «Филеба» Платона, с целью различить два порядка *мимесиса*: (1) порядок в котором *мимесис* всегда связан с истиной в том смысле, что *мимесис* это всегда о том «что есть». Важно подчеркнуть, что *все* (истина, разум, порядок вещей) зависит от «различимости» *между* «что есть» и его имитацией, где в порядке вещей, сперва идет одно, а затем другое, и где одно элементарно и другое двойственно (множит или добавляется к другому).[36] «Мим» дает нам второй порядок, который мы могли бы назвать «*мимесис* в себе», потому что (как прочитывает его Деррида) мим Малларме лишь подражает [mimes]: «Здесь нет копирования. Мим ничего не копирует. И чтобы начать, он не копирует. Нет ничего предваряющего для письма его жестов. Ничего ему не предписано. Ничего из того, что в наличии не предшествовало, не направляло ход его письма. Его движения создают облик, который никакой язык не предвосхищает, не сопровождает. В любом порядке причинно-следственных связей они не связаны с *логосом*».[37] Несомненно, это не мим на самом деле *делает* что-то, хотя конечно он *не* делает вообще что-нибудь, и то и это. Деррида пытается разрешить проблему следующим образом: «*Есть* имитирование», говорит он. Как вот в этом случае «мы встретились… с имитированием, которое ничему не подражает, встретились, так сказать, с двойником, который не удваивает первого, двойником, который ничего не предвосхищает, во всяком случае, ничего, что уже само по себе двойник. Здесь нет простой отсылки… Рефлектор отражает не реальность, он производит «эффект-реальность»» (206). Итак, что мы получили? «В этом рефлекторе без реальности, в этом зеркале зеркала, различие или диада не существуют, так как имеются мим и фантом. Но это различие без отсылки (то есть различие, не относящееся к какой-либо идентичности, или различие само по себе) или, скорее, отсылка без референта, без какого-либо первого или последнего элемента, призрак — фантом без плоти, скитающийся без прошлого, без смерти, рождения или существования» (206).

[33]От haecceitas (лат.) — понятие, введенное Дунсом Скотом, характеризующее не класс предметов, а данную единичную, "эту" вещь (haecceitas). (Прим. переводчика.)

[34]См. Аристотель «Поэтика». (Прим. переводчика.)

[35]Gilles Deleuze and Fйlix Guattari, *A Thousand Plateaus*, trans. Brian Massumi (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993), 263.

[36]О неразличимости как философской трудности см. Arthur Danto, *The transfiguration of the Commonplace: A Philosophy of Art* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981), 1—32 (“Works of Art and Mere Real Things”).

[37]*Dissemination*s, trans. Barbara Johnson (Chicago: University of Chicago Press, 1981), 194—95.

То, что мим обнаруживает так это чистое *между* — пауза в бытии, которая прерывает логику тождества и различия, реальной вещи и образа, оригинала и двойника, одного и другого. Деррида отмечает, что «слово «между» не обладает полным собственным значением».[38] Стоит вспомнить о любимых Бланшо словах (он звал их «общеупотребительные слова») — «возможно», «почти», «может быть», «кроме», «пока».[39] Деррида пытается осмыслить это *между* с помощью таких слов как *дифферанс*, *тимпан*, *пли* или «складка» — пространственные метафоры для того, что Бланшо относит ко времени, когда он помещает письмо в интервале между *archз* и *telos*,[40] намерением и исполнением, прошлым и будущим: *entre-temps*[41] умирания, страдание, ожидание, «полночь» Игитура и так далее. Этот промежуток находится вне порядка причин, оправдывающих производство — вне порядка *этого* и *того* (или *это* за *то*, или *это* о *том*): вне какого-либо классифицирующего порядка, помещающего некую вещь в подчинение, в ответвление или в дело другого. Единичное принадлежит этому *между* или паузе, которая ослабляет связь универсального и особенного. Единичное — это различие в себе, одна вещь, отличная от чего бы то ни было: нетождественное, не способное представиться, абсолютная чуждость вне каких-либо отношений одного и второго, того же и другого, этого и того.

Онтология лопаты для снега

В этом контексте рассмотрим лопату для снега Марселя Дюшана[42], которую он купил в строительном магазине и затем выставил в своей мастерской, назвав «До сломанной руки». Каково отношение между этой лопатой в строительном магазине и лопатой в мастерской? Лопата не изменилась ни формально, ни материально, но она изменилась. Вопрос в том как. Где-нибудь в другом месте мы подумали бы в терминах изменения-места.[43] Теперь у нас есть средства подумать в терминах также временного изменения (или изменения темпоральности). Заметим, что логичный или универсальный язык тождества и различия не достигает этого изменения. Конечно, лопата по-прежнему (эмпирически) является лопатой для снега, на самом деле это именно *та* лопата для снега, та же, что была всегда, за исключение того, что теперь она другая, не прекращая быть той же. С определенной точки зрения (а что мы можем сказать?), она пришла в этом мир иначе, как будто была помещена среди вещей иначе, возможно, она сейчас более образ, чем вещь, не переставая быть этой самой вещью. Это похоже на то, когда Левинас замечает, что в искусстве каждая вещь это ее собственный образ, одновременно сама по себе и чуждая себе, всегда немного запаздывает за собой, или, возможно, немного отстоит напротив себя, но никогда полностью не совпадает. Как если бы в руках Дюшана *та* отдельная лопата *материализуется* иначе, чем она это делает в строительном магазине, не в смысле, что она теперь изготовлена на иной манер или оформлена иначе (как это могло было бы быть?), но, что она теперь занимает такую реальность, как и молоток Хайдеггера, когда было обнаружено, что он сломан. Она уплотнилась достаточно, чтобы прервать наше отношение к ней, мы теперь «с» вещью по-другому, внезапно расходимся с темпоральностью задач. Она прекратила свой протезный способ существования, как говорят об этом поэты. Что лопата для снега Дюшана *не* делает так это то, что она не конкре-

[38]*Dissemination*s, 221.

[39]Maurice Blanchot's *Le Pas au-dela* (Paris: Gallimard, 1973); *The Step Not Beyond*, trans. Lycette Nelson (Albany, N.Y.: SUNY University Press, 1992).

[40]Archз — начало, telos — конечная цель (греч.). (Прим. переводчика.)

[41]Entre-temps — между тем (фр.). (Прим. переводчика.)

[42]Марсель Дюшан (1887—1968) — французский и американский художник, теоретик искусства. (Прим. переводчика.)

[43]См. Gerald Bruns, "Francis Ponge on the Rue de la Chaussйe d'Antin", *Comparative Literature* 53, no. 3 (Summer 2001): 193—213.

тизирует универсальное, напротив, она обосабливается до точки, где больше не обладает долей в виде, которому по логике (и функционально) принадлежит. Со всех сторон это ваша обычная лопата, но не совсем, или может быть слишком она: лопата превыше ее функционала. Если молоток Хайдеггера ломается, он выпадает из мира, которому принадлежат молотки, то так же и лопата выпадает из мира снегом-покрытых-тротуаров, когда проникает в мастерскую Дюшана. Она проникает, не только в иное пространство, но в иную темпоральность, которая (как письмо Эйтре) не может быть истрачена завершением чистки дороги. Вы можете ворваться в мастерскую Дюшана и украсть его лопату (которая, впрочем, исчезла без следа или, скорее, только со следом фотографии, которая, в любом случае, не может быть воспроизведением [reproduction] оригинальной лопаты, но только копией [replica] того, что является реальной вещью, когда она была произведением искусства, эта фотография смотрится как, другими словами, след следа) — вы можете украсть лопату Дюшана и возвратить ее в темпоральность копания, но, возможно, она сохранит атмосферу своей истории. Конечно, возникает вопрос: для кого она сохранит эту атмосферу? Один ответ: возможно ни для кого. Для всего мира эта вещь будет выглядеть как любая другая лопата. Но она была бы *метафизически* отлична через качество своей истории, ее история не зависит от того, кто ее наблюдает или реконструирует ее маршрут. Скорее, следует пережить эту историю, чтобы испытать отличие этой лопаты. И, конечно, если войти в *ту* зону, то *все* иное.

Я имею в виду, что для тех, кто повстречался с провокацией Дюшана, *отныне любая лопата для снега не просто лопата для снега*: объекты вновь стали просто вещами. Давайте скажем, что пройдя через опыт Дюшана, мы не сможем более принимать лопаты для снега в их (как сказал бы Хайдегер) простом «принадлежностном» [equipmental] бытии. Эта лопата для снега, все лопаты для снега и, возможно, все виды принадлежностей были переведены из темпоральности производства, где инструменты помогают очищать дорожки, в темпоральность произведения искусства (и это, возможно, ключевой момент). Провокация Дюшана просто открывает или приоткрывает другую темпоральность, смежную с той, что мы населяем в нашем будничном копании. Это означает, что такое возможно для каждого земного объекта, как бы он тривиален не был — вести двойную жизнь как инструмент и как артефакт. Антропология является другим способом встречи с этой двойной темпоральностью.

Возможно, что только как артефакты обыденные объекты могут иметь историю и, затем, только как объекты естественной или истории искусств (или может быть истории науки и технологии) являются видом, хранимым в музеях. В своем эссе «Повседневная речь» Бланшо пишет, что обыденное как таковое падает ниже порога истории (или как вещь Понжа[44] ниже порога описания). Обыденное это «существование в самой своей спонтанности и оно здравствует тогда, пребывает во здравии тогда, когда избегает всякой спекулятивной формулировки, возможно, любой логичности и закономерности». Конечно, Бланшо как экзистенциалист, каковым он и является, думает об обыденном субъекте, что он, один из нас — один из «них» (das Man): более не субъект (более не говорит «Я», даже более не «кто»). «Обыденное ускользает. Почему? Потому что оно без субъекта. Когда я живу обыденным, то это любой, любой, кто действует так. И этот любой, собственно говоря, ни я, ни, собственно, другой. Он ни один, ни другой и, в их равноценном присутствии, их отвергнутой взаимности, оба, один и другой — теперь без бытия в качестве «Я» или «альтер эго» дают повод для *диалектического осознания»* (*EI364/IC244*). Но это всего лишь означает, что на уровне обыденного субъект «не принадлежит царству объективного. Проживать его, как мы его проживаем через серию технических актов (представленных пылесосом, стиральной машиной, холодильником, радио, автомобилем), это значит заменять эти отдельные действия на это неопределенное присутствие, это связанное движение (не являющееся, однако, целым), благодаря которому мы *континуальны*, хотя и в модусе неоднородности, в отношении с неопределенным набо-

[44]Понж, Френсис (1899—1988) — французский поэт и эссеист. (Прим. переводчика.)

ром возможностей» (*EI364/IC244*). Суть могла бы быть в том, что лопата Дюшана ускользает из «объективного царства», когда она выставляется в его мастерской. Хайдеггер сказал бы, что теперь она обладает скорее плотностью вещи, чем прозрачностью объекта. Теперь она «некая лопата», где кавычки указывают на *между*, которому теперь эта вещь принадлежит. Затем, конечно, возникает вопрос насколько уже она, собственно, является лопатой: кавычки указывают на область или темпоральность «еще не» или «уже не» — область «ирреального», которая (для Бланшо), учреждает пространство между чем-либо и ничем, которое он называет *l'espace littŭraire*.[45]

Когда письмо Эйтре начинает превосходить пределы установленного порядка, ему пришлось выдумывать, его язык проходит через тайное перемещение лопаты для снега. «Писать это… изъять язык из мира, отделить его от того, что наделяет его властью, в соответствии с которой, когда Я говорю, мир заявляет о себе, ясный свет дня разворачивается через поставленные задачи, через действие и время» (*EL21/SL16*). Язык сам по себе не меняется, не прекращает быть языком — не прекращает состоять из слов, которые мы знаем, как использовать, не прекращает означать — но теперь он *осуществился* [materialized]: язык и также образ языка.

L'amitiй[46]

Но как быть, не просто со словами и вещами, но с другими людьми? Здесь мы подходим к границе, где Бланшо соприкасается с Эммануэлем Левинасом. Могут ли люди осуществляться [materialize] также как это делают слова? И если это так, то как это происходит? Как мы видели, они могут быть похожи на труп. Менее или, возможно, более радикально осуществиться — быть вещью духовной или явлением сознания, быть вновь помещенным в бытие как проницаемый и уязвимый субъект, а не как философский субъект, существующий, в любом случае, на бумаге. Левинас проясняет подобное состояние дел с помощью чуткости, ласки и наготы другого, приближающегося ко мне извне в каждой ситуации моего отношения с миром, используя тот же прием другой прерывает, препятствует моим отношениям с самим собой, выворачивает меня наизнанку, демонстрирует меня миру (третьему лицу или правосудию). Я более не познающий субъект, я — моя кожа. Левинас называет это состояние демонстрации, субъективности вне субъекта этикой (или, более точно, этичным). Бланшо называет это, среди всего прочего, дружбой — или, более точно, отношением «один для другого», возникающим в *между* или *entre-temps*[47] между друзьями (или любовниками).

Ключевым является то, что для Бланшо дружба это не интерсубъективное отношение. Это не сотрудничество плечом к плечу, где мы действуем или существуем как единое целое, будто разделяя вещи меж собой, или язык, мир, или чувство тождества или стремления. Дружба для Бланшо закрепляет за собой чуждость и разделение, в качестве ее условий. Скорее, это этическое отношение, чем братское, отношение лицом к лицу, где я ответственен за и перед другим и не только для того, чтобы выкупать индульгенцию или облегчить бремя обязательств. Итак, в отличие от Аристотеля Бланшо не размышляет над дружбой с помощью модели логической интеграции, где связь между мной и моим другом, мое чувство единодушия с ним, как будто мы взаимозаменяемы, может стать основанием для более всеобъемлющего порядка вещей. Другими словами, дружба — это не утопия, не некое изначальное или образцовое сообщество (за исключением анархичной идеи Батая «сообщества тех, у кого нет сообщества»). Напротив, это отношение без предиката, отношение диссиметрии и отсутствия тождества. Мы проживаем это отношение не как суверенное «Я», но как «кто»

[45]Пространство литературы (фр.). (Прим. переводчика.)

[46]Дружба (фр.). (Прим. переводчика.)

[47]Ранее мы перевели entre-temps как «между тем», в таком эта случае фраза звучит следующим образом: «возникающим в *между* или между тем между друзьями». (Прим. переводчика.)

или «мне» — способ бытия до некоторой степени в винительной, чем управляющей или декларирующей позициях.

Например, в «Дружбе» (1971) Бланшо говорит, что «Я» в работах Батая:

> «весьма отлично от того эго, которое, те кто знают его в счастливом и несчастном состояниях жизни, предпочитают поднимать на свет воспоминаний. Все ведет к тому, что некто предполагает, что безличное присутствие, поставленное на карту в этом движении, учреждает таинственное отношение в его существовании тогда, когда он действительно решил говорить об этом присутствии. Говорить, но не как о том, что может принадлежать ему, и в малой степени относя это к своей биографии (скорее как о лакуне, в которой биография исчезает). И когда мы себя спрашиваем «Кто был субъектом в этом опыте?» — этот вопрос, возможно, уже и ответ если, даже для того кто был его проводником, опыт заявлял о себе в этой вопросительной форме, заменяя открытость «Кто?» без ответа закрытым и единичным «Я». Не то чтобы он просто спросил себя «Что это за Я, которое есть Я?», но намного более радикально возвратился к себе без помилования, более не как «Я», но как «Кто?», неизвестное и ускользающее бытие неопределенного «Кто?»»[48].

Здесь имеется внутренняя связь между дружбой и письмом (*l'ŭcriture*). Как письмо дружба — не некое организованное представление, но, в большей степени, пространство (или темпоральность), в которое мы помещены и которое лишает нас всевозможной близкой собственности и предприимчивости (как, например, способности положить начало или конец). Дружба — это то, что Бланшо называет отношением третьего порядка, которое есть ни отношение познания, ни отношение философского диалога «Я-ТЫ» [I-Thou], но, пожалуй, «отношение без отношения» (*EI*104/*IC*73) — его можно понимать как некий тип экстатичного отношения вне альтернатив тождество/различие, одно/другое, присутствие/отсутствие, бытие/не-бытие, прошлое/будущее. Это «чистый промежуток» (*EI*98/*IC*69), «приостановка бытия» (*EI*109/*IC*77), непрерывно подвешивающая нас в том, что Бланшо называет «бесконечная беседа», пример которой предваряет книгу «Бесконечная беседа» и вписан в работу «Шаг за». Там мы встречаемся с двумя стариками, или в любом случае с двумя уже не молодыми людьми, которые бог знает уже сколько лет разговаривают так, как Эйтре пишет:

> « + — + — «Я просил тебя прийти…» Он остановился на мгновение: «Ты помнишь, как нечто происходит?» Собеседник поразмыслил в свою очередь: «Я помню это очень хорошо». — «Аа, хорошо. Я не был полостью уверен, что это я начал разговор». — «Но как иначе я мог прийти?» — «Тебя могла прислать дружба». Он вновь поразмыслил: «Я писал тебе, не так ли?» — «Иногда». — «Но не звонил ли я также тебе по телефону?» — «Определенно, несколько раз». — «Я вижу, ты желаешь мне добра. Я благодарен. На самом деле ничего нового, усталость — не больше, она лишь приняла новый оборот». — «Да, у нее их несколько, я полагаю, что всех их знаю. Это поддерживает в нас жизнь». — «Это поддерживает в нас разговор. Я предпочитаю устанавливать четко, когда это происходит, если только какая-нибудь из особенностей этой вещи не затрудняет эту четкость. Не могу не думать об этом». — «Ну, тогда мы должны поразмыслить об этом вместе. Это то, что происходит с тобой?» — «Я это сказал?» И он добавил почти мгновенно, столь решительно, что могло сойти и за движение, настолько, казалось, превосходит его силы: «Ничего подобного не было», и еще вместе с этой оговоркой: «Ничего подобного не было со мной». — «Тогда, с моей точки зрения, ничего серьезного». — «Я не говорил, что это было серьезно». Поразмыслив над этим, он заключает: «Нет, это не серьезно», как будто в этот миг он осознал, что то, что не серьезно, намного серьезнее» (*EI*xiii/*IC*xv).

Очевидно, это не философский диалог образца, рекомендованного Гадамером — то есть, два друга, более или менее похожие, без корысти, вовлеченные в игру взаимных усту-

[48] *L'amitiй* (Paris: Gallimard, 1971), 328—29 — далее *A*; *Friendship*, trans. Elizabeth Rottenberg (Stanford: Standford University Press, 1997), 290—91 — далее *F*.

пок, пытаются истолковать предмет обсуждения (*die Sache*). Как в диалоге между любовниками (если они именно таковы) в рассказе «Ожидание забвение» «бесконечная беседа» Бланшо не имеет логической структуры, *логоса*, не имеет она также ни *archз* ни *telos*. Она не может быть понята ни посредством аналогии, ни с помощью пропозиции, потому кажется, что она ни о чем, вне диалектики, так как она ведет никуда. Она обладает структурой ожидания. О любовниках в «Ожидание забвение» сказано: «На самом деле между ними нет диалога. Лишь ожидание удерживает то, что они называют особым отношением, слова, сказанные в ожидании, ожидание слов» (*AO*52/*AwO*25). Ожидание — это когда мы заселяем анархичную темпоральность дружбы (или письма, страдания, усталости, умирания…).

Бланшо подчеркивает смутность друга (или любовника), который есть присутствие непостижимое, он «совершенно вне досягаемости» (*EI*98/*IC*69) и его близость не рассеивает холодность между нами. Итак, Я не настолько причастен своему другу, с которым, таким образом, я должен быть скромен, «скромность» — в одном слове содержит основную идею этики Бланшо: «Мы должны перестать пытаться узнать тех, с кем мы связаны чем-то существенным. Под этим я имею в виду, что мы должны их приветствовать в отношении с неизвестным, в котором они со своей стороны приветствуют нас, в нашей отчужденности. Дружба — это отношение вне зависимости, без происшествий, хотя, вся непритязательность жизни в него включена, проходит посредством признания взаимной отстраненности, не позволяющей нам говорить о своих друзьях, но только говорить к ним» (*A*300/*F*291). Отсюда, возникает идея о том, что дружба это этическое отношение на границе или вне бытия. Это также отношение, которое «выставляет меня к смерти или конечности»[49], то есть дружба вместе с письмом принадлежит темпоральности умирания, или промежутку искусства, где мое отношение с другим всегда покрыто завесой и даже возникает через неизбежность его смерти (если «его» здесь подходит). В работе «Непризнаваемое сообщество» Бланшо пишет:

> «Теперь, «основа коммуникации» это не обязательно разговор или, даже тишина, являющаяся его основанием и пунктуацией, но выставление перед смертью, более не меня, но кого-то другого, чье проживание и ближайшее присутствие уже вечное и невыносимое отсутствие, отсутствие, не облегчаемое никаким глубочайшим стенанием. И это происходит в самой жизни, когда мы встречаемся с отсутствием кого бы то ни было. И с этим отсутствием — его жутким присутствием, всегда под главенствующей угрозой исчезновения, дружба играет и в каждый момент проигрывает, отношение без отношения или без отношения иное, чем несопоставимое»[50] (*CI*46/*UC*25).

Это конечно странно, но напоминает переработку Левинасом хайдеггерианского анализа самосознания Dasein как бытия-к-смерти. Левинас говорит, что для Хайдеггера это осознание является «верховной ясностью и, отсюда, верховной мужественностью» — хайдеггерианское понятие подлинности всецело оформлено на основании онтологии греческого героя (как его себе представляли немецкие романтики), который противопоставлял свою историческую миссию обыденной жизни. Левинас говорит: «Это [*Sein-zum-Tod*] принятие Dasein на себя величайшей возможности существования, которая делает возможными все иные возможности и, таким образом, делает возможным само умение ухватить возможность — то есть, она делает возможными действие и свободу».[51] У Левинаса отличие в том, что для него моя смерть, как бы она не угрожала и не нависала, это очевидный и простой предел моей мужественности, особенно потому что она всегда для меня (как мой друг!) вне досягаемости в качестве субъекта познания, Мессия является невозможностью, событием, в котором «проис-

[49]Maurice Blanchot, *La Communautй inavouable* (Paris: Editions du Minuit, 1983); *The Unavowable Community*, trans. Pierre Joris (Barrytown, N.Y.: Station Hill Press) 1988).

[50]В оригинале это выглядит так: «rapport sans rapport ou sans raport autre que l’incommensurable». Blanchot M. La communautй inavouable, Minuit, 1983, p. 46. (Прим. переводчика.)

[51]*Time and the Other*, trans. Richard A. Cohen (Pittsburg, Pa.: Duquesne University Press, 1987), 70.

ходит нечто совершенно непостижимое». Моя смерть, как она есть, больше кафканкианская, чем гомеровская: всегда преждевременна, она придет ко мне слишком поздно, чтобы я испытал ее. Я ушед, в каждое приходящее мгновение. Подумаем о К. Кафки. Все будут причастны моей смерти, кроме меня. Смерть — это конец смирения.

Получается, что в значительной мере такова точка зрения Левинаса. Ранеее чем что бы то ни было смерть другого смотрит мне в лицо, давит на меня и так учреждает меня как этического субъекта: «Поучая, лицо передо мной взывает ко мне, зовет меня, просит ко мне, как будто невидимая смерть, представшая пред Другим… это мое дело. Как будто Другой пренебрег этой невидимой смертью… уже «считающей» меня первым, сопоставляющей и становящейся смертью, уставившейся мне в лицо. Смерть другого человека ставит меня под вопрос, словно, через мое будущее безразличие, я стал пособником смерти, к которой другой, не способный ее увидеть, приговорен, и, словно, даже молясь ему ранее, я должен откликаться на эту смерть другого и сопровождать Другого в его смертном одиночестве».[52] Интересно, что приблизительно это состояние переживает повествователь в рассказе Бланшо «Смертный приговор» (1948): его любовные дела продолжаются, труп испытывает моральные переживания, а он сам, тем временем олицетворяет невозможность смерти: «Что же делает так, что всегда моя могила раскрыта, теперь, я там пробудил мысль, что способна вернуть меня к жизни? Самый саркастичный смех моей смерти».[53] Как будто подвергание смерти стало бесконечным бдением.

В рассказе «Мгновение моей смерти» Бланшо вспоминает или воображает как повествователь, похожий на Бланшо, вспоминает: «молодому человеку — еще молодому человеку — помешала умереть сама смерть»[54]. Во время Оккупации однажды вечером его вытащили из дома и поставили перед расстрельной командой:

> «Знаю — это я знаю, — что тот, в кого уже прицелились, ожидая последнего приказа, немцы, испытал тогда ощущение необыкновенной легкости, своего рода блаженство (в котором, впрочем, не было ничего от счастья) — полнейшее ликование? Встреча смерти со смертью?
> На его месте я бы не пытался анализировать это ощущение легкости. Оно, быть может, вдруг стало непреодолимым. Смертное — бессмертным. Возможно, экстаз. Скорее же — ощущение сочувствия к страдающему человечеству, счастье не быть ни бессмертным, ни вечным. Отныне он был связан со смертью сокровенной дружбой»[55].

[52]“Ethics as First Philosophy”, trans. Sebn Hand and Michael Temple, *The Levinas Reader*, ed. Sebn Hand (Oxford: Basil Blackwell, 1989), 83.

[53](Paris: Gallimard, 1948), 99; *Death sentence*, trans. Lydia Devis (Barrytown: Station Hill Press, 1978), 52.

[54]Maurice Blanchot and Jacques Derrida, *The Instant of My Death and Demeure: Fiction and Testimony*, trans. Elizabeth Rottenberg (Stanford: Stanford University Press, 3). (Цитата приведена по Бланшо М. Рассказ. Полное собрание малой прозы. / Сост., перевод, послесловие В. Лапицкого — СПб.: Академический проект, 2003. Прим. пер.)

[55]Ibid. 3.

НАШИ АВТОРЫ

Берлявский Леонид Гарриевич – кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета («РИНХ») (berleonid1@ gmail.com, berlg@yandex.ru)

Бермус Александр Григорьевич – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики Педагогического института Южного федерального университета (bermous@donpac.ru)

Брюнз Джеральд Л. – профессор университета Нотр Дам (г. Саут-Бенд, штат Индиана, США)

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна – доктор политических наук, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки (rapn@rapn.ru)

Дерлугьян Георгий Матвеевич – кандидат исторических наук, Ph.D. по социологии (Университет штата Нью-Йорк в Бингамтоне), доцент Северо-Западного университета г. Чикаго (США) (Derluguian@gmail.com)

Константинов Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (konstantinov@sfedu.ru)

Котельников Сергей Иванович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник НИИ культурологии Минкультуры РФ (kketl@list.ru)

Макаренко Виктор Павлович – заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины, доктор политических и философских наук, профессор Южного федерального университета (vpmakar1985@gmail.com)

Николаев Илья Викторович – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (nikolaev_polit@mail.ru)

Олейник Антон Николаевич – Ph.D, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН и Associate Professor Университета «Мемориал» (aoleynik@hotmail.com)

Петрова Гали Дмитриевна – вдова Михаила Константиновича Петрова (gali-petrova@mail.ru)

Поцелуев Сергей Петрович – кандидат философских наук, доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой теоретической и прикладной политологии, главный научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (spotselu@mail.ru)

Рац Марк Владимирович – доктор геолого-минералогических наук, профессор, эксперт фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» (ratzm@netvision.net.il)

Тищенко Юрий Романович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии Южного федерального университета (roma_tishenko@mail.ru)

Шкаратан Овсей Ирмович – заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой социально-экономических систем и социальной политики Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики истории философии Южного федерального университета (ovsey.shkaratan@gmail.com)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. Nostalgia Politics and Background of Personal Experience

Summary: By the material of his own biography, author reflects on the forms and practices of the current propaganda in Russia. According to the author, this propaganda realizes the main points of Soviet statism: the idea of absolute rightness of the state power and the public interest priority over the interests of individuals and society. But the socio-biographical experience allows us to formulate the opposite principles: the Soviet state was not fair; it was based on falsehood and hypocrisy. As suggested by the author, some of the facts of modern Russian history allow us to speak about the transformation of Soviet past into Russia's present.

Keywords: biography, propaganda, Soviet past, nostalgia for Soviet Union, neo-s*ovietism*, statism.

Shkaratan O.I. Reproduction of Socio-Economic Inequality in Post-Soviet Russia: Dynamics of Living Standards and the Position of the Lower Classes

Summary: The chapter 8 of O.I. Shkaratan's fundamental work “Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia” is published now in the journal “Political Conceptology”. The purpose of this chapter is to analyze the welfare inequality as an important aspect of social stratification. As a result, the following conclusions are made: in modern Russia, the social stratification is increased, social mobility is decreased, and focus on extracting rents from the achieved position is formed.

Keywords: inequality, welfare, social stratification, social stratification, social mobility.

Gaman-Golutvina O.V. The Metaphysical Dimensions of Transformations of Russian elites

Summary: The article examines the historical specificity of transformations of Russian society and state. The article is based on the 10 differences between the dynamic cultures and the stagnant ones, as these differences were proposed by Lawrence Harrison. According to the author, all the necessary prerequisites of the Russian subjectivity are developed today: territory, political mechanisms, etc. However, it is not enough to overcome the stagnation of Russian society and Russian elites. Breaking the vicious circle is possible only through deep institutional transformation.

Keywords: Russia, the elite, power, metaphysics, geocracy, marketization, transformation.

Proceedings of Russian-Ukrainian Conference “The Russian Power and Bureaucratic State”. Report.

Summary: Materials of the Russian-Ukrainian conference “The Russian Power and the Bureaucratic State” held in Rostov-on-Don, 26-27 March 2012.

Keywords: state, bureaucracy, Russian power, Russian system, palace state, cogitocracy, crisis.

Oleinik A.N. Mass Protests in Context of Russian Power

Summary: The Mass protests of the end of 2011 – the start of 2012 in Russia are interpreted as a reaction to the prevalence of a particular model of power relationships, i.e. Russian power. The paper also discusses several strategies that would allow moving from the equilibrium of Russian power to a democratic equilibrium, namely reform of municipal and regional authorities as well as academia reform.

Keywords: mass protests, Russian power, corruption, political elections, theory of power congruence.

Rats M.V., Kotelnikov S.I. State, Power, and Society after March 4

Summary: This article analyzes the political situation after the presidential elections March 4, 2012. As the authors of the article suggest, a paternalistic system of autocracy is reproduced in Russia, and this system is combined with dependent mentality of Russian population. Way out of this situation the authors see in the artification of current tendency of replacement of the dyad “policy-power” by the triad “policy-government-power”.

Keywords: mass protests, political power, autocracy, paternalism, government.

Bermus A.G. Innovation Policy in Education as a Liberal-Bureaucratic Myth

Summary: The article deals with Russian state policy in the education area. The author analyzes the official documents and regulations, making explicit some key memes that underlie the education reforms: progress, total continuity, unity and diversity, and the creation of conditions. According to the author, these memes characterize a liberal-bureaucratic myth of Russian policy in education area, and such myth needs to be critically reinterpreted.

Keywords: innovations, education policy, theory of memes, bureaucracy.

Tishchenko Y.R. Originality of the M.K. Petrov’s Work

Summary: The specificity of the M.K. Petrov's philosophical-cultural conception is analyzed in the article. The author believes that the M.K. Petrov's unique contribution to the study of culture consist in his concept of origin, functioning, and development of the European way of thinking.

Keywords: biography, culture, scientifing of society, sociocode, transmutation, human-dimensionality.

Petrov M.K. The Examination Did Not Take Place

Summary: The journal “Political Conceptology” publishes the story of the noted Russian thinker Mikhail Konstantinovich Petrov. When publishing, the important corrections were made that specify the original idea of the novel.

Keywords: Philosophy, the 20th congress of the CPSU, „thaw“, social criticism, intraparty debate, party crisis.

Derluguian G.M. Abkhazia: a Summary of the Ethnic Conflict

Summary: The article is devoted to the history of the Abkhazian independence war from the Republic of Georgia. The Abkhazian problems are structurally similar to the other separatist conflicts in the Caucasus and the Balkans, but, in author’s opinion, the conflict in Abkhazia is akin to revolution and civil war. The author analyzes the social processes in Abkhazia, its geographical location and history as conflict factors that determine the main trends and scenarios of the possible development of this country.

Keywords: ethnic conflict, national independence, revolution, civil war.

Berlyavsky L.G. Political Processes in Region of the Middle East: The Current Stage Problems

Summary: The study of political processes in the Middle East is of great interest due to the fact that the region is close to the southern borders of Russia and other former Soviet countries, and it certainly affects their political, economic and humanitarian interests. There are unstable political regimes (Iraq, Afghanistan, etc.) in several countries of this region, where the constitutional development is stalled, being affected by international sanctions (UNO, EU) or state law of leading Western countries. In addition, the Islamic fundamentalism exerts a significant, if not crucial influence on political development of several countries (Islamic Republic of Iran, Republic of Lebanon, Algeria, etc.).

Keywords: constitutional law, Near East, Islamic fundamentalism, state religion, evolution of constitutionalism, polity, confessional system, «Arabian revolutions».

Potseluev S.P., Konstantinov M.S. Moral Frames of Political Ideologies: Basic Concepts and Research Methodology

Summary: The paper describes the categorical apparatus and methodology for the study of the moral frames of political ideologies. The authors propose to integrate the conceptological and frame analysis with the activity-based approach to the study of political and moral phenomena. Finally, the basic methodological principles and basic concepts of integrative-cognitivist approach are formulated in the article.

Keywords: moral, politics, ideology, methodology, activity-based approach, frame, concept.

Makarenko V.P. Moral Concepts of Political Ideologies: the Specificity of the Conceptological Approach

Summary: The article is devoted to conceptological approach to the study of moral concepts of political ideologies. The nature of this approach, in author's opinion, is to analyze the relationship between absurd, morality, politics and ideologies.
Keywords: moral, politics, ideology, methodology, concept.

Konstantinov M.S. Ethics of Care in Feminist Political Philosophy

Summary: The article deals with the moral frames of feminist political philosophy. The author traces the history of feminism and the evolution of system of frames which are associated with the basic concepts of feminist ideology. The ethics of care as an integral part of modern feminism is specifically examined in the article.
Keywords: moral, politics, ideology, ethics of care, frame, concept, feminism.

Nikolaev I.V. Sources of Moral Criticism of the State of Anarchism

Summary: The paper analyzes the moral frames of anarchist political ideology. The author examines the key concepts of anarchism as well as frames associated with these concepts. Besides, the basis for a moral critique of the state is identified in the article.
Keywords: moral, politics, ideology, criticism of state, frame, concept, anarchism.

Bruns G.L. Anarchic Temporality. Writing, Friendship, and Ontology of Artwork in the Maurice Blanchet's Poetics

Summary: Geral L. Bruns — professor at the University of Notre Dame. In this essay the author explores the ontology of the work of art on the basis of Maurice Blanchot's ideas. Here the ontological question is the question of the reason — by what reason the work of art is possible? Heideggerian turn from the space into the time plunges the research into anarchic temporality.
Keywords: French philosophy of the twentieth century, the ontology of the work of art, anarchic temporality.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
Nostalgia Politics and Background of Personal Experience..... 6

NATIONAL AND REGIONAL CONTEXT

Shkaratan O.I.
Reproduction of Socio-Economic Inequality in Post-Soviet Russia: Dynamics of Living Standards and the Position of the Lower Classes..... 14

Gaman-Golutvina O.V.
The Metaphysical Dimensions of Transformations of Russian elites..... 38

RUSSIAN POWER: DESCRIPTIONS AND REFLECTIONS

Proceedings of Russian-Ukrainian Conference "The Russian Power and Bureaucratic State".
Report..... 54

Oleinik A.N.
Mass Protests in Context of Russian Power..... 118

Rats M.V., Kotelnikov S.I.
State, Power, and Society after March 4..... 126

Bermus A.G.
Innovation Policy in Education as a Liberal-Bureaucratic Myth..... 132

TOWARDS THE 90th ANNIVERSARY OF M.K. PETROV

Tishchenko Y.R.
Originality of the M.K. Petrov's Work..... 138

Petrova G.D.
Letter to the Editorial Staff..... 143

Petrov M.K.
The Examination Did Not Take Place..... 145

ECUMENE

Derluguian G.M.
Abkhazia: a Summary of the Ethnic Conflict..... 182

Berlyavsky L.G.
Political Processes in Region of The Middle East: The Current Stage Problems..... 197

MORALITY AND POLITICS

Potseluev S.P., Konstantinov M.S.
Moral Frames of Political Ideologies: Basic Concepts and Research Methodology..... 206

Makarenko V.P.
Moral Concepts of Political Ideologies: the Specificity of the Conceptological Approach..... 212

Konstantinov M.S.
Ethics of Care in Feminist Political Philosophy..... 228

Nikolaev I.V.
Sources of Moral Criticism of the State of Anarchism..... 244

TRANSLATIONS & COMMENTS

Bruns G.L.
Anarchic Temporality. Writing, Friendship, and Ontology of Artwork in the Maurice Blanchet's Poetics..... 251

Our authors..... 267

Summaries and keywords..... 269

Contents..... 273

Notes for contributors..... 275

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции politconcept@mail.ru, konstantinov@sfedu.ru (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объемом не более 1,5 п.л. – 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученые степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу – 2 см, справа и слева – 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски постраничные (не концевые!) автоматические. Нумерация начинается с цифры «1». (Просим не делать нумерации вручную с круглыми или квадратными скобками!).

6. Текст сносок оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Название работы. – Город: Издательство, год издания. – С. … ;
Фамилия И.О. Название статьи // Название журнала. – Год. – Номер. – С. ... .